

Валерий Большаков

Другие правила

OCR Fenzin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132851

Большаков В. Другие правила: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; М.;

2006

ISBN 5-17-032656-4

Аннотация

Утопия, наконец ставшая реальностью! Нанотехнологии и геномика на самом деле изменили мир. Нет ни армий, ни войн, ни убийств, ни смертной казни... максимум – «промывка мозгов».

Рай? Ад! Потому что в привилегированную касту «работающих» входит лишь каждый восьмой землянин. Потому что в комфортабельных «гетто для неработающих» уже появился новый лидер, зовущий себя Локи и готовящий кровавый мятеж.

И первый удар повстанцев, которые известны под именем «Пурпурная Лига», принимает проект «Марс» – программа колонизации и освоения Красной планеты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	64
Глава 4	78
Глава 5	94
Глава 6	107
Глава 7	127
Глава 8	139
Глава 9	148
Глава 10	162
Глава 11	182
Глава 12	198
Глава 13	215
Глава 14	241
Глава 15	265
Глава 16	282
Глава 17	291
Глава 18 МАРС, «БОЛЬШОЙ СЫРТ»	301
Глава 19	324
Глава 20	338
Глава 21	351
Глава 22	364
Глава 23	392

Глава 24	405
Глава 25	425
Глава 26	442
Глава 27	451
Глава 28	464
Глава 29	481
Глава 30	507
Глава 31	543
Глава 32	563
Глава 33	579
Глава 34	596
Глава 35	608
Глава 36	625
Глава 37	640
Глава 38	647

Валерий БОЛЬШАКОВ

ДРУГИЕ ПРАВИЛА

Глава 1

СЕВАСТОПОЛЬ –

АФРИКА – ТРАНЗИТ

– Все в стратолет!

Приказное эхо загуляло рикошетом по казарме, потом громкоговоритель бодро задудел горном. Тревога! Под толчком разгорелись квадраты светопанелей – красных, зеленых, голубых, оранжевых, – разноцветными кусками выхватывая обширный зал. Оперативники, шлепая босыми ногами, убрали откидные верхние лежа, задвигали в стену нижние. И гадали: учебная тревога или боевая? Взаправдашний вылет или так, «в целях повышения боевого мастерства»?

Капитан Глеб Петрович Жилин скомандовал себе «подъем!», спрыгнул и мигом натянул мягкий комбинезон. Оглядел ребят. Самые проворные уже обулись и бежали за оружием, развешанным на стенах, а кое-кто только комбез надел. «Будут тянуть до последнего, – подумал Глеб ворчливо. – Бегай потом за ними...» Ворчал он, впрочем, по привычке, боясь перехвалить. Нормативы всякие не для его «чудо-бо-

гатырей». Даром, что ли, жилинскую опергруппу признали лучшей в Патруле? Вон как мелькают – не угонишься... «Как учили!»

Жилин повключал магнитные застёжки на сапогах, приотпнул, проверяя, ладно ли, и выбежал из воинского модуля на широкий утопанный двор. Посреди двора, присев на восемь полусогнутых опор, возжигал бортовые огни стратоплан Ил-1066 «Слейпнир»¹, прозванный ласково Кабачком – был «ильюшин» пузатеньким, кругленьким, нехищным.

Шел пятый час утра. Серое небо за Инкерманскими высотами подернулось розовым. Севастополь еще спал, но сизые корабли на Северном рейде уже поквакивали сиренами и разносили над водой неразборчивые мегафонные команды. Пахло чабрецом, полынью и водорослями. Сводным хором трещали цикады.

Жилин заскочил в туалетный блок, ополоснул лицо ледяной водой, пробудился окончательно и понесся к трапу. Оружия с собой он не брал – привык уже, что Сегундо сам обо всем позаботится.

Минуты не прошло, а все уже были на борту – сто двадцать молодцев, «большая сотня» по-старому, опергруппа в полном составе. Жилин топал на свое место, в который раз чувствуя себя учителем, входящим в класс. Для школьника

¹ Слейпнир – летучий восьминогий конь бога войны Одина (у русов – Водан). – Здесь и далее примеч. автора.

учитель – божество, всеведущее и всемогущее, и надо быть в ладу с детскими представлениями. Постоянно. Никогда не срываясь, не обманывая ожиданий. А в Патрульной службе еще похлеще, чем в школе. Оперативники, десантники, летуны, мариманы – они ж не просто сослуживцы, не друзья даже – побратимы, как когда-то в достославные времена викингов и варягов. Массовые армии выветрили былой дружинный дух, теперь он снова в силе. А и то сказать, нынче во всем Патруле бойцов столько наберется, сколько допрежь в хорошей дивизии числилось. Зато уж эти – самые отборные, любой опер прежней роты стоит. А Жилин – командир. Вождь. Хевдинг. Первый среди равных. Самый-самый-самый. Трудно казаться богом...

Из грузового отсека вынырнул Сегундо – черный робот с двух коленчатых ногах, похожий на огромного кузнечика в трауре. Протягивая Жилину пояс с кобурой, с ножнами, с карманом-аптечкой, кибер сказал монотонным голосом:

– В пистолет-парализатор и в электрорезак я вставил новые батарейки, в аптечке заменил просроченную ампулу биоблокады.

– Молодец, – рассеянно похвалил Жилин.

– Рад стараться, – по-прежнему монотонно ответил робот, удаляясь в грузовой отсек. Сзади кто-то хихикнул.

– Внимание! – послышался голос пилота. – Приготовиться!

Стратолет дрогнул, заревел, загрохотал, затрясся. Ото-

рвался от земли, поджимая восемь суставчатых лап. Двор за иллюминатором качнулся и поплыл вбок. Привалило тяжести. Северная сторона растекалась все шире, форты, дома, корабли в бухтах уменьшались, но их становилось все больше и больше. Показалось море, похожее в рассветных сумерках на стиральную доску. Скоро Севастополь почти полностью уместился в круге иллюминатора – двухмиллионный город-порт, раскинувший кварталы от Качи до Балаклавы. Потом все видимое расплылось в померклой стратосферной синеве, белые облачка вспушились далеко вниз, а с востока засветило солнце.

– Куда летим, командир? – спросил Аскольд Разумов по назвищу Лунат.

– Понятия не имею... – пробурчал Жилин. Его злило, что генерал до сих пор не объяснил задание. Ну хоть намекнул бы!

– На й-у-юг летим... – зевнул Олег Бурляев, прозванный Буром. – Тебе этого мало?

– На юг к пингвинам? – попытался уточнить Лунат. – Или на юг к крокодилам? Чуешь разницу, Зоркий Сокол?

– Сам такой... А тебе что, не все равно, куда удочку закидывать?

Пассажирский отсек грохнул – об увлечении Аскольда рыбалкой ходили легенды и складывались анекдоты. Жилин позволил себе улыбнуться – не все ж время каменеть, корча из себя идола на кургане...

– Капитан Жилин!

– Я!

С потолка отсека опустился визор на подвеске, развернулся экраном к Глебу и показал лицо генерал-лейтенанта Нелидова, гордое, резкое лицо – крепкие скулы, прямой нос, прозрачные глаза. На погонах с черно-золотым зигзагом тускло переливались по три звездочки треугольничком.

– Стандартная блок-ситуация, капитан, – начал генерал. – Блокада и зачистка. Слева по ходу от Нгоронгоро стоит деревня Лоолмаласин, там засели пурпурные, числом до тысячи, и с ними сам Локи. Этого брать мертвым...

Изображение на экране сменилось – появилась стереофотография какого-то гоблина, анфас и в профиль. Ростом с мальчика, огромный лысый череп, ручки-ножки хиленькие, но пальцы и ступни очень длинные. На плоском лице выделялись глаза – продолговатые, узкие, и зрачки, как у змеи, – прорезью. Локи. Основатель и бессменный глава «Пурпурной Лиги», вождь неработающего класса, психократ, подчиняющий чужое сознание. Сверхчеловек, сверхмыслитель, сверхэмоционал, сверхмерзавец. Андроид, потугами дурных евгеников запущенный в существование в секретном «ящике» и взявший себе имя зловредного и пакостного божка.

В конце 60-х, когда нанотехнология стала неотличима от магии, когда универсальные репликаторы, словно тяжело-весные волшебные палочки, превращали мусор в «продукты» и в «промтовары», пошло время Изобилия с большой

буквы и – гигантских социальных потрясений. Люди ж иначе не могут...

Подавляющее большинство активного населения выводилось из производственных процессов. Труд вообще переставал быть «общественной необходимостью», и людей обратно потянуло делиться на классы – на работников и неработающих. Локи, наверное, самым первым занялся серфингом на мутной волне конфликта между получавшими зарплату и теми, кому доставался «гарантированный минимум благ». Локи много говорил о «технологической контрреволюции», призывал сдерживать технический прогресс и указывал верный путь – к «медленной цивилизации». Его болтовне вяли. Оказали поддержку. Газеты захлебывались эксклюзивом, на все лады расписывая, сколько Локи зомбирова­л народу, всех подряд обращая в «вершителей»-слуг и в бойцов-«исполнителей». И разгулялся «пурпурный террор»... Громились лаборатории, изничтожались ученые, а зоны объектов научных групп кое-где порой превращались в зоны боевых действий. Проекты «Большая шахта», «Кристалл-2», «Марс» пихали цивилизацию под микитки, смыкали настоящее с будущим. Локи пытался рассечь эти смычки. На неделе пурпуры атаковали систему микропогодных установок в Восточной Африке, выстроенную по проекту «Аква». По человеческому хотению, по велению синоптиков, система проли­вала дождь или разгоняла тучи. Короче, хоронила в памяти значения слов «засуха» или «паводок». Локи же «Аква» поперек горла

встала. Исполнители успели подорвать две башни микропогодников – в Мбалагети и Олала – и стянулись в Лоолмаласин, где строилась синоптическая база-лаборатория. Требовалось изолировать зону ЧП, подобрать усыпленных пурпуров, пока их гиены не учуяли, и перебросить к передвижным селекстанциям на предмет фильтрации. По законам военного времени к «исполнителям-вершителям» применяют глубокое ментоскопирование в добровольно-принудительном порядке и точно выясняют меру ответственности и вид наказания. Кто-то отделается операцией на сознании и курсом «позитивной реморализации», кому-то вживят мозговой датчик и приговорят к постоянному психологическому надзору с активным воздействием на психику. А кому-то светит и решетчатая трансформация индивида по классу «А», то есть полная замена личности. «А ты не воруй!» И не причиняй смерти.

– Все ясно? – спросил генерал.

– Так точно.

– Вопросы есть?

– Никак нет.

Генерал засопел.

– Осторожнее там... – пробурчал он и отключился.

Жилин успокоился и оглядел своих. Опера были деловито-спокойны. Как истые вояки, они использовали минуты отдыха по максимуму. Кто знает, может впереди двое суток рейда, когда атака следует за атакой и даже моргать желат-

тельно пореже, чтобы не пропустить мелькнувшую цель?

Такие люди были всегда, подумал Жилин. Бойцы, ратных дел мастера. С самых пещер они стоят на страже, отбивают врагов, защищают свою родню, свой город, свое тридцатое царство, свою Планету. В кожаных штанах и с копьем из выпрямленного бивня мамонта. С мечом и в кольчуге. Со шпагой, в ботфортах и в брабантских кружевах. С кольцом и в стетсоне. С трофейным «шмайссером» и в обгорелой гимнастерке. С биопарализатором и в легкой броне с мускульными усилениями.

Княжеская дружина, лейб-гвардия, РККА, Советская Армия, Российская... Патрульная служба. Закончен ли этот ряд? Угомонится ли через сто лет человечество или войны будут призваны по-прежнему? Вряд ли отпадет нужда в этой древнейшей мужской профессии... Жилин устался на Кирку Хрусталева (сокращенно Хруст). Тот дремал. Хрусталева... Начинать городским, следил за порядком на киевских улицах. Занялась «Гражданка» № 2, подожгла союз стран со всех концов, и старший полицейский Хрусталева не утерпел – перевелся в Патрульную службу. Вместе с бригадиром Нелидовым штурмовал Новосибирск, ходил в рейды по Туркестану, устраивал блокаду Баку и Кенигсберга. Под командой Славина, тогда еще капитан-командора, очищал от пурпуров евразийские лунные базы – «Полярную» и «Луну-Главную». Жилин перевел взгляд на Даньку Киселева. Кисель – бывший глубоководник. Полгода водил танк-

батискаф по абиссальной равнине к западу от Восточно-Тихоокеанского поднятия, собирал катыши железомарганцевых конкреций, ломал сульфидные башни «черных курильщиков» и грузил всем этим добром подводные баржи-автоматы. Видывал и гигантских кальмаров, и на сокровища затонувшего корабля натыкался... Вторые полгода работал «на солнце», под пальмами искусственного острова Витязя, оператором на предприятии ПО (повышенной опасности) в системе «Продамет». Испарял конкреции в реакторной печи, прогонял металлический пар через селекторы и напускал его в кристаллизаторы – отдельно «нифе», отдельно цинк, медь, молибден, кобальт... И бросил все это – и глубины, и кальмаров, и смугляночек-вахине под пальмами. Променял странные железомарганцевые стяжения на железную дисциплину Патруля. На подвиги, говорит, потянуло... Жилин повернул голову направо. Федя Сегаль. Отслужил год в Патруле и поступил в Пермский университет. Выучился, сделался толковым наноинженером, получил назначение на завод матричной репликации, обслуживающий распределительную сеть Екатеринбурга, дослужился до старшего инженера синтез-комбината... и снова ушел в Патруль. Рассказывал, что хотел попасть в Службу Охраны правопорядка, но там такой конкурс... Решил годик перекантоваться в операх, а потом попробовать по второму разу, но затянуло, свыкся с тревогами и силовыми акциями, да и группа подобралась хорошая, жалко бросать...

Жилин посмотрел налево. А у Ляхова все предки по отцовской линии – офицеры. Отец – кавторанг в Береговой Охране. Дед был полковником Российской Армии, Абхазию отвоевывал в 2007-м, Крым брал в 2011-м. Прапрадед защищал Сталинград, а прапрапра... воевал в Добрармии. Правда, мать Генки спала и видела «сыночку» на сцене, во фраке пианиста, но «сыночка» обошел консерваторию вокруг и притопал в Военную академию.

Жилин откинулся в кресле и закрыл глаза. А кто ты, Глеб Жилин? Ты алкал совместить две свои склонности – к кибернетике и к справедливости, – и ты этого добился. Кандидат технических наук Жилин прошел Пятидневную, Сентябрьскую войны и такую долгую, стодневную, Вторую Гражданскую. Подпоручиком, поручиком, штабс-капитаном. На твоём организме оставили шрамы демилитаризации и «миротворческие операции». Но ты сам не знаешь, чего хочешь. Прибавляешь к отпуску премиальные недели и любовно обсасываешь какую-нибудь мелкую проблему из области экспериментальной кибернетики. Но добиваешь тему уже со скукой на лице – чувствуешь нехватку адреналина в крови, снова тебя тянет к опасностям, к великолепным переживаниям на грани между тем и этим светом... Так кто ты? Чего ты понастоящему хочешь? Зачем тебе Патруль? Сделать карьеру жаждешь? Так тебя уже Дважды хотели повысить – сам отказался занимать отдельный кабинет. Взыскуешь благ? Спишь и видишь себя академиком? Или просто не тех книг начи-

тался и ищешь приключений на афедрон? А ведь тебя предупреждали: Патрульная служба – это на 90 процентов нудота, на 10 процентов – работа, а приключения занимают ноль целых хрен десятых...

– Командир! – донеслось из пилотской кабины. – Выходим на цель!

– Понял! – Жилин поднялся и скомандовал: – Надеть брони!

Сто двадцать человек дружно встали и слитно отшагнули к боксам. Заученным движением Глеб влез в нижнюю часть легкого боевого спецкостюма. Руки сами хватали раскрытый «топик», похожий на задубевшую куртку, вывешенную сушиться на мороз, продевались в рукава, соединяли «верхушку» с «шароварами», защелкивали. Шлем – на голову. Кислородный баллон – в гнездо. Патрон регенератора – до упора, клапан открыть. Аккумуляторный пояс – в зацеп. Пистолет-парализатор – в держак. И – бегом на десантную палубу.

– По капсулам! Первая секция – пошла!

Громко топяя, первая дюжина оперов пробежала в хвост стратолета, боком проскальзывая мимо боевых капсул, сделанных в форме линз.

– Вторая пошла! Третья!

В командирскую капсулу Жилин вошел последним, устроился на ложементе, скупой усмешечкой ответил операм, скалящимся от избытка жизненных сил, и отжал фиксаторы.

– Цель захвачена, – прошло сообщение с боевых постов.

– Кормовой биопарализатор... – затянули в пилотской кабине. – Залп!

Тело у Жилина онемело, словно под общим наркозом, но скоро чувствительность вернулась – забегали мурашки. Обзорный экран расколото голубым парализующим лучом. Лоолмаласин была такой малюсенькой, что биопарализатор накрыл ее одним импульсом.

– Залп!

Н-да. *Tempora mutantur*. Сокрушить орду убийц, никого не лишив жизни! Уметь надо. «Проблему бескровного воздействия» все решали по-разному. Патрульные дирижабли Австралии, например, сбрасывали шашки с усыпляющим газом. Продвинутые евроамериканцы предпочитали стан-бомбы в оглушающем или иммобилизующем режимах. А Патрульная служба Евразии приняла на вооружение волновую психотехнику – тут мы впереди планеты всей...

– Боевым постам – дробь! – четко прозвучало в интеркоме. – Вернуть стволы в диаметрально плоскость. Внимание! Тридцать секунд до десантирования! Дать команду на закрытие переходного люка!

– Даю команду, – сказал Жилин. Транспарант «Внешний люк открыт» погас.

– Понял вас, – отреагировали в пилотской кабине. – Расстыковку разрешаю.

– Команда «Расстыковка» подана. Начать десантирова-

ние!

Толчок, рывок, и боевые капсулы одна за другой просыпались в необъятный синий простор. Зеленая саванна с лиловеющими горами и красными прожилками дорог накренилась, опрокинулась вверх и плавно скатилась на место.

– Идем по программе, – бубнил в наушниках голос Луна-та. – Маскировка включена, «антирадарка» работает.

На пульте вспыхнул транспарант «Признак „Спуск“».

– Все в норме.

– Выровнять строй, – приказал Жилин, – спускаемся «кольцом». Держать дистанцию!

– Есть держать дистанцию!

– Начинается забортный шум... Скоро пойдут вибрации.

– Перегрузка?

– Перегрузка три. Шум увеличивается. Вибрации тоже...

Ждем торможения. Всем приготовиться к высадке!

– Всегда готовы, – сказал Разумов и подмигнул вольноопределяющемуся Иловайскому. – У нас ушки на макушке, а в ручонках погремушки!

Ушли вверх облака, и на экранчике пульта открылся Серенгети – горы Банаги и Серонеры мстились совсем крохотными, с краю видна была Ленгаи, «гора господня» в переводе с масайского, а с другой стороны светилась серебристая полоса озера Укуруве. Жилин почувствовал резкий прилив тяжести.

– Есть торможение! Высота пятьсот метров... Триста мет-

ров... Сто... Внимание! Сработали двигатели мягкой посадки!

Скакнула перегрузка, затемнив глаза, и капсулу резко ударило под днище. Ничего себе мягкая...

– Начать блокирование зоны! – отчеканил Жилин. – Пошли!

Сегментный люк отвалился трапом, и вся секция побежала вокруг капсулы, занимая круговую оборону. Левее и правее, выдвинув тонкие опоры, взяли в красном латерите капсулы Хруста и Бура. Закамуфлированные киберразведчики мчались по широким спиральям, высматривая опасность. Проявившись полупрозрачными чечевицами, с неба упали большие грузовые капсулы. Глухо загрохотав, вытянули до самой земли трепещущие факелы оранжевого огня. Мягко просели, выпустили шасси и скрылись в туче красной пыли. По откинувшимся сегментникам выкатились на гусеницах объемистые, мощные боевые киберы типа «Вий». Мгновенно перекрасившись по варианту «Саванна», «Вии» окружили деревню, и миниатюрный пульт управления у Жилина на обручье запестрел сигналами готовности.

А вокруг была Африка, цвела бешеным разноцветием, купалась в солнечном горении и пахла – горько, надсадно, одуряюще. Зелено-дымная саванна звенела, дышала, бурлила жизнью. Совсем рядом с командирской капсулой выпирал из земли массивный, чудовищной толщины ствол баобаба-мбуйу, невысоко распадаясь множеством огромных узло-

ватых сучьев. Оплывшие бока гиганта были исчерчены бивнями слонов-тембо. Эти стояли рядышком – спины заляпаны птичьими кляксами, на боках светлые полосы царапин. Выдрав пучок травы с корнем, слоны околачивали землю о бивень или ногу и пихали в рот. Из-за кустов терновника и перистых ветвей казуарин выглядывали рога антилоп. Винтообразные, соображал Жилин, это куду. Отсюда не видно – большой или малый. Лировидные украшали импал, а ориксы покачивали рогами-«шпагами». Косматая гну, опустив к земле лошадиную морду и по-коровьи взбрыкивая ногами, запылила в тень тамаринда, спугивая желто-черно-белую газель Томпсона, по-простому – «томми».

На ветвях акаций, подле своих перевернутых гнезд, гомонили, качаясь вниз головой, ткачики. Леопард-чюи искусно прятался в развилке раскидистой сейбы, но его выдавал свесившийся хвост – он слегка подергивался, «кошке» снилась «мышь».

За сухим руслом речки, изрытым «слоновыми колодцами», пылилось давно не сеянное поле-шамба. Последние рядки подходили к боме, изгороди из срубленных колючих кустов, обносящей по кругу Лоолмаласин – нищую деревушку, убогую и вшивую, но с фаллическим силуэтом минарета над соломенными крышами.

– Выдвигаемся, – скомандовал Жилин. Крайний слон, обсыпавший себя пылью, вдруг оставил это занятие и встопорщил уши, неуверенно поднимая хобот – юркие киберразвед-

чки, похожие на огромных богомолов, пугали серого великана. Жилин отозвал скибров. Слон похлопал ушами, подумал и вернулся к «банным процедурам».

– Строимся «клиньями»! – сказал Жилин. – «Вии» прикрывают тыл и фланги!

Шаг за шагом подкрадывались опера к деревушке, тошнотворно неопрятной, смрадной, унылой, с тучей ревущих мух, подкрадывались не к базе, не к лагерю – к загону, запакощенному, пыльному, заставленному круглыми хижинами, обмазанными навозом пополам с глиной, нездоровому, угрожающему, душному и чадному, полному одуревших тощих коров и злых людей, все никак не желавших сложить оружие и упорно продолжавших вредить... и вести свою бессмысленную войну... и убивать, убивать, убивать...

Главную улицу, пыльную и замусоренную, перегораживал полосатый бронеход пурпуров, зализанный, со свернутым набок метателем. Из люка свешивался усыпленный исполнитель в черном комбинезоне, перепачканном известкой. На широкой гусенице почивал, пуская слюни, вершитель в белом, измаранный копотью. Пахло гарью и раскаленным металлом.

– Нечетные секции чистят, – распорядился Жилин. – Четные патрулируют. Бур, погрузчики где?

– Ща причапают!

– Давай быстро...

Все деревенские лежали в лежку – исполнители, верши-

тели, босые масаи в заношенных куртках из тетраткани, дородные негритянки, бритые наголо и с уймищем бус на шеях. Стандартная блок-операция. Все было как в том месяце, как в том году – десантные капсулы приземляются, охватывая зону ЧП плотным кольцом блокады. Выскакивают бравые опера, рассыпаются по кривым, вонючим закоулочкам, и уже слышны горячие выхлопы пистолетов-парализаторов, и бравые киберпогрузчики хватают обездвиженных пурпуров и тащат их, словно черти, влекущие во ад души грешные, и бравый капитан Жилин выходит на рыночную площадь. Лощеный, подтянутый, высокий, широкоплечий и узкобедрый – краткими отрывистыми фразами он отдает приказания... И совершенно по-дурацки, сиволапо и срамно, попадает в засаду.

С минарета, с той площадки, откуда муэдзин скликает правоверных на молитву, вдруг забил лазер-мегаваттник. Фиолетовый луч бил часто и прицельно – старшего оперативника Ляхова он прожег насквозь, еще и полосатый танк продырявил, насадив человека и машину на вертел сверхсолнечного огня. Лопнула пробитая цистерна с протухшей водой и расплескалась ржавым кипятком. Мощным фугасом рванула заправка с корявой надписью «Hidrogen mixt», рухнула стена, кирпичи облились скворчащей глазурью.

– «Виям» – по минарету! – заорал Жилин. – Огонь!

Ансамблем провыли лучеметы, и струи высокотемпературной плазмы слились в лиловый клуб. Ветхая башня не

выдержала – посыпалась пыль, большущие куски штукатурки полетели вниз, оголяя кладку. Минарет стал тяжело оседать, словно проваливаясь под землю, и густая пыльная туча закутала площадь, гася и свет, и звук. «!.. – рычал и матерился Жилин. – Чтоб я еще раз связался с... летунами! Облучили, называется!»

В клубившемся рыжем облаке затыкал крупнокалиберный пулемет – и где только инсургенты откапывают подобное ржавье? Тяжелые разрывные пули не прошибали боекостюм, но бойца метров на пять отбрасывали. Длинные очереди трассирующими скрещивались и расходились, перегрызая столбы навесов, разрывая обездвиженные тела – и своих, и чужих. И вдруг грохот и визг пальбы пропал, и трассеры погасли, и ПП – табельные пистолеты-парализаторы – перестали прыскать тускло-голубыми лучиками. Чувство провала, несказанно мучительное ощущение падения в бездну, придавило сознание. Глебу казалось, он вскипает и испаряется, распадаясь на клеточки в гибельном холоде и в ужасающем мраке...

Жилин вынырнул из нави, непонятно как возвращая целокупность телу, неизвестно чем отыскивая ориентиры, утраченные рассудком. Злым упрямством, быть может? Ноги подкосились, он упал лицом в истоптанную, унавоженную, липкую красную глину – и разбил нос об лицевой щиток. Очухался и отжался. «Что это было? – вяло подумал Жилин. – Похоже на психоатаку... Словно попал под удар

гипноиндуктора...»

В оседающей пыли к нему шел человек – маленький совсем, «полтора метра с кепкой», но с громадной головой, как на детском рисунке, и с глазами змеи. Локи! Жилин испытал внутренний нервный взрыв и содрогнулся от удивительного, оргастического удовольствия. Однотонные мысли замкнулись в цепь, а в пустой голове зазвучал высокий, холодный голос: «Повинуйся, слуга!» Напрягшись до слома, Жилин сложил три буквы: «Нет!» – «Подчинись моей воле!» – «Нет, я сказал!» – «Клянись в верности!» – «Фиг!»

Непослушной рукой капитан Патруля выцарапал из кобуры ПП и открыл огонь. Перед глазами мерцание, ствол дрожит и расплывается. А синие лучики никак не могли попасть, били и били в пыль, лишь случайно зацепив ногу Локи. Хромая, психократ отступил. «Типа герой!» – снасмешничал голос. Локи сорвал что-то с пояса и швырнул Жилину под ноги. Мина-паук! Блестящий шарик, размером с бейсбольный, выпустил проволочные лапки, пробежал с полметра и прыгнул... Сегундо скакнул наперерез, но его отбросило взрывом.

Расколосось небо. Земля закувыркалась в огненной свистопляске. Нечеловеческая сила разодрала на Жилине спецкостюм и оторвала обе ноги, вывалила в красную латеритовую грязь сизые кишки, хрястко изломила спину... Страшно. Кто-то знакомый, размазывая по щекам слезы, сажу и кровь, запихивал Глеба в стандартный реанимационный

бок. Голос в наушниках: «!.. Где стратоплан, я спрашиваю?! Живо сюда! Командир ранен!»

Чьи-то руки помогали уложить как надо жалкий человеческий обрубок в горелом камуфляже. И докатилась боль – резучая, нылая, палящая боль, и Жилин провалился в цветущую пустоту...

В Новгороде Великом есть улицы Розважа и Прусская, Рогатица и Людинцева, через Волхов перекинут Великий мост, а ниже его тянется набережная Буян.

Москвичи ходят по Остоженке и Садовому кольцу, живут в Хамовниках, а работают в «Останкино». А Одесса? Ланжерон и Аркадия, Дерibasовская и Портофранковская, Французский бульвар, Молдаванка, Пересыпь, Привоз! Это не топонимы. Это музыка.

Целые поколения складывали их, веками держались, и оттого они особенны и неповторимы. От каждого такого названия веет давнопрошлой жизнью – дымком и парком русской бани... запахом смолистых досок... парным молочком... смородиновым листом, растертым в пальцах... Не всякий город мог с давности хранить в памяти людской похожие знаки, выделявшие его из прочих человеческих селений, подведенных, увы, под общий знаменатель стандарта. Севастополь – смог.

Катерная, Шестая Бастионная, Якорный спуск, улица Камчатского люнета. Звучит ведь! А Графская пристань?

Апполоновка? Корабельная сторона? Артиллерийская слободка? Чувствуете, как окутываются парусами линкоры и пароходофрегаты? Как грохочут бомбарды, как лупит картечь по оранжевой черепице, сшибая ветки с кипарисов? Как шумит море, перелопачивая гальку? Как шелестит отбегающая волна – Севастополь...

Капитан Жилин думал об этом, и ничто другое не занимало его мысли. Иногда, правда, память открывала видение... Африка... Зеленая трапедия Нгоронгоро... Огонь, боль, нескончаемые ночи в госпитале...

Жилин поморщился и мотнул головой, будто отгоняя тошное воспоминание. Не нужно было возвращаться в прошедшее, не нужно... Да разве память приневолишь? Вон что вытворяет, гадина... Ладно, хватит об одном и том же. Можно же хоть недолго просто так походить, полюбоваться видами, а в Севастополе есть на что посмотреть.

Глеб поднимался по извилистым лестницам со стертymi ступенями из ракушечника – «трапам», как их называли севастопольцы, – вставал на парапет, шарил взглядом и обязательно находил синее море. Выбирался узкими проходами среди ракушечных стен на солнце – и встречал глазами морскую синеву. Море, корабли, Херсонес, поднимаемый из руин, бастионы... Хороший город.

Ну где еще такое можно увидеть? Оранжевая пластмассовая черепица и темная глянцевая зелень кипарисов... На фоне синего, как стратосфера, моря. Стены домишек из бе-

лого инкерманского камня сливаются с белеными каменными заборами, над которыми висят на жердях виноградные лозы. Калитки глубоко врезаны в каменистые изгороди, а рядом вмурованы черные ядра. Еще бы убрать голубые ящички пневмопочты у калиток и конусы энергоприемников на крышах, и можно представить, как тут было во времена «Очакова и покоренья Крыма».

Жилин шагал по плиточной мостовой, ведомый капризом: вот заросший дреком обрыв с лестницей-трапом. Спускаемся. А вот тут вековые каштаны бросают трепещущую тень. Постоим. Нагулявшись, он свернул направо, к лестнице Крепостного переулка. «Трап» уползал вверх вдоль желтой стены с бойницами – все, что осталось от Седьмого бастиона. На верхней площадке Жилин остановился. Отсюда хорошо был виден купол Владимирского собора, выглядывали стеклянные откосы небоскребов у Камышевой бухты, кружева стальных автострад и легкие, с виду даже хрупкие, горбчатые мосты, переброшенные с Южной стороны на Северную.

Жилин посмотрел на часы – третий час... Но полчаса еще можно побродить.

– Добрый день, Глеб, – послышался знакомый голос.

Жилин удивленно обернулся. На теплых камнях стоял его Сегундо.

– А ты-то здесь откуда?

– Начальник санатория для тяжелобольных, военврач 2-го

ранга Копылов Владимир Кириллович, – монотонно заговорил кибер, – приказал найти вас и передать, что он до 15 часов 25 минут будет находиться в Константиновском форте.

– Понятненько... – Жилин глянул на часы. Ладно, за пять минут не надышишься. – Пошли тогда отсюда.

Поймав такси, капитан поиграл клавишами маршрутизатора и устроился поудобнее, вытянув ноги и положив руки на спинки сидений. Поехали... За прозрачным колпаком машины искажались, уплывали назад стеклянные, белые, разноцветные дома; затеняли яркий свет солнца курчавые парки и садики.

Извилистыми и запутанными улочками такси перевалило вершину холма и покатило мимо старых бастионов. Вросшие в землю лафеты. Зеленые брустверы. Пузатые бомбарды. Синее море в амбразурах.

Народу не сказать, что много, но все как сговорились – щеголяли в нарядах ярчайших и незамысловатых. Модно раздетые девушки прогуливались в золотых плащиках или в блестящих, как ртуть, накидках. Бесштанная команда загорелых мальчишек лазала по горячим карронадам, отполированным коленками и задницами. Попадались навстречу полуголые отроки в серебристых шортах и в сандалиях на босу ногу. Молодые дамы уж какой сезон подряд носили широкие, выше колен, юбки и что-то вроде тугих корсажей, поддерживающих низко открытую грудь. Хотя... Кто их знает, этих дам? Молодость – понятие растяжимое. Женщинам

могло быть и тридцать, и семьдесят. Вон, у фонтана, гуляет мадам с ребенком (дитя – на руках у робота-няни). И кого же мадам тетешкает? Кому делает «козу»? Сыночку или правнучку? Поди сейчас разберись...

Мелькали кипенные галабийи, лиловые хламидки, мини и макси; качались синие чалмы, красные фески, белые панамы, соломенные брыли... Карнавал. А покинь прохладный салон – и тебя закружат вихорьки разноязыких лексем, заметет веселая болтовня, где пересыпаются, словно конфетти, «якши» и «о'кей», «са ва?» и «коннити ва», «шалом, Иван!» и «здоров, Наум!».

Такси вильнуло в сторону и притормозило, пропуская колонну людей, с головы до ног закутанных, замотанных, закукленных в белое и несвежее. Они несли хоругви и тщились придать сытенным лицам вид кроткий и благостный. «Вроде ж взрослые люди, – поморщился Жилин, – а верят во всякую ерунду! Лишь бы не думать...»

– Каждый сходит с ума по-своему, – заметил он вслух.

– Не понял, – отреагировал Сегундо.

– Это я не тебе.

– Понял...

Машина тронулась и погнала дальше. Прокатилась по Большой Морской, мимо «дома с шариками» (по мягким изгибам стекол побежали узорчатые тени гигантских платанов и тополей), мимо Матросского клуба, имеющего сходство с центральным павильоном ВДНХ, вынеслась на Корабель-

ную набережную (покидая бухту, клонил белоснежную громаду парусов четырехмачтовый барк «Замора», покачивали мачтами океанские яхты, рейсовая субмарина плугом взрезала воду). Рывкнув мотором, такси взлетело на стрельчатый мост. С него лучше стал виден Северный рейд, зажатый желтыми крутыми берегами. Сейчас в воде у причалов отражалось всего два остроносых корабля – ракетно-лазерные крейсера «Измаил» и «Кагул». Весь флот в разгоне. Авианосец «Генерал Алексеев» еще с вечера ушел на базу ЧФ в Алеппо, туда же вроде собирался катамаран «Генерал Корнилов». Крейсер «Аскольд» в Николаеве, чинится. А «Корфу» с «Цериго» вообще неизвестно, где сейчас... К «Измаилу», как малышня к воспитательнице, жались крепенькие белые катерки Береговой Охраны и патрульные яхточки спасателей. Хоть что-то... В Петропавловске и этого не увидишь – одни самоходные подводные баржи качаются у причальных стенок да один-два молочных танкера с китовых ферм.

Вход в Северную бухту стерегли два могучих форта – Константиновский и Александровский. Их мощные бастионы, сложенные из серо-желтого крепчайшего крымского известняка, прорезались двумя ярусами широких амбразур.

– Поезжай в Константиновский, – велел Жилин.

– Принято, – сказал автоводитель.

Раскрутившись на съезде, плавно развернувшему свои витки в улочку, стелящуюся вдоль выщербленных, песочного цвета стен рavelина, атомокар покатыл, огибая форт, и за-

вернул в темный арочный проход с воротами из решетчатого чугуна. Ворота стояли, распахнутые настежь – был уже конец рабочего дня, офицеры и матросы переодевались в партикулярное и разъезжались по домам. Оставались дежурные и те, кто был одинок, а кого-то еще держала работа.

Посреди полукруглого двора, мощенного каменными плитами, со свечками пирамидальных тополей у входов в казематы, стоял тяжелый птерокар класса «Гриф», принадлежащий медслужбе корпуса. Под сложенным крылом сидел на корточках военврач Копылов, пухленький и румяный, и с увлечением разглядывал листики подорожника, пустившего корешки между камней.

Жилин подошел к добрейшему Кириллычу – тот уже улыбался ему и ласково кивал – и отдал честь.

– Господин военврач 2-го ранга, по вашему приказанию прибыл.

– Да ладно... – засмутился Владимир Кириллович, – я же так, просто... Знаю, что в кабинете вам... хм... не очень-то. Гуляли?

– Так точно, – ответил Жилин, – гулял. Раньше я и не заглядывал на Южную сторону – все бегом, все некогда было...

Раньше... Жилин насупился. Раньше он постоянно пропадал в гарнизоне, со своими «мордоворотами», всегда в веселом напряжении, а дадут команду: «Всем в стратолет!» – бегом бежал на борт и только в воздухе узнавал, куда их выбрасывают на этот раз – месить грязь в парных джунглях или

коченеть среди отполированных бурями нунатаков... То было раньше. А теперь...

– Глеб Петрович, – осторожно сказал военврач, – вам совершенно необязательно увольняться из Патруля. Конечно, в десант вас никто не пустит, это ясно, но... вы очень даже годны для штабной работы! Ваш опыт...

Глеб улыбнулся и пожал плечами.

– Владимир Кириллович, ну какой из меня штабист? Сами подумайте. Я ж там на паутине удавлюсь или утоплюсь в чернильнице! От скуки! Ну, не привык я по паркетам шаркать! И штаны протирать тоже не хочу, пусть даже и с широкими лампасами. Мое дело – заложников освобождать, паразита какого-нибудь за жабры брать, а не исходящие регистрировать!

Военврач грустно покачал головой:

– И куда вы теперь?

Жилин в затруднении поскреб в шевелюре.

– Думаю уйти в проект «Марс». Заявление я еще в том месяце подал. Сейчас вот вызов пришел. Съезжу в Новгород, узнаю, что там и как...

– И правильно! – с жаром сказал военврач. – Марс – это то, что надо, лучше не придумаешь! Документы ваши готовы уже, будет нужно – пошлете запрос в Центральный Государственный Информаторий – они там все должны быть. Допуск у вас сохранился? Ну, вот видите, как хорошо! Да, а выписку я вам оформил уже, и на увольнение... – Копылов

улыбнулся. – Генерал ваш еще и накричал на меня, не хотел отпускать вас... Но побушевал-побушевал и подписал – куда денешься?

Жилин представил себе генерал-лейтенанта Нелидова – гвардейского роста, поджарого, с зычным голосом, с откинутым на затылок беретом, порывистого, властного, резкого, нетерпеливого... и как он костерит бедного Владим Кириллыча... и сам страдает от собственной грубости. Краснеет, злится, нервничает...

– Да, вот еще что, – припомнил Копылов. – Вас поставили на учет в Московском институте регенерации... Ну, вы понимаете... И хотя бы раз в три года вам нужно будет там появляться для профилактики. Строго обязательно!

– Слушаюсь!

– Не подведете?

– Никак нет! – Обычные чеканные речения выговаривались сами собой, по памяти, и оставляли горький привкус на губах. А может, это просто запах полыни, занесенный ветром?..

– Разрешите идти?

– Идите... Да давайте я вас подвезу! Вам куда?

– Да мне аж до Аэро-Симфи... Не ближний свет.

– Подумаешь! – фыркнул врач. – Садитесь!

Глеб махнул рукой:

– Ладно, уговорили! Сегундо, полезай в багажник!

– Приказ понял, – сказал кибер и разлаписто полез в люк.

Глеб поставил ногу на согнутую опору и, прислушиваясь к себе, ожидая, что будет болькотно, запрыгнул на сиденье. Ничего. Нигде не резануло, не натянулось, не засвербило. Конечно, ловкость уже не та, что была. Ослабел организм. Ну так вчера ж только выписался! Не все сразу. И вообще – хватит уже ныть! Ну кончилась его служба, так и что теперь? Из жизни-то его никто не увольнял пока! Может, все еще и к лучшему? Теперь он по крайней мере свободен. Займется, уже по-настоящему, кибернетикой, допишет докторскую... И с Маринкой будет теперь постоянно, а не так, как раньше – по великим праздникам. И ей переживать за него не придется. А космос?! А Марс?! Да господи, что там говорить! В мире столько кудес и диковин, и он так велик, что любую почти утрату способен возместить с лихвой!

– Пристегнитесь!

Глеб опустил фиксаторы. Птерокар оттолкнулся суставчатыми опорами, подпрыгнул, взмахнул крыльями и, перекособочась, стал набирать высоту. Шатко кружась, ушел вниз равелин в виде подковы, повторяющей очертания мыса. Михайловский форт выглядел в плане широкою «П» с закругленными углами, продолженными башнями. Крутые берега обсыпались блесотью белых домиков, как булка с гамбургером – семечками кунжута. Засверкали и запереливались бликующие окна, бухта отразила белый суперлайнер, слоистый от множества палуб. Приблизились и легли под крыло Мекензиевы горы. Хотя какие это горы? (Глеб припомнил

Гималаи.) Так, горюшки. На ум пришла аналогия с пожамканными беретами десантников. Но все равно – красиво... Поплыли благодатные зеленые долины с отелями и виллами вразброс, крохотные поселочки и фермы, бархатные кольца насаженных лесов и черные квадраты челночных пастбищ.

Глеб загадал, что все будет хорошо, если он еще раз увидит море. Крылья машины замерли. Несомый теплыми воздушными течениями птерокар с шелестом описал круг, и вдали, морща соленую влагу, перебирая сизый глянец, поднялась волнистая поверхность, подмигнула высверком: «Все путем, командир!»

Глава 2

ЕВРАЗИЯ, НОВГОРОД

Прибыв в столицу, Жилин не стал связываться с вертолетами, птерами и прочими летательными аппаратами, а дошагал до станции старого доброго метро и спустился на старый добрый перрон.

Если подумать, он никогда и не был особенно падох до всего нового и прогрессивного и птерокаром пользовался лишь по тревоге или по нужде. Ну, не приохотился он ко всем этим винтам и крыльям, что ж тут делать! И высоты не любит. Терпит только. К тому же, когда болтаешься в воздухе, все твоё внимание уделено машине. В небе ты – пилот, и это мешает думать. А вот думать Глеб Жилин как раз-то и любит – соображать, размышлять любит, просто фантазировать, и чтобы ничего не отвлекало, не дергало, не требовало участия. А придет тебе в голову рефлексия, когда ты под облаками выкрутасы всякие выделяешь, фигуры высшего пилотажа крутишь? То-то и оно. Не-ет, лучше уж он по старинке дотрюхает, пусть даже лишних минут десять уйдет...

Жилина мягко толкнуло воздухом, теплым и словно наэлектризованным. Возник и заскользил по стене белый убегающий свет. В нарастании свистящего гула и огней из полукружия туннеля вылетела стеклянная сигара головного ва-

гона, замельтешили в окнах лица, прически, шляпы, яркие пятна одежд – и упруго задренчали тормоза.

Из-за разъехавшихся створок донесся ясный голос:

– Станция «Розважа». Пересадка на Неревско-Славенскую линию.

Человечий прилив хлынул на платформу, закружил между круглых пилонов, выложенных яшмой, загомонил, затопал и растекся по переходам, унесся на эскалаторах – вверх, вниз, в стороны...

Жилин вошел в хвостовой вагон и присел на узкий диванчик, изогнутый подковой вместе с закругленной задней стенкой.

– Осторожно, – бархатисто молвил автомашинист, – двери закрываются. Следующая станция – «Чудинцева».

Створки с шелестом сошлись, моторы застонали, все выше и выше поднимая вой. За окном проплыли выпуклые, горячей медью выложенные буквы – Р-О-З-В-А-Ж-А. Еще одно название станции проступило расплывчатой скорописью, а последнее и вовсе промелькнуло, сливаясь в золотую тень. Чернота туннеля заглотила поезд, как блесну, мягко закачала его, замигала яркими огоньками, погнала бледные отсветы по гладкой полосе монорельса. Как гнала их и 10, и 20, и 30 лет назад. Вот за это Глеб и любил Новгород – за некую продленность былого. За ностальгическую провинциальность. Москва, увы, подрастеряла эту цельность и связность времен. Вознесясь в «центровые», златоглавая отъ-

елась, приобрела блеск и царственность... вот только звон колоколов все чаще терялся среди пышных архитектурных форм, тихо гас в бесконечных кварталах. Прогресс, что ж делать... Лет пять назад Глеб подумывал переехать в Новгород насовсем, поближе к Маринке, да так и не собрался. Ограничился дачей в Лесном поясе, на берегу Ильменя. И правильно. А то привык бы потом, и праздник, который иногда с тобой, превратился бы в вечный понедельник...

Стало светлеть, и блестящие сигары поезда с воем вырвались из туннельного сумрака на стальную эстакаду. Навалился парк, охватил непричесанными верхушками сосен, курчавыми гривами дубов и отвалился. Распахнулась аллея с фонтанами, с белыми, синими, золотыми павильонами и киосками, Змеистым зеркальцем ушла назад речушка. «Гзень? – подумал Жилин. – Или она с того берега? Надо же, забыл...» Навстречу поезду посыпались какие-то клумбы, альпинарии, газоны, карусели с качелями, повалила гуляющая публика, заскакала расфуфыренная мелюзга, пошли шнырять многочисленные киберуборщики.

Вагоны вкатились, утишая свой бег, под стеклянные своды станции и остановились.

– Станция «Чудинцева». Переход на станции «Нутная» и «Рогатица».

Было хорошо видно, как бабушки с внуками, молодые папы с малышкой на плечах, «большеенькие» братики, ведущие за руку младшеньких, поднимались в прозрачных трубах – в

вертикальных колодцах лифтов и по наклонным шахтам эскалаторов, – как они суетились, сердились на непослушных, внушали и одергивали, хлопотали, боясь потерять, и спешили поскорее занять места. На сквозистой стене висела, еще с Олимпиады, панорамная панель: «Добро пожаловать в Новгород!» Панель была погашена, и казалось, что олимпийский талисман – млевший от счастья медведь – лез обниматься из-за толстого, пыльного стекла.

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – «Буянная».

Жилин вышел на «Яневой». Пересек скверик и осмотрелся. Первое, что бросалось в глаза, это обилие зелени. Новгород Просто тонул в зелени и млеял, как девица, принимающая ванну – по шейку в изумрудной пене. Из облаков зелени выходили ажурные ярусы движущихся тротуаров, бросали на площади-цветники рисунчатые тени и снова уходили в облака зелени. В широких, тенистых аллеях вымахивали стройные здания, а с плоских крыш вспархивали птерокары – красные и белые, серые и золотистые; всякие – от маленьких двухместных «кузнечиков» до тяжелых «семейников» класса «медуза».

Зеленая Янева встретила Жилина тихим, спокойным многолюдьем. Толпы народу, казалось, неспешно прогуливались, как где-нибудь в сельскохозяйственном городишке, без толкотни и давки. Новгородцы и гости столицы раскланивались со знакомыми и не очень, занимали столики в кафе

под яркими тентами, читали газеты на лавочках, разговаривали и смеялись, на людей смотрели и себя показывали. Жилин бросил взгляд на радиобраслет с часиками – ему было назначено на одиннадцать, а уже без восьми. Пора.

Здание Комитета по Делах Космоса было 15-этажное, зеленое с желтым. Чистенькая площадь перед ним, выложенная разноцветными плитами, была заставлена атомокарами, наполовину – официального черного цвета.

Пружинистой, скользкой походкой Жилин перешел площадь и поднялся в вестибюль присутствия. А народу-то... Молодежь одна, парни и девушки. Все, как на подбор, в коротких, широких штанах и цветных блузах навыпуск. Это у них возрастное. Коллективное бессознательное. Молодежная мода заразна, она вроде поветрия: переболевают все и разом. Вошли в моду «пифагоры». Все, через неделю полгорода в них. И модная одежда уже смотрится как форменка. Вкус появляется позже...

Молодежь толпилась перед громадными экранами, в коих, словно на стендах, висели списки добровольцев, прошедших по конкурсу проекта «Марс». Галдеж стоял страшный.

– Лукашин! – выкрикивал кто-то из впередистоящих.

– Здесь! – орали из толпы.

– Прошел!

– Ух, ты!

– Круглов!

- Я! Я!
- Нету тебя!
- Как нету?! Должен же быть! Вы что?!
- Ну, нету если!
- Ну что за гадство...
- Судьба!..
- Дальше, дальше!
- Чэнси!
- Здеся он!
- Так... Прошел!
- Оу, грэйт!
- Луценко... Луценко!
- Луценко есть?
- Туточки я!
- Прошел!
- Да ты шо?!
- Ховаев!

Жилин протиснулся к экранам и поискал свою фамилию. Она там была – на самом видном месте: «Жилин Глеб Петрович, кибернетист, канд. тех. наук».

– Прошел? – завистливо сказал кто-то за спиной.

– А як же! – Усмешка чуть тронула плотно сжатые губы Жилина. – Ясно дело...

Он выбрался из шумной толпы, обступившей экраны информаторов, и зашагал в приемную. Лицо его, длинное и холодное, посеченное шрамами, ничего особенного не выра-

жало. Ну, прошел – и прошел...

Навстречу большой веселой компанией двигались добровольцы – огромные, красивые, облаченные в черные комбинезоны с надписью «МАРС» на спине. Добровольцы пели, хохотали, сыпали остротами и назначали свидания, и до всего им было дело, и все им было нипочем. В какой-то момент Жилин – огромный, красивый, облаченный в черный комбинезон с трехцветным наугольником на рукаве и с белым офицерским Георгием, – смешался с потоком гавриков и гавриц и стал одним из них. Его чмокали, вставая на цыпочки, шальные девчонки, и он чмокал – наклонясь. Его хлопали по широкой спине, и он отвешивал гулкие шлепки. «Ну, все, держись, Марс! – думал Жилин, проталкиваясь к приемной. – Эти так просто с тебя не слезут! Этих понукать не надо, наоборот, еще и удерживать придется. Они ж не могут без подвигов...»

В приемной секретарь-автомат для начала зарегистрировал Жилина, а затем деловито объявил, что начальника проекта «Марс» на месте нет и сегодня не будет – он в Городище, на Совете Всемирного Экономического Сообщества, – и что прием ведет Сулима Иван Михайлович, главный секретарь КДК. До полпервого.

– Ладно, – коротко сказал Жилин.

Из служебного модуля, звонко попрощавшись, выпорхнула Марина Корелли – очень хорошенький врач-профилактик. Завидев Глеба, врач-профилактик бросилась его обни-

мать.

– Меня взяли, меня взяли! – пела девушка, подпрыгивая и пританцовывая. – Буду сменным врачом! На Сырте! На самом!

Ее свеженькое личико все осветилось, а глаза засияли, плескаясь пронзительной синью. Как звездочки, подумалось Жилину. Даже лучики видны...

– Марик... – ласково проговорил он, называя Марину интимным именем, непонятно уже, когда придуманным. – Маришка... Такой дамой станешь!

– А ты думал? – важно сказала Марина. – Не абы как!

Тут секретарь-автомат пригласил «Жилина Глеба Петровича» зайти, и девушка мягко подтолкнула его:

– Ну, иди, иди... Я тебя тут ругать буду!

Жилин улыбнулся ей, кивнул и толкнул дверь в служебный модуль.

Залитый солнцем и просто обставленный модуль производил впечатление полупустого. Пульт с экранами и терминалом. Три кресла. На голой пластмассовой стене – ниша для микрокниг и полка, заставленная печатными изданиями – и тонкими, в легкомысленных мягких обложках, и толстыми томами в солидных твердых переплетах. За огромным – во всю стену – окном громоздились неохватные деревья, выстроившиеся вдоль Яневой. Вдали в районе Плотницкого конца, маячили шпилястые зеркальные купола, ячеистые пирамиды, колоссальные кристаллические кубы и шары Нового

Центра. Они искрились, словно засахаренные, а над ними в бескрайней голубизне вились птерокары и вертолеты. Как мушья над вареньем...

Главный секретарь сидел, привалясь к наклонной дуге пульта, и мосластыми пальцами выстукивал марш. Это был выдавший виды человек, уже в возрасте, с грубым красным лицом и бестрепетным взглядом. Прядь непослушных пегих волос постоянно падала ему на глаза.

– Здравствуйте, – сказал Жилин и отрекомендовался.

– Здравствуйте, здравствуйте... – глухим голосом протянул Сулима.

Усадив Глеба, Иван Михайлович поглядел на него исподлобья.

– Спецназ? – начал он с вопроса.

– Никак нет, – по привычке ответил Жилин. – Патруль.

– Знатно... Дайте-ка я кое-что занесу... Машина, работаем, – скомандовал компьютеру Сулима. – Звук убрать. Режим обычный. – Он возложил руку на контакты биоуправления, глянул на один из экранов, считал, шевеля губами. – По образованию вы... кибернетист, – сказал он, щурясь в дисплей. – Ага... Кандидатскую защитили уже?

Жилин утвердительно кивнул.

– Ясенько... Вы, если мне память не изменяет, уже работали у нас? – продолжил Сулима. – Я имею в виду, в КДК?

– Временно, когда в отпусках был.

– На Спу-8² как будто, – перечислял главный секретарь, – на ИС-5 и еще где-то... Где-то на Луне...

– На Полярной базе.

«Луна...» – заностальгировал Жилин. Его первое небесное тело. Черная пустота пространства и серовато-желтая каменная равнина, ярко-преярко освещенная... Полуприотпленные вечной тенью, выступают цилиндрическая башенка лифта и спектролитовый колпак... Главный же предмет любования струит свой свет над пильчатым валом кратера, чуть в стороне от иззубренных скал и мерзчатых параболоидов антенн. Там, на треть уходя за близкий горизонт, цветет бирюзовым Земля, дремотно кутаясь в спиральные меха циклонов. Классика!

– Ясненько... – Сулима навалился грудью на пульт, глаза его сузились, вперились в экран и забегали по строчкам. – Прекрасненько... Угу... Работа... Учеба... Ага! «Зачислен вольноопределяющимся в опергруппу такую-то Патрульной службы... угу... участвовал... так... в силовых акциях по принуждению к миру... так... блокады, спецоперации, демилитаризации... так... где тут... угу... „Удостоен... удостоен...“ Знатно... Грудь, стало быть, в крестах. „Сдал экзамен на чин подпоручика... произведен в поручики... угу... зачислен... так... с производством в чин штабс-капитана...“ Угу, угу... „Уволен из рядов Патруля... э-э... по состоянию здоровья...“ Ага. Ну, медкомиссию космофлота вы прошли,

² Спу – сокр. от «спутник», возлеземная орбитальная станция.

и ладно... Серьезное что-то было?

«Ну вот, какая тебе разница?» – подумал Жилин с досадой.

– Мне регенерировали обе ноги, – стал он неохотно объяснять, – срастили позвоночник...

– Однако! – крикнул довольно Сулима. В глазах Жилина возникло холодное свечение, но быстро погасло – вовсе не его хворый организм вызвал улыбочку у главного секретаря.

– «Представлен к награждению орденом „Серебряного трилистника“ 2-й степени... – вычитывал Сулима, – орденом „Полумесяца“... „Освобождения Сибири“ 2-й степени... командор ордена Почетного легиона... „Льва и Солнца“... две „Серебряных звезды“... Ого! Орденом Святого Георгия Победоносца 2-й степени! Ничего себе... Да вы, батенька, герой!

Жилин поморщился. Герой... Какой там, к черту, герой? Награды доставались ему не кровью даже, а потом – сколько он перемесил грязи на одной гражданке! А демилитаризации чем лучше? Ну да, там слякоти не было – была пыль. Облака пыли. Непроглядные тучи. Особенно в Восточной Африке, в горах Ингито и Чиулу. В Серенгети-Цаво вообще мрак был... Пыль стягивала корочкой потное лицо, забивала нос и рот, резала глаза... А на перевалах Ладакха и Каракору-ма был холод. Настоящий колотун, никакие куртки с электроподогревом не спасали – колючистый ветруган продувал насквозь. «Крыша мира»! И ты на ней, как Карлсон – толь-

ко без зеленого домика за трубой... Идешь в дозор, хапашешь ртом хиленький воздушшок и слушаешь, как дико визжат и воют подвигающиеся ледники... Работа это была, а не геройство, работа! Тяжелый, выматывающий труд, изредка доставляющий приятство победами и восстановлениями справедливости, чаще омерзительный и даже ненавистный, грязный, но все еще необходимый труд.

– Скорее ассенизатор, – сухо сказал Жилин. – Честь имею. Сулима сощурился.

– Такова жизнь, батенька, – сказал он. – Мир изменился, а люди... Какие были, такие и остались! М-да... Машина! – прикрикнул Сулима на компьютер. – Ты мне тут не ерунди! Я же сказал – режим обычный! Я тебе что, два раза должен повторять?!

– Выполнено, – ответил комп.

– Выполнено... – проворчал Сулима. – Что-то я еще хотел у вас спросить... Кхе-кхм... Вы где родились, Глеб Петрович?

– В Асхабаде. – Жилин помешкал секунд несколько и добавил: – Закаспийского округа.

– Это-то я знаю... Полных сорок вам будет?

– Сорок первый пошел... – вздохнул Жилин.

– Нечего вздыхать, – проворчал Сулима. – Это мне надо вздыхать, а не вам... Женаты, нет?

– Нет, – лаконично ответил Жилин.

– Ясенько... Воспитывались вы где?

– В Ольвиопольском учебном центре. Учитель Строев.

– Учитель Строев... – механически повторил главный секретарь. – Хочу кое-что занести себе в информаторий, – объяснил он, не отрываясь от экрана, – где родились, где женились... – Сулима убрал волосы со лба и сощурился. – Скажите: «И чего пристал? Взял бы да и вызвал ЦГИ, коли так приспичило...»

– Нет, ну почему же... – вежливо возразил Жилин.

– Да ладно... – пробурчал Иван Михайлович и посмотрел на часы. – Должен подойти профессор Йенсен... – Он быстро, внимательно взглянул на Жилина. – Подождите, подождите... А вы, случайно, на Таити не служили?

Губы Жилина сложились в усмешку, и тонкие черточки незагорелой кожи у глаз ужались морщинками.

– Случайно, служил.

– Десантником?

– Оперативником.

– Вот оно что... – затянул Сулима. Он осторожно отнял пальцы от биотерминала и поднялся. – А я тут сижу, голову ломаю – и откуда это мне так лицо ваше знакомо?

Главный секретарь оказался рослым хомбре, в меру упитанным и слегка сутулым. Медлительной, развалистой поступью он приблизился к окну и отмахнул рукой челку.

– А оно вон что... – проговорил Сулима. – В Фааа³ вы стояли как будто?

³ Фааа – таитянский аэропорт.

– Так точно.

– Ну, я же помню! Это сейчас я в начальство выбился, а тогда... – Иван Михайлович мечтательно закатил глаза. – Эхе-хе... Лет десять уже прошло... да больше! Когда изолировали Таити? В 73-м? Нет, вру, не в 73-м, а в 70-м. Или в 73-м? Да, в 73-м. Помню, что десять лет назад. Ну правильно – в апреле 73-го! Ваша опергруппа ставила блокаду, а мои десантнички прочесывали перешеек Таравао и весь Таити-Ити⁴...

– Ух и жарко было... – усмехнулся Жилин и потер тонкий шрам на щеке. – Там и без того не холодно, но в тот день... Кошмар. Эти чертовы тэне⁵ лупили из плазмоганов куда попало...

– Да уж, – хмыкнул Сулима. – Мне Тавита потом все написал... Может, знаете его? Такой был полноватый деми⁶ – Тавита Вефаунуи. Всегда улыбался, его еще Зубаткой прозвали. Он сейчас капитаном на «Матаатуа»... Так он мне звонил как-то, рассказывал... После того боя мальчишки из Папееэте еще неделю или две из песка фульгуриты⁷ выковыривали – туристам на сувениры...

Они немного помолчали.

⁴ Таити-Ити (Малый Таити) – полуостров с перешейком Таравао.

⁵ Тэне – таитяне китайского происхождения, китайцы (полинез.).

⁶ Деми – полукровка, метис.

⁷ Фульгурит – небольшая ветвистая трубочка из сплавленных песчинок, образующаяся при ударе молнии (или импульса лучемета).

– И все равно, – решительно сказал Сулима, – что бы там ни говорили, а Таити был прекрасен!

– Да, – с чувством изрек Жилин.

– Какие закаты, а пальмы, а как пахли тиаре апетахи! Пиршество красок и благорастворение воздушных! Я, кстати, там и женился.

– На вахине ⁸? – понимающе улыбнулся Жилин.

– Умгу. Моя Рани целую неделю меня выхаживала – какая-то сволочь, понимаете, в спину пульнула, да еще и разрывной. Госпиталь наш разместили в отеле «Таароа интерконтиненталь», и вот я лежу пластом, а Рани порхает вокруг в цветастом парео, красный цветок гибискуса в волосах... Прелесть! Что-то я совсем заговорился... – нахмурился Сулима и убрал волосы со лба. – Ну, ладно...

Задумчиво выпятив нижнюю челюсть, он подвигал ею – привычка, характерная для него в минуты размышлений, – и сказал самым обыденным тоном, каким спрашивают, будете ли вы кофе со сливками и сколько положить сахару:

– Мы тут посоветовались и решили назначить вас, Глеб Петрович, главным киберинженером проекта. – Иван Михайлович замолк, словно выжидая, пока Жилин переварит услышанное. – Согласны?..

– Согласен, – твердо сказал Глеб. Снова, как давеча в коридоре, накатило ощущение молодости, здоровья, блестящей будущности...

⁸ Вахине – девушка, женщина (полинез.).

– Ну, вот и отлично, – неожиданно благодушно сказал Сулима и протянул Жилину листок с приказом. – Зафиксируйте.

Глеб пробежал глазами сухие, отцеженные строчки и приложил палец к точке опознания.

– Умгу... – поблагодарил Сулима. На пульте селектора планетарной связи вспыхнул зеленый квадратик, и хорошо поставленный голос секретаря-автомата произнес:

– На связи начальник космодрома Мирза-Чарле Лидин Анатолий Сергеевич.

– Давай его сюда. – Сулима передвинул кресло в круг главного фокуса.

Угол кабинета подернулся рябью, расцвел, и у стены возник загорелый чин в фиолетовом космофлотском кителе, с выбеленными зноем волосами. За его спиной пузырились прозрачные занавески, а в открытое овальное окно засвечивало солнце и лезли красные барханы «неокультуренных» Каракумов – с реденькой порослью черкеза, одинокими песчаными акациями, сухой и серой солянкой. У самого горизонта, затянутого дрожащим маревом, виднелись антенны космодрома – расплывчато, будто сквозь слезы.

– Звали, Иван Михалыч? – зубасто улыбнулся чин.

– Звал, – сказал Сулима. Главный секретарь сохранял рафинированность и респект. – Долго ты будешь моих добровольцев мурыжить? А, Толик? Когда корабль дашь?

– Иван Михалыч! – сказал Толик звучным голосом и дву-

мя руками поднял толстый – страниц шестьсот – фолиант. – Вот, видите? Проект «Марс»! Я его как Библию чту, и даже больше! Но что я могу поделывать, если все фотонники в разгоне?! Рожу я их, что ли? Извините... «Луч» у Европы, на нем груз для базы «Минос», вернется недельки через три, не раньше... «Заря» – та вообще к Сатурну летит – собрались расширять станцию «Кольцо-2». «Бора» у Меркурия, «Солярис» в Поясе. А больше и нету! К воякам уже обращался, чтоб вам крейсера выделили – они на меня посмотрели как на ненормального. Дать вам что-то вроде «Финиста» или «Стратима»? Пожалуйста, хоть сейчас! Так они до Марса через месяц только дотелепаются! Что?.. – Лицо Лидина ушло из фокуса и немного спустя вернулось – с длинной улыбкой. – «Бора» возвращается! – сказал Лидин обрадованно. – Будете брать?

– А большая она? – приценился Сулима.

– Трансмарсианский рейсовик!

– Да нет, я имею в виду – мест там сколько?

– Ну-у... «Бора» вообще-то грузовик. Двенадцать кают, четырехместные все.

– Угу... Угу... – проворчал Сулима и сказал – величественно, будто делая одолжение: – Ладно, беру!

– Груз какой? – деловито спросил Лидин.

– Штук четыреста эмбриомеханических «яиц». Тонн на шестьдесят потянет.

– Строить что-то будете?

– Угу... Когда старт?

– М-м-м... Давайте... Нет, это рано... М-м-м... Давайте в это воскресенье, в пять утра. Старт со Спу-1, доставка с Мирза-Чарле, Фидониси или Байконура. Подходяще?

– Угу...

– Ну, все, договорились!

Лидин поднял руку. Фронтальная проекция пошла волнами, сжалась в точку и пропала.

– Слышали, когда старт? Ну вот на то число и настраивайтесь... – Главсек хмыкнул. – Проект он читит! А вот, кстати! Сами-то вы как, с проектом разобрались уже?

– Да как сказать... – Жилин почесал в затылке. – На полный-то проект вечно времени не хватает... Знаю по журналам в основном. Ну, там, генерация атмосферы, колонизация... Так вот.

– Сойдет для начала. – Сулима вернул кресло за стол-пульт. – В общем... – Он глянул на часы. – Нет, по-моему, мы этого Йенсена так и не дождемся! И где его только носит... Обещал же быть как штык!.. В общем, чтобы не повторяться – график работ по проекту выдерживается пока, СВЧ-антенны над полярными шапками работают как часы и даже лучше. Такую бурю подняли, что аж страшно становится!.. Да и вообще, чувствуется, что на Марсе здорово потеплело – мерзлота пошла таять, газы из коры поперли. И цэ-о-два попер, и аш-два-о, и азот. Ну, естественно, оползни начались, трещин пооткрывалось тьма, каверны всякие

образуются, сбросы... Это чтобы вы не думали, будто на курорт летите! Как был Марс самым пыльным из всех адов, так он им и остался. Только что повлажнел маненько... Йенсен клянется, говорит, что уже в этой пятилетке жидкая вода появится! Размечтался... Хотя... кто его знает? Может, и появится...

Внезапно над информаторием затуманилась вторая на сегодня стереопроекция. Сгустилась, налилась цветом, округлилась приятной девичьей фигуркой, с очаровательной непосредственностью «присела» на край пульта.

– Иван Михайлович, – сказала она голосом секретаря-автомата, – к вам профессор Йенсен.

– Ну, наконец-то! Скажи, пусть заходит!

Двери с шелестом распахнулись, и порог переступил невысокий ядреный старик лет под сто, с лицом румяным и малоподвижным, какое бывает после первого омолаживания.

– Явился... – проворчал Сулима, – не запылится...

– Ах, Ваня! – воскликнул Йенсен, счастливо улыбаясь. – Ты уж меня прости – задержался в пункте связи! Поверишь ли – две недели не мог получить одну запись с Венеры! Две недели! Ну, что это... Ты позволишь посмотреть ее у тебя? Иначе, боюсь, я просто лопну от нетерпения!

Он присел на кресло, но тут же, вспомнив о Жилине, воздвигся снова.

– О, простите, ради бога! Добрый день! Здравствуйте!

Жилин поднялся и пожал узкую розовую ладошку.

– Здравствуйте, профессор.

– Прощу вас, – сказал Сулима, – познакомьтесь с Ларсом Юлиусом Йенсеном, он у нас спецуполномоченный по проекту «Марс». Лассе, это Глеб Петрович Жилин, наш главный киберинженер.

– Весьма, весьма рад! – воскликнул Йенсен и мигом перешел на волнующую его тему: – Вы, несомненно, слышали о волосатике? Заметим, его редко кто видел, хотя, вполне возможно, этими странными созданиями густая атмосфера Венеры просто кишит. И вот представьте себе, господа, мою радость, когда я узнаю, что самоходный лот-разведчик выследил волосатика над плато Лакшми! Заметим, произошло сие еще на позапрошлой неделе, но только сегодня я получаю кристаллозапись! Согласитесь, господа, это безобразие... Иван... что-то я не найду... где у тебя здесь транслятор?

– Давай сюда, – сварливо сказал Сулима и протянул руку, – а то будешь тут...

Йенсен суетливо и хлопотливо извлек кристалл с записью.

– Я и сам еще не видел... – сказал он.

– Не оправдывайся...

Жилин, заинтересовавшись, зашел за полукружие пульта, поближе к визору. На экране висела оранжевая муть. Зрачок бликконтактора плавно повело влево, он охватил горную страну, похожую на пашню – так близко сошлись многочис-

ленные коричнево-оранжевые, почти параллельные хребты-складки; дал крупным планом седловину, скалистую и трещиноватую, круто обрывающуюся в зыбкий, рыжий туман, и белые купола с краю. И круча, и сама седловина блестя, как мятая фольга.

– Вы видите сейчас базу «Венус-2», – торопливо комментировал Йенсен, не отводя от экрана жадных глаз. – Она установлена в горах Максвелла, на одном из хребтов. Сейчас скажу... Примерно в десяти километрах от поверхности. В горах прохладнее, чем в долинах, – всего плюс триста!

– А Солнце там видно? – спросил Жилин.

– И да, и нет. Просто большое пятно повышенной яркости. Вообще, интересная планета. Стоишь на грунте, будто на вершине шара в сотни метров диаметром – так резко «заваливается» горизонт. Небо ярко-оранжевое, безоблачное, а грунт очень темный, с желто-оранжевыми оттенками. И довольно-таки шумно, как на оживленной улице, – ветер постоянно поднимается... О, смотрите! А, нет, не то...

На экране визора мелькнула какая-то широкая тень, подплыла ближе и оформилась в плоский купол, похожий на зонтик без ручки, мягкий и склизкий. «Зонтик» заметно пульсировал, словно часто дышал, его бахромчатые края поджимались и трепетали.

– Это слизняк-глайдер, – сказал Йенсен разочарованно, – их там неисчислимое количество... Вот!

Слизняк ушел из кадра, зато неприметное черное пят-

нышко, маленькое, как чайнка, всплыло откуда-то снизу. Постепенно пятнышко выросло в растрепанный волосатый клубок. Он летел хаотично, то скручивая длинные белесые нити, то распуская их за собой.

– Это стрекала! – возбужденно сказал Йенсен.

Волосатик малость подвсплыл и повис, размеренно помахивая клейкими волоконцами. Угол экрана расчертила таблица, быстро замелькали, рассыпаясь по местам, буквы, цифры, какие-то непонятные значки. Йенсен заворуженно шевелил губами.

В следующую секунду, словно испугавшись таблицы, волосатик нырнул, растягиваясь белесым куделем, и затерялся в однообразной апельсиновой дымке.

– Все? – пробрюзжал Сулима. – Насмотрелся?

– Да, – вздохнул Йенсен с удовлетворением и обеспокоенно спросил: – Надеюсь, я вам не очень помешал?

– Опомился... – сказал с ворчанием Сулима и крутнулся на кресле к Глебу. – Я говорил уже об атмосферном заводе? Глеб покачал головой.

– Ну, здравствуйте! А, это я не вам говорил... Это перед вами девушка была! Вспомнил, вспомнил... Так... ага. Сейчас я вам покажу...

Сулима коснулся сенсора, и на голой стене словно прорезалось окно, распахнутое в космос, где круглился красно-оранжевый Марс в третьей четверти.

– Сейчас... На Сырте затевается «стройка века» – зало-

жим там гигантских размеров атмосферный завод...

Планета надвигалась, растекаясь за рамки, пока темный треугольник Большого Сырта не занял весь экран.

– Вот здесь вот... – У круглого кратера Соам замигала зеленая звездочка. – Вот, видите? Это примерно на полдороге между портом «Большой Сырт» и Кордильерами Изиды... По идее, для генерации атмосферного покрова довольно и СВЧ-антенн на орбите. Лет за пятьдесят они Марс так пропарят, что давление подскочит вдвое против земного! И получится, что мы сотворим классическую бешеную атмосферу из углекислого газа, азота и водяных паров! А дышать чем? Кислорода-то в ней наберется фиг да маленько! Вот мы и организуем производство озонированного кислорода. А иначе какая колонизация может быть? Правильно? Ну, вот... – Сулима шевельнул челюстью. – Но работы там... Не знаешь, за что и хвататься. Сейчас вот сдадим объект – я имею в виду завод, потом и до этого... как бишь его... – он поднес к глазам листок, – до «жилищно-промышленного комплекса» очередь дойдет...

– Заметим, – влез в разговор Йенсен, – в первую очередь надо возводить именно жилпромкомплекс! А то понаставим времянок, и мучайся потом...

– Там много чего надо, – нетерпеливо отмахнулся Сулима. – А энергокомплекс? А климатическая станция? А агрокупола?

– Агрокупола – обязательно! – оживился Йенсен. – Вы да-

же представить себе не можете, до чего же красиво на плантациях: розоватое небо, оранжевый песок и фиолетовая капуста! Картинка!

Он лучезарно улыбнулся.

– Ты мне дашь договорить? – ядовито осведомился главный секретарь.

– Все, все... Молчу.

– Большое спасибо, – произнес Сулима еще более ядовито и глянул исподлобья на Жилина. – Вот, сбил меня с мысли... Кхе-кхм... Бригаду операторов-строителей мы туда уже перебросили, я имею в виду – на Соам. Мужички, видать, хозяйственные, уже там лагерь развернули – будет где остановиться. Потом мы станцию ту воякам передадим – под гарнизон, а пока... Ты что-то хотел сказать, Лассе? Давай, только в темпе...

– Буквально два слова! – заторопился Йенсен. – Всего с нами летит пятьдесят добровольцев – сорок семь парней и девушек. Заметим, что почти все они – кибернетисты, то бишь ваши подчиненные, дорогой Глеб Петрович, ваша группа... – Йенсен глянул на Сулиму и торопливо закончил: – Стартуем мы со спутника, где-то ближе к субботе, так что отдохайте пока, гуляйте. Без вас все равно не улетим...

– Ну, я надеюсь, – слова Жилина сопровождались скользкой улыбкой.

– В общем, вы поняли, – подвел черту Сулима. Он прихлопнул ладонью по пульту и, кряхтя, выкарабкался из крес-

ла. Поднялся и Йенсен. Упругим толчком встал Жилин.

– Транспорт, инструменты, – сказал Сулима, – это вот с него требуйте. – Он указал на Йенсена. – Ларс у нас спецуполномоченный, вот пусть где хочет, там и достает...

Ларс Юлиус благожелательно улыбнулся обоим.

– А как же! – воскликнул он. – Все по первому списку!

– Давайте закругляться, – пробурчал Сулима, – а то я сегодня вообще без обеда останусь...

– Конечно, конечно, – поспешно сказал Йенсен, – мы с Глебом уже уходим.

И они ушли.

Было начало второго. Марину главный киберинженер обнаружил на широкой скамье, в тенечке. Девушка сидела, подложив под себя ногу, и что-то горячо доказывала тучному, лысеющему аборигену.

– Здравствуйте, – сказал, подойдя, Жилин.

– Добрый день, юноша, – церемонно ответил абориген. – Что ж, весьма рад был знакомству.

Он тяжело поднялся, опираясь на трость, и откланялся.

– Интересный дядечка, – задумчиво произнесла Марина, провожая глазами уходившего аборигена. – Мы с ним как-то очень быстро разговорились. Слово за слово, и перескочили на тему Бога... (Жилин застонал.) Да не стони ты! Никуда он меня не завлекал и агитировать даже не пытался. Просто спросил: «Вы верите в Бога?» Ну, я честно призналась, что

нет, не верю. И тогда он говорит: «А во что же вы в таком случае верите?» Представляешь?!

– И что ты ему сказала? – с интересом спросил Жилин.

– Ну а что я ему скажу? «В светлое будущее» сказала.

– А дядечка что?

– А дядечка ехидно так: «В коммунизм, что ли?» – «А хоть бы и так», говорю.

– Ну и правильно... – лениво проговорил Жилин и сел, вытянув ноги. – Только в будущее и стоит верить. Оно по крайней мере не подведет.

– И ты тоже веришь? – с любопытством спросила Марина.

– Когда как, – усмехнулся Жилин. – А вообще-то я предпочитаю не верить, а знать. Я даже в Деда Мороза не верил, когда был маленький...

– Ну, это ты переборщил. Хотя... Знаешь, кого я сейчас вспомнила? Йенсена.

– Спецуполномоченного?

– Ага... Как-то... да вот буквально на днях у нас зашел разговор, и он сказал, что Бога придумали из страха. А правда, ведь очень страшно знать, что вот ты умрешь, и все, тебя не станет. Вообще ничего не станет! Гораздо же приятней верить, что твоя душа бессмертна... Вера – убежище для нищих духом. Это Йенсен так выразился...

– Кстати, он тебе привет передавал.

– Да? Ой, у меня всё из головы вылетело! С этим дядечкой еще... Ну что? Можно тебя поздравить?

– Можно, – улыбнулся Жилин. – Даже нужно. Зачислили главным киберинженером.

– Нет... серьезно?! – изумилась Марина. – Ой, какой ты молодец!

– А как же... Ясно дело.

– А давай устроим праздник! – загорелась Марина.

– Давай... Дай я тебя лучше потискаю! – Жилин крепко обнял запищавшую девушку и потискал.

– Раздавишь! Пусти!

Глеб ослабил кольцо объятий и снисходительно улыбнулся:

– Малышня ты моя...

Он обвил рукой Маринину талию и, сощурившись, оглядел широкую и шумную Яневу. Прозрачные сотовые здания перемежались литопластовыми доминами в «державном» стиле, с громадными стеклами овальных окон и плавными изгибами объемов, уходящих ввысь. Над улицей, залитой стереопластиком, вздымались ажурные мостики, нависали эстакады; вскипали и сбегали пышной зеленью воздушные парки.

– Все равно не поверю, – медленно сказал Жилин, – пока не стартуем...

– Как-то даже не верится, правда? – оживилась Марина. – Пройдет какой-то день, ну два, и мы полетим! В космос! Представляешь?!

Не найдя слов для выражения, она запищала, шаловливо

мутузя Глеба. Глеб весело захохотал. Драгоценное чувство сродненности, не знаемое дотол, затеплилось в нем, умягчая твердое сердце.

– Ты сейчас куда? – спросил Жилин.

– Да не знаю... Хочу по распределителям пройтись. Взять чего-нибудь в дорогу – переодеться, там, вкусенького чего-нибудь... Слушай, надо завтра к Юлии Францевне слетать.

– Это твоя учительница?

– Ага. И мамулечку мою я давно уже не видела... О! А давай завтра вместе слетаем? Давай?

– Давай... – рассеянно сказал Жилин.

Его вниманием завладели прохожие. Кто-то из них всегда занят делом, а кто-то только и знает, что гулять, взыскуя «гарантированного минимума благ». Интересно, можно их распознать или нет? Должны же они хоть как-то различаться? А как? Вон тот огромный, грузный мужчина в белой паре – он кто? Работник или неработающий? «Трудовик» или «жрун»? Нянчится с ним Фонд изобилия или у мужчины просто обеденный перерыв? А во-он те молодые парни в «Пифагорах» и рубашках навывпуск – работают они? Или им интереснее развлекаться? Как тут скажешь? У них же на лбу не написано... Люди как люди.

Прямо через улицу, напротив отеля «Хольмгард», четыре длинноногие девчонки окружили дюжего полицейского и в четыре голоса исполняют гимн... Молодая мамочка кормит

грудью своего «крохотулечку» и сердито отчитывает робота-няню... Две курбатенькие домохозяйки с жаром обсуждают достоинства нового рецепта... Обычные люди. Господин Великий Новгород. «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

– Куда пойдём? – спросил Жилин, озираясь,

– Давай сначала к Торгу, – решила Марина, – а там видно будет...

Глава 3

ОЛЬВИОПОЛЬ, НОВОРОССИЙСКОГО ОКРУГА

Оборвав тонкое зудение, в нарамник открытого «гепарда» воткнулась анестезирующая игла. Лида непонимающе уставилась на дрожащий кончик, похлопала глазами на Антона, потом быстро оглянулась.

– Шлемники!

Сзади их догоняли трое на размалеванных электрокарах. Вся компания была в круглых тускло-серебристых шлемах из спектролита, и вид у них был и зловещий, и комичный одновременно.

– Вы что, – закричала девушка, оборачиваясь, – совсем уже сдурели?!

– Да ляг ты! – грубовато прикрикнул Антон.

Лида даже не стала задираться – опрокинув спинку сиденья, она вытянулась, оголяя пупок. И тут же в рулевую дугу впилась еще одна игла. Девушка облизнула внезапно пересохшие губы и, сморщив носик, глянула вверх. Антон встал, сжимая в одной руке парализатор, другой держась за раму. Волосы у него были выкрашены в черный и зеленый, как то и подобало простецу, и рваным вымпелом трепались у щеки. «Костлявый, длинный и худой. Он покорил вообра-

женье своею дивной высотой...» – вспомнила она терцину, записанную Антоном в ее альбом. Да нет, не такой уж он и худой... Вон щеки какие наел!

Антон торопливо щелкнул ползунком ограничителя, сдвинул вперед муфту фокусировки, чтобы сузить луч. Три горячих выхлопа слились в один.

Шлемники не то что смыться – даже сообразить ничего толком не успели. Вздрагивая никнущими телами, роняя плоские анестезаторы, они сползли с сидений, заваливались и обвисали на ремнях. У одного из усыпленных сорвался шлем, и давно не мытые цветоволосы встопорщились радужными лохмами.

Виктория была полная. Электрокары, расцветенные рубиновыми огнями, уныло потянулись на обочину.

– Все уже? – обеспокоенно-нетерпеливо воззвала Лида, Она чуть приподнялась, чтобы видеть экран заднего вида, и мягкий животик рывком потужел. – С ними ничего не будет?

– Очухаются... – Антон здорово перетрусил, но, унимая нервы, храбрился. – Напугали тебя?

– Да, – жалобно сказала Лида.

Антон неуверенно обхватил ее длинными, костистыми руками.

– Кошмар какой-то! – сказала она. – Меня до сих пор трясет всю!

– Да плюнь ты на них! – обронил Антон, радуясь, что девушка не размыкает его объятий. – Ребята пошли не с той

карты...

Лида прыснула, ткнувшись губами в кулачок.

– Что я такого смешного сказал?! – спросил Антон оскорбленно и отдернул руки.

– Ты только не обижайся, – сказала девушка, крепясь, – но у тебя это так лихо получилось... Прямо вылитый Тагвелл Гейтсби!

– Да при чем тут Гейтсби? – с обидой сказал Антон. – Говоришь, сама не знаешь что...

– А кому ж еще вы все подражаете? – фыркнула девушка с пренебрежением. – Да еще так старательно! Что простецы, что роддеры, что эти... как их там... караканары. «Он начал с черной двойки, – передразнила Лида звезду стереоэкрана, – а я пошел тузом, прямо в переносицу!»

Антон с вызовом и осудительно посмотрел на нее.

– Да уж, можно подумать!..

– Можно... – вздохнула девушка. – Ладно, давай не будем об этом, а то опять поругаемся...

Насупясь, Антон отключил киберводителя и взялся за руль. «Нашел что сказать! – ругал он себя. – Тоже мне ганфайтер выискался...»

Перевалило за полдень. Припекало. Старенький атомocar бодро катился под голубо-седым, облитым небом Прибужья. Мчал меж бывших полей, а ныне степи, разгороженной буйными лесополосами. Тянул вдоль неширокого шоссе, обсаженного яблонями. Перемахивал глубокие балки по

гудящим мостам. Когда они миновали коттеджи Подгородной, навстречу им промчался, подвывая сиреной, черно-белый квадратный атомокар с надписью на дверце: «ПОЛИЦИЯ».

– Наверное, за теми, – сказала Лида, – «в черных шляпах».

– Наверное... – говорить Антону сейчас не хотелось. Как-то муторно было.

По улице Лассаля он не поехал, а свернул налево, на круговую до Третьей Мельницы. Показались сады Ольвиополя и ярусно-ступенчатые здания на левом, увальном берегу Южного Буга. Волнистыми террасами спускались они к узкому песчаному пляжу. Показался островок ниже старого железнодорожного моста, гранитные скалы по правому берегу, кручи глинистых, заросших бурьяном оврагов и чистенькие домики Голты. Показалась беленая церквушка в Богополе, выглянули из-за парка серые колонны и серебристые купола земской управы – бывшей резиденции архимандрита.

– Выходи за меня замуж, – бухнул Антон. И замертвел. Однако девушка и не подумала ехидничать. Она долго молчала, потом вздохнула.

– Тебе нужна другая женщина, Антон, – молвила она, – не такая, как я...

– Я хочу быть с тобой!

Девушка покачала головой:

– Мы с тобой слишком разные. Пойми меня... Ты простец, тебе ничего не нужно – с этим я уже смирилась. Но

жить с клиентом Фонда изобилия я не стану. Просто не смогу! Вот ты представь себе: поженились мы. Кончаю я свой университет – учиться я ведь не брошу! – устраиваюсь на работу... И что? Приятно мне будет возвращаться с работы домой и видеть, как ты валяешься на диване, уткнувшись в эсвэ? Как ты думаешь? А так оно и будет! – Лида опять вздохнула, отчего ее маленькая, крепкая грудь поднялась и снова опустилась. – Ты не злись, пожалуйста, но... уж слишком ты привык получать все даром, бесплатно. Бесплатные столовки, бесплатные квартиры, бесплатные машины! Проезд дармовой! В виртуалку – за так! Тряпки – за спасибо! Правильно! Зачем же ему еще и работать?! Лучше он будет сидеть целыми днями и ничего не делать! Ну, не так, скажешь?!

Антон вякнул что-то в свою защиту, но Лида остановила его нетерпеливым жестом.

– Пойми, – сказала она проникновенно, – я же женщина! Я хочу видеть рядом с собой мужчину-работника! Добытчика! Хочу почувствовать себя слабой и ведомой, а с тобой у меня все получится наоборот, шиворот-навыворот! Это я буду кормильцем, а ты будешь за мной, как за каменной стеной! Вот радости!

– Ну, устраюсь я куда-нибудь... – поскущел Антон и включил нейтрализаторы.

– Да не надо мне твоих одолжений! Мне это, что ли, нужно?

«А кому ж еще?» – чуть не ляпнул Антон, но вовремя прикусил язык.

– Ты совсем уже обленился! – кипятилась Лида. – И ничего тебе неинтересно даже! Ой, да что с тобой говорить!.. Если человек работает, если он что-то делает руками или головой, то от него хоть какая-то польза есть, значит, и смысл появляется! А как иначе? Бесплезное – бессмысленно! Как ты этого никак понять не можешь?!

Лида посмотрела на надутого Антона и отвернулась.

– Ты уже съездил к учителю Строеву? – спросила она ровным голосом.

– Что толку ездить? – буркнул Антон. Он начинал злиться.

– Вот видишь... Ты даже этого не захотел сделать. А ведь я тебя просила... У учителя большие связи, он мог бы тебя устроить на работу, а может быть, даже и в Патруль. Хоть там из тебя человека бы сделали! И учился бы, и служил, и работал! А то нашел себе оправдание – раз большинство не работает, так и он не будет! Вот тебе разве не стыдно, что и ты в нахлебниках? Здоровый парень, вроде и руки откуда надо растут – ну чего б не работать?!

«Гепард» вильнул.

– Да замучили вы меня уже с этой работой! – резко сказал Антон. – «Бесплезное – бессмысленно»! – передразнил он Лиду. – Можно подумать, работа твоя сейчас вообще что-то значит!

– Да, значит!

– Да ни черта она не значит! – грубо отрезал Антон, чувствуя напряжение и тягостную дрожь, и какую-то злую сладость, пугающую и томительную. – Кому это теперь вообще надо, если и без работы вполне можно прожить? Ну какой, вообще, смысл зарабатывать на то, что можно взять и так, даром?! Скажи мне? С работы она будет возвращаться! – фыркнул он. – Откуда возвращаться, господи? Из другой комнаты? Или ты не знаешь, как сейчас работают? Будешь ты с девяти до трех дома просиживать, уставившись в монитор, а я рядышком, на диване, уставившись в эсвэ – ну и какая разница?! Я так целый год, как дурак, проторчал за терминалом – хватит с меня!

– Ой-ой-ой! – язвительно протянула Лида. – Переработался, бедненький!

– Да при чем тут переработался, не переработался! Просто не хочу я всю жизнь у компа отираться! Поймешь ты это когда-нибудь или нет?! Ты что, думаешь, меня совсем работать не тянет? Да я б с удовольствием занялся какой-нибудь настоящей, живой работой! В космосе где-нибудь, в океане хотя бы... Только кто ж меня туда возьмет? Ну не хватает если мне образования – я ж тебе говорил уже!

– А кто тебе не давал его получить?! – с силой сказала девушка. – Когда ж ты наконец поймешь, что нельзя жить так, как ты живешь?! Ну что ты меня мучишь?!

– Лида!.. – сказал Антон страдающим голосом.

– Что – Лида?! Что – Лида? Тебе уже двадцать два, Антон!

Двадцать два! И чего ты добился в жизни, скажи? Как был ленивым, разболтанным мальчишкой, так ты им и остался! Вон выкрасил волосы, как попугай, и вперед! Гонять по шоссе на скорости 200 км/ч в час и ни о чем не думать! Собираешься с такими же, как ты, балбесами где-нибудь под генератором, пиво дуть и шляться в виртуалке с утра и до утра – это ты называешь жизнью?! И ты еще хочешь, чтобы я жила с тобой?!

– Лида, – оправдывался Антон, – тебе не нравились мои друзья – я их оставил! Я не подхожу к виртуалке! Я бросил пить! И не гоняю я ни по каким шоссе – ты же видишь! Тебя вот везу! Ну разве не так, скажешь?!

– Все так, – устало сказала Лида. – Ты перечислил все, Антон, чего ты больше не делаешь. Молодец. Тогда почему ты ничего не сказал о том, что ты делаешь? Ну чем ты занят? Да ничем! – бросила она с отвращением и сухо добавила: – Останови, я здесь сойду.

Атомокар притормозил перед домом с патио и верандой, почти полностью увитой чайной розой. Лида гибко выскользнула из машины (Антон взволновался), но процокать каблучками и скрыться не спешила. Что-то ее удерживало.

– Не злись, – негромко сказала она, – но ты сам виноват: не надо было меня выводить! А я тебе всегда говорила – чтобы быть с кем-то, надо быть кем-то. Я тебе нравлюсь, и ты мне тоже (у Антона внутри что-то сладко заныло), но этого мало... Я люблю роскошь, я хочу сказку! Мне нужны друзья,

любовь и интересная работа, а если в отпуск – то на Луну или в «Оранжереи». Я стою дорого!

– Но у меня же все есть, – заспешил Антон. – И дом есть, и машина вот, и вещей – вагон и маленькая тележка!

Лида улыбнулась.

– У него все есть! – сказала она снисходительно. – Господи, что у тебя есть? Дом у тебя есть? Что ты называешь домом? Тебя поселили в стандартном модуле, Антон, а на то, что тебе выдают «во обеспечение минимума потребностей», дома не купишь.

– Мне хватает!

– А мне – нет! – отрезала Лида и продолжила менторским тоном: – Столько, сколько тебе дает Фонд, получает лишь плохой работник. А вот хороший зарабатывает в десять, двадцать, во сто раз больше! Да и разве в деньгах дело? Я же хочу гордиться своим мужчиной, понимаешь? Хочу, чтоб все его уважали, а женщины чтоб завидовали мне, что он у меня такой – настоящий!

– Ая, выходит, ненастоящий? – проговорил Антон, сдерживаясь.

– Ты? – сказала Лида по-прежнему снисходительно. – Мужчинка ты...

– Да пошли вы все! – гаркнул Антон и рванул с места, аж покрышки взвизгнули.

Он пронесся через площадь, распугивая шарахающихся туристов, свернул у вокзала налево, нырнул под мост и дунул

куда-то вверх по Одесской – лишь бы подальше! Чтоб только не видеть понурую стройную фигурку. На шоссе, где гонишь со скоростью 200 км/ч и ни о чем не думаешь! И ни о чем голова не болит!

«Напьюсь! – подумал с отчаянием Антон. – Наклюкаюсь! Наберусь как свинья! До одурения! И идет оно все к черту!»

Шоссе поднялось на эстакаду, и та, как на цыпочках, пересекла глубокий овраг – широкий, обрывистый, заросший колючим кустарником с маленькими розовыми цветочками. Круча оврага пряталась в зарослях акации, а вдоль него возвышались решетчатые столбы энергоотвода с огромными серебрястыми кольцами наверху.

«Погано как...» Еще стыла в душе обида, а чувство вины уже пекло Антона на медленном огне. Самое паршивое, что Лида была права – во всем! – и нечего ей было возразить. Это как раз обиднее всего – слышать от любимой девушки, какой ты ленивый, трусливый, нерешительный, безвольный, инфантильный, – корчиться в душе и молчать! Молчать и быть согласным. Потому что все болючие слова, роняемые яркими, безжалостными губками, оборачивались правдой, только правдой, и ничем, кроме правды. Как приговор.

«Подсудимый Антон Малкович Родин! Вы обвиняетесь в том, что являетесь собой простеца, лжеца, лодыря, тунеядца, мямлю, труса, скунса, козла, осла, мартышку...» – Нет, кажется, это уже из другой оперы...

Антон мрачно усмехнулся. Лида Мазуренко – девочка из примерной семьи. Ее примерно воспитали в школе. Примерная девочка. Красавица и умница. Вон поступила в Одесский университет. Хотя и со второй попытки, но поступила же! И примерно учится. Вот окончит и станет примерным специалистом. Обязательно окончит. Чего бы ей не закончить? Чтобы Лидочка, да не закончила? И найдет себе примерного мужа. Настоящего! Пчелку. Надо же ей было встретить трутня... Нет, даже не трутня – слизня! Мерзкого, как харчок...

Антоновы экзерсисы по самобичеванию пресекались накатами свистящего гула. Из многоэтажных туннелей на Юго-Западный фривей выныривали гигантские грузовики-автоматы, какие на пяти, а какие и на семи шасси, без кабин, с коробчатыми капотами, расщеперенными визирами. Выстраивались с отчетливой точностью и перли плотным строем. В просветах между громадными кузовами и зеркально-блестящими цистернами мелькали крутые купола базы энергопитания атомокаров. «Гепард» засопел, сбросил скорость и по широкой спирали рэмпя съехал к базе.

Здесь уже стояло несколько машин – одна приткнулась к номеру мотеля, а три другие были припаркованы возле ремонтных автоматов. Робот-заправщик заливал водородную смесь в бак старенькой «Волги», а водитель – дедок в вышитой сорочке – пискляво призывал его к осторожному обращению.

Разглядев вывеску кафешки, Антон повернул к ней. Он осмотрелся, вышел из машины, затем сделал жест рукой, показывая, куда той стать. Машина послушно развернулась.

«Тут думай не думай, – прикидывал Антон, – а работу искать все равно придется. Вечно это продолжаться не может – я и так уже ползаю по самому дну...» Родин раздвинул двери в кафе – по очереди зачмокали три слоя акустической защиты – и хмыкнул: на место внутренних дверей некий умелец навесил «крылья летучей мыши», как в салуне. Качнув их, Антон переступил порог заведения.

Все как у людей: вдоль легкой перегородки из пластмассы выгнулась дугой стойка бара, рядом блестела никелем киберкухня. Четыре простеньких, тяжелых и крепких стола. На них, ножками кверху, простенькие, тяжелые и крепкие стулья. На большом, в полстены, вогнутом экране выдувал что-то интимное саксофон да рассыпчато шелестели ударные, мерно отбивая такт.

– А вот я вас зелененьким! – сказал кто-то противным жирным голосом. Антон пригляделся. В углу за столиком, усталанным зеленым сукном, азартно потирал руки коренастый циклоид с тремя подбородками – Юрка Рудак, по прозвищу Квочка.

– Ну, щас! – заспорил его партнер, остролицый, усатенький малый. – У меня уже и так два зеленых квадрата! Куда ты мне еще третий суешь?!

– Да-а? – протянул циклоид, смешно вытягивая губы. – А

мы тогда желтеньким походим и кра-асенького подкинем...

Привет, Антоха! – проверещал он, завидя в зеркале Родина.

– Здорово, – буркнул Родин.

– Играть будешь? Мы только начали!

– Без меня, Юр, – сказал Антон извиняющимся голосом.

– А-а... Ну, ладно. Ходи, Изя, твой ход!

Нацедив в буфете-автомате двойной бурбон, Антон взгрозился на табурет и нахохлился. Болезненно чувствительный к репримандам, он сильно переживал, все мысли вязли в каком-то тоскливом чаду, даже витал запах гари.

«Ну вот что делать?.. – думал Антон, угрюмо водя потным бокалом по стойке. – Пойти учиться? Это четыре года как минимум. А Лида уже будущим летом кончает. Будет она ждать? С чего бы вдруг? В верности она не клялась, да и нужен ты ей, как собаке пятая нога... Ну что ты за дурак такой? Ну была же возможность! Ну чего бы не выучиться? Вот и сиди теперь... Надо же быть таким идиотом... Правда, что ли, съездить к учителю? Мало ли... Еще рано совсем, успею... А что это даст? Нет, ну правда, что толку? Зачем мне ещё чьи-то назидания? Дал бы мне кто работу, прямо сейчас! А кому ты сейчас нужен – без диплома? Кто тебя где ждет?.. Позвонить бы и сказать: „Лид, я завтра выхожу на работу!..“ Господи, полжизни бы – нате! Ну что, что мне делать?!»

Изрядно отхлебнув, Антон содрогнулся. Гадость какая... Он пошарил глазами за окном и остановил взгляд на смуг-

лом чернявом юноше с миниатюрным пультом управления на шее. «Добытчик! – подумал Антон с неожиданной злобой. – Ах, что вы, что вы! Т-трудяга...»

От стада бесшумно летящих грузовиков внезапно отбилась громадный «питер-вестерн», засиял габаритами, как новогодняя елка, и подрулил к чернявому юноше.

Юноша не спешил, но и не отвлекался. Он деловито похлопал по теплому капоту, откинул панель, высматривая порчу, заглянул под массивный хромированный бампер и стал копать в соузлиях, ковыряться, подтягивать, поправлять, подкручивать... И все это он делал с таким удовольствием и вкусом, что Антона завидки взяли.

...И что-то в нем самом сдвинулось, возникло как бы из ничего. Будто на проржавевшие, закисшие шестеренки плеснули масла. Зубчатые колесики жадно обволоклись скользкой пленкой, заскрежетали и провернулись.

«Съезжу, – решил Антон. – Выйдет там что или не выйдет, а попробовать все равно надо...»

Глава 4

1

Конецполь, Ольвиопольского уезда

Без десяти пять на мутном синем горизонте заяснелись очертания Конецполя – плоские кремовые корпуса, прили-
занные веретена тополей и старинная градирня, оставшаяся
от разобранного сахарного завода. Только это и было видно
– по обе стороны от дороги стояла пшеница выше челове-
ческого роста. «Стоколосовая», пережиток неолита. Ничего,
скоро экологи и до этого поля доберутся, запашут и любов-
но, по травинке, взрастят дикую степь. Прогресс, так сказать.
Борьба хорошего с лучшим.

Жара спадала, но было еще душно. Пахло полынью-чер-
нобыльником и чуть-чуть шалфеем. «Ну и где эта школа? –
нервничал Антон. – Пора бы уж появиться. А это не к ней
ли?..»

Замигали впереди сигнальные световые столбы, и Родин
свернул на узкую дорогу к уездному учебному центру. У
школьного парка жались, поближе к деревьям, каплевид-

ные вертолеты. На обширной бетонированной площадке, уставленной пустыми атомокарами, не нашлось ни одного свободного места, и запыленный, зачуханный «гепард» с царапаньем и треском врюхался в заросли колючей груши. Приехали. Крутившийся поблизости кибердворник с энтузиазмом застрекотал и бросился мыть и чистить грязную машину, скрести ее, протирать и наводить глянец.

«Совсем как я, – усмехнулся Антон, – сидит и ждет, пока работа сама к нему явится...»

Вымотанный гонкой по жаре, щуря уставшие глаза, он с наслаждением окунулся в прохладную, пятнистую от солнца тень аллеи. Желтая ровная дорожка повела его через каштановую рощу, мимо стеклянных спален и пестрых коттеджей, мимо прозрачного голубого бассейна с вышкой для прыжков, мимо мастерских, мимо вишневого сада, где Антон впервые увидел детей – очень аккуратные, очень прилежные, мальчики и девочки сидели за партами, расставленными прямо под деревьями, и писали в своих тетрадках, а молоденькая воспитательница ходила от одного к другому и что-то объясняла вполголоса.

– Извините, а вы к кому, сударь?.. – спросил Родина серьезный детский голос. Антон обернулся. На него строго и пытливо смотрел отрок в коротких штанах и в летней рубашке из микросетки. «Типичный инкубаторский», – подумал Антон. Умное, воспитанное дитя. Опрятное и без комплексов. В его возрасте Антон и иже с ним ходили «бить

инкубаторских» – отказников из школы-интерната на Богополе. Сколько жестокости было в тех драках на чопорных, подстриженных, причесанных, шампунем мытых улицах! Сколько ярости! И никакого смысла. Ни малейшего! И интернатовские всегда давали сдачи. Теперь они поднимают вечную мерзлоту, водят громадные планетолеты, осваивают абиссаль. Или заняты еще каким-нибудь делом, тоже большим и важным. Все они стали кем-то...

– Ты дежурный? – спросил Антон.

Мальчик кивнул.

– Мне нужен учитель Строев, – объяснил Родин, озираясь. – Он вообще-то здесь?

– Был с утра, – заверил его дежурный. – Пойдемте, я вас провожу.

Они вышли на солнце и двинулись по широкой просеке в густой, в рост человека, сочной траве, глушившей даже абрикосы-дички. Стояла духота, как в парной. От травы шел острый, горький запах.

Мягкая зелень справа мокро захрустела, раздалось глухое басистое мычание, и гигантская пятнистая корова высунула из травы любопытную морду.

– Марта, Марта... – ласково потрепал ее дежурный, задрал руку.

Марта вздохнула, как кит, трянула головой и выпучила на Антона большой круглый глаз. Родин постарался обойти «буренку» стороной.

– Ну и скотинища! – сказал он потрясенно. – И тебе не страшно? Три метра в холке!

– Ну что вы, – снисходительно сказал дежурный, – они же добрые! И очень послушные. И потом, мы молока не знаем куда девать! Парного!

Из травы, озабоченно стрекоча, выскочили плоские серебристые киберпастухи на широких, мягких гусеницах и погнали Марту в стадо.

– А вот наша школа!

– Где? А-а...

Школа была двухэтажная, белая с кремовым. Высоченные шелковицы, ивы и яворы загораживали от солнца ее переднюю прозрачную стену.

– Как тебя звать хоть, дежурный? – спросил Антон. – А то неудобно как-то...

– Берталан. Просто Берци.

– А меня – Антон.

– Очень приятно, Антон, – вежливо сказал Берталан.

– Это правда, Берци, – вкрадчиво, с подковыркой, спросил Родин, – что вы учитесь по восемь часов в сутки?

– Кто вам такое сказал? – Берци сделал большие глаза.

– Ну-у... – затянул Антон уклончиво, – люди говорят.

– Если уж на то пошло, – без тени улыбки сказал Берци, – мы учимся по 10-14 часов в сутки, все время, когда мы не дома. Могу я узнать, где учились вы, Антон?

– В 12-й школе, – пробормотал сбитый с толку Родин. – А-

а... э-э... ну вот был у вас урок алгебры или там экономики, а что вы делаете после уроков?

– Мы всегда очень заняты, – терпеливо объяснил Берци. – Учимся, ходим в походы, ведем раскопки на древнем кургане – это далеко отсюда, у лимана. Читаем, конечно, Устраиваем концерты и спектакли. Спортом занимаемся. Младшие играют. Но в основном...

– А тебе сколько?

– Пятнадцать скоро. Но в основном мы развиваем свои таланты – смотря, у кого какой. У меня вот способности к технике, только я еще не знаю точно, кем буду – то ли межпланетником, то ли кибернетистом. То ли еще кем.

– Ага, – глупо сказал Антон.

«Развиваем свои таланты», так-то вот. Антон вздохнул. Он почувствовал себя нашкодившим, зареванным первоклашкой, которого старшеклассник волокет к директору. И еще эти дурацкие цветоволосы... Интересно, Берци какого о них мнения? Лучше даже не спрашивать...

Они поднялись на второй этаж, и Бертилан заглянул в двери рабочей комнаты «С».

– Антон Иванович у себя, – сказал он шепотом, глядя на Антона через плечо, – но он разговаривает по видеофону. Я оставлю вас?

– Да-да, конечно, – торопливо закивал Антон и проводил взглядом удалявшегося дежурного. «Дети – наше будущее». Странное какое-то будущее, непонятное. Непривычное ка-

кое-то. Даже пугающее. Хотя... Ну, не смолит чадо сие трескучих синтетических сигарет. Не цвиркает слюной под ноги. Не гогочет у подъездов, мешая спать благонаравным гражданам. Ну и что с этого? Кто сказал, что именно такое детство обязательно и непременно? Что детям подобает маяться дурью с пеленок, а не развивать свои таланты? Люди говорят? Поймать бы этих людей...

Антон прислушался.

– Сколько?! – донеслось из-за неплотно прикрытой двери. – А-а... Мне послышалось – «два»... Да, двадцать процентов работает. На всю Евразию это... сейчас посчитаю... Четыреста на сто... и на двадцать... получается восемьдесят миллионов человек. Где-где? Ну, нашли с чем сравнивать! В Европах ваших хорошо если процентов десять наберется работающих, да и то... А почему... Да... А почему, вы думаете, мы и вернулись в границы СССР? Именно поэтому... Конечно... Да?! А вы вспомните, на что мы замахивались! Чтобы одна десятая всего населения пошла в преподаватели, даже одна седьмая! Да! Даже так! И чтобы каждый преподаватель работал с небольшой группой учеников, с четырьмя или пятью детьми – и так все десять лет. Вот тогда будет толк! А так... Конечно... Нет а как мы можем внедрять Теорию Воспитания, если не появилось еще мощного социального слоя учителей? Кому ж ее развивать? Ну, так... Я о чем и говорю. А сколько еще реликтового, рептильного в самих школах? Не мне вам говорить об этом... Да, опять проблема.

Кругом одни проблемы! А что ж вы хотите, Панас? Время такое! Фронтир! Извините, Панас, ко мне, кажется, пришли. Да... Да... Конечно. Звоните, Панас. Всего хорошего!

Антон отпрянул. За дверьми из волокнистого силиколла мелькнула разноцветная тень, и створки с шелестом ушли в стены. На пороге высился огромный, темнолицый человек. Именно высился – Антон и сам был ростом не обижен, но то ли он настроился узреть божество научной педагогики, то ли просто разнервничался, а только смотрел простец на учителя Строева, как малыш на взрослого дядю – снизу вверх.

– Вы ко мне? – спросил человек-гора. Спокойно спросил, по-доброму. Не досадуя, как некоторые, что вот, ходят тут всякие, отрывают от дел, житья от них нет... И смотрел учитель по-доброму – глазами святого, всепонимающими и всепрощающими.

– Да, учитель, – затрудненно пробормотал Антон, – я к вам. Если можно...

– Отчего ж нельзя? – легко сказал учитель Строев. – Проходите, рассказывайте!

Изрядно смущенный, Антон проследовал за учителем. Держался Родин скованно. Сейчас, когда далекая сияющая перспектива вдруг придвинулась вплотную, просто и естественно слилась с повседневностью, страхи и сомнения одолели его. Сердце прыгало мячиком, и внутри что-то противно екало.

Неудобно присев на краешек дивана, Антон начал охрип-

шим голосом:

– Лида Мазуренко, вы учили ее...

– Ну, как же! – радостно воскликнул учитель Строев. – Очень и очень самостоятельная молодая особа! И очень славная!

– В эту очень славную я как раз и втюрился... – признался Антон.

– Не говорите так, мой мальчик, – покачал головой учитель, – не огрубляйте свое чувство. Зачем? Получается, что вы, боясь показаться смешным, нарочно принижаете его! И ее тоже... Вы любите Лидочку?

– Да, – покраснел Антон, – я... люблю ее. Кажется... Но Лиде нужен другой...

Учитель сочувственно посмотрел на него.

– Это не вы ли мой тезка будете? – поинтересовался он.

– Ох, простите, – сконфузился Антон, – совсем забыл! Антон Родин! А откуда...

– Рад познакомиться, Антон, – ласково сказал учитель Строев. – Не другой ей нужен, а другой вы – иначе она бы не беспокоилась... Лида гостила у меня на прошлой неделе. Жаловалась на вас – и все-то вы не делаете, и ничего-то вам неинтересно, и учиться вы не желаете...

Антон потерянно молчал. Почему-то всплыло в памяти, как Лида упрашивала его показать *гулянку*, как он все отнекивался, и как все-таки сдался и привел ее, и как Лида рассматривала с холма *гульбище* под Вradiевкой, долго-дол-

го, словно выискивала кого-то на чиненных-перечиненных электрокарах, у латаных-перелатаных тентов, среди бродящих, сидящих, лежащих вповалку простецов – босых, в штанах и юбках из домотканой материи, немых, нечесанных, болбочущих на пиджин-рашен... И как она с невыразимым презрением сказала: «Болото... Вонь земная...»

– Разве я виноват, – начал оправдываться Антон, – что чуть ли не вся работа перепала киберам? Попробовал бы я раньше дома посидеть! Как же! Я тогда бы водителем пошел или там сварщиком каким-нибудь... ну, не знаю... да хоть кем! А теперь – все! Теперь куда ни сунься – везде одни киберы! Киберводители, киберпастухи, киберофицианты, киберуборщики... Да вообще, что толку работать, когда и так все есть?! Какой в этом смысл? А и захочешь поработать, то что? Пойди сначала и выучись – на инженера там или на кого еще. А я, может, не хочу?!

– Но вы же вроде поступали куда-то?

– Ой, да... – Антон сморщился и махнул рукой. – Поступал... вспоминать тошно. Через год после школы подался в МГУ. Хватило ж ума! Не готовился ведь совсем, вот так вот, собрался и поехал! Вот же ж...

– Провалились? – участливо спросил учитель.

– На первом же экзамене... – уныло подтвердил Антон. – Нет чтобы куда попроще попытаться, в тот же Николаевский политэн. Давно бы уже отучился...

– Хм... А мне Лида рассказывала, вы в киберах разбира-

етесь...

– Это смотря в каких... – осторожно сказал Антон. – В домашних – да. В грузовых, в транспортных – в таких вот.

Из-за двери донеслись чьи-то веселые голоса и женский смех. Антон Иванович оживился.

– Это Глеб возвращается со своей девушкой. Тоже мой ученик, – сказал учитель с гордостью. – Глеб Жилин. Слышали, может?

– Жилин?! – изумился Антон. – Чемпион по субаксу?!

– Он самый! – рассмеялся учитель Строев. – Вот видите, что вам запомнилось! А ведь Глеб еще и кибернетист известный, кандидат наук, воентехник... – Учитель примолк и остро глянул на Антона. – Знаете что... А ведь это для вас самый лучший выход! Глеб уходит в проект «Марс»... Упросите его, чтобы он и вас с собой взял!

– Я... – задохнулся Антон.

– Вам нужна работа? – прямо спросил учитель Строев.

– Да, конечно! Но... вы думаете... он возьмет?

– А я его сильно попрошу! – подмигнул учитель.

Двери разъехались, и в комнату вошел высокий, крепкий человек с быстрыми движениями и жестким, уверенным взглядом. Он был одет по-простому – черные джинсы, серая рубашка – и вел за руку роскошную девочку.

– Учитель, – оживленно заговорила девочка, – у вас тут как на курорте! Правда-правда! А молоко какое – прелесть!

Она обратила внимание на Антона, отметила его цветовой-

лосы и равнодушно кивнула – Антон готов был снять с себя прическу вместе со скальпом.

– А вы бы видели нашу конюшню, Мариночка! – похвастался учитель. – Попросите Глеба, пусть бы вас покатал!

– В следующий раз, учитель, – мягко сказал Глеб, – нам надо еще к ее маме слетать, в Санта-Фе и обратно. Поздно уже.

– Ой, как жалко... – с огорчением сказала Марина, – я так лошадей люблю!..

– Глеб... – проговорил учитель просительно. – Тут один молодой человек рвется на Марс (Антон сглотнул всухую) ... Антон, подойдите. Его зовут Антон Родин. Ему нужно помочь.

– Мне очень нужна работа, – осмелился сказать Антон, Ответом ему был холодный взгляд.

– Да?

– Да... – еле выговорил Антон. – Я немножко кибернетист, немножко оператор... Правда, у меня нет образования... Но я буду учиться заочно! – выкрутился он. – Просто... Понимаете, если я не позвоню сегодня... одному человеку, что выхожу на работу, я могу этого... эту девушку потерять...

Марина задумчиво, чуть приподняв брови, разглядывала Антона. Жилин посмотрел на учителя Строева. Учитель кивнул.

– Хорошо, – твердо сказал Жилин, – я беру вас (у Антона

захолонуло в груди). Но учтите: поблажек от меня не будет (Антон истово закивал головой, еще не веря сбывшемуся)! Ясно? В Москве, в Управлении космофлота... Нет, езжайте вы сразу в Звездный городок – пройдете медкомиссию там. Дадут врачи «добро» – быстренько на космодром Фидониси, шестой посадочный сектор. На Спу-1 сделаете пересадку на рейсовый «Бора». И что это у вас на голове творится? Чтоб я этого больше не видел. Все поняли?

– Да, конечно! – сказал с восторгом Антон. – Спасибо большое! До свидания!

Он неловко поклонился и выбежал вон.

2

Новгород, Люгоща, «Вежа-11»

Намотавшись по пенатам, наведавшись к своим учителям, нагостившись у обеих мам, Глеб с Мариной до смерти устали и, отужинав в платном ресторанчике на Прусской, подались домой к Марине – к ней было ближе.

Ночной Новгород даже близко не походил на Новгород, освещенный солнцем. Он искушал, он манил, он обольстительно и порочно улыбался, суля все мыслимые и немыслимые улады и даруя их, не скупясь.

Ярко светились прозрачные и полупрозрачные стены и ярусы. Мерно плыли в воздухе огненные буквы реклам, озаря толпы нарядных людей. Разноцветные блики скользили по фидерам движущихся тротуаров. Все бары-автоматы и даже кафе с табличками «У нас платят» были переполнены. Народ толкся на межъярусных эскалаторах, поднимался по роскошным пандусам, кружил на спиральных спусках – спокойный, раскованный, доброжелательный народ.

– И перед старою столицей, – пробормотал Жилин, – померкла младшая Москва...

– Ты что-то сказал? – лениво спросила Марина.

– Да так, просто. Вспомнилось. Далеко еще?

Марина, обнимавшая его руку, потерлась носом о Глебово плечо.

– Нам на Люгощу надо... – сказала она невнятно и приподняла голову. – Да мы уже почти приехали! Во-он моя «Вежа»!

За спектролитовым колпаком такси ракетировали к небу хрустальные башни.

– Эта?

– Да нет! Слеспандя... Которая справа!

У кольцевого подъезда они остановились. Атомокар подождал, пока все выйдут, захлопнул дверцы и покатил на стоянку.

– Спать хочу... – сказала Марина, зевая, и вошла в пузырь лифтовой кабины.

– Скоро выпишься, – успокоил ее Глеб, мгновенным движением подхватывая оброненную Сегундо баночку кленового сиропа. – Не падать! Нам на какой?

– 89-й...

Дверцы чмокнули, запахнувшись, и ускорение мягко налило тяжестью два организма и один механизм.

– Надо будет со Спу обязательно маме позвонить, – сказала Марина. – Очень мне не хочется ее одну оставлять, а что делать? – Девушка вздохнула. – Я у нее до этого той осенью была. Какая там красотища! Осины и тополя прямо как золотые, а небо синее-синее. На Сангре-де-Кристо, на вершинах, уже снег лежал, а склоны темные – там тсуга растет, елки разные... Мы там оленя видели... и бобров.

На 89-м горизонте тяжесть схлынула, и лифт выпустил всю троицу на длинную галерею с прозрачными выгнутыми стенами, сходящимися вверху. За ними дрожало зарево огромного города. Чуть ли не весь Неревский конец простирался далеко внизу, мерцал и переливался, как разворошенные угли. На прозрачной крыше галереи калились красным огни энергоприемников.

– Ну, наконец-то дома! – простонала Марина и протопала в услужливо открывшуюся дверь. Тут же сработала световая автоматика.

– Куда положить вещи? – спросил невозмутимый Сегундо.

– Оставь пока здесь, – распорядилась Марина и скрылась

в предбаннике. Через секунду она выглянула из-за двери. – Ты париться не будешь? – спросила девушка с надеждой.

– «Не будешь», – заверил ее Жилин.

– Тогда... там, наверху, есть ванная, – обрадованно сказала Марина, – а то я не люблю, когда кто-то ждет, мне это мешает.

– Парься, парься... – проговорил ласково Жилин, и девушка, белозубо улыбнувшись, исчезла за дверью.

Глеб с интересом огляделся. В огромной гостиной, вдоль трех стен которой тянулся балкон с красивой лестницей, ведущей на верхний этаж, ничего не было, кроме большущего камина, сложенного из камней, и поблескивающей панели компьютерного блока. На полу лежали коврики, сплетенные навахо, а все остальное было убрано, с глаз подальше, в зеркальные стенные шкафы – они смотрелись как одно огромное сплошное зеркало. Такая натура, рассудил Жилин. Не любит много баракла.

...Когда он – чистый, румяный, благоухающий – спустился в гостиную, из бани, лохматя распушившиеся волосы, вышла Марина – чистая, румяная, благоухающая. Изогнутые амфорой бедра, немислимо тонкая талия, тугие чаши тесно поставленных грудей. Сердце Жилина бухнуло и забилося, как пойманное.

Переступая ровными ногами, сложив кулачки на груди, Марина подошла на цыпочках и прижалась к нему, горячая и гладкая.

– Красавица моя... – проворковал Жилин.

– Да, красавица я... – с удовольствием повторила Марина.

– Красоточка... – продолжал ворковать Глеб. – Красотулечка...

Он подхватил девушку под коленки и взял на руки, кладя пальцы на упругую грудь.

– Пусть он отвернется, – прошептала Марина, – а то я при нем стесняюсь...

– Сегундо, – строго сказал Жилин, – отвернись!

Кибер заворочался, а Глеб, больше всего боясь оступиться, обнял крепче свою драгоценную ношу и бережно понес наверх.

Глава 5

ПОСАДОЧНЫЙ БОТ «КОЧА»

Перегрузка наседала, подступила боль в пояснице и затылке, и амортизирующая смесь зажурчала активней.

– Пятьсот тридцать секунд, – бесстрастно доложил компьютер. – Полет нормальный. Корабль вышел на орбиту.

Реактор заглушили, и тут же все незакрепленные предметы стронулись и всплыли. Частицы Гленна сыпанули сверкающими искрами, заплясали за крошечным иллюминатором, медленно потянулись от головной части к хвостовой.

– Бортинженер Громыко! – разнеслось по громкой связи. – Освободить пассажиров из амортизаторов!

Не дожидаясь бортинженера Громыко, Жилин сам сдвинул крышку и поморщился. Было такое ощущение, как будто его голову пытаются вытянуть из шеи – чувствовалось напряжение мышц под подбородком, тяжелели лоб и затылок, живот как бы подсасывало вверх... Изнывая от тошноты, Глеб переделся в черный блестящий комбинезон, а на ноги обул тяжелые сапоги с магнитными подковками.

«Лучшее средство от хвори – поступать назло хвори!»

Бодрясь, Жилин выпорхнул в коридорный отсек и поплыл в рубку. В тесном коридоре сновал от каюты к каюте надушенный Громыко. Натужно сжав губы в улыбку, Жилин

спросил:

– Как там мои кадры?

Громыко приветливо улыбнулся – и превратился в совсем-совсем другого, очень мягкого и доброго, немного даже наивного, душевного, робкого с девушками и неуверенного в себе человека. Вот почему, подумал Жилин, он вечно угрюм и не улыбочив. Прячется.

– Все в порядке, мастер, – сказал Громыко сиплым голосом и прочистил горло. – Одну девушку стошнило, но не сильно.

– Не шатенку, случайно? – осведомился Жилин.

– Нет, черненькую такую, – сказал Громыко, – со стрижкой.

«Хорошо, хоть не Маринку, – подумал Глеб. – Бедная Рита...»

Уступая друг другу, Жилин с Громыко чуть было не сшиблись – бортинженер проплыл у потолка, а главный киберинженер поднырнул под него и через узкий колодец проскользнул в рубку.

В рубке было жарко. На месте старшего пилота сидел Максим Гири́н, огромный и светловолосый, похожий на добра молодца из сказок. Зевая, он вычитывал курс-пакеты, бегущие по экрану бортового компьютера. Тишина стояла библиотечная. Негромко посапывал климатизатор. Чем-то шелестела контрольная система. В голубых окошечках мельтешили зеленые синусоиды, ровно держали свет мелкие экран-

чики табло. Жилин постучал по люку.

– Кто-то мне место обещал...

– Заходи, – добродушно пробурчал Гирин. – Что, погано?

– Нормально, – проворчал Жилин, неуклюже суюсь в ложемент. Крепления с мягким щелчком зафиксировали его тело. – Потерплю уж как-нибудь...

– Гадство... – прогудел Максим. – Такое чувство, будто стоишь на голове и вся морда кровью набрякла...

Он возложил мощные длани на пульт и вперился в экран телепроектора. Все шло штатно.

Корабль медленно проползал над ночной Евразией. Внизу четко выделялись автострады, разрезавшие Сибирь на квадраты и прямоугольники, огненным бисером смотрелся Северный Пояс городов, блестели под Луной реки, Урал весь затянуло полосами облаков, и громадный Екатеринбург просвечивал сквозь них оранжево-красным пятном.

– Здесь «Коча», Земля – орбита, первая зона, – пробасил Гирин в бортовой радиотелефон. – Здесь «Коча», Земля – орбита, первая зона! Вызываю Спу ПАЛ. Прошу финиша на Спу-1 «Промежуточной».

– Станция ПАЛ к «Коче» Земля – орбита, – немедленно отозвалась Главная диспетчерская. – Переходите на монтажную орбиту, финиш сектор 3-Ц. Конец.

– Принято...

Жилин осторожно вытянул ноги (не задеть бы чего...) и опять повернулся к экрану. Там, справа в углу, выглядыва-

ло кружево раскрытой антенны. Земля была еще погружена во мрак, небо с его немигающими звездами тоже чернело непроглядной темнотой, а вот антенное устройство уже сияло слепяще белым светом. Корабль выходил из тени.

Край Земли очертился отчетливой темной линией, на угольно-черном небе проявилась полоса глубокой, чистейшей голубизны и начала блекнуть. Выше, обрамляя круглящуюся Землю, занялся красный зоревый серп, разгорелся до ярого желто-золотого колера и стал горбиться, вспучиваться, набухать – всходило Солнце.

– «Ариес-4», Луна – Земля, – подключился к каналу чей-то высокий, звонкий голос. – «Ариес-4», Луна – Земля вызывает Спу ПАЛ! Схожу на заправку сектор БОП, схожу на заправку сектор БОП, резерв один ноль два. Прием.

Зеленый огонек вызова потух и загорелся снова.

– «Хиус-8», Меркурий – Земля, «Хиус-8», Меркурий – Земля, нахожусь в секторе 8-Е...

– Спу ПАЛ «Ариесу-4», Луна – Земля. Заправка сектор 8-Ц, база Пи-Эл 13. Конец.

Пролетели над Камчаткой; очень темный поначалу, черный, как тушь, океан постепенно светлел, принимал хмурый свинцовый оттенок. Было интересно наблюдать, как между ночью и днем быстро перемещалась сероватая кайма сумерек – облака над нею теплились нежным розовым светом.

Гулко хлопнул люк. Голос Громыко пробормотал:

– Извиняюсь...

– Ориентацию выполнил, Митрич? – басом отозвался Ги-рин.

– Обязательно... – Бортинженер кувыркнулся, коснулся пола, взлетел к потолку, оттолкнулся и раскорякой скользнул на свое место у пульта. – Финиш-программу будешь проверять?

– Да что ее проверять... Ну, давай.

Гириин, пыхтя, дотянулся до голубого листка, просмотрел его и отвалился в кресле.

– Вводи в киберштурман, – сказал он, сладко зевая.

Звезды потухли, горели лишь Сириус и Вега. Начинаясь новый день. Океан внизу размеренно, потихоньку катил свои волны, видимые с орбиты, как застывшие светло-голубые сборки, а облака казались плывущей по воде пеной. Прямо под кораблем зеленел маленький, кругленький островок, обведенный, как мелом, белесым контуром прибора. Бросался в глаза четкий белый штрих – выхлоп какого-нибудь щеголеватого лайнера, а может, трудяги-балкера.

– Максим! – прозвенел по интеркому Маринин голос. – Можно мне расстегнуться? А то я еще ни разу не была в невестомости. Я тут немного полетаю! Можно?

– Ладно уж, – улыбнулся Гириин, – полетай. Только осторожно, смотри! А то долетаешься...

– Ладно!

Жилин пошевелился в кресле и скривился – показалось, что пульт где-то внизу, а он висит, прицепленный к потолку.

Чертова невесомость...

– «Луч-5Т», Пояс – Земля, вызывает Спу ПАЛ. Дайте пеленг. Прием.

– «Ариес-4», Луна – Земля, вызывает Спу ПАЛ. Выхожу в сектор 5-Д, прошу дать предупредительный по зоне станций. Конец.

– «Хиус-8», Меркурий – Земля, базе Пи-Экс 17. Схожу с орбиты в четвертой зоне, прошу финиша у ангара Новембер-Танго. Прием.

– Что-то сейчас вспомнил... – пробулькал Громыко и чихнул: – Р-р-рум-чж-ж-жах! Да что это... Смотрели вчера по ВВ? На Церере боты угнали – то ли три, то ли все пять... Я прослушал.

– Этой мрази везде хватает, – поморщился Жилин, – что на Церере, что на Земле.

– А на Марсе... слышите? Киберкомплекс раскурочили.

– Придурки...

– Дорвались до бесплатного... – пробурчал Гирич. – Вот чего людям нейметса? Ну, не нравятся тебе репликаторы – не пользуйся! Кто ж тебя заставляет? Копайся себе на даче, детей расти... Или вон к экологам шуруй, леса сажать, там никаких дипломов не требуют – росли бы руки, откуда положено... Вот поработали бы – узнали б тогда! Атак... Что им, когда вон они еще обкакаться по первому разу не успели, а у них уже всего навалом – и чего надо, и чего не надо, и все за чужой счет! Вот они с жиру и бесятся...

– Скучно им, – вывел Громыко.

– А как же... – Гирин дотянулся до сенсора. На вертикальных шкалах забегали огонечки. Всплыл фигурный светосигнал, помигал немного и погас. – Помнишь, как Горбунков первый репликатор запустил? А, ну да, тебе тогда годика четыре было... А я как раз в первый класс пошел. Помню, все аж плющились от радости: «Изобилие! Счастье для всех – и даром! Уря-уря!» Доурякались. Я как-то батю оформлял в Фонде изобилия, смотрю, а на стене такой плакатик висит, и на нем большими буквами выведено: «Ваши беды кончились! Желания исполнились! Мечты сбылись! Вы закреплены за распределителем номер такой-то, все вещи в ассортименте и продукты питания Вы можете получить лично или заказать с доставкой на дом...» Я плюнул и ушел. Лучше сделали, называется! Господи, ну подумали бы своей башкой, администраторы хреновы, а кому ж эти люди стали нужны теперь?! О ком им заботиться? Ради кого, «исполнять долг»? Раньше у них хоть что-то было в жизни! Они вкалывали, как все, с девяти до трех, копили на вертолет, годами расплачивались за дом, за киберуборщика, покупали дитю самое лучшее и дорогое, чтобы все было, «как у людей», на себе экономили, лишь бы отложить на квартиру для чад ненаглядных. Мечтали слетать в Париж или на орбиту... А им все разом – шарах! – берите, люди, пользуйтесь! Люди и пользуются – хапают, хапают, гребут двумя руками, набивают шкафы тряпьем, да еще и утрамбовывают, чтобы побольше влезло... А

потом спиваются! Или мрут под грезогенераторами. Или вон киберов курочат... А что им еще делать? Целей новых нет, средств новых нет. И желаний новых – под ноль! Вот и рядятся в пурпур...

– Боком нам вышло это изобилие... – вздохнул Жилин,

– Да уж... – буркнул Максим. Он подался к главному пульту, внимательно следя, как сплетаются и расплетаются голубые тенета мнемодиаграмм. – Марина!

Некоторое время спустя из интеркома донесся запыхавшийся голос:

– А?..

– Налеталась?

– Ага!

– Пристегнись там. Готовимся к маневру.

Послышалась возня, какое-то барахтанье, хихиканье, и Марина звонко доложила:

– Все!

– Приступаем к двухимпульсному маневру, – посуловел Громыко.

– Параметры орбиты проверены, – отрапортовал компьютер. – Все системы в норме.

– Поехали, – коротко приказал Гирин.

Близился закат. Сумеречная серая полоса накатывалась на планету и густела; тени вытягивались в длину, становились бело-голубыми, сливались с потемками. Антенна теперь гляделась как золотая, а по ходу корабля и в стороне,

над неосвещенной Антарктидой, колыхалось великолепное полярное сияние.

– Сказка! – вырвалось у Гирина.

Жилин быстренько наклонился к микрофону:

– Марина! Посмотри в иллюминатор! Скорее!

– Ни-че-го себе! – достиг рубки приглушенный возглас.

Зеленые ленты сияния извивались по Земле, аки змии, а из них били вертикальные столбы света. Исполинские фонтаны света. Настоящие световые гейзеры. Они полыхали и зеленым, и красным, и голубым, и синим, и рубиновым – хлестали, качаясь и скрещиваясь; цветные отблески ложились на лица, перебегали по стенам рубки, трепетали, гасли и разгорались вновь.

– Двигатель включился, – нарушил молчание Громько. Он был очень занят, и возлеземная экзотика не успевала стать для его глаз пиршеством. Самое большее – какой-нибудь вкуснятинкой, перехваченной на ходу.

– Чую, – кивнул Гирин. – Немного подрагивает, подрагивает машина...

– Входим в зону станций, – озаботился компьютер. – Высота орбиты один мегаметр, скорость семь тридцать пять, период обращения сто пять минут. Все идет штатно.

– Переходим к сближению, – скомандовал Гирин.

– Есть!

Раскрутился, стягиваясь и топорщась, коричневатый мнеммографик. На малом дисплее загорелась надпись: «Исходная

стыковки».

– Спу-1 «Промежуточная» – «Коче» Земля – орбита, – раздался бодрый тенорок в селекторе. – Вам разрешается финиш на второй доковой палубе, пятый стыковочный узел. Вторая доковая, СУ-5. Конец.

– Принято, – пробасил Гири́н. – Спу наблюдаем. Дальность пять тысяч метров. Крен девяносто градусов.

– Цель точно по центру, – добавил компьютер. – Сближение идет нормально. Набирается скорость.

На экране телепроектора появился Юпитер, за ним высипали звезды. Но маленькая точка Спу в перекрестье визира блеснула еще ярче. Корабль, словно усталый мерин, почуявший конюшню, встрепенулся и загудел двигателями.

– Дальность одна тысяча метров. Крен постепенно выбирается.

– По нашим данным, – осторожно подключился Спу, – у вас все идет штатно.

– Все в норме, – подтвердил компьютер.

– Видим корабль! Отлично идет, без крена, тангажа, точно по центру!

На расстоянии километра светящаяся точка «Промежуточной» растопырилась замысловатым иероглифом; резкие светотени складывались в колечки, шарики, палочки. Вспыхнула надпись «Наличие цели», и корабль начал разворот.

– Есть захват! – сказал Громы́ко удовлетворенно.

– Дальность четыреста восемьдесят метров, – затараторил компьютер, – скорость ноль девять. Идем в графике.

Жилин покосился на Гирина. Квадратный добрый молодец как склонился над пультом, так и застыл, нахмурен и сосредоточен. На его лице, с твердым подбородком и широковатым носом, выступил пот, собравшийся в горошины.

– Дальность? – разлепил он губы.

– Дальность двести метров, – отбарабанил комп. – Скорость ноль семь. Наддув в норме. Идет торможение.

– Спу-1 – «Коче». Вам разрешается причаливание.

– Выдали команду на причаливание, – отпасовал Гирин.

Раскинувшая крылья солнечных батарей, простроченная вдоль и поперек цепочками иллюминаторов, станция выростала на экране в громадную связку торов, шаров и цилиндров, растянутую по вертикали. Но какой бы здоровущей она ни была, сокрыть «Бору» ей не удавалось. Гигантский фотонный планетолет реял в черной пустоте, пристыкованный у внешних доков Спу, и смахивал издалека то ли на сверкающую рапиру с обломанным клинком, то ли на детскую пирамидку – толстая труба фотореактора была вдета в огромный параболоид отражателя, на нее был наколот серебристый диск грузового отсека, а на верхушке блестела шаровидная жилая гондола.

– Ничего машинешка? – небрежно-горделиво сказал Гирин.

– Да уж... – протянул Жилин. Он хотел сказать «банду-

ра», но вовремя спохватился (еще обидится) и выговорил: – Сама чуть меньше Спу...

– Да, это тебе не баран начихал!

– Подходим к станции.

Пятый стыковочный узел, где-то сбоку круглой доковой палубы, был хорошо подсвечен – справа горел зеленый огонь, слева – красный. Две пары белых фар мигали сверху и снизу.

– Идет торможение... – выдал компьютер. – Корабль готов к стыковке.

– Заметно работают двигатели, – проговорил тенорок со Спу, – такие вспышки, вспышки идут...

Гири́н отнял руку от клавиш управления и размял пальцы.

– Дальность шестьдесят метров, – нудил комп, – скорость ноль три... Спу пошел вправо... Начал гасить бок...

Гири́н промокнул лицо салфеткой, смял ее и сунул в карман.

– Есть гашение боковой... Идем на стыковку.

– Ожидаем касания...

Стыковочный узел угрожающе надвинулся, заняв весь экран.

– Есть касание!

Корабль резко дернулся, гася инерцию, сначала в одну сторону, потом сразу в другую, но рубчатые присоски уже крепко сжимали массивный конус с кокетливо оттопыренными стабилизаторами.

– Есть сцепка!

Бот качнулся – так вздрагивает горячее тело, когда до него дотрагиваешься холодной ладонью. Запищала и заскрипела герметическая перемычка, пару раз за бортом коротко прошипело, и все – привычные звуки как-то сразу угасли. Зато явственно прорезались станционные шумы. Потрескивание, изредка – пощелкивающий скрип; о чем-то неразборчиво толковали громкоговорители на доковой палубе, доносились голоса и гремящие шаги.

– Приехали, – сказал Громыко и вынул из замка ключ от стартера.

Глава 6

ОРБИТАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ СПУ-1 «ПРОМЕЖУТОЧНАЯ»

Все вместе они проплыли в кессон станции, уцепились подковками за магнитную дорожку и прошкандыбали в переходной отсек. А там – не протолкнуться, отсек был битком набит. Добровольцы, межпланетники, планетологи, любопытствующие пассажиры. Говорили все сразу:

– А пробы? Пробы вы хоть брали? Да? И что?

– На Церере, ты имеешь в виду?

– Ну а мы о чем говорим?

– Да все то же самое – углистые хондриты и клатраты, «нифе» мало. Из чего там строить – не знаю...

– ...Ред, дай глянуть! Нет-нет, вон ту! Ага...

– Черт, всю регистрограмму размотал... А? На, держи...

Да ты сматывай, сматывай...

– ...Нет, разлом доходит до Земли Афродиты, вот досюда, а здесь вот... нет-нет, здесь – да что ты мне говоришь! Я же знаю... Обнажения суперские, классные просто – дунит, гиперстеновый пироксенит, эклогиты...

– О-ля-ля!

– Заметь: те же глубинные ультраосновные... слышишь, что говорю?

– ...Ой, да согреем мы этот Марс! Подумаешь... Разговору больше.

– Думай, что говоришь! Это ж тебе планета, а не банька!

– Пф-ф! Подумаешь, планета! Да хоть две планеты!

– ...Это только так кажется, что «Бора» велика. Внутри-то тот же ионолет – смотреть не на что...

– Ну, ты как скажешь! Рейсовик есть рейсовик. Целый километр в длину – это тебе не что-нибудь!

– Это ж Виджай, ему лишь бы поспорить! Сам же видел, какая там «юбка» – полкилометра в растворе!

– Во-во! А в длину эта «макси», считай, метров семьсот, даже семьсот пятьдесят! И что от самого корабля остается? Фиг да маленько! Ну, метров сто от силы...

– Да?! А двести пятьдесят – не хочешь?!

– Ну, двести пятьдесят...

Жилин отодвинул дежурного диспетчера, чесавшего язык со всеми за компанию, и повелительно сказал:

– Проходите на палубу, не стойте! Чего зря толкаться?

Ребята и девушки, звякая и цокая по магнитному полу, протиснулись в помещение с куполообразным потолком. Галдеж почти прекратился, и все посмотрели на Жилина, парни – выжидающе, девушки – с интересом. Глеб непринужденно улыбнулся.

– Меня зовут Жилин, – представился он, – Глеб Жилин. Я – главный киберинженер проекта и ваше непосредственное начальство. По всем вопросам обращайтесь ко мне.

Толпа зашумела.

– Все тут, никого не забыли? – повысил голос Жилин. – Корелли... Алишеров... Ивернева... Никольский... Черняк... Соловейчик... Так, вижу... Сугорин... Свантессон... Вижу, вижу... А Шимшони где?

– Здесь я!

– А, извини, Яэль... Завьялов... Быстров... Вожжеватов... Я правильно назвал? Ага... Вот тебя не помню.

– Морган, сэр! Тимофеем звать!

– Из Джакоя? Ясенько... Все, что ли? Что-то мало вас...

Раздались голоса:

– Щас еще придут!

– А Танька с Катюхой где? Где? Скажите им, чтоб сюда шли!

– Вон Родин еще!

– Вылазь, вылазь давай!

Стесняясь, из толпы вышел Антон Родин. Голова у него была обрита наголо.

– Антон Родин, – сказал он с ноткой нерешительности, – стажер.

– Ну и как, стажер? – улыбнулся Жилин. – Дозвонился до... одного человека?

– Дозвонился... – засмутился Антон.

В толпе никто ничего не понял, только Марина хитро улыбнулась и что-то прошептала на ухо бледненькой Рите Иверневой. Рита поджала губки, боясь засмеяться.

– Не вижу Гупту... – заозирался Жилин.

– Ты где, Виджай?

– Да вон он, в «малинник» забрался!

– Тут я! – поднял руку смуглый парень приятной наружности. Он покосился на стайку девушек и сказал, соображая.

– Получается, все девушки будут работать на Базе?

– Получается, – улыбнулся Жилин.

В толпе зашумели. Слышались возгласы:

– Ничего себе! Так нечестно!

– Гунилла, ты-то хоть с нами?

– С ними!

– Предательница!

– Не, вы как хотите, а я перевожусь на Базу!

– А то никакой жизни!

Из «малинника» звонко утешили:

– Ничего, будет и на вашей улице праздник!

– Когда перевернется «КамАЗ» с печеньем... – добавил кто-то после короткой паузы.

Тут лекторский голос Йенсена покрыл веселый шум:

– Добрый день, господа! Здравствуйте!

Толпа расступилась, и Ларс Юлиус Йенсен, лауреат Большой премии Яна Амоса Коменского, лауреат Геродотовской премии, профессор Ладожского университета, директор Петербургского института планетологии, почетный доктор Кембриджского университета и действительный член Всемирной де сиянс академии, оказался в середине круга. За

ним выдвинулся высокий, стройный африканец, сложенный, как равнобедренный треугольник, и симпатичный по европейским стандартам – губы у него были не так чтобы тонкими, но и не вывернутыми, нос – вполне прямым, а все лицо – длинным. В общем, не совсем африканский фенотип.

– Знакомьтесь, господа! – торжественно провозгласил Йенсен. – Габа Оле-Сенду, штурман корабля «Бора»...

Глаза бваны Оле-Сенду выпучились абсолютно по-африкански.

– Худжамбо, бвана афанде!⁹ – возопил он, да так, что Йенсена, бедного, шатнуло, и ринулся к Жилину. – Х'веве?¹⁰

– Сиджамбо, Габа! – ответил, посмеиваясь, Жилин и попал в объятия здоровенного масая. – Сикуона веве тангу замани!¹¹ – выдавил он.

По толпе пронесся шепоток.

– Мой командир был! – похвастался Габа хмыкающему Гирину. – Мы с ним и с нукерами Мехти-хана дрались, и штурмовикам Чанга жару дали – помнишь, на Таити? О-о, а как интернацистам всыпали – до сих пор вспомнить приятно! У моего афанде орденов больше, чем пуговиц на блейзере!

– Габа... – пристыдил Жилин разошедшегося штурмана. – Что люди подумают?

⁹ приветствие старшего по званию (суахили).

¹⁰ Это ты? (суахили)

¹¹ Давненько не встречались! (суахили)

Толпа шумела с одобрением.

– Везет же Габе! – добродушно прогудел Гирин. – Вон, как огурчик! А тут... – Он помассировал мешки под глазами. – Что лыбишься?

– Ликую бо! – радостно вскричал Габа. – Скорблю о нищих телом, ибо не дано им вкусить утех невесомости!

В толпе начался хохот.

– Юрод... – буркнул Гирин. – Ладно, пошли! Мы еще техконтроль не закончили... Пошли, пошли! Насмотришься еще на своего афанде!

– Поговорить уже не даст с человеком!

Толпа с хохотом провожала Габу, а тот весело скалил зубы. Некоторое время из бесконечного коридора Спу еще слышался его голос, вопрошающий «чертова медведя», куда тот так несется, и бас Гирина, советовавший «морану недоделанному» живее перебирать ногами.

Громыко поджал губы и просипел:

– Вот взяли моду... Только и знают, что ругаться...

– Не обижайте моего Максика, – весело сказала Марина. – Это все Габа на него дурно влияет!

– Да оба они хороши, – сказал Громыко. – Когда порознь – люди как люди, а как сойдутся... Все!

– Господа! – воззвал из коридора Йенсен. – Господа, особенно не расходитесь! Сейчас все идем на предполетный медосмотр!

Из толпы послышался вопрос: «А куда идти-то?»

– А вот так вот, по коридору, – любезно пояснил Йенсен, – до самого конца и налево, там будет кают-компания. Вот туда.

Добровольцы дружно повернулись и, беспорядочно клацая магнитными подковами, повалили в коридор.

– Пупа, пупа, пупа, пупа! – грянули в толпе «Марш добровольцев».

– Дзюмба квели капитоли камикадзе! – наяривали в первых рядах.

– Пи-пи, па-си-пупа! – подтягивали сзади. – Ква-кварель! Ква-кварель!

Йенсен открыл в конце коридора круглый люк, и все по очереди стали пролезать через него в кают-компанию. Это был обширный круглый зал со сферическим потолком. Рядышком с прозрачной переборкой, отмеченной красного цвета крестом, полумесяцем, молотом, колесом Сансары и звездой Давида, оболочку станции прорезал огромный круглый иллюминатор. Кто-то завопил:

– Тимка, смотри! Твоя Австралия!

– Bloody ¹²! – восторженно взвыл Тимофей Морган, рыжий и конопатый «осси» ¹³, самый молодой метеотехник в группе. – Bloody great!

¹² Bloody – «великое австралийское прилагательное», употребляется в значении «проклятый», «чертовски», в том числе и в хорошем смысле: «чертовски хорошая погода». Bloodygreat – чертовски здорово {англ.}.

¹³ Осси – сокр. от англ. «австралиец».

Жилин тоже подошел. Спу проплывала над Австралией. Песок пустынь светился очень чистым бледно-желтым цветом, леса на этом фоне казались темно-темно-бурыми, чуть ли не черными. Атмосфера была прозрачна до невозможности и полностью свободна от облаков, только какой-то стратолет, несясь на гиперзвуке, оставлял за собою прерывистый инверсионный след – зыбкий пунктир, зачеркивавший Квинсленд наискосок.

– Сугорин, Гупта, Черняк, пожалуйста! – раздался за спиной тонкий голосочек девушки-практикантки.

Все обернулись. Гупта замешкался и вошел к врачу последним, пропустив перед собой длинного как жердь Сугорина и плотного, долгорослого Гошу Черняка.

– Йенсен, Соловейчик, Родин – приготовиться!

Жилин занял очередь, а тут и неразлучная парочка появилась. Штурман и командир «Боры» ввалились в кают-компанию, словно из 3-го «Б» на перемену выскочили – сразу стало шумно и тесно. Габа хихикал, вертел головой и хлопал себя по бокам, а русский медведь о чем-то с азартом ему повествовал. «С виду – свирепый гризли, – пришло в голову Жилину, – а ведь по натуре своей – большой плюшевый мишка...»

– Кто крайний? – закричал Габа.

– Я, – отозвался Жилин.

– Мы за тобой, афанде! Ну-ну... – подбодрил штурман командира.

– Ну, что... – затянул командир, – было это аж в позатом году. Афросоюзу только-только передали две ядерные ракеты – старую «Шелонь» и почти что новую «Стрелу» – и меня к ним инструктором прикрепили. Ага... Ну, пока я доехал до Найроби, пока нас устроили в общежитии университета – деньги, считай, все вышли. Африка же, за все платишь наличкой – да, настоящими бумажными деньгами! Я с собой привез маленько, да все раздарил... (Добровольцы подходили и обступали Гирина.) И вот буквально на другой день мне приходит перевод на 500 рублей. Мой аванс. Ну, думаю, живем!

– А что это такое – перевод? – робко спросили из толпы.

– А... Ну, это когда деньги тебе по почте присылают. Как письмо. Ага... А почта там рядом, на Муинди Мбингу-стрит, ну, ты знаешь... (Габа кивнул.) Ага... Я туда. Так и так, говорю, вот, денежки мне пришли. Как мне их получить? И сую свою писульку. А за стеклом негритяночка, симпопончик такой, даже не обтянутая – облитая своим костюмчиком, тычет мне другую, чистую бумажку. «Хапана¹⁴, – говорит, – хапана». Сначала, мол, заполните. Ну, ладно, думаю. Достāju стило, пишу – фамилию вывожу, имя проставляю... И тут – стоп! «Личный номер в паспорте». Я-то совсем забыл, что паспорт нужен! Я ж его сроду в руках не держал, паспорт этот. Привык, что везде компы. А тут – здрасьте, приехали!

Ну, что делать, пришлось идти за паспортом. А теплынь

¹⁴ Хапана – нет {суахили).

такая на улице, джакаранды в цвету – тротуара не видно, все усыпано фиолетовым... Поднимаюсь я к себе, лап-лап по карманам – нету паспорта! Все сумки перешарил – нету! И ведь я же помню, что он у меня был! Нам их всем перед отъездом выдали – синенькая такая карточка, там стереофото мое – ну, все, как полагается, и вот на тебе! Неужто, думаю, посеял? Вот гадости!

Иду я на почту, руками вожу, вздыхаю тяжело – нету, мол, паспорта, тью-тью! Негритяночка мне посочувствовала, конечно, языком поцокала и говорит – тогда несите другой документ. Шас, говорю, моментом! Возвращаюсь в комнату, достаю членский билет Питерского Клуба Межпланетников и дуо обратно на почту. Вот, говорю, билет. А негритяночка мне из-за стекла: «Хапана, хапана!» По членскому, втолковывает, можно на сумму до 50 рублей, а у вас целых 500! Нужно, вдалбливает, удостоверение личности! Ну что ты будешь делать! Я опять в общагу – искал, искал... Ну все перерыл – нету паспорта! Ну хоть ты тресни! Я на почту. В четвертый раз, – поднял Гирипалец.

Габа хихикнул, добровольцы пересмеивались, а те, кто подошел позже, пристраивались к веселящимся и заранее улыбались.

– Ну и вот, – продолжал командир «Боры». – Подхожу – моя негритяночка мне уже улыбается: узнала! Я ей объясняю: м'дами¹⁵, ну, потерял я этот паспорт, понимаете? А мо-

¹⁵ М'дами – мадам, госпожа {суахили}.

жет, и ухитили, не знаю. Войдите, говорю, в положение! Дайте по билету хоть 50! Она опять свое: «Хапана, бвана, хапана!» Подзывает заведующего – седого такого индийца, – он ее выслушал и говорит мне: все, мол, ясно, получите по доверенности. Мзури сана ¹⁶, говорю, мзее ¹⁷, а как это? Те мне объясняли, объясняли, но... то ли я их не понял, то ли они мне чего-то не того наговорили, а только я вернулся в общежитие и постучался к соседу. Слушай, говорю, Мэйсонье, будь другом, выручи! Сходи получи за меня деньги, а то я, раззява, паспорт потерял! Я, говорю, сейчас доверенность накатаю, и тебе по ней выдадут мои денежки. Вырываю лист из тетради и пишу: «Я, Гирин Максим Васильевич, пилот, КДК, Евразия, доверяю Мэйсонье Лассаву, пилоту, ЕКА, Евроамерика, получить за меня денежный перевод на сумму 500 рублей». И подпись.

Габа согнулся от хохота.

– Тебе смешно... – улыбнулся Гирин. – А ты представь, что у меня это в первый раз, вся эта возня с бумажками. Я же в жизни ни с чем таким не сталкивался, пока в Африку не попал. Там же все, как в прошлом веке! И вот, словно дите малое...

А Мэйсонье – такой же балбес, как и я был, иначе помогать не стал бы... Ну, в общем, опять «хапана, хапана», и опять я пошел, солнцем палимый. Надо было, оказывается,

¹⁶ Мзури сана – очень хорошо {суахили).

¹⁷ Мзее – обращение к пожилому человеку (суахили).

чтобы доверенность в отделении КДК подписали и печать шлепнули. Ну что ты будешь делать!

Пришлось плестись аж на Харамбе-авеню, тогда там представительство было. Прихожу – а оно закрыто! Когда откроется, спрашиваю? А после уикэнда, говорят, сразу и приходите! Нет, вы представляете?! Я жрать хочу, сил нет, а они мне – до понедельника! Короче, достаю я свою доверенность и расписываюсь за представителя – была у меня его роспись на пропуске. Это...

– Мы знаем, знаем! – вразноголосицу сказали добровольцы.

– Ага... Расписался я, значит, и печать поставил. На пропуске ведь и печать была – яркая такая, жирная, – я ее посплюнвил и к доверенности приложил...

Гомерический хохот потряс кают-компанию. Габа выпучил глаза и сложился пополам. Широкие плечи его мелко затряслись.

– Чего только с голодухи не придумаешь, – горестно вздохнул Гири́н. – А пришел на почту, там один заведующий за стеклом – то ли обед у них, то ли сиеста, не поймешь. Тот только на мою доверенность глянул и вернул. Печать, говорит, яйцом сведена. Все! Тут я сдался. Поплелся обратно. А что тут делать станешь? Перекантуюсь, думаю, как-нибудь до понедельника, у Нзубе займу или у Мэйсонье.

А потом прохожу мимо комендантской, мне и стукни в голову: может, думаю, я коменданту за постельное белье пас-

порт оставил? В залог? Я ж говорю – там все, как в прошлом веке! То справки этим симфорантам подавай, то паспорт, то квитанции разные... Вот уж точно: «Без бумажки ты – букашка, а с бумажкой – человек!»

Захожу я к коменданту – бритоголовый такой масай – и точно! Вынимает он мой синенький! Я аж затрясся весь! Оставил масаю вместо паспорта билет свой, вышел в коридор и – не поверите! – карточку эту синюю расцеловал! И вот тогда – в седьмой раз! – я только и получил свои кровные. Вот позорище...

– Зато есть что вспомнить, – утешил его Жилин.

– Да уж... – довольно ухмыльнулся Максим. – Это тебе не баран начихал!..

– А вот у нас... – начал Габа с воодушевлением, но договорить ему не дали. Стеклопанель медотсека раздвинулась, и в кают-компанию, повернувшись спиной, выбрался Йенсен.

– Обижаете! – воскликнул он для кого-то в медотсеке. – Конечно, передам! До свидания! – И обернулся к троице: – Заходите!

– А где девчонки? – спросил Жилин. – Что-то я их нигде не найду...

– А где же им еще быть? – сказал Йенсен, радостно улыбаясь. – В скафандровой, конечно! Да вы заходите, не стесняйтесь!

Кнуров и парочка зашли. В медотсеке все сверкало бе-

лизной. Матово белели пластмассовые стены, блестела белая груша киберхирурга под молочным потолком, похрустывали белоснежные халаты громадного старшего врача Клунина и тоненькой девушки-практикантки. Сразу за столом-пультом ждали своих жертв стационарные диагностеры – длинные массивные ящики с герметическими крышками. Тоже белые.

Грузный врач благосклонно посмотрел на вошедших.

– Андросы, – пророкотал он густым архиерейским басом и неодобрительно уставился на сутулого Антона, облачавшегося у шкафчика. – Как бы богатыри! Да, Ленусик?

– Да, – пискнула Ленусик и зарделась, как маков цвет.

– Что там у нас?... – громыхнул старший врач, плавно перебирая клавиши на пульте. Компьютер забубнил, услужливо выдавая на экран какую-то врачебную цифирь. – Порядок... Раздевайтесь и ложитесь в любой, какой на вас смотрит.

Диагностеры стояли рядком. Жилин выбрал крайний слева, за коим стыдливо прятался Антон, Стажер явно комплексовал из-за своих узких плеч и тонкой, кадыкастой шеи. Трепыхаясь и вертясь в воздухе, он неловко запихивал ноги в мягкий запах комбинезона, нервно дергая его и подсмывая.

Рот Жилина сложился в беглой усмешке. Он распустил комбез до самого низу – Ленусик шарахнула паническим взглядом, – выпростал одну ногу, уцепился за поручень, разделся и нырнул в диагностер. Было тепло, как в нагретой по-

стели.

– Как бы расслабьтесь! – грянул врач. – Ноги врозь, руки вдоль тела!

Девушка-практикантка неловко придвинулась, ухвати-лась обеими руками за крышку и, отводя глаза, захлопнула ее. Диагностер басисто загудел. Присоски биодатчиков облепили кожу; мягко, щекочуще, прошлись по ней микрощупы – словно кошка потерлась. Звон колокольчика – и крышка пошла вверх.

– Можете одеваться, – прогремел голос эскулапа. – Ленусик, сделай доброе дело – включи стерилизацию.

– Сейчас! – пропищала Ленусик. И снова покраснелась.

«Наверное, переживает из-за какой-нибудь ерунды, – подумал Жилин, – из-за голоса или из-за того, что невысокая. Небось считает себя коротышкой-недоростком. Глупенькая...»

– А теперь куда? – спросил он у Гирина. – Макс!

Тот отвел взгляд от миниатюрной практиканточки.

– А?..

– Куда теперь?

– На борт, – спокойно сказал Гирин, скрепляя магнитные застежки на башмаках. – Все уже... Нет, ты погляди, какая лапочка! – произнес он приглушенным голосом.

– «Бе бо женолюбец, яко ж и Соломон!» – процитировал Габа нараспев и заклеймил друга: – Маньяк, сразу видно!

Гирин ответил немедленно:

– Сам ты маньяк! Смотри ты на него – нашел маньяка!

Котяра хренов...

– Хватит вам ругаться, – благодушно проворчал Жилин. – Габа, что ты к нему пристаешь постоянно?

– Я?! – возмутился Габа. – Да он сам ко мне лезет, афанде! Ты его еще не знаешь просто!

– Ничего – протянул Гирин, – он меня однажды выведет...

– «Я мстю, – съязвил Габа, – и мстя моя страшна!»

Покачав головой, Жилин попрощался с медиками и направил стопы в скафандровую. Голос Ленусика за его спиной промяукал: «Следующие, пожалуйста!»

Жилин отворил круглый люк и шагнул в отсек без иллюминаторов, но со множеством шкафов и стеллажей. Ну, естественно... Все девушки были здесь. Они оживленно обсуждали фасоны спецкостюмов, прикладывали их к себе, вертелись перед зеркалами, дефилировали и прихорашивались.

– А вам что, особое приглашение нужно? – весело спросил Жилин. – А ну, марш в медотсек!

– Да мы сейчас! – хором заныли девушки. – Мы только померить!

– Мы что, – сказала Марина прекрасным голосочком, – и скафандры будем мерить? Никогда не надевала скафандра...

– Ты мне тут зубки не заговаривай, – сказал Жилин, улыбаясь. – Давай-ка топай...

– Нет, ну правда!

– Будем, – заверил ее Жилин. – И мерить будем, и подго-

нять. Ну, что ты на меня так смотришь?

Марина одарила его чарующей улыбкой.

– Думаю, что бы такое умное сказать... – проговорила она. – О! А давай я тебе глазки буду строить?!

– Я тебе дам «глазки»! – засмеялся Жилин и сгреб завизжавшую девушку в охапку.

Он вынес Марину в коридор и шлепнул по тугой попке, налаживая в медотсек.

Пересмеиваясь, покачивая крутыми бедрами, девушки проследовали в кают-компанию.

Проснулся и заревел громкоговоритель всеобщего оповещения:

– Внимание! Экипажу «Боры» собраться на борту! Объявляется готовность один! Повторяю...

* * *

Жилин взял Марину за руку своей мозолистой левой, а правую прижал к отпечатку пятерни, выдавленному на терминале регистратора.

Прямо перед Глебом и Мариной, за прозрачным люком, тянулась длиннющая галерея-переходник. Круглая снаружи, восьмигранная внутри, она метров на двадцать уходила в перспективу, стягиваясь вокруг внешнего люка «Боры».

– Идентификация успешна, – произнес терминал нежным женским голосом. – Доступ разрешен.

Пройдя вакуум-отсек «Боры», Жилин выбрался в кольцевой коридор и повел девушку, огибая выпуклую стену. Их обгоняли, толкаясь и спеша, добровольцы с чемоданами и модными заплечными мешками. Откатывались толстые двери, чмокали люки, цокали и гремели подковки. Удалые добровольцы были очень шумным народом и никак не могли успокоиться, все в них играли гормоны и кипел энтузиазм.

– Четвертый БО, – прочел Жилин. – Наш.

Он отодвинул дверь и заглянул. Чисто. Опрятно. Пусто. Бытовой отсек номер четыре состоял из двух кают. В первой, с мягкими стенами кремового цвета, стояли пара кресел и диван, в стене наличествовал шкаф, а под обзорным экраном был выдвинут столик. В маленькой каюте за перегородкой были откинuty две койки с широкими эластичными ремнями. Голая функциональность.

Развесив одежду, Глеб с Мариной уселись в кресла и пристегнулись. Жилина сморило. Он потянулся и, с облегчением выдохнув, откинулся на спинку кресла. Лениво смежил веки.

Марина улыбнулась: ей пришел на память лев Кларенс из Серенгети-Цаво, где дядя Саша работал рейнджером-аскари. Кларенс, тот тоже после легкого завтрака (полбака «живого» мяса и тазика витаминизированной воды) делал «потягушечки» и ложился в тенечке – подремать. Однако спал он вполглаза и вполуха: ни одна тень, ни один звук не проходили мимо царственного лентяя. Всегда готовый к отпо-

ру, он с легкостью взрывался движениями, и не было среди них ни одного лишнего. Удар его лапы ломал хребет буйволу-мбого...

Глаза девушки задержались на Жилине. Какое у него лицо... Твердое, суровое... Линии рта и подбородка жесткие, тонкий шрам на щеке...

«Мой мачо...» – подумала Марина с нежностью.

...Посмотришь, вроде бы и Глеб, как все мужчины – из мягкого такого, податливого воска, и ты берешься лепить его по-своему. Но пальчики нет-нет да и нащупают под воском прочнейший стержень, этакий костяк жилинской природы – и все! Не смять его, не согнуть. Может, этим и отличен сто-процентный мужчина? Да и так ли уж плохо, если вдуматься, чувствовать себя слабой и ведомой? Неужто ее влечет душа, покорная малейшей женской прихоти?

Как же, знавала она такую «душу», знавала... Биологом он был, что ли? Помнится, клялся ей: «Я всегда буду говорить тебе „Да!“ А она ему сказала... что же она ему ответила тогда? Что-то вроде: „Незачем со всем соглашаться“. „Я всегда буду говорить „Нет!“ – метнулась „душа“. „Противиться – тоже не лучше“, – рассудила она. „Тогда я буду молчать“, – сник он. А она сказала: „Ну, молчать – это и вовсе никуда не годится“. „Так что же мне делать?!“ – возопила бедная «душа». Гордая дева лишь пожала плечами...

– Внимание! – раздался из интеркома напряженный голос Гирина. – Готовность ноль!

Жилин с удовольствием потянулся – до хруста, до приятной ломоты, до звонкого пульса, – положил голову на спинку кресла и сомкнул глаза.

– Отдохни еще, – сказала Марина ласково. – И так весь день на ногах...

Жилин улыбнулся, не раскрывая глаз, и переплел свои пальцы с Мариниными.

– Приготовиться! – огласилась каюта гиринским басом. – Старт!

Глава 7

ФОТОННЫЙ ПЛАНЕТОЛЕТ 1-ГО КЛАССА «БОРА»

Антон сходил за багажом и вернулся в БО. Это было сплошное удовольствие – вот так вот спокойно шагать, а не трепыхаться в невесомости. Теперь уже все. Теперь ее сомнительных «утех», действующих на нервы, он не вкусит до самого Марса: корабль вышел на прямую траекторию и двигался с постоянным ускорением. Ну и слава богу...

Антон запихнул свои вещи под диван и расслабленно бухнулся на губчатую покрышку, привалился к мягкой матовой стенке, раскинув руки и закрыв глаза. Все! Он летит.

Не разжмуриваясь, Антон растянул губы в блаженной улыбке. Нервотрепка последних дней, бесконечные посадки и пересадки, обилие впечатлений – все это страшно утомляло. Из школы – обратно в Ольвиополь. Ну как же! Надо ж было перед Лидой повыхваляться! Не слишком-то она, правда, и поверила... Мама – та сразу в слезы, а бабушка все норовила ему в чемодан дедушкин парализатор запихать. А беготня только начиналась... Из Ольвиополя – в аэропорт Чаусово. Оттуда в Москву, из Москвы – в Звездный. Комиссия – та тоже нервы помотала. Медавтомат ему и слова не сказал, зато въедливые врачи только что не обнюхивали его

генную карту – цеплялись к каждому гену. Что они этим, интересно, доказать хотели? Что «А.М. Родин» и не хомо вообще, а пришелец из космоса? Какой-нибудь семи-гуманоид? Ну, так это им почти удалось... Из Звездного рысью в Быково, оттуда – до Акмолинска, потом на Байконур. А там отменены рейсы на орбиту! По метеоусловиям. Он в Каракумы, в Мирза-Чарле. А оказалось, ему не туда надо было, а на другой космодром! Он бегом к дежурному по пассажирским перевозкам: куда ему тогда?! На Алатоо?! На Северный полигон?! Нет, разобрался дежурный, вам на Фидониси. Это недалеко, на Черном море. Там рядом лежат два острова – один всамделишный, другой искусственный. Вот как раз на нем и находится космодром. Он туда...

Носишься, носишься, как посоленный, – занимаешь очередь, оформляешь багаж, взвешиваешься... Бегаешь, бегаешь, ищешь эту регистратуру, пока найдешь, там опять очередь... Он так переволновался, что, когда сел в стратолет до Фидониси, сразу вырубился. Хоть полчаса поспал по-человечески. Хорошо, сосед разбудил – уже пролетали Кавказ. Он спросонья вытаращился в иллюминатор, а там все синее синего, как в сумерки. А где космодром? Скоро уже, успокоил сосед, ерунда осталась. О, уже тормозим...

Навалилось так много интересного, нового, необычного, что даже голова заболела. Пассажирский терминал помнился плохо, одно накладывалось на другое. Стеклостые потолки... нависавшие друг над другом ярусы... молочные пара-

болические контрфорсы... Под котельным сводом огромного зала ожидания с фонтанами и пальмами толклась масса однопланетников – отлетающих и прилетающих, встречающих и провожающих. Цокот каблуков и шорох комбинезонов, удары гонга и говор репродукторов, и поцелуи, и вздохи, и бас, и тенор, и фальцет – все мешалось и наполнило купол многоголосым эхо.

Антон вспомнил, как покинул терминал и вышел на косу-перешеек. И слева и справа сверкал, искрился, отливал разгулистой влагой Понт Эвксинский. И там, и там догоняли друг дружку волны. Отороченные пеной, скатывались в обливные валики и шумно падали на белый песок. Только пляж по правую руку был вогнут, а по левую – выпукл, на одном тянулись пирсы с качающимися яхточками и парой больших катеров, а другой был истыкан яркими зонтиками и уставлен шезлонгами. Две девушки, совсем еще молоденькие, вероятно, тутошные школьницы, перебрасывались надувным красно-белым мячом. Бледнотелый бородач, опустив на глаза выгоревшую шляпу, дремал на огромном выцветшем полотенце. Мальчик лет пяти, без трусиков, но в панамке, сосредоточенно ваял нетленку из мокрого песка. Между пляжами изгибалась узкая дорога и вразбивку росли кипарисы, полосатя песок зыбкими тенями и чем дальше, тем кучнее сбиваясь в чашу, из-за которой блестели стеклянные крыши. Из подъезда дома, сквозящего через заросли, вышел дядька в белых брюках, в свободной рубашке и соло-

менной шляпе, и поспешил к морю, разоблачаясь на ходу. Девушки хором поприветствовали его, дядька – вероятно, тутошний учитель – махнул им рукой, совлек штаны, прыгая на одной ноге, и ринулся в воду.

Антон повернул голову к космодрому. Слабый гром грянул оттуда, покатился, дробясь на бесчисленные затухающие эхо. В небо всплыла мерцающая оранжевая звездочка, распуская за собой мощный ионизированный хвост. Потом он перевел взгляд на девушек: розанчики!

У него как-то в голове не укладывалась эта ласкающая взгляд сопредельность. Вот же он, космодром высшего класса, рядом совсем! А тут – песочек, мячик, девочки, вдохновенное дитя, похрапывающая борода... Не вязалось все это с планетолетами и фотонными приводами, со стартами и финишами, вообще с космосом не вязалось.

Басистый гудок оборотил его к Понту. Совсем близко перла громада патрульного катамарана класса «Генерал Корнилов». Катамаран шел, едва касаясь волн, вода бешено бурлила и клокотала между скегов, а за кормой клубилась, оседая и растекаясь, гряда взбитой пены. На высоких решетчатых конусах мачт серебрились шары гипноиндукторов, густо утыканные длинными блестящими иглами, спектролитовые колпаки целого выводка дископланов, выстроившихся на носовой взлетной палубе, нестерпимо сверкали на солнце.

Могучей, сдержанной силой веяло от грозного корабля. Внезапно облако водяной пыли у него в кильватере разда-

лось, вспыхнуло вихрями брызг, и в ореоле радуги выплыл еще один хOVERKpафт¹⁸, уже не хищных, а пышно-округлых очертаний. Купец-сухогруз. Плавно перелетев искусственные рифы, судно с ходу выбросилось на берег в сторонке от яхт и осело – расправляя юбку, умиротворенно глуша турбины, расплылось, широкое и плоское, как плот. Медленно, со значением, растворило зевы лацпортов.

Авторазгрузчики только и ждали этого. Рукастые и ногастые, они ринулись толпой к сходням, как пчелы к леткам...

...Уже совсем стемнело, когда он приплелся к посадочному модулю. В лучах осветителей корабли выделялись особенно рельефно. Чаши антенн сверкали, как паутина в росе. Мутно отсвечивали серые стены МИКа¹⁹, по ним пробежали четкие полосы теней, ложилась, трепеща и вытягиваясь, ажурная сетка.

Белые огни телефотеров на мачтах и голубые лучи прожекторов не могли, как ни старались, осветить всю равнину риф-флета²⁰ и выхватывали из темноты лишь отдельные куски напряженной космодромной жизни. Зато это была настоящая ночная жизнь – работа, а не гулянка. Здесь даже прожекторные «зайчики» прыгали с места на место не просто так, а строго по порядку, четко отслеживая график под-

¹⁸ Ховеркрафт – судно на воздушной подушке.

¹⁹ МИК – монтажно-испытательный корпус.

²⁰ Риф-флет (или рифовая платформа) – вершина кораллового атолла.

готовки кораблей к пуску...

Антон заулыбался, вспоминая. Все напряжение последних дней, все томления и страхи разом схлынули с души, очищая ее для радости. «Я! Сейчас! Лечу! – билось в голове. – На корабле! На настоящем!» Маленькое счастье развернулось в Антоне, взыграло, сжимаясь и трепеща, запенилось горячей волной.

Ойканье за дверью и смех развеяли воспоминания. Антон подскочил, треснулся головой о нависающую койку и зашипел от боли. «Чего ты такой дерганый стал?» – сердито спросил он себя и потер бритую макушку. В дверь коротко постучали.

– Можно? – просунулась прелестная девичья головка. Пышные золотистые волосы обрамляли суживающееся к заостренному подбородку лицо. Синие, с длинным разрезом глаза обежали каюту и вновь остановились на Антоне.

– Конечно! – опомнился Антон. – Заходите!

Блондинка распахнула дверь пошире и зашла. За нею в БО прошествовала смуглая девушка восточного типа. Очень красивая.

– Гунилла, – присела в церемонном книксене блондинка, но не удержалась – засмеялась. Антон отметил ее пленительный грудной голосок.

– Яэль, – коротко назвалась восточная красавица.

– Антон, – галантно привстал стажер, благоразумно склоняя голову. Девушки кивнули и чопорно присели на свобод-

ный диванчик, а Антон растерялся. Он не знал, о чем с ними говорить. Перед ним сидели не просто две красивые девушки, с которыми можно поболтать ни о чем, поделиться, «помочить корки». Короче, «пообщаться». Гунилла и Яэль были добровольцами, девушками с образованием, работницами. А о чем говорят с представительницами высшего общества? Чем дальше, тем глупее Антон чувствовал себя.

Неизвестно, сколько бы он так просидел, но тут в дверь опять постучали, и на пороге нарисовался третий его попутчик – Виджай Гупта, собственной персоной.

– Здравствуйте, девушки! – Виджай картинно поклонился.

– Приветик! – помахали ему девушки.

Светски улыбаясь, Гупта вошел, задвинул дверь и примостился рядом с Антоном.

– Давайте знакомиться, – бойко заговорил он. – Вы – Яэль, я угадал?

– Угадал... ли, – неласково усмехнулась Яэль.

– Может, перейдем на «ты»? – предложил Гупта.

– Давай, – согласилась Гунилла и закинула ногу на ногу. – Тебя Виджей зовут?

– Виджай, – поправил ее Гупта.

– Ой, извини! А я – Гунилла, а он вот Антон.

Антону стало приятно.

– А чего вы не включите экран? – живо поинтересовался Гупта. – Луна ж скоро!

– Ой, а я и забыла! – Гунилла коснулась сенсора.

Луна крупным планом еле влезла в обзорный экран. Зубчатые тени кратеров передвигались по ее трещиноватому, дырчатому, битому-перебитому шару.

– Здоровущая какая! – заахала Гунилла.

– Мог бы и раньше сказать, – с досадливой гримаской сказала Яэль.

Вздыбленная скалами, густо усеянная кратерами, кратерочками и кратерными ямками, Луна плавно проворачивалась под «Борой», грея на Солнце бок с Морем Дождей. По разлету светлых лучей Антон узнал кратер Коперник. Значит, эти два – Эратосфен и Тимохарис, а это – Платон (словно кругляш черной земли проглянул из-под снега). А вот, четкий такой, разруб Альпийской Долины...

– Луна-Главная! – авторитетно заявил Гупта, перегибаясь и тыча пальцем в иззубренные края Архимеда. – Здесь вот, на внешнем скате, где сейчас тень.

– Все-то ты знаешь, – сузила глаза Яэль.

– Ну, так... – неопределенно выразился Гупта.

– А кто мне скажет, – оживилась Гунилла, – что это за девушка с мастером? Марина, кажется?

– Подруга, наверное, – предположил Виджай.

Антон заерзал. Гупта переставал ему нравиться.

– Нет, – словно нехотя, молвила Яэль. Она завела руки, собирая пышные волосы, и тонкая ткань рельефно обтянула большие круглые груди – так, что проступили соски. Антон

стыдливо потупился.

– Невеста? – любопытничала Гунилла.

– Скорее всего, – проговорила Яэль, будто пересиливая себя.

– Да-а... – глубокомысленно затянул Виджай. – У шефа и прям губа не дура...

Яэль сверкнула на него глазами, но промолчала.

– А ты на каком курсе, стажер? – переключился Гупта на Антона.

– Ни на каком, – буркнул тот.

– А-а... – по-своему понял Гупта. – А что кончал?

– Ничего. Я нигде не учился, сахиб (Гунилла фыркнула).

Буду поступать на 30. Не женат. Пока. Вредных привычек не имею. Уже. Правда, бывает, играю в покер, но не на деньги, а только на раздевание.

Не глядя на опешившего Гупту, Антон вытянул ноги и случайно коснулся щиколотки Яэль.

– Кстати, насчет раздевания, – промолвила та насмешливо (Антон отдернул ногу). – Выйдите, мальчишки, на минутку. Нам с Гуниллой надо переодеться.

– Не вопрос! – с готовностью вскочил Гупта. Загудела задняя полка.

– Осторожнее! – воскликнула Гунилла. – Так же и голову разбить можно!

«Так тебе и надо!» – мстительно подумал Антон. Он пропустил впереди себя кряхтящего Гупту и вышел сам.

– Какие девчонки! – простонал Виджай и осторожно потрогал темя. – Глазов не отвести!

– Глаз, – буркнул Антон.

– Я... что?

– Глаз, а не глазов.

– А-а... Ты с какой будешь? – быстро спросил Гупта. – Чур, я с Гуниллой!

– Да ну? – сказал Антон с издевкой. – А вдруг она не согласится?

– Ну прям! – уверенно сказал Гупта. – Согласится. Я буду само обаяние!

– Все! – прокричала Гунилла из-за двери. – Можете заходить!

В каюте стало совсем по-домашнему: столик был застлан бахромчатой салфеткой, на нее девчонки поставили две пластмассовые груши с магнитными ободками вокруг донышка и прозрачный термос. Обе прелестницы сидели рядышком – голоногие, в уютных, пушистеньких халатиках, и о чем-то шушукались.

– Надеюсь, вы нам уступите нижние места? – сказала Гунилла просительно.

– Не вопрос! – воскликнул Гупта.

Антон молча скинул ботинки с рубчатыми магнитными подковками, подтянулся и улегся на откидную койку.

– Да я ж не сейчас имела в виду, – виновато запротестовала Гунилла.

– Да я так просто, – сказал Антон, умащиваясь, – полежу маленько.

Его открытая улыбка успокоила Гуниллину совесть, и девушка улыбнулась в ответ. Антону она напомнила Лиду – как он, еще той зимой, приехал на хутор пана Мазуренко проводить ее...

Хутор был словно в черно-белом изображении – белый снег, хаты из белого пластолита, черная наблюдательная башня. Только небо было серое.

...Она сидела в уголке дивана, он – посередине; за окном было темно, в комнате тоже. Он смотрел на Лиду, она – на расческу. Потом она устроилась поудобней – положила голову на валик. Говорила, что не хочет уезжать, что разлепилась за каникулы... Он коснулся ее волос – они были такие мягкие, такие легкие, такие ЕЕ... Она сказала: «Не надо...» и стала мучить расческу.

А он так хотел, чтобы что-то наконец изменилось, чтобы она придвинулась ближе к нему, он помог бы ей подсесть еще ближе, обнял бы легонько, она бы доверчиво положила голову на его плечо. Волосы щекотали бы ему щеку... он очень хотел этого тогда.

К утру все растаяло – и снег, и ожидания. Лида была красивее себя. Все ей шло – и шапочка, и шубка. Даже такая мелочь, как перчатки, даже чемоданы ей шли...

Снизу донеслось хихиканье и громкий шепот:

– Тише ты, Антона разбудишь... Видишь – устал чело-

век...

– Ой, а сама-то! Чего вот мучила?

– Я?!

– А кто же?! Развопилась! Уй-я! Я тебе сейчас пощипаюсь! Больно же!

– Да я несильно!

– Ага, несильно! Теперь синяк будет.

– Вот ведь вредная!

– Сама вредная... Учи вон лучше... «Двухфазная кислородная установка позволяет...» А на рисунке что?

– «Кис-ло-родный обогатитель».

– Так это то же самое или другое что?

– А ты где читаешь? Ты же не там читаешь!

– Здравствуйте!

– Привет! Вот – АГК-7. А ты куда забралась? АГК-9!

– А-а...

– Бэ-э!

Антон длинно вздохнул, перевернулся на бок и закрыл глаза.

Глава 8

ЛУНА, КРАТЕР АРХИМЕДА, БАЗА «ЛУНА-ГЛАВНАЯ»

Локи медитировал. Он сидел в саду отдыха, плотно закрыв змеиные глаза, и созерцал незримое. В его воображении рождались образы, не отличимые от яви – вприглядку, на ощупь неотличимые. Нафантазив океан, Локи ощущал порывы ветра, волглого, напитанного солью, слышал перекаты волн и скорбные вопли чаек. Он зримо и явственно представлял горячий, шершавый камень строящейся пирамиды или гнилостный запах дуриана, перебивавшего изысканный вкус «короля фруктов». Хомо супер мог шататься по стылым коридорам средневекового монастыря, чувствуя, как зудит кожа под грубошерстной рясой, или пронизывать Глубокий Космос, где справа разметало туманность светящегося газа, а далеко слева висит спиралька галактики М-31... Скучно Локи не было. Кто-то сердобольный мог его и пожалеть – за абсолютное одиночество, но сам супер был чужд и скуки, и жалости, и одинокости. Все эти чувствавания он приписывал человеческой природе, двуполю, а оттого обреченной на разлад, на борьбу двух начал, на вечные сомнения и поиски компромисса. Природное, биологическое, перевешивает в людях разумное. Если мужчина ощущает се-

бя одиноким, значит, ему нужна женщина. А женщина тоже не хочет, не может, да и не должна быть одной. Ей требуется пара, она нуждается в мужчине. Секс у людей – в начале всего, он – фундамент всех культур, именно от двуполости проистекает человеческий иррационализм. Локи помнил, как ему стало дурно при виде тысячной толпы, бьющей поклоны богу. Экце хомо! Тот самый хомо, что сравнивал себя со Вселенной, впадал в неразумие, самозабвенно отдавался в рабство верховному существу, этому плоду страхов и лени человеческого ума, и кротко признавал собственную ничтожность!

Идея бога... Да, это была величайшая из идей! Она давала ответы на все вопросы, совершенно ничего не объясняя. Величайшая обманка!

Только человечье разумение, основанное на разделении полов, и оттого двойственное, то есть тождественное безумию, могло дойти до признания абсолюта и сверхестества чем-то сущим и явленным. Хотя бы «во облацах».

Божественность, судьба, душа – эти абстракции толкуются каждым из хомо по-своему. Но даже здоровый атеизм, признающий человека материальной частью материального мира, извращен людьми – по их склонности к утверждению парности – до признания безбожия простой противоположностью религии. Вера – безверие, бог – дьявол, хороший – плохой. Таким вот, болезненно расщепленным, предстает мир в людском понимании. А мир един.

Склонность к любви, склонность к нежности, склонность к жалости... Гормональные протечки, мутящие чистый разум. Какая гадость...

Для Локи, бесполого гиганта духа, не было тайн в эмоциональной сфере мужчин и женщин, он знал и понимал людей. Люди были настолько предсказуемы, так легко поддавались управлению, что Локи давно растерял минимум уважения к этим существам, будто смея ради мнящих себя разумными. О какой разумности можно вести речь, если все, что им нужно, – это оргазм и корм!

А уж эти их потешные поиски смысла жизни! Ну как можно было найти хоть какую-то осмысленность в их скоротечном существовании?! Сто лет – не срок, это всего лишь отсрочка смерти. Жили бы они годков эдак по шестьсот, тогда другое дело. А так...

Локи открыл глаза. Щелки зрачков то сужались, то раздвигались черными семечками. Только что он взял мысль Тхакура Сингха, окопавшегося где-то на Марсе. Отличный результат для ридера!

«Локи, – взывал главарь Боевой Группы, – мы готовы!»

«Хвалю, – коротко ответил Локи. – Действуем следующим образом: я насылаю исполнителей на военный космодром, и мы угоняем парочку десантных ботов. Плюс те, что ты увел с Цереры... Этого должно хватить...»

«Какая у меня задача?» – поинтересовался Тхакур Сингх.

«Не перебивай, – холодно подумал Локи. – Твоя задача –

захватить станцию А-2, это та из СВЧ-антенн, которая прогревает северную полярную шапку. Смотри не перепутай! Как только Спу окажется в твоих руках, сразу переводи ее на другую орбиту. Надо, чтобы мазеры работали по экваториальной зоне Марса. Понял?»

«Да! Да!»

«Запоминай цели: евразийские базы „Большой Сырт“ и „Маринер“, евроамериканская „Порт-Лоуэлл“. В таком вот порядке... И еще: без моего приказа лучевую атаку не начинать! Ты все понял? В твоём распоряжении два-три дня. Приступай...»

«Будет исполнено!»

Локи скривил в улыбке беззубый рот: какое рвение! Он покинул сад отдыха и спустился в Центральный коридор базы, похожий на длиннющую станцию метро. Былолюдно, но Локи никто не замечал – могучее биополе скрывало его, словно волшебная мантия-невидимка. Он вспомнил фазу роста (люди сказали бы – «детство») и свою основу – Рудольфа Эфроимсона. Занятный был человечек. «Папуля»... Рулле клонировал вариант хомо супера, апгрейд «человека разумного», полное собрание изобретений в сфере практической евгеники. Эфроимсон мечтал о белокурое супермене нордического типа, но что-то не пошло в эксперименте, и Локи был запущен в существование низкорослым уродцем с огромными размерами головы и ног. Рудольф так и называл

его – «мой головоногий»...

Локи помнил все, отчетливо и резко, и мог прокручивать в воображении каждую секунду прошедшего бытия. Но что было прокручивать? Первые четырнадцать лет сливались в серую, смутную череду будней. Подъем, завтрак, опыты, обед, прогулка, опыты, ужин, отбой. Вечный понедельник, дождливый, промозглый и тоскливый до воя.

Локи числился экспериментальным образцом лаборатории «Зэт» в секретном институте, запрятанном на окраине Наровы. Четырнадцать лет подряд у Локи было одно-единственное увеселение – он убегал на чердак главного здания и оттуда, через крохотное окошко, разглядывал правый берег реки, где поднимались башни Ивангорода и начиналась территория Евразии. Видно было плохо – высоченный забор загораживал пейзаж. В солнечные дни верх стены блестел битым стеклом, ночью фонарики охранников высвечивали тугие скрутки колючей проволоки... Тюрьма на одного зэка, из которой нельзя сбежать. И все же Локи сбежал.

На пятнадцатый год у него развилась сильнейшая ридер-потенция. Психодинамическое поле было таким мощным, что горели датчики. И Локи стал развлекаться – выходил на балкон, к примеру, и заставлял охранников маршировать по аллее, отдавая ему честь. Или стравливал собак... А злая сила в нем все росла и росла. Однажды Локи проснулся от зуда в голове. Он раздирал кожу ногтями, пытаясь дочесаться, но все прошло само собой. А в нем выросло нечто но-

вое. Локи приказал Рудольфу провести глубокое ментоскопирование, и «папуля» выяснил невероятное – его «головоногий» стал психократом! Локи обрел способность «кодировать свой комплекс физиологических нейронных состояний на чужие комплексы физиологических функционирующих нейронов в нуль-состояниях». Попросту говоря, Локи теперь мог подсаживать упрощенную копию своей личности на живые мозги других людей. Это вам не гипноз какой-нибудь! Человек с подмененной личностью навсегда становился преданнейшим рабом Локи, готовым на любое преступление во имя Хозяина.

В тот же день Локи поменял личности у всех охранников секретного «ящика», и у него появились свои преторианцы. Лейб-гвардия. СС. Исполнители. Локи присвоил им номера – от Первого до Двадцать четвертого в Первом разряде. Потом приказал переодеться в черное и исполнить приказ, гласящий: все ученые и администраторы на территории «ящика» должны быть уничтожены. Все, кроме Рулле Эфроимсона. Этого Локи убил лично. И ушел.

Газеты взорвались сенсационным эксклюзивом, смакуя на все лады подробности евгенического проекта и хором ругая официальные круги. Рудольфа Эфроимсона сравнивали с Виктором Франкенштейном, а Локи отождествляли с чудовищем-жертвой, жалели даже. Позже, когда Локи развернул пурпурные знамена и принялся методично истреблять ученых, инженеров, студентов и профессоров, тональность

статей переменялась, но то было после...

Локи отшлюзовался с целым разрядом исполнителей и вывел их на лунную поверхность. Секьюрити будто и не заметили никого – психократ «отвел» глаза стражам порядка.

База стояла на внешнем скате Архимеда, и видать было далеко. Роскошный пейзаж! Залитый Солнцем зубчатый хребет кратера резко вырисовывался на черном небосклоне позади пологих куполов «Луны-Главной», а впереди стлалась волнистая равнина, усеянная обломками и плитами базальта. Угольные тени и ослепительные грани скал мельтешили в хаотическом смещении. В небесах, на бархатном фоне тьмы, круглилась Земля, похожая на шар, выточенный из бело-синего мрамора.

Вниз по скату петляла дорога, скорее даже тракт – наезженная полоса реголита, очищенная как от крупных глыб, так и от каменного крошева. По ней пылил трактор на восьми шарах-колесах, с герметичной кабиной и с десятком прицепов, груженых ископаемым льдом.

Локи указал в сторону танков-транспортёров, неровным строем стоявших на металлопластовом квадрате паркинга, и коротко скомандовал:

– Грузимся!

Десентиментализованные исполнители молча полезли по машинам. Со стороны никто бы, наверное, не заметил чего-либо странного – просто большая группа людей в скафандрах занимала места в танках. Мало ли, может, это доб-

ровольцы из проекта «Луна-2» в поход собрались! Или космодромная команда на смену едет...

Танки тронулись и покатались под уклон, глухо рокоча гусеницами. Горизонт приблизился, но ненамного. А потом из-за этой воображаемой линии показались сетчатые тарелки антенн – вторичные признаки космодрома.

Танки обогнули нагромождение порфировых скал и выехали на поле, где бликовал в свете Земли одинокий продовольственный танкер, раскорячивший лапы опор. Локи проигнорировал этот корабль – тихоходный и незащищенный, танкер не годился для нападений.

– Налево! – не мысленно, а голосом скомандовал Локи.

Подвывая моторами, танки свернули к маленькому военному космодрому, где глыбились два десантных бота класса «Водан» – полусферические купола с кольцевым выступом основания. Носовая и кормовая ПМП, три пакетных лазера-гигаваттника, двадцать комплектов бронескафандров плюс противолучевая защита из двух слоев мезовещества. Совсем другое дело!

– Выходим!

Молчаливые и бесстрастные, больше похожие на биороботов-андроидов, чем на живых людей, исполнители покинули танки.

– Четные номера берут «Водан-1»! Нечетные – «Водан-2»! Исполнители разделились и пошагали к ботам. Локи неторопливо топал позади подпрыгивавших фигур в чер-

ных автоном-комплектах. Он старался идти так, чтобы боты оставались на равном от него удалении – так было легче держать в повиновении вахтенных офицеров. На вахту заступили по двое молоденьких выпускников ВШК в черной с серебром форме космопехоты. Попав в биополе психократа, офицерики не оказали сопротивления.

– Вахтенных уничтожить!

Исполнители послушно вынесли четырех космопехов наружу. Минуты две молодые организмы еще держались, а затем кровь вскипела и брызнула изо всех пор. Но недолго кипела бурая жижица – замерзла леденеющими струйками-палочками.

– Все на борт! Приготовиться к старту!

Исполнители, поднявшиеся на борт последними, заблокировали люки, а ровно через четыре минуты – норматив ВКС! – в лунную пыль ударили прозрачные струи водорода из планетарников. Купола ботов поднялись на столбах горячего муара, блеснули в вышине, попав под лучи Солнца, и пропали, затерялись среди звездного свечения.

Глава 9

Планетолет помаленьку готовился к развороту, и добровольцы «вышли на субботник» – надо было помочь экипажу «Боры» закрепить все, что невесомость при выключенном двигателе поднимет в воздух, а вновь наступившая гравитация грохнет об пол. Антону и Виджаю достался вакуум-отсек. Это было близко от жилых отсеков. Антон прошел половину кольцевого коридора и откатил тяжелую дверь. Вакуум-отсек был большой серой комнатой, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с пустолазными скафандрами. Надо было эти шторы поднять, перевести крепления каждого скафандра в аварийное положение и закрыть боксы.

Закрепляя первый вакуум-скафандр, Гупта сказал:

– Слышь, Антон, ты не мог бы завтра... ну, скажем, до одиннадцати... нет, лучше до двенадцати... э-э... погулять где-нибудь? Я встречаюсь с девушкой и... ну, ты ж понимаешь...

– Ладно... – пожал плечами Антон. – А Яэль?

– А с девчонками я уже договорился! Яэль меня поняла, а у Гуниллы у самой свидание.

– Так ты не с ней встречаешься? – удивился Антон. Он ошупью нашел стеклянную штору бокса и поднял ее. В боксе вспыхнул сильный голубоватый свет, заблестел огромный с раскинутыми рукавами скафандр. – Я думал...

– Петух тоже думал, – несколько раздраженно сказал Гупта, – да в суп попал. Я почему-то считал Гуниллу глупенькой очаровашкой, но это она так притворялась. На самом-то деле она умница, и еще какая...

Виджай запихал в бокс вакуум-скафандр и опустил шторму.

– Так что ничего у меня с ней не вышло...

– Понятно... – протянул Антон. Неудача Гупты почему-то порадовала его. Он уложил скафандр и взялся за шторму. – А с кем же тогда у тебя свидание? Или это секрет?

– Да какой там секрет... С Леной.

– Это с какой Леной? – силился вспомнить Антон. – С Румянцевой?

– С Ленусиком! Хочет стать врачом-профилактиком. Я ей и говорю – ты сначала на мне потренируйся!

– Ага... – изрек Антон и закрыл наконец шторму. – И что она в тебе нашла?..

Виджай самодовольно ухмыльнулся.

– Тут, понимаешь... – закрутил он пальцами, – дело тонкое. Духовная эманация, понимаешь... Психодинамический резонанс!

– Да иди ты со своим резонансом! Тоже мне, нашелся резонатор! Ладно, я тогда в библиотеке позанимаюсь, мне и так готовиться надо.

К себе Антон даже не стал заходить – все равно девченок на месте нет, а сиднем сидеть его не тянуло. Тем более

что все уже привыкли собираться или в кают-компании, или в БО у Жилина. Сперва Антон заглянул в кают-компанию. Кроме Габы и Гирина, там никого не было. Командир корабля со штурманом сидели у самовара и дули чай с кексами.

– Заходи, стажер! – сделал Габа широкий жест. – Чаю хочешь? Еще и кексы остались!

– Он их еще не все съел, – объяснил покрасневшийся Гирин.

– Да кто б еще говорил... – обиженно протянул Габа. – Садись, стажер!

– Спасибо, – сказал стажер и присоединился к теплой компании.

– «Чай не пил – какая сила? – прогудел Гирин, подливая в огромную чашку. – Чай попил – совсем ослаб...» Тебе как – покрепче, послабже?

– Да я сам... – слабо запротестовал Антон, но Гирин отклонил протест.

– Ты мне лучше скажи, Антон, – строго заговорил командир, – и чего это твоя Гунилла такая вредная стала?

– Моя? – растерялся Антон.

– Ну ее ж к тебе подселили? Вот! Ее и... Лилит эту. В смысле, Яэль. Да один черт! Обе они одинаковые, что Яэль, что Лилит...

– Да что ты к нему привязался? – сказал Габа, отдуваясь. – Он-то тут при чем?

– Как это – при чем? – удивился Гирин и сказал убеж-

денно: – Очень даже при чем! Пусть повлияет на Гуниллу! Она... – Гири́н быстро обернулся на люк в рубку и приблизил лицо к заинтригованному Антону. – Мой Митрич в эту фрекен влюбился! Втрескался, как мальчик! Назначает ей свидание, а она ему: «Не приходи! Мне нравится другой!»

– Да перестань ты, – сказал Габа снисходительно, – девки, они и есть девки, у них всегда одно на уме... Молодые, красивые, в голове вакуум... Да они просто не замечают никого, мы для них прозрачны, а «взор окунут в даль прекрасну»! Дурные они еще.

– Нет, какой был возраст! – погрузнел Гири́н, возводя очи горе. – Только и разговору было – у кого с кем роман. И когда только учиться успевали?..

Нетерпеливо запиликал интерком.

– Макс! – сипло воззвал Громыко. – Смени меня на контроле отражателя! Перекушу хоть... А то поворот скоро.

– Пошлите! – подхватился Габа.

– Не «пошлите», а «пойдемте», – басом отозвался Гири́н, тоже покидая кресло. – Когда ж ты язык выучишь, нерусь?

– А сам-то! – презрительно фыркнул Габа и с проворством шмыгнул в люк.

– Я уберу, – вставил Антон.

– Ага, – кивнул Гири́н обрадованно, – тогда я побежал!

Командир пролез в рубку, а стажер открыл крышку в середине стола и спровадил остатки кекса и грязную посуду в мусоропровод.

«Пойдем поищем остальных» – сказал Антон сам себе.

Ноги сами принесли его к просторной каюте Жилина. Как всегда, она была полна народу. Добровольцев набилось, как селедок в банке. Кто-то бубнил:

– Смысл жизни – в самой жизни. Живем – и ладно. А то смысл, не смысл...

– Жить – хорошо!

– Процесс ради процесса! Чтоб ты еще сказал!

– Правильно!

– А тебе лишь бы поспорить, Пракеш! Вот натура!

– Так ведь важен не сам процесс, а его результат! Какой у жизни результат может быть?

– Как какой? Новая жизнь!

– Правильно!

– Глеб Петрович, а как по-вашему, в чем смысл жития?

– Плодиться и размножаться, – последовал ответ.

– Ну-у, это как-то примитивно... Слишком уж естественно!

– А с чего ты взял, что природа делает нам скидку на разум? Ей все равно – червь ты или человек, лишь бы вид сохранился.

– Ну, не знаю... Тогда зачем разум? Для этого и инстинкта довольно...

– Это на биологически активной планете, Володя. Мы таких знаем с десятков, да и то – предположительно, а всего известных нам планет наберется... тыщ десять, где-то так. Их-

то кому заселять? Кому-то на ракетах... Согласись!

– Правильно!

– Прямо как мы! А что? Луну и ту, на что уж мертвый мир, а заселили же! Теперь вот Марс...

– Потом Венеру!

Антон втиснулся в толпу и пролез поближе.

– Привет, Антон! – сказал сухощавый Сугорин.

– Привет, – ответил Родин, и ему стало неловко. Он постоянно встречался с Сугориным – то в кают-компании, то просто в коридоре, здоровался с ним, а как того зовут – не знал. Спросить же стеснялся – что тот о нем подумает?

– Превратить Марс во вторую Землю... – продолжал Сугорин, – Разве плохо?

– А что хорошего? – неожиданно для себя высказался Антон и прикусил язык. Но все уже обернулось к нему. Вышедшая из второй комнаты Марина остановилась и сложила руки под грудь.

– Это что-то новенькое! – развеселилась она.

– Да нет, – заторопился Антон, боясь, что не успеет объяснить, – генерация атмосферы, колонизация – это все хорошо, так и надо! Но зачем на Марсе яблоням цвести? Ума не приложу! Зачем завозить туда зверюг с Земли? Это ж копия получится – и куда хуже оригинала! Ты вот говоришь – Вторая Земля. А по-моему, должен быть второй Марс!

Марина, поглядывая на Антона, пробралась к Жилину, прижалась к его спине и обняла за плечи. Крепкая мозоли-

стая ладонь Глеба извечно мужским жестом прикрыла маленькую Маринину ладошку.

– А знаешь, Игорь, – сказал он Сугорину («Игорь! – обрадовался Антон. – Буду знать!»), – Антон в чем-то прав. Ты вот бывал на Луне? Я там работал и знаю, что луняне, как это ни странно, недолюбливают оранжереи и вообще земные растения. Тем более – всякую живность. И я их хорошо понимаю – для Луны флора противоестественна и считается чуть ли не извращением. А что до Марса... Этой планете надо дать шанс. Не насаживать яблони и елки, а расплодить свое – те же марсианские кактусы или марсианский саксаул. Сначала группками, рошицами, потом и лесочками.

– Еще древолисты есть! И марсианская колючка!

– Конечно, Марс – биологически пассивная планета, но, с другой-то стороны, он же почти не исследован, сплошная terra incognita и hic sunt leones...

Польщенный Антон победоносно глянул на примолкшего Сугорина.

– Правильно! – постановили в толпе.

– Да! – сказал с живостью коварный Сугорин. – Все хотел спросить... Это правда, что вы как-то киберам стампиду устроили?

– Все-то ты знаешь... – усмехнулся Жилин. – Правда.

– А расскажете?

– Да поздно уже, разворот вот-вот начнется... И Макс еще просил киберштурманом заняться... Потом как-нибудь.

– Расскажите! – заняли в толпе. – Все равно еще не объявляли!

– Вот пристали... – проворчал Жилин и начал с неохотой: – Ну, что там рассказывать? Случилось это в 73-м. Я тогда еще в поручиках ходил. Как раз был в отпуске и решил не сидеть зря, а подработать – и отдохнуть заодно. И махнул в Африку, в район Нью-Серенгети – я и еще человек пятнадцать дипломников из Новосибирска, ну, из института экспериментальной кибернетики. В саванне как раз начинали строить микропогодные станции, чтобы больше не горела... Ох и радости было! Ну, вы представьте – студиозусы и вдруг остаются посреди дикой Африки! Настоящие баобабы вокруг, «жирафьи зонтики» акаций, слоны, львы, носороги! Два месяца пролетели, как один день.

И вот под самый конец отпуска – все уже сидели на чемоданах – ко мне в тент вбегают Ивэн Нканата, староста, и кричит: «Ндегге мкубва! Ндегге мкубва! ²¹» Я выскакиваю – с запада приближаются три громадных шестивинтовых геликоптера...

– Сентябрьская война, – проронил Сугорин.

– Да. А мы-то не знали! Мы все думали, это за нами! Помню, еще удивлялись – зачем целых три, нам бы и одного за глаза хватило... Ну и вот, вертолеты садятся – лопасти еще крутятся, свиристят, пыль столбом, а аппарели уже откидываются, и по ним сбегают черные, бритоголовые, пятнистые,

²¹ Ндегге мкубва – большие вертолеты (суахили).

наглые, сбегают и кладают автоматами, бегом окружают вертушки, берут нас на прицел, орут, командуют, скалятся, палят вверх голов...

Тут только до нас и дошло. Нканата мне шепчет: «Это интернацисты, понял? „Солнцеподобный“ Мбуви стал на тропу войны!» Я, говорю, и сам вижу, да что толку? Мы же все честные да благодравные, блюдем закон: если военные действия вести, то исключительно гуманные, а оружие применять исключительно несмертельное. Господи, да у нас на весь лагерь было то ли пять, то ли шесть парализаторов, мы их с собой брали, когда в ночную шли – гиен усыплять или там леопардов. А у этих – старые «абаканы», и начхать они хотели на закон о военной технике! Короче, влипли мы. Берут нас интеры в заложники, и гонят, и прикладами поддают. Я сначала смыться хотел – скроюсь, думаю, а вечерком выпущу наших. А потом, смотрю, нас в ангар загоняют, где мои киберсистемы стояли – и строительные, и такие, уже демобилизованные все. Затолкали нас туда, заперли. Кто-то тихо ругается, кто-то бесится, девчонки режут, а я запускаю киберов.

Задействовал одного, он мне в задней стене лаз прожег резаком – с той стороны, я помню, все заросло кустами медоносной акации – знаете, с такими шипами, назад загнутыми, ее еще называют «подожди немного». Как раз, помню, мы пролили дождь, и кусты за одну ночь покрылись пушком – нежным таким, фисташкового цвета.

Вылез я, смотрю, интеры по нашим тентам шарят – не пропадать же добру! Другие в павильоне клуба кучкуются, песни горланят, крепленный тембо²² хлещут для храбрости... А уже вечереет, пройдет минут 15–20, и будет темно. Ну, я, пока свет есть, сижу в кустах с пультом, программирую мои системки. Интеры все уже в клубе, только часовых выставили, да и те к бутылке прикладываются. А тут и солнце село, и свет как кто выключил – сразу стало темно...

– Тропики, – объяснили в толпе.

– Ага... Ну, я часового снял, связал, выпустил своих. Нканату и еще одного масая, Оле-Сенду, с собой оставил...

Поднялся шум.

– Это нашего Габу? – спросил скуластый Быстров.

– Нашего, – улыбнулся Жилин.

Все зашевелились и снова замерли.

– Да, – продолжал Глеб, – а остальным говорю: дуйте в вертолет, и по-быстрому, будете Шурику помогать. Это был наш старший оператор, единственный, кто когда-то вообще штурвал в руках держал. Там же все старое было – обшарпанные «анатры», еще времен Российской Федерации, с турбинами и топливными баками, можете себе представить? Ну, мы с Габой и Ивэном киберов расставили поскорее, пока интернаци о наших девушках не вспомнили... Да, я ведь что хотел – поначалу думал согнать слонов, буйволов, носорогов и пустить их на лагерь, устроить, короче, стампиду. Но ты

²² Тембо – кокосовое вино.

их попробуй, стони! А потом, думаю – стоп! А зачем мне вообще зверюги? Что мне, роботов мало? Три строительные киберсистемы, в каждой по роботу-матке и по дюжине киберстроителей. Да еще ремонтные роботы, грузовые, анализаторы... О, думаю, а погоню-ка я их!

По графику дождь должен был пойти в семь пятнадцать – поднялся ветер, высохшие нижние листья пальмы дум лязгали и скрежетали, как железные. У захваченной нами «анатры» ни к селу ни к городу загорелся проблесковый маяк, потом засвистели турбины, и винты медленно-медленно пошли раскручиваться. Они нам все нервы повымотали своей неспешностью... В клубе поднялась пальба, интеры вышибали окна, выпрыгивали и – бегом за тенты. Ничего в наших тентах такого особенного не было, тенты как тенты, стандартные надувные купола. Но они ж из силикета, их никакая пуля не возьмет... Тут робот-матка, точно по программе, выезжает из-за ангара. У нее было три пары щупалец, и пять из них держали по автомату – все наши трофеи. Как пустит пять очередей веером – аж сердце радуется! Интеры мигом залегли и стали отстреливаться. Помню, где-то поблизости закричал даман, рыкнул лев – только их и слышно было. Вой шести турбин глушил крики – лопасти уже слились в круги. Тут нам перестало везти. В бедного робота-матку угодил заряд из гранатомета, и на его месте вырос сноп красно-лилового пламени – как в боевике прямо... А мы с Ивэном и Габой попали под перекрестный огонь. Лежим, вжимаемся в

горячую пыль, а пули так и визжат, чиркают чуть ли не по волосам. Так и убить могут, думаю, и щупаю нужную клавишу на пульте. И тут мои системки как поперли! Как затряслась под ними земля! Свист, клекот, пыль столбом! О! Это надо было видеть! Тенты – в клочья, клуб – на мелкие кусочки! Интеры брызнули в саванну, кто как – кто бегом, кто кубарем, кто окарачь... Мечутся, орут... А видели бы вы их рожи! Аж посерели от ужаса! (Смех, шум в БО. Марина гордо озирается.) Мы, правда, тоже пострадали – Габу ранило в ногу, мы его потащили с собой, а когда уже подсаживали в вертолет, нас самих зацепило – Нканате прострелили руку, а мне оцарапало плечо. Шурик сразу перевел турбины на форсаж – или как это у них там называется, – нас качнуло, замотало, и «анатра» с горем пополам взлетела. Все вокруг шаталось, дребезжало, по днищу продолбила очередь, и все – квахери, кампи ²³! Дальше уже неинтересно. А то громадное облегчение, которое я тогда испытал, словами не передашь – его почувствовать надо...

– Внимание! – прогремело по коридору. – Корабль начинает разворот через десять минут! По местам посадочного расписания! Начинаем разворот!

– Все, – властно сказал Жилин, – я в рубку, а вы – марш по каютам! Мариночка, пристегнуться не забудь!

Антон наскоро распрощался и побежал в свой БО. Дверь его была полуоткрыта, и два приятных голоса ласкали слух.

²³ Квахери, кампи! – До свидания, лагерь! (суахили)

– У меня, когда целуюсь, – говорила Гунилла, – почему-то сразу глаза закрываются... А у тебя?

– У меня тоже, – ответила Яэль.

– А почему?

– Не знаю...

– А давай попробуем, когда будем целоваться, не закрывать глаз?

– Давай...

Антон на цыпочках отошел от двери, потом громко процокал подковками. Ворвался в каюту, бросив торопливое «здрас-сте», сел и пристегнулся в ногах у Яэль.

Девушка хотела что-то сказать, но в это время по всему кораблю пронеслись отрывистые звонки сигналов УО – ударной опасности. Заговорили вспомогательные двигатели. Термос покачнулся и медленно взмыл над столиком. Длинные волосы Яэль забавно развернулись в сторону, да так и повисли – наступила невесомость. С краю обзорного экрана замерцали лиловые вспышки. Снежинками в ночи посыпались звезды.

– А где это наш Гупта, интересно знать? – пропела Гунилла. Она перекатилась по дивану и щелкнула клавишей интеркома.

– ...Герметичность в норме, – долдонил компьютер, – давление в норме...

– Контрольная и ходовая системы в норме, – подключился Громыко. – Фотореактор работает без перебоев, температура

зеркала – норма, радиация – норма...

– Ты зачем Митрича обижаешь? – осмелился задать вопрос Антон.

Гунилла не удивилась.

– А! – отмахнулась она. – Надоел он мне! Ходит за мной и молчит! Что я, одна говорить должна?

– ...Скорость четыре тысячи километров в секунду, плазма поступает в рабочем ритме. Настройка магнитных ловушек – норма...

– Дополнительные команды на киберуправление введены, – сдержанно добавил мужественный голос Жилина, – неполадок нет, к торможению готов.

– А Глебу, – грустно сказала Яэль, – надоела я...

– Внимание! – проревело в коридоре. – Двигатели на торможении!

Мягко снизился термос. Чай, растекшийся по его прозрачным стенкам, сполз на доньшко. Обвисли, разметались по подушке черные волосы Яэль. Фотонный планетолет первого класса начал гасить свою сумасшедшую скорость.

Глава 10

1

К концу восьмых суток «Бора» вышла на меридиональную орбиту вокруг Марса, и слепящий ярко-фиолетовый факел, бивший из отражателя, погас. Красная планета уже не казалась точкой или диском, она даже на шар не походила – ее небесное тело, морщинистое, рыхлое, уплощилось и медленно ложилось под «Бору». Марс возбуждал и будоражил. Все было при нем – и грубый, рваный шрам каньона Маринер, и темный треугольник Большого Сырта, и высохшие реки, впадающие в безводные заливы. Ближе к краям Марс круглился отчетливо и резко, грань между светом и тьмой была словно циркулем очерчена. «Атмосфера какая тонюсенькая, – подумал Жилин, – как пленочка...»

В кают-компанию главный киберинженер попал последним и на обзорный экран глазел поверх голов, качавшихся «в состоянии невесомости», как воздушные шарики на веревочках. «Моя группа!» – с удовольствием подумал он. Все добровольцы явились сюда – стояли, пихались, тянулись на носочках. Да и кого сейчас можно было удержать в каютах? Со своего места Глеб узнавал стриженный затылок Анто-

на, пышный «хвост» Ленусика, иссиня-черную волну волос Яэль и блондинистые локоны Гуниллы, аккуратно причесанного Гошу Черняка и малость взлохмаченного Виджая. Не уставные «ежики», конечно, но все равно, что-то общее с новобранцами у добровольцев имелось. Такие же молодые, ровнистые, зеленые... Ничего, с ним они быстро «поспеют».

Капитан Жилин никогда не брался «сколачивать» из молодого пополнения опергруппу – это приходило само и потом. Главное, надо было хорошенько повариться с личным составом, попотеть вместе, побегать, носом тыкая в ошибки, но и нахваливая – в меру, конечно. И вот тогда рождался на свет не какой-нибудь там отряд спецназначения Третьего патрульного полка, а... как бы это получше выразиться – дружеский союз взаимопомощи, что ли. И был ДСВ куда крепче и верней любого ОСН...

Конечно, на «гражданке» не все так просто, как в Патруле, и то, что удавалось Жилину-командиру, может не выйти у Жилина-наставника. Но что сейчас об этом думать! Время покажет...

– Маринер, Маринер! – торопливо сказал кто-то впереди. – Како-ой...

– От горизонта до горизонта! Ты глянь только! Даже края не видно...

– А там вон что?

– Где, где?

– Да вон, чернеет, маленькое такое... Это не Олимп, слу-

чайно?

– А точно! Ребята, Олимп!

Жилин улыбнулся. Со вчерашнего дня добровольцы пребывали в веселом напряжении. Как выразился Руслан: «Били копытом и грызли удила». Да и было от чего. Их Марс, такой, кажется, далекий с Земли – крохотный красный огонечек! – сейчас громоздился под ними всей своей колоссальной статью. Полусон-полумечта стирался, мозг жадно впитывал уже не воображаемые, не виденные когда-то по СВ, а живые, «взаправдашние», впечатления. «Бора» катилась поездом, прибывающим на вокзал желанного, еще незнаемого города, и взлелеянное воображением не разочаровывало в яви. Вот уже потянулись стеклянные крыши окраин, в просветах между деревьями появилась и исчезла ажурная башня микропогодника; из-за узкой полукруглой арки моста выглянул ртутно-бликующий свод над платформами... Скоро, скоро бот примарсианится и они сойдут!

– До чего ж не хочется высаживаться... – раздался вдруг сзади громовой бас Клуни на.

– Вы это серьезно?! – в изумлении обернулся Жилин.

Старший врач явно был не в духе.

– Знаете, – гроыхнул он, – я вам порой как бы завидую. У вас никогда не бывает проблем...

– А-а... – усмехнулся Жилин. – Проблем, док, если подумать, не бывает вообще. Есть только работа, которую нужно делать. Вот я ее и делаю. Проблемы возникают у ленивых...

– Ну, не знаю, не знаю... Может, вы и правы...

– А что за проблема хоть?

– Embarras de richesse, – криво усмехнулся Клунин. – Какая ж еще...

– На Базе?

– Да какая с нее База уже? Это раньше, когда там был нормальный научный городок, тогда – да. А сейчас... Так, дачный поселок. Роботизированный хабитат для шохо... Это первопоселенцы так любят себя называть – шохо... Знаете, как на Сырте шутят? Золотым головам, говорят, теперь думать не надо, золотым рукам делать нечего, остались одни золотые зубы – тщательно пережевывать... – Клунин мощно вздохнул. – А ведь говорили им умные люди – не нужен Сырту репликатор! Не надо его ставить! Чем вас не устраивает централизованное снабжение? Зачем вам автономность? Бесплезно! Вот загорелось им, и хоть ты тресни!

– Поставили? – спросил Жилин (разговор был ему не интересен, но куда ж денешься? Закон общежития!).

– Ха! Попробуй им не поставь! Поставили... Выделили вне очереди новенькую «сампо». Шохо носились с нею, как дураки с писаной торбой! А им – раз! – и закрывают завод стройматериалов! За ненужностью! И дейтериевый – на замок! А тех, кто там работал, – выводят! За ненужностью!

– За что боролись, на то и напоролись...

– Полбазы в анусе! – грянул Клунин с чувством. – Прилетает администратор из Фонда изобилия, шохо к нему. Мы,

орут, на Марс не за запахом синей травы летели, а за деньгами! А вы нас с производства выводите! Тот только руками развел. Вас, говорит, не поймешь! Сами же, говорит, просили, чтобы вам репликационную камеру поставили! Что вам опять не нравится? Сказали бы лучше «спасибо»!

– Высота шесть мегаметров! – прогудел Гири́н. – Скорость три четыреста шестьдесят один. Иду к полюсу.

– ...Три года! – скорбно пророкотал Клу́нин. – Три года потом я этих «новых элоев» от алкоголизма лечил, истощенные нервы в порядок приводил, от запоров пользовал. А сколько у меня коллоида ушло на ссадины и порезы! Особенно на молодых балбесов. Они ж каждый божий день устраивали мордобой – то из-за девок, то просто от скуки, то давай работникам рыла начищать. А те и сами не прочь с неработающими схлестнуться да и всыпать им как следует... И хоть ты что им говори!

– Говорить бесполезно, – сказал Жи́лин, – дурь выбивать надо. Тогда, может, до них дойдет. Был у нас один на «Полярисе», здоровый такой колонист, Тексом звали. Любил девушек зажимать. Обнаглел до такой степени, что на моих глазах полез к практикантке. Ну, я его побил немножко... И что вы думаете? Как шелковый стал!

– Чую, – заулыбался док, – хватит у вас с ними мороки! Или как вы говорите? Работы? Будет вам работка! Только учтите: шохо – народ грубый, могут и сдачи дать!

– А мы им приемчики покажем! – ухмыльнулся Жи́лин.

– Начинаем ориентацию! – вострубил Гири́н из рубки. – Фобос выше меня. Красавец! – именно так, с ударением на последнем слогe.

– А нам не видно! – заныли в толпе.

В обзорнике, где медленно проползала Красная планета, похожая на спелую тыкву – бугристую, дольчатую, с прилипшей землей, – махнуло сиреневым. Экран мигнул, и в черном небе повисла грязная, красно-коричневая картофелина Фобоса. Она была сгрызена с одного боку и попорчена бороздами с другого. У кратера Стикни, почти на краю сей зло громадной ямищи, прорывали реголит пузырьки куполочков и ситечки антенн. И уже не с огородом вытанцовывалась аналогия, а с грибницей. С шампиньонами, например.

Над Фобосом, словно привязанная, висела целая гроздь модулей ремонтной станции. Рядышком, как заведенный, крутился гигантский кристаллизатор с пристыкованной к нему реакторной печью. Копия – кастрюля с ручкой.

Подальше от тяжелых конструкций обращались корабли – уродливые автозаправщики, похожие на клетки, в которые понапхали мячей, гантелевидные импульсные ракеты. Блестящие цилиндры транспортов-автоматов лежали на поверхности Фобоса, притянутые струнками тросов, и напоминали банки со сгущенкой, забытые кем-то на пляже. Вокруг них ползали «бронзовки» вездеходов и копошилась серебристая мошкара – не понять, то ли грузовые киберы, то ли космодромщики в пустолазных скафандрах.

Жилин протолкался в рубку и включил дешифратор рации. Рация поквакала, повыла немножко и сказала ясным голосом: «...высота заданная. Полный виток». – «Алконост», я Фобос! Сообщите готовность к причаливанию!» – «Фобос, я „Алконост“. Готовность ноль». – «Алконост», даю финиш!» – «Вас понял, Фобос. Перехожу в активный режим...» Голос отдалился, ворвались трели каких-то агрегатов на Марсе, потренькали и пропали. Потом кто-то сказал: «Юлька уже два года, как на Луну переехала. На ПМЖ. Ты что, не знал?» Рация переключалась с канала на канал, но выходило не смешно, как в анекдоте про испорченное радио, а как-то обычно. Люди добирались до Фобоса, Марса, астероидов, но разговор вели вовсе не о межзвездных пропастях. Люди справлялись о здоровье детей, интересовались, какая погода на станции «Маринер», жаловались на невкусную воду с Весты, сплетничали, делились информацией «для служебного пользования», выражали несогласие с политикой руководства, передавали поздравления и свежайшие слухи.

«Ты где был? А-а... „Солярис“ на подходе, уже пеленги берет. Просит автозаправщика... Отправить? Добро!» – «... Дорогой Иван Васильевич! Жена, дочь и внучка Агриппина поздравляют вас с днем рождения и просят передать для вас песню „Антиовал“ в исполнении Беги Джахангира...» – «... ни одной целой запчасты, понимаешь! Назер нужен, понимаешь, хоть один, пару нейтринных генераторов... Да, и нейтринные чипсеты к ним!» – «Кузьмич! Может, ты в курсе?»

Что-то „Антенна-2“ не отвечает. Битый час вызываю, и ни с места... Чиво-чиво? Ну-у, а еще администратор! Да нет... да ты не понял! Это Южный полюс „однойка“ греет, а я тебе про „двойку“ толкую, над Севером которая! Ну, да... Может, с рацией что?..»

И в ту же секунду пульт аварийной связи заиграл красным светом и оглушительный неприятный звон прошелся по нервам. Компьютер проорал благим матом:

– Сверхсрочный вызов со Спу «Антенна-2»!

На экране появился человек в синем комбинезоне с полоторванным шевроном Службы космических орбитальных станций на обгорелом рукаве. Лицо у человека было бледное, перепачканное сажей, с запекшейся кровью на щеке. Человек очень спешил. Дрожащими пальцами он засовывал в уши горошины репродукторов, уронил один, зашипел как от боли, достал новый из кюветы с раствором. Вцепившись в рекордер, прохрипел задыхающимся голосом:

– Всем, всем, всем! Говорит дежурный диспетчер Спу «Антенна-2»! Хэлп ас! Мэйдэй! Мэйдэй! Прием! – Он оглянулся на дверь и воззвал с отчаянием: – Господи! Хоть кто-нибудь! Прием!

– Говорит рейсовый «Бора», – быстро склонился над рацией Жилин, – что случилось?

– Вижу вас! – возликовал диспетчер. – «Бора», помогайте! Пурпурные захватили ЦПУ станции! Тхакур Сингх... Эта сволота причалила на челноке, мы думали... – По экрану

прошли помехи. – ... Сингх не дает вырубить антенну! Понимаете, Спу описывает лучом циркуляцию над Северной шапкой... – Внезапно в дверь заколотили, потом ударили ногой, и дежурный диспетчер заспешил, сильно нервничая: – Луч пройдет прямо по базе «Северный полюс», а там гляциологи застряли, как назло! Их там человек тридцать! Не обесточим импульсаторы – они там все сгорят!

Будто иллюстрируя сказанное, тонкий зеленый луч прошел дверь, протянулся раскаленным жалом, и сноп рдеющих брызг вспыхнул за плечами диспетчера. Тот втянул голову и заверещал в микрофон:

– Сделайте там что-нибудь! Людей надо срочно эвакуировать! Час какой-то остался! Хоть что-нибудь!..

Звук неожиданно пропал. Диспетчер надрывался, растягивая рот в немом крике, но только шипение несущего канала касалось ушей. Потом пропало изображение – замельтешило, расслоилось, пошло рябью, и экран перестал показывать.

– Макс! – рявкнул Жилин. – Готовь бот!

– Уже! – отозвался Гирин из-за выпуклой стены кожуха фотореактора.

– Предстартовые программы запущены, – угодливо доложил комп.

Жилин включил шифратор и стал набирать текст.

– Габа! – сказал он отрывисто. – Я сейчас пошлю радиogramму на Фобос... «Тхакур» с двумя «ка» пишется? Угу...

Будь другом, отправь копию зональному комиссару! А то я не успеваю...

Габа, согнувшийся буквой «зю» над комбайном контроля отражателя, серьезно кивнул.

– Ну конечно. На Цереру?

– На Цереру или на Весту... Отправляй лучше на Цереру, там разберутся.

Набрав текст, Жилин включил служебный канал и передал сообщение о ЧП в экстренном импульсе. Повернувшись уходить, он увидел лица добровольцев. Испуганные, спокойные, встревоженные, хорошенькие, лупающие изогнутыми ресницами, хмурые, любопытные... И одно родное. Жилин подошел к Марине. Взял руками ее голову и поцеловал в нос.

– Я только туда и обратно, – стал он загодя оправдываться, – я быстро...

Марина мелко закивала, прижимаясь щекой к его ладони. Она все понимала. Она ничего не требовала... Жилин хмуро посмотрел на волонтеров.

– А вы тоже даром не стойте, – сказал он прохладно, – подготовьте пока место для эвакуантов. Организуйте горячее питание, медбоксы... Ну, ладно, побежал я!

– Беги, беги...

Жилин бежал и думал. Обо всем сразу. Короткими, пунктирными мыслями:

«Или на Спу сначала? Нет, туда потом...»

«Тридцать человек... Всех сразу не получится...»

«Будто уже и послать больше некого!»

«Бот не резиновый... Хорошо, если двадцать впихнем...»

«Господи, как же мне все это надоело!»

«Легче самому все сделать. Хоть душа будет спокойна».

«Бедный Марик...»

Ровно в полдень по БВ «Коча», имея на борту Жилина с Максимом, расстыковалась с «Борой».

– Прошло разделение, прошло разделение, – зачастил Гири́н, – визуально наблюдаем расхождение...

– Принято, – хрюкнул в селекторе Громы́ко, оставшийся за старшего.

На экране перископа плавно, с разворотом, прошла «Бора»,

– Высота двести, – сказал Гири́н и поправил усик микрофона.

– Сколько еще времени осталось? – проскрипел Громы́ко.

– Мало, – процедил голос Габы, – минут пятьдесят от силы.

– Что можно успеть за пятьдесят минут? – пробурчал ври́о командира корабля. Габа не ответил. Жилин его хорошо понимал. Мерный шумок вентиляторов, перелопачивающих стоячий невесомый воздух, нудная молвь компьютеров, ярмарочное разноцветье экранов, транспарантов, индикаторов – все это было до того знакомым, привычным, даже надоевшим, что просто в голове не умещалась мысль об умерт-

виях и терактах. А вот мазнет Тхакур Сингх мазерами по базе, и все – размягченные купола надуются и лопнут, оболочки опадут, скукожатся... У гляциологов мозги вскипят, черепа лопнут, глаза вытекут... И попадают на пол иссохшие мумии.

– Как со связью? – прогудел Гирин.

– Никак, – буркнул по селектору Габа.

– Излучатель главного канала... – начал Гирин.

– Да пробовали мы! – перебил его Громько. – И главный пытались прокинуть, и сдвоенный! И все без толку – база нас не слышит! А-2 забивает напрочь! Сплошные помехи...

– Хоть бы успеть! Черт... – Гирин ожесточенно ткнул пальцем в сенсор. На малом мониторе очертилась северная полярная шапка, нарисованная компьютером. Крошечная пуговичка «Антенны-2» вытянула жирный, чуть расходящийся лучик, уперлась им в кончик синей спирали, виток к витку раскрученной от оси планеты. На синей «линии огня» мерцала зеленая точка базы «Северный полюс». Скоро красный лучик дочертит короткую дугу, перечеркнет зеленое пятнышко... и Тхакур Сингх сделает тридцать зарубок на рукоятке. Вот паскуда же...

– Нет, я так не могу! – решительно-негодующе воскликнул Габа. – Сидеть и ждать неизвестно чего! Слетаю-ка я на Спу! Макс, слышь?

Гирин тяжело засопел.

– И на чем же ты лететь собрался? – сказал он неприятным

голосом. – На самоваре?

– Почему? На скафе!

– Ты что, совсем сдурел?! Тебе малой тягой придется тормозить, с первой космической – до нуля! Где ты столько топлива возьмешь?

– Господи! – фыркнул Габа. – Проблема! Пристрою еще один шаробаллон или два! В первый раз, что ли? Кого я на Спу-16 спасал? Забыл уже?

– Ой, да делай ты, что хочешь! – прорычал Гирин.

Габа благоразумно промолчал. Но все равно, пока зеленый огонечек на селекторе не потух, кто-то хихикнул в эфире...

– Никаких нервов с ним не хватает! – Гирин яростно зацокал сенсорами, словно отыгрываясь.

– Напоминаю, – заговорил компьютер, выслуживаясь, – переход на горизонталь через сто восемьдесят секунд.

– Да помню я! – сердито отмахнулся Гирин, и его пальцы забегали по пульту, словно музицируя – тоненькие писк и звоночки накладывались на листовые шорохи мнемографиков, то плетущих, то порывающих на табло свои коричневые и синие кружавчики. – Высота шестьдесят, – буркнул Гирин, – перехожу в горизонталь.

Габа посмотрел на себя в зеркало – вроде все на месте. Кислорода хватит на роту. Мигающие огоньки указателей на вертикальных шкалах оставляли зеленоватое дрожание на ртутно-бликующем шлеме из спектролита.

– Леха! – позвал Габа. – Выхожу в вакуум-створ!

– Удачи!

– Надо говорить: «Добычи!» – молодежь сейчас так любит выражаться...

С громким сосущим звуком разъехался сегментный люк, и фигурные светосигналы герметизации налились красным.

Вакуум-створ еще называли «холодной палубой», но оправдывались оба названия – палуба была негерметична, а градусник показывал сто двадцать ниже нуля. Вакуум-створ был пуст, как амбар перед сенокосом. Лишь в уголке, под транспарантом «Осторожно, вакуум!», притулились три космоскафа – маленькие круглые ракетки с коробчатой рамой, «космические такси». Габа пошатал дополнительный бак на аппарате, отмеченном покорябанной двойкой (держится вроде ..), и перелез через низкий бортик на сиденье. Потом чертыхнулся и полез обратно. Вынул из силикетового сейфа громоздкий агрегат из металлокерамики с двумя рубчатыми рукоятками и пирамидальным дулом. «Биденхандер», гордость тульских оружейников, фузионный дезинтегратор

системы Амосова. Пурпуров враз почикает... Жаль, нельзя. Ничего, зато откроет любую дверь... Или стену.

– Я вам покажу, как станции захватывать... – пробормотал Габа. – Вы у меня быстро отучитесь...

– Что ты сказал? – не расслышал Громыко.

– Это я себе. Как там наши?

После короткой паузы замкомандира ответил:

– Начали спуск.

– А мне не пора еще?

– Ты готовься помаленьку, выводи скаф, проверь там все... Я скажу когда.

– Ладно... Открывай ворота.

Металлопластовая штора, прикрывающая вакуум-створ, струнулась с места и медленно покатила в сторону. Свет под потолком потух, зато в ширящийся проем пролилось мутное красно-оранжевое свечение. Габа включил телепроектор на крошечном пульте космоскафа – пашет вроде... Протестировал метеоритный локатор, пошевелил рукоятки штурвала, похлопал зачем-то по чехлу регенератора.

– Алексей! Прошу старт!

– Даю старт! Только без подвигов, о'кей?

– Да ладно...

Причальные полозья выдвинулись за борт, крепления разошлись, и Габа тихохонько снял космоскаф. Из стаканчиков сопел вырвались короткие факелы в виде бледных, туманящихся конусов, и ракетка поплыла, как пух по ветру.

Космоскаф ощутило тормозил, из-за чего терял скорость и сходил с высокой орбиты на низкую... и оказывался впереди «Боры». К этой хитрой механике Габа так и не смог привыкнуть – не жаловал его организм столь вольного обращения с канонами здравомыслия.

– Убавь тормозной импульс! – сказал Громыко простуженным голосом. – А то не долетишь!

Габа убавил.

– Во! Так держи!

Не долетишь... В переводе это значило: пройдешь пониже станции. А дальше – как получится. Или под луч попадешь и сгоришь сразу, или потом, когда шваркнешься о твердую планету. И останется после тебя мелкий такой – смотреть не на что – кратер, а твоя черная тушка... нет-нет, лучше так – а твоя бронзовая плоть выпадет комьями органического шлака...

Габа оглянулся на «Бору». Огромный планетолет отставал. Снизу на корабль ложился красноватый отсвет, подрумянивая параболоид отражателя.

– Подходим к полюсу.

Весь север Марса уже затянуло однообразной рыжей пеленой, где медленно раскручивалась черная спиральная воронка. Выше по оси исполинской крутелицы ярко блестела СВЧ-антенна, незримым лучом своим, как взбивалкой, пахтавшая громадные массы облаков. Скоро всю планету заволокет мелкой дисперсной пылью и морозным туманом, и

лишь вершины Олимпа, Арсии, Аскреуса и Павонис будут выглядывать из марева, непроглядного и мутного.

А черные круговороты над полюсами все шуровали, все раскручивали многобалльные ураганы, и где-то там сейчас болтается десантный бот, и люди на базе уже все глаза проглядели, его дожидаясь...

Габа ввел станцию в визирное перекрестие и дал максимальное увеличение на телепроектор. Он увидел пять одинаковых фокусирующих модулей, связанных блестящими тростями. Над фокальным комплексом висела орбитальная платформа, вдоль и поперек истыканная эмиттерами и трастерами. Резко выделялся челнок пурпурных, взявший Спу на абордаж.

– Мы спина к спине под дюзой... – пробормотал Габа. – Тоже мне, мадамы Вонги зачуханные...

План его был прост: а) через служебный люк проникнуть внутрь станции; б) найти ее экипаж и в) всей толпой бить пурпурных, пока те не посинеют.

Бвана Оле-Сенду не портил себе жизнь сомнениями типа «а если...», «а вдруг...». Человек простой, он мыслил легко, любил ясно и без терзаний, жил одним днем, но уж проживал его на все сто. Смакуя радости человеческого существования, скользя по горестям, как по тонкому льду, не позволяя себе провалиться в глубину страданий. Он был счастливым человеком.

Космоскаф выдвинул мощные манипуляторы, разжал за-

хвататы. Спу наплывала из темноты, как огромный автокар на игрушечную машинку, грозя расплющить, растереть, размазать. Габа вспомнил, как на даче у Максима, в Алябьеве, мыл стекло командирской «Волги», заляпанное медом и раздавленными пчелами...

Умахнуло влево здоровенное полушарие антенны дальней связи из серебристых радиусов и колец. На пульте вспыхнул транспарант «Экстренное торможение». Замелькали перекладины башни фазировки. Мимо?! Манипуляторы вцепились в металлическую полосу, космоскаф крутануло, мотнуло в сторону. Один из захватов сорвался, но титановое щупальце тут же перецепилось. Все?! Вроде все... Ну, слава те... Прибыли. Повесив плазменник на шею, Габа осмотрелся. Станция уже не умещалась в поле зрения и вовсе не казалась округлой. Было похоже, что стоишь на ровной, слегка покато́й палубе колоссального линкора из боевика для отроков. Вон впереди торчат огромные панели радиаторов, похожие на жалюзи. А сзади громоздятся ребристые кубы импульсаторов... Ладно, завтра будешь любоваться! Нашел время...

Перебирая руками поручни, Габа дотянулся до крышки внешнего люка. Сунул ноги в фиксаторы, ухватился за рычаг, утопленный в глубокой выемке, и потянул. Крышка люка бесшумно отъехала в сторону.

Согнувшись в три погибели, Габа проплыл по узкому пространству между оболочками Спу, открыл служебный люк и

спустился в шлюзовую. Здесь было тихо, но тишина стояла зловещая, взводившая нервы, пронзительная, как после выстрела. Так и тянуло оглянуться, но штурман сдержался. Он подтолкнул себя к полу, уцепился магнитными подковками. Приблизившись к информационному терминалу, на панель которого осели стеклистые капли конденсата, штурман неуклюже потыкал пальцами по клавишам.

– Диагностика первого уровня, – дребезжащим голосом сказал водер и удовлетворенно добавил: – Функционирую.

– Сколько всего людей на борту?

– Девять человек.

– Где они сейчас?

– Не имею информации.

– Посмотри хорошенько!

– Имею косвенную информацию. Согласно датчикам дислокации, группа в количестве четырех человек находится на центральном посту управления. Члены группы не идентифицируются. Дежурный диспетчер Гомес, инженеры-контролеры Одинцов, Калитин и Волков перемещаются в пределах агрегатного отсека.

– И как туда... ну, в агрегатный, пройти?

– Отсюда по радиальному коридору до лифта. Спуститесь на вторую палубу яруса «В», сектор Дзета. Налево по осевому коридору.

– Thanks, comp.

– Not at all.

Габа разблокировал дверь и негромко пробормотал:

– Ну, все... – Он перехватил дезинтегратор за рубчатое цевье и перевел регулятор мощности на импульсный разряд. – Пошли искать приключений... на нижние 90!

Глава 11

1

Все шло штатно. Бот перешел в горизонтальный полет и ему навстречу накатывала Великая Северная равнина (та самая, которая, по мысли авторов проекта «Марс», должна была стать ложем Северного океана) – тускло-оранжевая, местами темнее, местами светлее и ярче, рябая от мелких кратеров, конопатая от полужасыпанных глыб, от скопищ черных скал, испещренная разломами и ярдангами *Ярданги* (тюрк.) – *вытянутые вдоль господствующего ветра узкие, прямолинейные, с асимметричными крутыми склонами борозды (глубиной около 1 м) и разделяющие их острые гребни, образующиеся в пустынях на поверхности глинистых и суглинистых или более плотных пород.* – Примеч. реа.]

– Все это хорошо, – проговорил Гирин, зыряка на вихлявшиеся мнемोगрафики, – одно плохо: времени – с гулькин нос...

– Если они уже извещены... – раздумчиво сказал Жилин и не договорил.

– Вот именно – если! Да отъехали бы к югу хотя бы! Неужели так трудно догадаться?! Нет, вот, как назло все!

Гири́н навалился на пу́льт и уставился на песчистый горизонт. Прошла ровно одна минута.

– Рассказал бы что-нибудь, что ли, – проговорил Жилин. – А то я на эти часы смотреть уже не могу! Слушай... Давно хотел спросить: а где это ты нашего... астронавигатора встретил?

Гири́н смешливо фыркнул.

– Ты не поверишь! – жизнерадостно сказал он. – В изоляторе!

– Ну?! – удивился Жилин. – Серьезно? Это тогда еще, в Африке? Ты как-то рассказывал...

– Да не-е... Какая там еще Африка... У нас, в Индиге! Я тогда в полиции работал... Нет, – покачал Гири́н головой, – тут надо по порядку, с самого начала. Ну, тут как?.. Я еще со школы хотел в межпланетники намылиться, да, знаешь... Побоялся. По математике я из шестерок не вылезал, один раз только восьмерку получил. Ну, куда я с такими оценками? Короче... Да, а жили мы тогда у Лукоморья – вот так набережная... – Гири́н показал как. – Атак наш дом, окнами на бухту. И вот, значит, встаю я однажды, слышу – крики. Смотрю, на берегу караканары за нашими девками гоняются. Нет, думаю, это уже наглеж! А я к тому времени где-то с год проходил в Патруле порядка. Ну, короче, цепляю я свою бляху и туда. Караканары на меня – ноль внимания. Ладно, думаю, не хотите по-хорошему, будем по-плохому. Ох, я им тогда и всыпал! А на другой день вызывают меня в земскую

управу. Я думал – ругать будут, а меня наш уездный исправник, Елизар Терентьич, отводит в сторонку и говорит: пойдешь в полицию? А чего ж, говорю, не пойти? Можно... Туда ж такой конкурс, что не каждый еще и пройдет. Ну, накатал он мне рекомендацию, и я прямым курсом – в ГУЛ Индиги.

– Ни разу не был в Индиге, – признался Жилин, – вернее, был, но ночью. Пересадку делал.

– Много потерял. Столица Заполярья! Это тебе не баран начихал... А в принципе все они одинаковы, что Индига, что Амдерма, что эта... как ее... на Мурмане которая... Варзуга! Ага... Купола высоченные, прозрачные – ходишь, как муха под стаканом. Проспекты в стеклянных трубах... Вокруг снега, пурга заметает, а тут цветочки, стежки-дорожки, девки в одних сарафанчиках... Глянешь на метель за стеной – и аж мурашки по коже...

– А пурпурные? Давал им жизни?

– Не в Индиге. А вообще... давал. Посылали как-то в командировку, в Баку... погонял их там, чтоб на всю жизнь запомнили. А вообще, если... Бойцы из них дерьмовые, честно тебе скажу. Ты сам воевал и должен знать, какие бывают вол-чары. А пурпурные – дилетанты, грубое уличное хулиганье. Им этот пурпурный террор – так, новое развлечение, что-то типа аттракциона...

Гири́н пробежался глазами по пульту аварийной сигнализации и продолжал:

– Короче, где-то с год... да как бы не больше, прослужил

я младшим полицейским. Патрулировал улицы и вообще – бдил. Всю Индигу облазил: от Лукоморья и подводного порта до вокзала и Спирального бульвара. И, знаешь, мне это даже начало нравиться! Конечно, всякого понасмотришься... К мертвякам я так и не привык... а одна девочка изнасилованная до сих пор перед глазами стоит... – Максим сделался вдруг каким-то строгим и угрюмым. – Ну, по-всякому бывало. Да, а тогда еще как раз мода эта пошла – работяг лупцевать. Печушники – слышал о таких? Емели... мать их... Такие, знаешь, вроде фловеров, но те хоть тихие, а эти «отморожены» напрочь. Только и слышишь – там инженеру нос сломали, тут с глубоководниками сцепились... Кого-то ножом исполосуют, кому-то ребра поломают... Невмоготу было видеть эти тупые рыла! Главное, и сами ничего делать не хотят, и другим не дают! Совсем от безделья одурели. Короче говоря, устроили мы однажды облаву, похватали всю гопу – человек двадцать. Ага... Ведем их на принудительное ментоскопирование и, представляешь, засекаем влет того самого педофила! Ну, того, что девочку ..

– Я понял, – сказал Жилин. – И что ему было?

– А что ему может быть? – пробормотал Максим. – Операция на сознании... Позитивная реморализация и все такое. – Он помялся. – Правда, кто-то из ребят ему по яйцам заехал, да так, что всмятку... Кто – уже не помню. – Гирин быстро перевел разговор на другую тему. – А ты бы видел, как эта шпана под гипноиндуктор идти не хочет! Криком кри-

чат, заходятся – все боятся натуру свою сволочную растерять! Чего-то я... хм... маненько не в ту степь... В общем, патрулировали мы как-то «Сферу». Район там тихий – башни, купола, антенны, коттеджи. И тут сигнал из штаба поселка – драка у Большого Телескопа. Мы туда. Видим – человек десять насаждают на какого-то африканца. Морды размазанные, смотреть противно – акутагуи, не лучше печушников. Ну, мы их всех за шкурки – и в изолятор И под ментоскоп, голубчиков, под ментоскоп... Отделили, значит, козлиц крашенных от черного агнца. Выпускаем его. То да се, извиняйте, мол, господин Оле-Сенду, служба такая, порядка требует. Тот смеется. Ну, разговорились мы с ним, зашли в кафешку. Только я хотел сто граммов ему предложить, а Габа в отказ – рад бы, говорит, да нельзя! Я, говорит, в ВШК учусь, на штурманском факультете, а там с этим делом строго... Я аж весь иззавидовался! Ну и, короче, засел за учебники. Год корпел. И помогли мои штудии! После выпуска назначили меня на лунник сменным пилотом, а года три назад я вместе с Габой на «Бору» перевелся. Вот так вот... Черт его знает, может, не подвернись мне тогда это чучело масайское, ходил бы я в полицейских. Глядишь, уже б исправником выбрали... Да, я уже всерьез подумывал на юрфак поступать! А что? Не вечно же в патруле мариноваться. . Отучился бы и в убойный отдел перешел. Да я не жалею. По ребятам вот скучаю только, а так... Не разорваться же...

Жилин кивнул:

– Да уж... Смотри, мать какая. Пыль, что ли?

Горизонт затянуло плотной оранжевой дымкой.

– Пылевая буря, – кивнул Гири́н. – Недельки через две и до Сырта доберется...

Атмосфера заметно помутнела, реденькие облачка – желтоватые пыльные, голубоватые углекислотные, серые снежные – обмахивали бот мгновенными промельками. Однообразная рыжая пелена затянула поверхность планеты. Красные тени ползали по ней, медленно сближались и расходились, завивались в спирали и разрывались на драные кучерявые лоскутья.

– Высота 25! – обронил Гири́н. – Вот оно!

Корабль поднялся над волнующимся пыльным морем. На восток уплывали неверные дымчатые ленты «полярного воротника», а на севере клокотали аспидно-черные тучи, кудлатой папахой накрывая северную полярную шапку. Компьютер зазуммерил и выдал изображение на экран.

С тысячу километров в поперечнике или больше шапка была несколько сдвинута от полюса. Два куполовидных вздутия на ней разделялись широким Северным каньоном, прорезавшим ледники по диагонали. На белом фоне хорошо выделялись полосы уступов – они расходились винтом вокруг обоих вздутий.

– Ну, щас нам будет... – пробасил Гири́н. Его пальцы на рукоятках побелели от напряжения, а вокруг сжатых губ образовалась тонкая белая линия.

– Начали спуск!

Планетолет сотрясся (Жилин чуть язык себе не прикусил). Скорым поездом наехала чернильно-черная стена. Пол встал дыбом и заходил ходуном. Мутные оранжевые полосы и черные клубы на экране перископа сплелись и закрутились бешеной каруселью. Бот дергался, как остервенелый мустанг, падал и подскакивал, заваливался набок и вовсе опрокидывался, словно бочка, катящаяся с горки. Вокруг, в бурлящей чернине, визжало и грохотало, дико ревели восходящие потоки, волоча за собой струи грязного пара и пыли, хлестали ветвистые молнии – и вверх, и вниз, – раздирая клокочущую черную рванину.

– Внимание!

Стремительно несущиеся облака разошлись, и в разрыве проглянула шапка, полосатая от ламин – уступов извилистой формы, где светлые пласты льда перемежались с темными лентами вытаивающей пыли. Было сумрачно, как в дантовом Лимбе.

– Ну, – выдохнул Гири́н, – кажись, проскочили!

Корабль, будто соглашаясь, качнулся, и болтанка прекратилась. Теперь «Коча» спускалась вертикально.

– Сносит... – проворчал Максим и подработал левой рукояткой. – Да где ж эта чертова щелка?

Компьютер забубнил цифрами.

– Все, все, успокойся, – оборвал его Гири́н, – вижу сам.

Жилин вытянул шею – на экран перископа косо врыва-

ла «щелка» – Северный каньон, клином вбитый в слоеные ледники.

– Высота тысяча пятьсот метров, – гундел комп. – Тысяча метров... Пятьсот метров... Двести метров...

Стены дрогнули, и все стихло.

– База «Северный полюс», – услышал Жилин безразличный голос компьютера. – Ноль-ноль. Посадка закончена.

2

Пригнув голову, Габа шагнул на вторую палубу яруса «В». Мрачно было тут. Мрачно и неудобно. На потолке тлели аварийные лампы, мягкие стены пушились шерстистым инеем. В паре мест вздувались желваки смолупласта, затянувшие пробоины – кто-то хорошо постарался пробить корпус насквозь, и не один раз. А еще дальше, в багровом тумане, пол вставал дыбом, панели расходились, и в щели выпирали по-дикому скрученные трубы, неприятно походя на выпущенные кишки. Лопнувшие шпангоуты с ошметками настила просаживали облицовку, стягивая ее складками, и сдирали чешуйки биокерамики с внешнего корпуса. Да-а... Были схватки боевые...

Будто и не на Спу высадился, а на какой-нибудь межпланетный «Летучий голландец». И тишина...

Габа вышел в центральный транспортный терминал и по-

тянулся почесать в затылке, но вспомнил о шлеме и скомкал непроизвольное движение. От терминала веером, вразлет, расходились четыре квадратных в сечении коридора, а влево загибалась прозрачная трубчатая галерея, висящая над атриумом. Вдобавок ко всему наверх, к лифтам, вводил широкий пандус с исшарканными магнитными дорожками. Где ему искать агрегатный отсек, Габа даже не представлял себе, но два указателя, тускло помаргивающие под потолком, помогли ему сориентироваться: один зазывал к блокам мезоядерной станции, в зал отдыха, пункт связи и общий модуль, а другой – к жилым отсекам, медблоку и агрегатному отсеку. Определив свою траекторию, штурман зашагал по радиальному коридору – осторожно, по стенке, по стенке, – и почти тут же до него докатились мерные гулкие удары, колкий скрип и пронзительное шипение. Бой там идет? Или работа?

– Алё?.. – осторожно позвал Габа. – Люди! Вы где?

Шлем чиркнул о потолок и штурман пригнулся. Дальше стены коридора схлопывались, пожатые и погнутые, органика на них трещала и шипела, пучась жаровыми пузырями. А в полу зияла грубо вырезанная дырища с оплывинами и потеками по краям.

– Алё!

– Кто?! Кто здесь? – в наушники прорвался чужой, сиплый от надрыва голос. – «Бора»?!

– А кто ж еще!..

– О-о! – завопил голос. – Ванька, наши! Щас мы... а вы

где?

– А черт его знает! Тут, в полу, дыра!

– «Мыряйте» в нее! Там потолок, правда, провис, но ничего, пройти можно! Черт, я уж думал, вообще никто не придет!

– Ну, здрасте...

Габа отцепился от пола, доплыл до поворота и замер, как предки в старину замирали, высматривая льва-симбу. Тишь да гладь. Из осевого коридора, от централи управления, где засели пурпуры, не доносилось ни звука. Не шевельнется тень, не дрогнет отсвет. Габа бесшумно вернулся и «мырнул» в дыру.

Нижняя палуба повторяла верхнюю. Тем же коленом выгнутый коридор, та же цепочка красных фонариков. И изломки льда, кружащиеся в воздухе. Крупка, блески, кристаллики, большие куски – переливчатые, сверкающие рубином, отсвечивающие мокрым улем, угрюмо кровенеющие и вспыхивающие ало-золотистым. Распихивая кувыркающееся леденье, Габа на карачках прополз под нависшими панелями потолка, сочащимися струйными дымками, меж стен, пошедших складками, и выбрался в коридорный отсек, примыкавший к энергомодулям.

– Стой! Кто идет?

Из ниши в стене высунулся худущий человек в сером комбинезоне техника и в теплом подшлемнике. Руки его неумело сжимали квантовый разрядник.

– Свои, – буркнул Габа. – Ты так больше не делай – не кричи и не пали в воздух. Бей сразу по ногам.

– Ну, ты мне щас наговоришь... – протянул дозорный, опуская дуло разрядника.

– Вот тебе и «ну»! Пока ты кричал, я тебя раз пять подряд смог бы пристрелить...

Габа демонстративно поставил «Биденхандер» на предохранитель и закинул на спину, в захват.

– Волков? – кивнул он на нашивку с фамилией, крепившуюся над карманом комбеза.

– Волков! Толя! – Дозорный переложил оружие в левую руку и протянул правую. Габа вздохнул – неисправим! – и пожал ее.

– Габа. Где все?

– А тут они! Пошли!

Они свернули в поперечный коридор и вышли в кубическую камеру, похожую на кессон.

– Пурпуры нас отбросили в нижние модули и заблокировали! Ты удачно попал... э-э... Габа, как раз с нашей стороны!

У входа в камеру стоял длинноволосый парень в гермошлеме. Обеими руками он держал квантовый пистолет, направляя железку дулом вверх. Гермошлем медленно качнулся, приветствуя вошедших, а левая ладонь похлопала по нашивке над нагрудным карманом, где значилась фамилия «Калитин». Габа молча пожал длинноволосому руку.

Напротив входного люка имелся другой, широкий и полукруглый, у самого пола. Из горловины торчали, подергиваясь, две ноги в серебристых «космических» сапогах, а рядом реял в воздухе инженер-контролер Одинцов. Сам он был в скафандре, но без шлема. Пол-лица инженер-контролера скрывалось под черным намордником кислородной маски, голова была обмотана белым стерильным эластиком.

– Пришли, Ванька! – закричал он, опуская маску. – Вылезай!

Давление воздуха в отсеке было столь мало, что крик его был еле слышен. Ванька неуклюже зашебуршился и раком вылез из люка. В руке он сжимал плазменный излучатель – не лучемет какой-нибудь, а фузионный рабочий инструмент, годный хоть для сварки, хоть для резки.

– О! – повеселел Иван Гомес, углядев пирамидальный ствол дезинтегратора. – Живем!

– Я не понял. – Габа присел на корточки и заглянул в люк. – Вы к централи пробиваетесь или куда?

– К емкостям! А тут лед не дает!

– С-суки эти пурпурные постарались! Мало того, что весь ярус разгерметизировали, так еще и цистерну нам проббили! И вся вода – сюда! Будто специально!

– Хотим устроить просадку в системе, – объяснил Толик Волков. – Успеем если закоротить энерговод, сработает блокировка и антенна сама вырубится. А тут этот лед! Как на зло, прямо!

– А-а... – врубился Габа. – А я-то думаю, чего им этот лед дался? Теперь понятно... Пусти-ка...

Габа пролез в узкую ледяную пещерку и решил для начала расширить жилплощадь. «Шш-ши-и-и-хххх!» Дезинтегратор полыхнул оранжевым, и в люк, брызжа конденсатом, повалил грязно-серый пар.

– Ага!

– Пошло дело!

Вспышки окрашивали испарения в густой апельсиновый цвет, в люке что-то сыпалось, скворчало, брызгало и звенело леденеющими на лету каплями. Габа поднялся на ноги и позвал:

– Иван Батькович! Залазь!

«Иван Батькович» уцепился руками за край и втянул себя в люк. Его ждало среднее арифметическое между морозильником и парилкой. Оплавленный пористый лед мрел за крутящимся паром, намерзшие сосульки, гребенчато топырящиеся в стороны, оплывали талой водой.

– Ты давай с этой стороны, – показал Габа, – а я с этой.

– Бу-сде!

Два плазменных заряда крутящимися огненными буравами просверлили ледяную «затычку», описали квадрат, и мутно-зеленая глыба, скрежетнув по потолку, мягко отвалилась, поплыла, колеблясь и качаясь. Габа хотел отпихнуть ее ногой, но сноровистый Ванька перехватил ледовину и пропихнул ее в люк.

– Серега! Держи!

– О, вот это я понимаю – кубик!

И опять струйка плазмы ушла в лед, не плавя, даже не испаряя, а буквально сжигая воду. Вспышка. Еще! Со скрипом, скалывая тонкие сквозистые пластинки, пополз, перекручиваясь и ломаясь, толстый ледовый брус. И вдруг гул прошел по палубам, отзываясь втореньем в закоулках. Пол выбух горбом, опрокидывая людей, сминая гармошкой стену, и из коридора ударил воющий свист вырывающегося воздуха. Туман колыхнулся и потек слоистыми лентами.

– Саморазряд! Ч-черт...

– Только этого нам еще и не хватало!

Ледяная пробка, раскрошенная у потолка, подалась, вываливаясь внутрь, и в образовавшуюся дыру пахнуло горячим воздухом. Изморозь на стенах в момент стаяла, набухла каплями, оголяя сырую пластиковую обшивку.

– Жги, жги ее, заразу! – прикрикнул Габа и ожесточенно вогнал плазменный сгусток в оплывавшую льдину. С хрустом лопаясь, змеясь снежистыми трещинами, ледяной завал разбух, словно впитав огонь, и просел, поплыл. Писк и шуршание, скрежет и треск полезли в уши.

– Сюда все! Есть пролом!

Проталкиваясь сквозь плавучую грудку льда, Габа ступил на дрожащую палубу. Здесь было не просто жарко, а горячо, как в духовке. Дымились, скукоживаясь, мягкие панели термоизоляции, коробился пол, расходились швы. Тек отку-

да-то ядовито-желтый дым, шатко стелясь под ноги.

– Что еще за ерунда? – крикнул Габа.

– Под нами накопители! – Иван потыкал рукой под ноги. – Пурпуры пробили энергозаборники, и пошел разряд! Да их за одно это убить мало! Какие все-таки сволочи!

– Пошли, пошли! – потащил их Сергей. – Времени совсем нет!

Пол и стены дрожали мелкой дрожью, вибрация отдавалась в скафандрах неприятным зудом. Оскальзываясь и валясь, подлетая к потолку и отталкиваясь ногами от стен, уворачиваясь от шипящих «колбасок» жидкого металлопласта, четверка пробежала по узкому и высокому коридору, на пузе въехала в низкий аварийный люк и поднялась на ноги в энергозоне.

Когда Габа услышал сухой звенящий вой и увидел пульсирующую прозрачную колонну энерговода, где текло голубое пламя, ему стало нехорошо. Воображение с готовностью, ярко и красочно, представило видение обгорелых останков в обрывках скафандров...

– Что делать будем? – спросил он у спутников.

– Надо, чтобы робот сюда напрыгнул, – Толя показал на энерговод, – и закоротил!

– Щас! – Сергей метнулся к компьютерному пункту энергомодуля. Там все было заставлено пультами, панелями приборов и контроль-комбайнов; одна наклонная консоль даже на потолок краем залезала. Над главным пультом висел

экран, расчерченный координатной сеткой. Докручивая красивую кохлеоиду на карте северной полярной шапки, медленно ползла яркая белая точка. Она уже почти касалась прориси Северного каньона. В наступившем молчании тяжким камнем упало:

– Осталось шесть минут.

Глава 12

1

Марс, база «Северный полюс»

Северный каньон был не узок и не широк – километров на десять раздвигал он крутые слоистые стены ледников. Километровой высоты ледяные кручи спадали в долину многочисленными уступами, этакой колоссальной лестницей, где, словно ступеньки, чередовались темные и светлые слои мощностью под тридцать метров каждый.

Каменистое дно было припорошено снегом, кое-где выглядывали черные валуны с наметенными сугробами. Тревожно завывал ветер, сметая со склонов вытаивающую пыль, наверху с бешеной скоростью скользили черные пятнистые тучи. Сизый налет от них ложился на белые купола базы «Северный полюс», на павильоны обсерватории, на полукруглые бока склада, похожего на прикопанную бочку.

Жилин чихнул, от чего стекло запотело и пришлось включать стеклоочистители. «Я ж на Марсе!» – окатило Глеба. Как-то даже не верилось, что он топчет грунт чужой плане-

ты. Навстречу змеились, шарахаясь широкими разливами, струи сухого, колючего снега; из грязных сугробов выжимались мутно-белые льдины... Капитану тотчас пришла на ум станция «Мирный» времен войны в Антарктике – голубоватые айсберги, черно-белые пингвины-адельки, красные купола на сваях и серая громада авианосца-универсала, разгребаящая шугу. Не лезли в голову марсианские пустыни, хоть убей. Где они, эти петые-перепетые оранжевые пески? Где синяя трава и розоватое небо? Глеб запрокинул голову. Потемки сгущались.

Черные извивающиеся тучи покрыли все небо, ветер крепчал, злобно швыряясь снежной крупкой, хлеща пылью, крутя поземку по твердому насту. Слева, на гребне ледяной кручи, дрогнули снежные наросты. Затуманились, струясь и вспухая, и вот пошла, закружилась лавина. Из ее облака рвались дымящиеся снежные выбросы и тут же сминались, вихрясь и опадая в текучей круговерти. Обвал всей своей массой ударил о дно каньона, и забурилась, заискрилась вокруг снежная пыль.

«А чего я стою?!» – опомнился Жилин. Ругая и подгоняя себя, Глеб пошире открыл круглый пассажирский сегментик, потом пролез в трюм и распахнул квадратный люк грузового отсека. Звякнул, откидываясь, блестящий трап.

– Заметили! – толкнулся в наушники Гирицкий басок. – Вон бегут уже...

Жилин обернулся. От куполов бежали люди в скафанд-

рах. Оскальзываясь и спотыкаясь, проваливаясь по пояс в сугробы, они размахивали руками и вопияли, но слуховое устройство не улавливало смысла выкриков. Было что-то недостойное в этой беготне, в этой потере себя, что-то постыдное, одновременно и жалкое, и страшное. Вот один из бегущих упал, зарывшись в снег, схватился за кого-то, повалил...

– Стоять! – крикнул Глеб. Грубый окрик не подействовал. Тогда Жилин передернул на ремне увесистый лучемер и положил палец на вогнутую кнопку. Щелчком сбросил предохранитель. Нажал. Гремящий оранжевый заряд ударил в ледяную скалу, обросшую сосульками, и разнес ее на мелкие кусочки. Ледяное крошево набухло искристым шаром и опало, рассыпчато шелестя и цокая.

– Стоять, – холодно повторил Жилин.

Люди в легких скафандрах и спецкостюмах, запыхавшиеся, вываленные в снегу, распаренные, дотрусили до наблюдательной площадки обсерватории, с которой двигатели бота сдули весь снег, и неуверенно остановились, сбились в кучу у метеобудки. За прозрачными забралами шлемов лиц было не разобрать, но голоса выдавали тяжкий, выматывающий, все заглушающий страх:

– Чего тут стоять?! Мотать надо отсюда!

– И так целый час прождали!

– На одних нервах!

– Всю душу вымотали!

– Блядский этот Марс!

Они говорили, торопливо забирая на самые верхи, давя в себе стыдливую досаду, и уже слышался чей-то плач, и про-скальзывали истерические нотки.

– Первыми полетят женщины и дети! – резко сказал Жи-лин. – Это посадочный бот, а не лайнер – все равно все не поместимся!

Он добавлял и добавлял металла в голос, по опыту зная, как действует властная интонация, как подчиняет она угне-тенное сознание.

– Так что ж нам, – завопил кто-то возмущенным фальце-том, – так и подыхать здесь?!

Одна из мам, глядя по шлему свое чадо в детском ска-фандре, сказала робко:

– Может, мы как-нибудь подвинемся... Приткнемся где-нибудь... Они же не виноваты!

И мучительный стыд за свою избранность прозвучал в этом выкрике, и страх потери, и неуклюжее оправдание, и мольба...

– Слушайте, – сказал Жилин проникновенно, – может, хватит об этом? У нас осталось пятнадцать минут! Женщи-ны пусть грузятся, а вы идите, заводите танки! Отъедем к югу, там и переждем. Макс! Принимай пассажиров!

– Ага! – Максим грузно сбежал по прогнувшемуся тра-пу. – Давайте, давайте, девоньки, – бархатисто заговорил он. – Пошустрее, пошустрее! Кто с дитем – сюда, в пасса-

жирский, а вам туда, в грузовой! Не давитесь, все влезете! Да, там где-то матрасы должны быть надувные. Постелите их, а то жестко...

– Чует моя душа, – захохотал кто-то, – не успеем!

– А ты не каркай! – рявкнул Гирин. – Накаракаешь еще!

Чего ты зря людей пугаешь?! А ну, живо на борт! И вы тоже! Что встали?!

«Порядок!» – подумал Жилин. Не особо обходительно, но доходчиво. Ох, еще ж и станция... Глеб повесил лучемер на плечо и понесся к станции. Хм... Это только так говорится – «понесся». «Неслось» тяжело, как во сне. Наст то и дело проламывался, ноги проваливались по колено и выше. Жилин взопрел, пока добрался до куполов. Отдышался уже в тамбуре, пользуясь тем, что двери шлюзов открывались строго по очереди.

Внутри база «Северный полюс» напоминала тонущий корабль. По кольцевому коридору метался человек в мешковатом спецкостюме, таская с собой тяжелый бур-мобиль. Человек катался от двери к двери и орал сочным баритоном: «Инка! Ты где?!» Столкнувшись с Жилиным, он крикнул: «Инку не видели?!» Пробежала перепуганная женщина, таща в одной руке охапку шуршащих автоном-комплектов, а в другой – два серебристых шлема. «Люсик! – кричала она на бегу. – Люсик!..» На стеклянном пузыре индикатора герметичности висела стенгазета. Вверху на ней было коряво начертано: «Полярное обозрение, №5». Рядышком с пятеркой

приплясывал смешной человечек в скафандре, но босиком. Хватало карикатур (рисовались они для своих – постороннему юмор станционных коллизий не давался). Стилом, от руки, были настроены ехидные вирши и перлы типа «Доколе астрофизики будут терроризировать Мурзика?!» Веселый народ гляциологи...

Тоненькая девчушка с глазами, стеклянными от слез, выглянула из техмодуля. За спиной у нее что-то грохнулось с тяжким звоном.

– Вы, случайно, не Инна? – спросил Жилин.

– Ин-на... – прерывисто вымолвила девчушка, размазывая слезы ладонью.

– Вас там уже ищут.

– Инна! – возликовал сочный баритон. – Пошли скорей!

Инна заспешила, путаясь в большом, не по росту, скафандре.

– Нашелся!

Жилин улыбнулся и, срываясь на бег, дотопал до библиотеки-лаборатории. Пол в круглом зале БЛ был усеян обломками кокнутого хемостазера, исчерканным пласт-папиром и какими-то тряпками. Дверь из волокнистого силиколла висела на одном шарнире.

Страдающий голос с сильным акцентом упрашивал кого-то за стенкой, страдая и взывая к совести: «Что значит не полечу?! Ну, не думаешь ты о себе, так хоть о матери подумай! Дарья, я кому говорю?!»

Жилин вошел и столкнулся в дверях с круглолицым, румяным, курносым и губастым гляциологом, смахивающим на розового поросеночка. И глазки у него были такие же – подзаплывшие, с белесыми ресничками.

– Вы с корабля? – обрадовался он Жилину. – Скажите хоть вы ей! Не слушается меня, отказывается улетать!

У большого круглого иллюминатора стояла крупная девушка в тугом сером комбинезоне. На ее пухленьком лице (папа номер два) застыло виновато-вызывающее выражение.

– У вас пять минут, – сказал Жилин ледяным тоном. – Быстро в корабль!

Дарья вздернула пипочку носика, но тут же разомкнула взгляд с этим ощутимо опасным человеком и выскочила из модуля, как ошпаренная. Жилин наметил усмешку.

– «Что за комиссия, создатель, – пропыхтел гляциолог, – быть взрослой дочери отцом!» Райво Хаапссало, – представился он. – Что хоть случилось?

– «Пурпурный террор», – бросил Жилин, заглядывая в рабочий модуль.

– Нет, ну... – задохнулся Райво. – Прямо...

– Райво, – перебил его Жилин, – у нас минут десять осталось. Пробегите, проверьте, не остался ли кто. И мухой к танкам! Будем уходить на юг!

– О, да-да! Я бегу!

Глеб повернулся и быстро вышел наружу. Грунт под ногами ощутимо дрожал, огромные ледяные глыбы на кручах

отрывались со страшным скрежетом (давление у полюса выросло изрядно – слышно было хорошо) и свергались с уступа на уступ, размолачиваясь в пыль. Небо провисало черной клубящейся тучей, а в дальнем конце каньона крутился морозный туман... Явно не Лимб уже, что-то похлеще... Широкий конус посадочного бота казался черным, особенно по контрасту с ярко освещенным проемом люка. В редкой толпе у трапа прощались, клялись в любви, сыпали несмешными шутками и очень старательно смеялись им. Гирич лихорадочно помогал разместиться своим пассажиркам, что-то объяснял, тыча рукой в люк, и старался не смотреть на тех, кто оставался.

А над самым обрывом скручивался исполинский грифон из пара и пыли, угольно-черное Мировое Дерево, переплетенное корневищами молний. Невообразимо огромный грифон медленно-неуклонно вращался, тягуче взметывая высоко в атмосферу клокочущий конденсат, разбрызгивая остуженный кипяток градом и мокрыми хлопьями, сотрясая все вокруг оглушительным, рокочущим гулом.

Жилин глядел и оторваться не мог от этого грозного и величественного зрелища. Сжав зубы, он протолкался к трапу и махнул Гирину рукой.

– Макс! Стартуй немедленно! Еще минута – и все тут дуба врежем!

– Да мне еще двоих запихать!

– Времени нет! – Жилин поглядел на двух перепуганных

девчонок и развел руками. – Составите нам компанию! – Он обернулся к Гирину: – Стартуй!

– Я скоро! – прокричал Гирин и убрал трап. Прошипел, затворяясь, внешний люк, и планетолет обрел гладкую плотность слитка. Жилин схватил за руки обеих девушек и крикнул:

– По машинам!

Все будто только и ждали команды – сорвались с места и побежали. Глухо заворчав, танки двинулись навстречу. На их темных кузовах разгорались, перебежали, мерцая, и гасли бело-голубые блики от ослепительных разрывов молний, кромсавших тучи с яростью.

– Ну-ка, еще быстрее! – подбадривал Жилин своих перепуганных спутниц. Те только попискивали, а бежавшая слева, маленькая, но грудастенькая, всю дорогу не открывала глаз.

Боясь не дожидаться своей очереди у тесных кессонов, мужички, толкаясь и спеша, лезли на крыши танков. Трое человек забрались на кабину транспортера, поближе к антенному устройству, чтобы было за что цепляться.

Жилин подхватил и забросил в кузов сначала писклю, потом грудастенькую, которая лишь теперь распахнула удивительно синие глаза, и влез сам.

– Все тут? – прокричал он. – Трогай!

Турбины взвыли, и песчаные танки покатались на юг, зарываясь в сугробы и набирая скорость. «Что он не стартует?»

– думал Жилин, хватаясь за высокий борт, и тут же в уши ударил тяжелый грохот. Поток оранжевого пламени вскрыл облака пороши, погнал пыль и камешки. Посадочный бот вынырнул из вихрей пара, повис на секунду над курящимся грунтом и взвился на сотню метров.

Могучий удар бури едва не сбросил грузный белый конус – в наушниках послышался чей-то сдавленный крик, – но Гирин удержал бот. Дюжий корабль, изрыгая оранжевый огонь, высверлил в кудлатых облаках туннель. Буря втягивалась в эту дыру спиральными вихрями. Чистый клочок неба стремительно заплывал снежной мутой.

– Хоть они успели, – вздохнул кто-то, – и то ладно...

Танки резво бежали, с гулом и металлическим лязгом прыгая через снежные наносы. Летели секунды, летели метры, робкие надежды пробивали черную корку отчаяния. Томительное, выматывающее душу напряжение уже стало отпускать Глеба, когда вдруг нестерпимый жар охватил его, проник сквозь силикетовую броню скафандра, опалая кожу и разжигая нутряное пекло.

– А-а-а! – задергался, прыгая и мотая головой, Райво.

– Опоздали! – проверещал над самым ухом чей-то перепуганный голос. Сквозь пот, застилающий глаза, Жилин увидел, как оседают в плавящийся снег сугробы, колеблясь в струях горячего пара. Ледяные пласты горбились, вставляли дыбом, лопались с пушечным громом и выбрасывали бурлящие массы углекислого газа из потаенных полостей. Высо-

ченая, клубистая аспидно-черная стена закрыла небо, бросая впереди себя крошечные вспухающие смерчи и гром бесчисленных молний.

Глеб зарычал от боли и согнулся, бессознательно пытаюсь уйти от излучения, но жгло везде. В наушники долбился крик страха и боли. Бешеной каруселью закружилась тьма...

2

Спу «Антенна-2»

В энергомодуле утечки воздуха не наблюдалось, поэтому все или подняли забрала гермошлемов, или опустили маски. И Габа наконец-то разглядел новых друзей. Иван Гомес был мал, худ, черноволос и остронос, и вертел головешкой в шейном вырезе скафандра, словно выглядывал из люка. Ваню будто долго усушивали на солнце и утрясали, зато энергии в нем скопилось – прорва. «Энергоемкость ходячая, – улыбнулся про себя Габа, – того и гляди шарахнет...»

– Иди сюда, собака свинская!.. – пропыхтел за стойкой пульта Сергей Одинцов. – Да иди ж ты скорей! Вот, зараза!

Он выволок из бокса упиравшегося киберуборщика и демобилизовал механизм.

– Чует, гад, куда пошлют, – отпыхивался Сергей.

Упитанного и румяного, Одинцова отличали зоркие желтые глаза и нос сапожком. Как-то так получилось, что вздернутый нос гасил хищный блеск Серегиных медовых зениц – как «плюс» на «минус» дает «минус», – и зеркало души инженера-контролера отражало добрую и жалостливую силу.

Впрочем, все это – и знакомство, и наблюдения, и размышлизмы – делалось на бегу, в коротких паузах. Одинцов в паре с Гомесом быстро-быстро, словно в ускоренной съемке, готовили робота к искупительной жертве – стирали эвристиграммы и даже базовые инстинкты, обращая сложную полифункциональную машину в убогого кибершахида. А разве не то же самое творят асасины с людьми? Конечно, об Иване с Сергеем Габа так не думал. Они ему больше напоминали саперов, обезвреживающих бомбу с таймером, – и спешить надо, бешено спешить, и торопиться нельзя. Пот градом, в глаза бьют истекающие секунды, а деминеры кропотливо копаются в схеме, в вязках проводков... Ошибешься – «скорую помощь» не тревожь...

– Все! – выдохнул Иван и быстро отер ладонями мокрое лицо. – Пошла команда!

– А предохранители ты отсек? – озабоченно спросил Сергей.

– Отсек, отсек! «Тиун-13М», – сказал Гомес с преувеличенной артикуляцией, – повтори команду!

– Стать напро-тив энерго-вода, – прошепелявил робот, спотыкаясь на каждом слове, – разо-гнаться и прыг-нуть по

оси ка-нала...

Восемь длинных и тонких трехсуставчатых ног кибера едва слышно зашелестели соузлиями псевдомышц, подняли матово-черное дискообразное тело, выпрямили его... И в ту же секунду начались события.

Мягкие панели на переборке потемнели в четырех местах, задымилась, протаяли, и по пультам, по компам ударили ручьи ослепительного огня.

– Ложись!

Режущий свист высокотемпературной плазмы, бьющей из растущих дыр, сильно действовал на нервы. Прозрачные стеллажи биокомпьютеров спалило моментально. В прожженную брешь ввалился пурпурный в десантном автоном-комплекте. Коленями и локтями он гнул сосульчатые, докрасна раскаленные края пролома. Дезинтегратор мотался у него в руках, мигая желтым огоньком, – в три секунды израсходовав боезапас, лучемет требовал подзарядки. Габа рефлекторно выхватил табельный пистолет-парализатор. Догадается вражина сдвинуть переключатель режимов с потокового на импульсный – тут и сказочке конец. А вот если сглупит и не передвинет... Тогда появляется крохотный, на одну сек, но шанс... Сглупил! Пошла самая долгая секунда в жизни штурмана Оле-Сенду.

Он то ли сам увидел, то ли представил себе, как выстрелил Калитин, как он падал, роняя квантовый пистолет. Что-то неслышное за грохотом выстрелов орал Гомес, вставая

на колено и вытягивая худую, но жилистую руку с разрядником. Ощеренное лицо Одинцова уже не казалось добрым – Сергей разворачивался, невыносимо медленно поднимая слабенький плазмер.

Опередив противника на ничтожную долю секунды, Габа выстрелил, когда пурпур лишь вскидывал оружие. Звуки почти слились: хлопнул Габин парализатор, и тотчас же гулко ухнул плазменный заряд в ответ. Пурпурного скрутило и бросило набок. Локоть Габы обожгло – выхлоп поплавил силиконовый рукав спецкостюма.

Еще двое просунулись в отверстие, за ними маячил третий – и все в разных скафандрах. Габа выстрелил в того, на ком был оранжевый «турист», еще раз – правее, по облаченному в полужесткий «силикоид», и еще раз – левее, по шлему белого с металлом ЗСК. Секунда истекла.

Пурпур в ЗСК обмяк и поплыл по воздуху, совершая замедленный кувырок, пока не застрял в оплавленных стойках стеллажей. «Туриста» погнало под потолок, там он снес консоль и с ней на пару опал на главный пульт. А вот в того, кто был упакован в «силикоид», Габа промахнулся. Мощно оттолкнувшись, пурпур воспарил и врезался в штурмана. Они сцепились и закружились. Пурпурный шипел и хекал, пиная Габу, но это мало помогало – о единоборстве в невесомости пурпур и понятия не имел. Инсургент замахнулся, метя Оле-Сенду в голову, и его развернуло, да еще и вверх ноги закинуло. Габа моментально отщелкнул крепления шлема на

«силикоиде» и увидел круглое лицо, не отмеченное умственными борениями – вывороченные мясистые губы, короткий плоский нос с широкими ноздрями... Тхакур Сингх! Пристроившись, бвана Оле-Сенду провел «ливерпульский поцелуй» – ударил Тхакура головой в лицо. Тхакур отлетел, вяло трепыхаясь. Штурман в прыжке догнал его и сцапал за волосы.

– Серега! – заголосил он. – Что там с кибером?! Минута осталась! Вы что?!

– Щас!

Держа одну ногу на весу, Одинцов попрыгал-полетел, удаляясь по коридору. Тхакур Сингх всхрипнул, почмокал разбитыми губами и навел на штурмана выпученные бельма.

– Что, черножопый, – просипел он, – радуешься? Рано радуешься...

Габа смазал ему кулаком по губам. Словно в вареники с вишнями вляпался.

– Лучше не выводи меня, – посоветовал штурман.

Тхакур Сингх медленно утерся свободной рукой – в сторону поплыл розовый пузырь. Вылупленные глаза пурпура до того налились ненавистью, что, мнилось, прыскали черной кровью.

– Клянусь, – проговорил Тхакур вздрагивающим голосом, – я тебе еще отомщу!

– «Раздался голос из помойки, – процитировал Габа грубую школьную присказку, – и показалась голова!»

Этот пучеглазый убийца раздражал его. Просто руки чесались отдубасить Тхакура, только неохота с дерьмом связываться... Или так подействовало упоминание о цвете его усе-ста? Это вряд ли... Габа подходил к вопросу расовой принадлежности без комплексов и фобий, по принципу: «Не нравлюсь? Уматывай!»

А что, если это классовое чутье проснулось? Почуял нутром врага рабочего класса – и шерсть дыбом...

– Прольется кровь! – сипел Тхакур. – Кровь!

– Да пошел ты!..

Габа приставил к «силикоиду» парализатор и нажал спуск. На мгновение онемели пальцы. Выпуклые, пустые глаза пурпурного скосились к переносице, из распущенного рта потянулась слюна... Страшно смотреть.

– Выполняй! – проверещал Одинцов и поскакал обратно.

– Мухой за угол! – завопил Гомес. – Сейчас долбанет!

Подполз раненый Калитин и простонал с отчаянием:

– Да что он там копается!

– Сейчас уже... Пошел! – Одинцов задел обожженной ногой стойку, и мат перемешался с ойканьем.

Слышно было и видно, как киберуборщик сорвался с места и, с тоненьким гудком, смешно задирая паучьи ноги, прыгнул прямо в дрожащую струю энергии. Грохнуло так, что Габа непроизвольно зажмурился, но красно-лиловая вспышка ослепила даже сквозь сомкнутые веки. Робота разнесло на атомы, салютом искр рассеяло по всему модулю.

В ту же секунду освещение на Спу погасло, не засветились даже красные аварийные сигналы. Замерли компрессоры циркуляционной, умолкли компьютеры, защелкали, остывая, сетки термоэлементов в переборках. Ослаб, истончился и стих совершенно зудящий вой.

Еще догорали исковерканные, оплавленные пульты, но пожарные автоматы дело свое знали туго – понапускали тяжелые облака пирофага, и фотоны захлебнулись в чернилах тьмы.

– «Рюмку ликера, – выдохнул Габа, – кофе, сигару!»

Глава 13

МАРС, ГОРОД-ПОРТ «БОЛЬШОЙ СЫРТ»

Прошло еще целых два дня, прежде чем экипажу «Боры» разрешили финишировать. И все эти 48 часов, за вычетом короткого сна и торопливых завтраков, Антон практически не выходил из состояния рептильного восторга.

Сначала надо было где-то расселить эвакуантов с «Северного полюса» – полетели к Фобосу. По дороге сдали пленных пурпуров – в настоящий тюремный блок, на орбитальную базу «Беллона». Там пришлось задержаться. Инспектор Иволгин назначил пурпурным принудительное ментоскопирование, а Габа со станционщиками сами дали снять с себя свидетельские показания. Настоящий ментофильм получился!

Тхакур был самым главным в Боевой Группе пурпуров и подчинялся лично Локи, этому уроду-андроиду. У Тхакура было задание – спалить базу «Северный полюс», а потом так скорректировать орбиту гигантской СВЧ-антенны, чтобы под луч попадал экватор и каждые сутки можно было бы наносить удар по системе «Большой Сырт». Ну, или грозить лучевой атакой. Так что Жилин с Габой подоспели вовремя – еще немного и было б всем...

Инспектор Иволгин, лобастый крепкий парень очень серьезного вида, проболтался, что Василя Хлюстова, Лима Сяоке и Виталия Дворского – подельников Тхакура – изолируют на базе, а главаря Боевой Группы доставят под охраной на Цереру, в зональное управление СОП. Лайнер «Солярис» уже подошел. Погрузят пурпура – и «спокойной плазмы!» Опять придется отпуск переносить... «Почему, почему... А кому ж еще Тхакура конвоировать? Нас тут всего-то трое, для виду. Надо книжек взять в дорогу – это ж пока долетишь... Чокнуться можно». Антон Эдику Иволгину вежливо посочувствовал.

После обеда на посадочной палубе базы уже не оставалось свободных причалов – двум буксирам с сектейнерами пришлось подняться на малой тяге в зону ожидания. Пришвартовался бот с «Антенны-1», подвез все пять смен станционщиков – проведать Гомеса и иже с ним. Шуму от них было – немерено. Прибыл планетарный катер самого Фелиппе Гереро, директора системы «Большой Сырт». Этот жилистый, остролицый типчик лет пятидесяти Антону не понравился – скользкий он был какой-то, неприятный.

Пристыковался посадочный модуль с лайнера «Солярис» и забрал Иволгина с напарником – полицейские волокли за собой цилиндрический контейнер с Тхакуром Сингхом. Причалил продовольственный танкер – роботы цепочкой, как муравьи, потащили тюки, бурдюки, баки с условно-живым мясом, упаковки готовых обедов, ящики с термоконсер-

вами...

На следующий день «Бора» совместилась с орбитой Фобоса и «села» – выпустила анкера, забурилась в грунт и притянулась. Сошли все, кроме Громыко – он должен был потом отвести «Бору» на ремонтную станцию.

Гуськом по магнитному трапу в гофрированной трубе-галерее спустились на базу и стали ждать бота. Сидели, как дачники, в зале ожидания – на минус девятом горизонте. Минут десять сидели. Затем начали потихоньку разбредаться. Осмелели. Облазили все ярусы – база «Фобос» представляла собой подземный комплекс, проплавленный в грунте и залитый сверху металлопластом. Искупались в шаровом бассейне – Антон чуть воды не наглotalся. Перекусили в столовой на нижнем горизонте – сок из пластета лился медленно-медленно, как смола. Такая тут тяжесть – меньше одной тысячной «g»!

Заглянули в спортзал, разбились на команды и сыграли в мини-квиддич. Потом девчонки стали приставать к Жилину – пленяли, пленяли, ластились, ластились и добились-таки своего. Отпустил мастер «погулять». Приставил двух парней из местных – огромных, зубастых и донжуанистых – строго-настрого наказал сильно не прыгать (улететь можно запросто) и отпустил.

Коричневый Фобос не очень-то и волновал – так, отдельно взятая гора. Трещины, микрократеры с тарелку, черные ущелья, разрушенные гребни больших кратеров, острые ска-

лы, выпуклая пустошь, заваленная камнями... Но под ноги никто и не глядел, все смотрели на Марс. Виджай, конечно, сразу стал вещать, как на телевизионном уроке по астрономии, – длина Вэллис Маринер... высота горы Аскреус... глубина речной долины Тиу... Ну что за натура! Никто его, правда, особо не слушал, а Гоша Черняк беззлобно посоветовал заткнуться и не совершать резких движений...

Марс был цвета охры. Он изгибался полумесяцем, да столь близко, что видимой оставалась, наверное, только треть планеты – полюса прятались за изгибом горизонта. Марс почти различимо шел на убыль – скоро Солнце скроется, и Фобос выйдет на ночную сторону планеты. А станет ее видно наполовину, рассеченную терминатором точно пополам – жди восхода, яркого, как взрыв. Все добровольцы были в серебристых вакуум-скафандрах. Они стояли, задрав головы в ртутно-блестящих спектролитовых шлемах, и свет Марса красил всех в алые и оранжевые тона...

Было пять часов утра, когда объявили посадку. Подали родимую «Кочу» и еще один шестиместный бот-планетарник. Чтобы перевезти всех, кораблям надо было три раза взлетать и садиться. Антон попал в первую двадцатку.

Бот быстро снижался; слой плазмы, в которую превращалась хиленькая атмосферка Марса, трущаяся о керамитовый корпус, светилась еле-еле. Всмотриваясь в картинку на мониторе, Антон остро проживал каждую секунду финиша,

каждый метр посадочной траектории. Все было в первый раз и не умещалось в памяти, насыщенное и яркое.

Прошла слабенькая вибрация, и бот мягко опустился на каменистое поле космодрома второго класса.

Подъехавший к месту посадки герметичный автобус-транспортёр на шаровом шасси сначала обождал, пока бурые, дымящиеся комья радиоактивного шлака маленько остынут, и лишь потом подкатил под корму «Кочи». Осторожно, примериваясь, автобус стал точно посередине между двух суставчатых лап-опор и состыковался с пассажирским люком. Что-то клацнуло в прозрачном кессоне, взасос зач-вакали диафрагмы. Разошлись сегменты люка, и добровольцы, кто толкаясь, кто не спеша, спустились в салон.

Антону такая высадка не понравилась. Она его разочаровала. Антон еще на борту предвкушал, как неторопливо спустится по трапу... как ступит на пыльный грунт, потопчет-ся, попрыгает, пройдет-ся взад-вперед... И на тебе. Он задержался в маленьком кессончике (инженеры-водители неуважительно окрестили его «подстаканником») и обвел глазами пустыню. Пустыня была тускло-оранжевая, усеянная изъеденными каменными обломками, а у горизонта, на фоне гряды черных скал, отчетливо проступали три башни: вышка контрольной станции с люлькой диспетчерской на самой верхотуре; полосатая энергоантенна, мощная, как донжон, и Центральная метеобашня.

Фронтир, мелькнуло у Антона. Суровая и величествен-

ная земля... Или грунт? Как сказать? Каменистая, вспоротая оврагами и каньонами, изрытая кратерами, загроможденная скалами, безжизненная и безрадостная... Редко-редко где можно было заметить лиловый колючий шар кактуса или худосочные стволы марсианского саксаула, кривые и колючие, синие, будто от холода.

– Привет, земляне! – весело сказал водитель, свешиваясь из кабины наверху. И без того приземистый и коренастый, он выглядел еще шире, чем был, из-за своей куртки с электроподогревом. Черный намордник кислородной маски болтался у него на шее, а огромные черные очки были подняты на лоб, открывая скуластенькое лицо с пятнистым коричневым загаром и ранними морщинками – злое марсианское солнце кожу не щадило.

– На базе только и разговору, что о вас! – балаболит водитель, спускаясь и здороваясь со всеми по очереди. – Я еле отбился от собкора «Всеобщего Вещания» – так тот рвался вас встретить! Ну а как же? Эксклюзив Таши Намгьял, – вспомнил он вдруг о манерах, – инженер-водитель.

Антон пожал Намгьялу руку и без спросу поднялся в кабину, под прозрачный спектролитовый колпак. Сердце замирало: вот сейчас погонят... еще на одну ступеньку... сейчас, сейчас... Не турнули.

Наверху было тесновато – три диванчика впритык, да так, что колени не помещались. Зато все видно. Антон придвинулся к самой стенке, стараясь занять как можно меньше ме-

ста. Рядом уселся Жилин.

Мастер поднял красные, будто ошпаренные руки и осторожно, кончиками пальцев, потер лицо. Лицо тоже было красновато-розового цвета. Марина с ног до головы обмазала Жилина коллоидом, и теперь обожженная кожа подживала. И чесалась, наверное, зверски.

– Сначала никто даже не поверил, – продолжал балаболить водитель, протискиваясь на свое место перед пультом, – а потом такое началось! Такой кигол поднялся! И главное, как быстро все всё поняли! – с неожиданной злостью сказал Намгьял. – Директора базы сняли сразу и без разговоров. Никакие звания не помогли. Как будто раньше никто ничего не замечал! А тут и СИБ зашевелилась. И директор системы проснулся... Забегали!

– Допрыгались, – буркнул Жилин, – вот и забегали... Это ж додуматься надо было – развернуть базу в запретной зоне! Еще б на полюсе поставили – совсем бы хорошо было...

– Ну! Живот уже готовы положить за грязную сосульку!

В кабину, кряхтя и пригибая головы, залезли Габа, Гоша Черняк и док Клунин. Таши крикнул, высунувшись в пассажирское отделение:

– Все на месте?

– Все! – подтвердил хор добровольцев. – Поехали!

Автобус-транспортер разомкнул «подстаканник» и тронулся.

– Вас сразу на стройплощадку? – деловито спросил Нам-

гьял, правя на скалы-штоки, сходственные с женскими грудями – у одной даже круглый обломок лежал на вершине, изображая сосок. – Или в порт подбросить?

– В порт, – решил Жилин. – Пусть сначала все высадутся. Гоша!

– А? – встрепенулся Черняк.

– Рот закрой, а то муха влетит. Размножишь мне киберов по списку, ладно? Матрицы я тебе дам.

– Сделаем! Сторожей-разведчиков?

– И этих, и скибров, и инициаторных. Аварийных обязательно. Только надо все это успеть засветло, чтоб по темноте не телепаться. Уже и так поздно...

– План мы, вероятно, скорректируем, – сказал Йенсен. Ларс Юлиус поднялся снизу и остался стоять на трапе в кабину. – Заметим, завод будем разворачивать, как и намечали, у кратера Соам, только заложим поближе к лагерю...

– Ну и правильно, – оценил Габа, – чего зря мотаться? И место подходящее – кратер кругленький, вал у него пологий, опять же – песочек... Пляж! Солнце, воздух и вода – наши лучшие... – Он заметил насмешливую улыбку Жилина и сказал с укором: – Смейся, смейся! Зуб даю – лет через десять кратер переименуют в озеро!

– Ну-у... – протянул мастер, – десять не десять...

– Ну, через пятнадцать! Через двадцать! Какая разница? Все равно будет где купаться! А потом – представляете?! – курорт на озере Маринер!

– Ну ты сказал! – фыркнул Гоша. – Озеро! Да туда целое море влезет!

– Еще лучше! Лежишь себе, греешься на песочке, а к тебе так и льнет какая-нибудь аэлиточка, да с такими «вайтлс», что закачаешься... Что еще нужно?

– Балда ты... – улыбнулся Жилин.

Набирая скорость, автобус понесся вперед, подвывая мотором и чувствительно потряхивая. Рыжие барханы перемежались с наметами черного песка, остроконечные скалы сменялись плоскими низинами солончаков, по которым гуляли «пылевые дьяволы», а в небе, хоть и при полуденном Солнце, светились Сириус, Альдебаран и Полярная.

Антон и забыл уже, что чувствовал разочарование. Так интересно было все вокруг, что никакая тряска, никакие жесткие сиденья не могли сбить его настрой типа «ух, ты!!!». Плаксивые эвакуанты, толкотня и галдеж, тошнотворные запахи бедноватого общежития; слабый голосишко Ленусика и рык Клунина; пленные головорезы – невымытые, вонючие, описавшиеся (биопарализатор здорово расслабляет); труп начальника Спу в длинном контейнере из-под синхронизатора, залитый стеклопластом; раненые Калитин и Одинцов с коконами на ногах, полураздетый Гомес с заживляющим тампопластырем на обожженной спине... Все это было, все это виделось, слышалось, нюхалось и осязалось, но давным-давно, еще вчера... (Отцы и дети потому и не понимают друг друга, что живут в разных временах. Старики обра-

щены в прошлое, а молодые – все в будущем. Пожилые не торопятся доживать – им так мало осталось! А юные спешат жить – у них впереди всего лишь вечность! Вчера или до нашей эры – какая им разница? Счастливые...)

Через малое время под восемью рубчатými шарами захрустело каменное крошево и трясги почти перестало. За прозрачным колпаком, расправляя красноватые пыльные шлейфы, цепью ползли киберстроители, спекающие грунт. Сами черные машины настолько запылились, что казались пятнистыми. На клочкастое облако пыли проектировались коричневые силуэты грузовых автоматов, шире корпуса расставивших мощные рычаги опор. По блестящим трапам слезали многорукие киберы – целая орава больших и малых роботов-богомолов, роботов-пауков, роботов-вообще-не-пойми-что.

Потом транспортер колыхнулся и вынесся на ту часть взлетного поля, что уже была залита металлопластом – серым и гладким, пока еще не тронутым ни стартами, ни финишами. Антон осторожно подвигался, выпрямляя ноги по очереди.

Сбоку открылся вид на низкие купола – серые и с серебристым противорадиационным покрытием пузыри, – на полуцилиндры складов, на блестящие, надраенные песочком антенны. Космопорт фронта.

– Во, понастроили! – поразился Клунин. – Я улетал, тут гольная пустыня была! Когда только успели?

– А вот уметь надо! – загордился Таши. – Я вчера с начальником космодрома разговаривал... – Он смолк, видимо, прикидывая, не звучит ли это некрасивым намеком на его связи в «высших сферах», но быстро нашелся: – Да так, в столовке за один стол сели, по работе покалякали... У Степаныча в планах во-он там, у скал, реперную базу отстроить, а здесь чтоб терминал стоял. Спасибо, говорит, Проекту, а то так и гнили бы на выселках! Не одной же Луне все доставаться должно, верно ведь? На Марсе тоже люди живут! Сейчас мы напрямик, так короче...

Автобус ринулся вверх по склону плоского холма, перевалил через груды щебня, черного, как вывал угля, и Антону открылся хмурый хребет вдали, унылый и дикий. «Изида!»

Гребень далеких кордильер вырисовывался очень четкой зубчатой линией и выглядел как близкое предгорье. А над ним, в блекло-розовом небе, рябили реденькие ячеистые облачка.

Таши посмотрел на Жилина в овальное зеркало перед местом водителя.

– Кипо ре? – спросил он, странно улыбаясь.

– Шита кипо, – ответил мастер, не думая, и подозрительно глянул на водилу. Таши счастливо засмеялся.

– Не узнали! – сказал он довольно. – А я так вас сразу узнал! Мне отец рассказывал, и еще у нас много стереофото – и где вы с ним в чубах стоите, и у чортена, вместе с теми заложниками – помните? – там еще на вас какие-то зареван-

ные девицы повисли и у вас все лицо в помаде...

– Так твой отец... – протянул Жилин, светлея.

– Лобсанг Намгьял! Вспомнили?

– Лобсанг Намгьял... – механически повторил Жилин.

На его губах заиграла смутная улыбка. – Еще бы не вспомнить... Разве такое забывается?

На Антона словно ветром пахнуло, пробрало, мурашки поползли. В воображении всплыли мужественные лица бойцов, закаленных людей в камуфляже, почему-то похожих на Жидина, и личики красавиц, почему-то похожих на Марину, вознаграждающих героев – потом, после победы. Лица каменели в последнем усилии битвы, их выхватывали из темноты красно-лиловые вспышки выстрелов... Падали ветви деодаров, срезанные лучеметом, и сыпали искрами. И крики боли отражались от исполинских гор и затухали, затухали...

Антон помечтал немножко, представляя, как он с лучеметом наперевес заступает дорогу пурпурам, а те, подвивая от ужаса, драпают от него по отсекам Спу, мечутся, на стенки лезут... Ага, побегут они, жди. Сам скорее побежишь... Он вспомнил, какая морда была у Тхакура Сингха, когда его проносили в контейнере. Уродливая, разбитая в кровь, но какая же лютая! С каким бы наслаждением он нас всех...

Антон уже другими глазами пригляделся к паре красочных стереофото, наклепленных на бочину аварийной кислородной цистерны. На одной была заснята долина, усыпанная камнем и зажатая гигантскими горными пиками. Крохот-

ная деревушка на переднем плане, обсаженная чахлыми ивами... Островки подтаявшего снега и рядом жесткие кусты белого рододендрона... Другая фотка изображала дзонг – тибетскую полукрепость-полумонастырь. Снимали в потемках, дзонг был словно врезан в чистейшие медно-зеленые небеса, где белела Луна в зените, а над цепью гор пылали шесть ложных солнц, преломляясь во льдах... Красиво! И необычно. Будто и не Земля вовсе.

– Как он там? – поинтересовался Жилин. – Трудится еще?

– Трудится, – кивнул Таши, – он у меня такой. Закончил курсы при Службе погоды и сейчас заведует синоптической станцией. Говорит, большим начальником стал на старости лет!

– Ну и правильно, – одобрительно кивнул Жилин.

– Сейчас и Аниче с ним, помогает. Не забыли еще? Сестричка моя!

– А как же! – улыбнулся Жилин. – «Перак на ножках»!²⁴

Таши расплылся в улыбке.

Слева из-за барханов открылась уже не рыжая, а черная пустыня, обширная и ровная, словно выглаженная утюгом, и по смолянистому песку медленно перекатывались лиловые ноздреватые колобки – движением не плавучим, а толчковатым. Фиолетовая капуста, единственное теплокровное растение. Колобки выкатывались на солнцепек, сучили псевдоножками и медленно выворачивались, разлепляя края, укла-

²⁴ Перак – особый вид прически у тибетских женщин.

дывались погреться – ни дать ни взять круглые матрасы, выставленные на просушку.

– Это наши плантации, – с гордостью сказал Таши, – самые-самые первые. Агрокупола потом уже построили. До них отсюда километров семьдесят... Вам видно? Сейчас тут питомник. Тысяча кочанов!

– Ни фига себе... – бормотнул Гоша.

Внизу заохали и заахали, а Антон, сколько ни всматривался в фиолетовые колоба, раскатывающие вдоль и поперек, проникнуться благоговейною трясцой так и не смог. Капуста как капуста. Растение. Течет у него в жилках тепленькая гемолимфа? Ну и пускай себе и дальше течет. Подумаешь... Гуляет само по себе? А кто ему мешает? Впрочем, Антон даже фауну не особо-то поэтизировал, а уж флору – тем более. Он даже петуха в детстве «бульоном» называл...

Натужно воя, транспортер перевалил крутой кольцевой вал, урча, съехал на длиннющий шлейф плотного песка, наметенного бурями с подветренной стороны кратера, и покати́л вдоль большой плоской деляны, расчищенной от камней и местами поросшей синим мхом – излюбленным кормом для «фиолетки». С краю участка глянцевито отсвечивал герметический купол с тамбуром. Рядышком с гермокуполом блестела отполированным металлом решетчатая наблюдательная башня. До верхушки ее было метров пятнадцать, но и эта вышка проигрывала дюнам, наметенным за деляной, – высоченным, оранжевым, курящимся пылью на греб-

нях. Разреженный воздух почти не рассеивал свет, и тени ложились четкими, словно вырезанными из темной бумаги.

– Фынчен отсюда почти не вылезает, – оживленно болтал Таши. – Я ему иногда просто поражаюсь!

– Фынчен? – переспросил Габа. – Это не тот ли агротехник, что...

– Тот, тот! – перебил его Таши и повернулся к Жилину. – Тут такое было! Вон там, за дюнами – да тут рядом совсем! – вскрылось в том году подледное озеро. Полдня в нем вода выкипала, туча стояла, как над вулканом. Ну и мы все почему-то решили, что живности крышка. Давай ее биологи отпевать: «Ах, бедные, бедные эндемики!» Ага, бедные! Копуны – те сразу в ил зарылись – хрен достанешь. «Корзинки» панцири позадвигали – и баюшки, «просьба не будить». А рыбозмеи приспособились!

– Что, вот так вот сразу? – не поверил Жилин.

– Я ж говорю, мигом освоились! Не верите?! Спросите у космозоологов – они тоже не верили! Пока их Фынчен носом не ткнул! Идите, говорит, и посмотрите, как ваши бедненькие рыбозмеечки капусту хряпают! Повадились, эндемики чертовы! Ограду корраля подроят и кочанчик ням-ням! Ван этих зараз два сола выслеживал... помните, док?

– Ну так еще бы!.. – проворчал Клунин. – Кровищи было! Удивляюсь, как Ван после этого вообще жив остался. От «рыбки» шрамы знаете, какие... у нее как бы присоска-пасть: рыбозмея бросается, но не кусает, а как бы втяги-

вает в себя плоть и моментом перетирает в фарш! У меня на Ване литра два одного коллоида ушло!

– Так он хоть убил... э-э... «рыбку»? – заерзал Гоша.

– Со второго раза! – охотно сказал Таши. – Надо было в главный нервный узел метить, а он ей в морду! Ну, вот... да вон он, сам вышел. Ниньхао, Ван! – заорал Таши в бусину микрофона.

Маленький человечек в сморщенном спецкостюме и головастом шлеме с натугой волок тяжеленный камень. Сначала он дотащил его до кучи и лишь потом распрямился и помахал автобусу в ответ. На груди у Ван Фынчена тяжело болтался громоздкий дезинтегратор.

– Хотя «рыбки» – это ерунда, – помрачнел Таши. – Боюсь, скоро Фынчену станет не до «рыбок»...

– Что еще не слава богу? – беспокойно-недовольно спросил Клунин.

– Да... – отмахнулся Таши.

– Да чего «да»?

Жилин жестом уgomонил старшего врача.

– Рассказывай, Таши.

И Таши рассказал. Как долго ученые «Большого Сырта» готовили экспедицию в Долину Изида, и как они, наконец, собрали караван вездеходов и ушлепали, как начинали исследования в Горячем каньоне, искали одно, а нашли другое – целое поле протоплазмы – фодвила (зоофиты Марса, Солнечная система, углеродный цикл, тип политерии, класс ме-

таморфные, отряд, род, вид фодвил).

Как потом обнаружили сферники и грибовики – интересные образования из пористого известняка, больше всего похожие на коралл, и ученые поняли, что без фодвила здесь не обошлось, и решили взять с собой пару тонн, но начальство «не сочло»... И как потом нашелся кто-то «умный» и все же притащил споры тайком и занес их на Сырт...

– Теперь эта пакость расплодилась, как не знаю что! По-теплело же! Вся биостанция фодвилем провоняла, а капусту это желе жрет, как бык помой... Да вон он, смотрите! За дюной! Видите?

На рыжей почве четко выделялось лиловое... одеяло стеганое? Мат? Вязкое вздутие, зыбко трепещущее, как студень. Трясаясь, отливая полупрозрачной ложнокожей, фодвил медленно, но упорно двигался к плантациям.

– Ничего себе... – пробормотал Габа. – Вот это номер...

Упругая, шевелящаяся масса перла, как танк, местами вспучиваясь, местами сплющиваясь, опадала в толстую пленку и вытягивала длинные ложноножки. Она обтекала камни, полусасыпанные глинистой пылью цвета битого кирпича, или напозла на глыбы и тестом валилась обратно на песок цвета ржавчины. И перла, перла, перла... Тупо, бездумно, неостановимо. Лилась фиолетовым киселем, пульсирующей и дышащей, слизеподобной, клейкой примитивной плотью.

– Мерзость... – буркнул старший врач.

– А соседова дочка, – не к месту сказал Таши, – как увидела это по визору, так сразу и окрестила фодвилом. Мы и привыкли уже – фодвил и фодвил...

– Мерзость, – повторил Клунин. – Поехали, Таши, а то так и до вечера не доберемся.

Намгъял опустил пальцы на пульт, и транспортер, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее устремился вниз по склону дюны. Через минуту вездеход выбрался за скалистую гряду и Антону предстал порт «Большой Сырт» – огромный прозрачный купол около километра в поперечнике и метров семидесяти в высоту, по центру кучно заставленный приземистыми зданиями с круглыми окнами, по краям засаженный синим саксаулом, изломанным и кривым, вымахавшим почти до самых крыш. Сбоку выглядывал еще один купольный город – Соацера, а напротив, как третья вершина треугольника, вздувался технический купол – один на всю систему.

– Я смотрю, – сказал Жилин, – вы тут неплохо устроились!

– Да, ничего, – скромно сказал Таши, – жить можно.

Плавню покачиваясь, транспортер объехал законсервированную дейтериевую шахту, пересек долгострой – круги оплавленного грунта, будущие донышки стандартных колониальных куполов – и затормозил у шлюзов порта. Таши развернул автобус и стал подавать его задом, короткими рывками, пока по броне не скрежетнул рукав переходника.

– Япуду ²⁵! Можно выходить! – сказал Намгьял, открывая люк кессона в обширный, светлый тамбур. – Тут у нас что-то типа вокзала. Шлемы можете здесь оставить, вон свободные ячейки.

Слева от шлюза стену загораживали полупрозрачные секции камеры хранения – половина выпуклых дверец светилась зеленым. Справа в широком портале пряталась дверь с табло «Выход в город» и щитом, на коем было начертано «Добро пожаловать на базу „Большой Сырт“! Комитет по делам космоса Евразийской Федерации, 2048 г.», а напротив, над пухлыми диванами, висело расписание движения автобусов. Самый дальний рейс был до базы «Теплый Сырт» – тамошняя реликтовая роща древолистов, пушистых лиловых конусов, влекла туристов неудержимо. На базы «Изида», «ДТ-комбинат» и «Новая Антекирта» автобусы-вездеходы отправлялись ежедневно, а до лагеря «Соам», опорной станции Проекта, – дважды в день, утром и вечером. «Станция отправления – порт „Большой Сырт“». Наверное, именно это расписание, такое простенькое, такое обыкновенное, окончательно убедило Антона, что он прибыл-таки на Марс. Станция назначения, не подкопаешься...

Было и еще одно доказательство того, что под ногами не шаткая палуба, не трясущийся пол вездехода, а поверхность планеты, устойчивая и надежная. Меньшая сила тяжести. Конечно, ко всему привыкаешь, но с первых минут

²⁵ Япуду (тибет.) – аналог о'кей.

знакомства с пониженной гравитацией в теле поселялось великолепное, блаженное ощущение могучности и переизбытка здоровья. На Марсе любой становился чемпионом, а уж тот, кто на Земле, скажем, пробежал стометровку за 9 секунд, здесь укладывался в 5.

Не справляясь с силой притяжения, добровольцы перебарщивали в движениях, смешно дергались и веселились до упаду. Слышались возгласы:

- Шире шаг, человечество!
- Ой, умора!
- И ноги еще скользят...
- Черт, пока тут привыкнешь!
- Ай, держите!
- Ну куда ты летишь?
- С облегченьцем вас!

Жилин кое-как построил добровольцев. Расправил спецкостюм на Гупте, подтянул пояс на Соловейчике.

– Ну вот, – проворчал он, – хоть не стыдно будет людям на глаза показаться... Смотрите, меня чтоб не опозорили!

Жилин откатил тяжелую дверь, и добровольцы вышли на улицу Главную.

Как всегда на новом месте, Антон впечатлялся. Он вбирал глазами все зримое в целокупности, без разбора. После сознание «разукрупнит» первую картинку, разберет на фрагменты, разделит «поселок вообще» на «дом номер такой-то», на «скверик на углу улицы Межпланетников», на

«кафе в здании Совета». Разложит по полочкам. И драгоценное чувство новизны уступит привычке. Купольный город отложится в памяти, как мелкий населенный пункт вроде Концеполя или Вradiевки. Все это будет потом, а пока... А пока Антон выворачивал шею и тарачился во все стороны, даже вверх, на купол, выдутый в розоватое небо, даже под ноги, на пружинящие шестиугольные плитки покрытия – серые, красновато-коричневые, черные...

Вдоль Главной жались два ряда модульных домов, но ощущения, будто идешь по перрону между железнодорожными составами, не возникало – улица была довольно широка. Стандартные белые параллелепипеды выходили на улицу то боком, то торцом, своими круглыми иллюминаторами и антеннами сильно напоминая надстройки круизных лайнеров. Словно целый флот встал на прикол в порту «Большой Сырт».

У каждого подъезда, оборудованного герметичным тамбуром, была разбита клумба с цветущей марсианской колючкой или газон, засеянный курчавой синей травой. Странно, но людей почти не было видно. Так только – кто-то выглянет в распахнутый иллюминатор, чье-то лицо мелькнет за витриной распределителя. Карапуз выбежит с детской площадки, охотясь за огромным, ленивым котом (вон облапил зверюгу и поволок – будет учить котяру кататься с горки... Господи, какое животине надо иметь терпение!). Наладчик выскочит из парикмахерской-автомата, всмотрится, придер-

живая дверь в красную и белую полосу, ухмыльнется загадочно и обратно – шась!

– Что-то я не слышу оркестра, – сказал за спиной Антона Габа. – А девушки где с цветами? Кто ж так героев встречает?

– А куда мы, по-твоему, идем? – вступился за своих Таши. – Много девушек не обещаю, но оркестр – это строго обязательно!

Девчонки сзади захихикали. Антон обернулся – Яэль с Гуниллой шли под ручку, шептались и прыскали в ладошку. Осмелев «до потери пульса», Антон подмигнул добровольцам, и добровольцы украсились улыбками.

Чем ближе к центру, тем больше попадалось белых куполов, а белые параллелепипеды, собранные из стандартных блоков, вырастали до 5–6 этажей (не деревня, чай!). И уже не жались впритык, стена к стене. Узкие проулки раздвигали дома, вводили в жизнь обычную, повседневную – к невысокому корралю, в котором толклись кочаны фиолетовой капусты, похожие на сферобаллоны, а девчушка с распылителем прыскала на них питательный раствор. К длинным цистернам плантации хлореллы, где двое колонистов в синих рабочих комбинезонах готовили к инокуляции прозрачный цилиндр самого верхнего культиватора. К дворику, к синей лужайке с покосившимся столбом энергоприемника, вокруг которого раскатывал на велике лохматый дошколенок. Буколика!

– Подтянись, – негромко скомандовал Жилин. Добровольцы – даже шкафообразный Клунин – выпрямились и почти промаршировали на круглую Центральную площадь. Посреди площади водруженный на базальтовый постамент просился в небо посадочный модуль «Тума-1», севший в этих местах еще в 2016-м, а теперь вот превращенный в памятник. «Это как вкопанное колесо от фургона переселенцев, – подумал Антон. – Вот бы залезть, посидеть... потрогать...» Еще не было Центральной базы, не было станции на Фобосе – ничего еще не было! – а кораблик уже сновал челноком, высаживая планетологов, подбрасывая «сухпаек», доставляя воду и приборы...

На площадь выходила и самая первая постройка на Марсе – большой бетонированный купол старой станции «Большой Сырт», обжитый экспедицией Савельева-Нортонa, ныне – главное здание купольного города. Перед его тамбуром и собрались шохо – все нарядные, наглаженные. Межпланетники в парадных мундирах, школьницы в белых фартучках, высокое начальство в серебристых комбинезонах, со всеми причиндалами. Первопоселенцы выглядели как участники массовой съемки на праздничной первомайской демонстрации. В колонны еще никто не строится, люди болтают и смеются в веселой толкучке, флаги и транспаранты небрежно лежат на плечах, детвора в бантах и шариках... Туристы-хomo кучковались отдельно. Разболтанные и громкоголосые, они свистели, галдели, шелкали метавизирками и приклады-

вались к пластетам с пивом. Иных уже качало, надо полагать – успели набраться «по поводу». Между шохо и хомо сновали, ни к кому не прибываясь, унылые, смурые личности в богатых комбезах – клиенты ФИ. «Они будто в осадок выпали, – думал Антон. – Туристы – пена... Надо же, как их четко расслоило. Или я чего-то не понимаю?..»

Добровольцы приблизились. Какое-то должностное лицо махнуло рукой, и концертная хориола на всю громкость взяла торжественный аккорд.

– Да здравствуют герои-добровольцы! – заголосило лицо. – Ура, товарищи!

– Ур-а-а! – закричали товарищи. Свист, визг, флажки пощипываются... Толпу как будто прорвало. Добровольцев моментально расхватили, закружили, хлопая по плечам, пожимая руки, обнимая, целуя, поздравляя... Немного спустя первый восторг схлынул, и Антон словно в сторонку отошел, отстроился от карнавальная мешанины. И вчуже рассмотрел в толпе лица безучастные и лица скучные, морды наглые – глаза с недобрый прищуром – и рожи глумливые. Ну что ж, так, наверное, и должно быть... Кому-то праздник, а кому-то... Вот этому, брыластому – у него еще флажок прицеплен над левым нагрудным карманом, – ему-то что на площади делать? Героев славить и аллилуйшину нести? Что-то с трудом верится. Вылитый же администратор! Видать, решил «взять под контроль проведение торжественного мероприятия». А тот, вон, турист – мрачноватый детина, косая

сажень в плечах, опроставший пластет «Жигулевского» наполовину – небось явился выпить за кого-то там... кого называют. Ну, не важно за кого, лишь бы выпить! (Господи, да на нем пахать можно!) Зато для этой девочки насупротив, в тонком сером комбинезоне, туго обтягивающем грудь и хорошенькую крепкую попку, действительно наступил праздник. И она радуется. Приятно посмотреть, как радуется – все налитое, созревшее, здоровое, молодое... Вот и смотри туда, не отвлекайся на равнодушных и скучных. Ну их всех...

Одуревший репортер, волокущий за хвост робота-камермена, случайно наткнулся на Антона и вцепился в него.

– Несколько слов для зрителей «Всеобщего Вещания»! – отчаянно возопил собкор.

Антон растерялся.

– Да я... – промямлил он, потом опомнился и сердито отрезал: – Ноу комментс! Вон, видите того межпланетника? Он вам все-все расскажет!

И напустил собкора на Габу. Штурман сначала ошале-ло отбивался от наскоков масс-медиа, но потом, когда понял, что от него хотят, сразу приосанился, картинно отставил ногу и как пошел излагать, как пошел... Про героическое преодоление, про мужественное одержание... Казалось, даже робот, сжимавший в щупальцах стереокамеру, и тот заслушался.

– Антон!

Стажер мигом узнал нежный голос Яэль. Он оглянулся и

почувствовал «сердечный укол». Господи, какая же она красивенькая! Шов комбеза у Яэли распустился маленьким декольте и открывал потаенную ложбинку, подпуская взгляд к гладкой, атласной коже – того очаровательного оттенка, который воспринимается как сильный загар.

– Мы тебя везде обыскались уже! – прозвенела Яэль подобно серебряному колокольчику. – Пошли! Там все наши собрались, и Гуниллка, и Ритка, и Ирка со своим! Щас еще надо Ленусика найти! Пойдем!

Яэль схватила Антона за руку и повела за собой, еще о чем-то радостно звеня, но Антон ее плохо слышал. На его улице был праздник, и колонна «КамАЗов» дружно разгружала печенье...

Глава 14

Басистое гудение репликатора поднялось на октаву и стало разрывчатым. Вспыхнул транспарант «Развитие матриката закончено». Жилин провел пальцем по теплой панели и, брезгливо морщась, отер его. Чушатник какой-то... Корпус «Сампо» был белым, поэтому гнусного вида потеки и разводы выделялись на его боках, как клякса в диктанте отличницы.

– Цикл иницирован, – высоким женским голосом доложил компьютер. – Ассемблеры – норма. Информационные матрицы – норма.

Жилин обошел прозрачный стеллаж с дополнительными нейроблоками и облокотился о пульт.

– Ну и как тебе здесь? – задал он вопрос.

– Черте-те что! – пропыхтел Гоша Черняк, ожесточенно ковыряясь в блоке трансфигурации. – И сбоку бантик! Сарай науки...

Жилин выглянул в дверь и обвел глазами технический купол. Да уж... Под прозрачный колпак техкупола запихали и серый «брусок» энергостанции, и здоровенный куб Регенерационного завода, и мастерские, и ангары, и склады... Прутиков «синих насаждений» торчало меньше, чем всяких штанг осветителей, опор, мачт и столбов. Шипели и булькали трубы, проложенные и «лежа», и «стоя», и под углом; гу-

дели энерговоды, по узким стекломассовым дорожкам носились озабоченные киберремонтники, кибермонтажники, киберанализаторы...

Под синтезаторную отдали бесхозную мастерскую, куда раньше сваливали всякий хлам – обрывки проводов, обрезки пластолита, – и сметали мусор с дорожек.

– Ну, ладно, – махнул рукой Жилин, – заканчивай.

Он двинулся было к выходу, но замер опять.

– Слушай, ты не знаешь, где тут у них столовка? Есть хочу – не могу...

– Так времени уже сколько! – удивился Черняк. – Она закрыта давно... – Заметив огорчение мастера, Гоша присоветовал: – А вы в туркомплекс ходите, там круглосуточно! Только... – он замялся, – контингент там... наглухий.

– Да это... – отмахнулся Жилин и зашагал к дверям. – Закругляйся, Гоша, хватит уже.

– Да шас я! Тут работы на пять сек осталось!

Жилин миновал длиннющий подземный переход и вышел под купол порта «Большой Сырт», к рощице саксаулов, твердых, негибких, шипастых, больше похожих на прутья арматуры, чем на живые деревца. Жилин принюхался. Ничего себе... Да они и пахнут железом! Ржавым и мокрым. Парковая зона... Свалка металлолома это, а не парковая зона...

От «опушки» до поселка было далеко, крыш и тех не разглядеть, только свет уличных фонарей отражался от огромного купола смутными, бледными пятнами. Стояла ти-

шина, немного странная для города – тихо было, как в квартире ночью. Ветра здесь не задували, да и какой листвой им тут шелестеть? Псы не лаяли, коты не мяучили, не бились о стекло мухи. Люди спали. Хотя нет, не все еще легли. Со стороны туристического комплекса долетала ритмичная музыка, частили барабаны, разгорались и гасли цветные вспышки: красная-синяя-зеленая, красная-синяя-зеленая... Знакомый спектр, усмехнулся Жилин.

Он двинулся по стекломассовой дорожке, жалея, что нет с ним Сегундо – подсветил бы хоть... А то напорешься в темноте... Ах ты, черт! Ничего себе шипы! Шилья это, а не шипы! Вот, зараза...

Отпустив «черта», Жилин вызвал к жизни какой-то механизм в синих кустиках. Там вдруг вспыхнули слепящие лучи фар, послышалось металлическое стрекотание и пощелкивание, и на тропинку, стуча по стекломассе голенастыми лапами, выбрался кибердворник типа «Сервус».

– Выполняю задание. Нет ли новых указаний?

– Есть новые указания, – улыбнулся Жилин. Робот истоково зашевелил раковинками «ушей». – Проводишь меня до туристического комплекса, будешь освещать дорогу. Выполняй.

– Выполняю.

Заботливо поводя одной фарой по веткам-штыкам, кибер пошел впереди Жилина.

– Осторожно, ямка! – предупредил ковылявший «Вер-

гилий». – Пожалуйста, наклоните голову! Вам хорошо видно?

– Хорошо, хорошо... – проворчал Жилин.

– Вас не слепит? Не убавить ли яркость?

– Да все нормально! Ты топай, топай...

Дорожка свернула к стенке купола. Три слоя – какой-нибудь метр – отделяли город от ночного Марса. Снаружи крепчал морозец. Тощим инеем намерзала влага. Стояла темень, и очертания соседних куполов, башенок лифтов над шахтами, террасы разрезов дорисовывались воображением – по памяти. И лишь далеко-далеко, не то на космодроме, не то у биостанции (Жилин пока плохо ориентировался) горел голубой огонек. Словно на позабытом-позаброшенном полустанке в степи. Смотришь на такой из окна суперэкспресса «Владивосток – Москва» и думаешь: как только тут люди живут? В отрыве от многолюдных улиц, от театров, от новой книжки, начатой в метро и дочитанной дома – на 222-м горизонте жилкомплекса «Кунцево»... Одни, посреди бескрайней равнины, где лишь небо над головой и ветер в лицо...

– Не промочите ноги! – обеспокоился кибер.

Жилин остановился. Перед ним блестело треугольное озерцо. То самое, расхваленное прессой. Коцит-1. И, судя по всему, перехваленное. Их тут, на Сырте, целая куча – Коцит-2 есть, Коцит-3 и так далее, вплоть до Коцита-8, что плещется у самой Изиды. Плещется глубоко под грунтом, укрытое толстым слоем льда. Озера тянулись неровной цепочкой,

по дуге, соединяясь узкими протоками – похоже, когда-то они текли одной рекой, а теперь вот лишь это треугольное отражает марсианское небо. Бульки пускает, и тянет от него болотом. Метаном, надо полагать.

Кибердворник обошел озеро подальше от берега, высоко задирая ноги, чтоб не запутаться в густой синей траве, прочной, словно из сыромятной кожи сделанной, и упругой – идешь как по пружинам. Не парк, а сплошные скобяные изделия...

За озером начинались теплицы и оранжереи. Одинаковые стеклопластовые цилиндры-польдеры выстроились строго в ряд, как на параде. В стороне уступами поднимались цистерночки с хлореллой. Сквозь их выпуклые, запотевшие стенки просвечивали яркие огни и красиво преломлялись вспышки: красная-синяя-зеленая... Музыка звучала все громче, все настырнее. Она мешала думать. Может, потому ее и включали так громко? А чтобы еще надежнее предохраниться от думанья, собирались в компании... Н-да.

Первый турист, встреченный Жилиным – расхристанный и густобородатый малый, – спал прямо на траве, подложив руки под голову, и мощно храпел. Над ним витал дух синтетического виски. Глеб небрежно переступил через носителя разума и пошагал дальше.

Туристический комплекс был типовым – от большого серебрястого купола «звездой» ответвлялись переходники к пяти куполам поменьше. Тамбуры, круглые иллюминато-

ры... Дух фронта! На туриста действует. Покатают его тут на настоящем краулере, снимут на память в настоящем скафандре, с этими куполками на заднике, и готово. Прославился на весь Простоквашино.

Жилин остановился и поморщился. Вот она где, дрянь эта... Перед вспомогательным куполом равномерно вспыхивали и гасли три здоровенных плафона: красный, синий и зеленый. Грезогенератор «Сома». Под плафонами стояли и дурели несколько человек. Семь мужиков и одна девушка. Замерли и не шевелятся. Как столбы. Неподвижные запрокинутые лица, разъявленные рты, пуговичные глаза. Только цвет менялся у семи застывших морд и одной мордашки: красный-синий-зеленый, красный-синий-зеленый... Жилин почувствовал, как приятно закружилась голова.

Справясь с собой, Глеб нашел круглый пульт на стене и, прицелившись, нажал красную треугольную кнопку. Синий-зеленый, синий-зеленый, синий-зеленый... Ткнул пальцем в синюю. Зеленый, зеленый, зеленый... Вдавил зеленую. Морок пропал, и оцепеневшие люди стали подавать признаки жизни. Твердые, закостеневшие руки утирали вялые рты. Потекли слезы из немигавших глаз. Девушка с распустившейся косичкой обалдело таранилась на Жилина, на мужиков и вопрошала: «А почему вы такие рыжие?.. Почему вы такие рыжие?..»

Позорище, подумал Жилин угрюмо. И стоило за этим аж на Марс переться? Какой, вообще, дурак придумал устраи-

вать туры по Системе? Это ж бешеных денег стоит! А жрунов за бесплатно катают, правда, по конкурсу. Метод воспитания такой? Идиотство...

Он прошел через тамбур в малый купол и аккуратно задвинул за собой дверь шлюза. Будучи человеком сильного характера, Глеб успокаивался быстро. В куполе было тихо. На дверях номеров, выходящих в круглый холл, сонно тлели сигналы акустической защиты – двойной и даже тройной. Можно было спорить на что угодно – здесь поселили старперов. Эти бодренькие старцы и старицы, зубастые и черноволосые, волновой психотехники чурались, предпочитая проверенную веками методу – они напивались. Вдрызг, до бесчувствия. А может, и зря он так... Ну, выпили, да и выпили. За мечту детства почему бы и не остограмниться? И в космосе побывали, и на пыльных тропинках наследили. Вот и sprysнули радость. А закусили тушеной капусткой – нежнейшими волокнистыми ломтиками, светло-светло лиловыми, очень сочными, разваренными, политыми сверху пахучей подливкой из тертого древолиста, а на десерт... «Господи, как же я хочу есть!»

Овальный в сечении туннель-переходник Глеб одолел почти бегом и вышел в главный модуль. Здесь было светлее, чем днем. Сияли лампы, светились синхролайтинги, цветами спектра полыхали сервисные блоки. В модуле было сизо от табачного дыма. Туристы гуляли. Методически заталкивали в буфеты-автоматы жетон за жетоном и накачивались

пивом – обязательно из пластмассовых «груш» с магнитным ободком вокруг дна (такие посудыны, вообще-то говоря, были нарочно придуманы для Фобоса и годились для астероидов с их мини-гравитацией. Но из чего ж еще прикажете дуть пиво в «космическом салуне»? Душок фронта!). Резались в баккара, а позолоченный робот-банкомет, имевший сходство с Си-3-Пи-О, сдавал карты. Потели вокруг эрулы – электронной рулетки, – делали ставки или просто «болели». Женщины визжали весьма натурально. На большом эйдетическом экране шел фильм «про любовь»; группка людей в огромных, массивных креслах смотрела на экран, придерживая подле уха блестящие коробочки фонодемонстраторов. Некоторые плакали.

Виртуалы не вылезали из ВР-кабинок, опустив до плеч колпаки телетакторов. Пальцы у них мелко подрагивали, как в фазе «быстрого сна». А модный парень с рыжими бакенбардами сидел на мягком подоконнике иллюминатора и читал толстую книгу. Каждому – свое.

Жилин сделал круг по залу, высматривая заваливший табльдот или, на худой конец, автомат с гамбургерами и кнышами. И остановился, обескураженный, у туалетного блока. Еды не было. Совсем. Одни пасифунчики! Что ж они тут, святым духом питаются?! Из дамского модуля выскочила девчужка с челкой до кончика носа, и Жилин заступил ей дорогу. Девица шарахнулась.

– Сударыня, – заговорил Жилин прочувствованными сло-

вами, – вы не подскажите, где здесь столовая или ресторан, в общем, где тут можно подкрепиться?

Девушка захихикала.

– Корка! – сказала она («Шутка» – перевел Жилин). Потом девочка с челкой на пальцах растолковала, как пройти к эскалатору на второй ярус и где там, на втором ярусе, найти «хавчик» (еду).

– Спасибо! – сказал Жилин, но девушка уже исчезла.

– Корка!.. – донеслось из толпы.

Столовая «Ешь как хочешь!» хорошо смотрелась. И пахло здесь хорошо – кофе и ванилью. У одной стены тянулась стойка бара метров пяти длиной, у другой – выдвижные столики. За стойкой протирала стеклянные «груши» сонная девушка – не сказать что красавица, но симпатичная. Перед ней, потягивая горькую, расположились два одетых в обтерханные комбинезоны колониста. За столиками, шумно споря о политике, погоде и женщинах, сидела большая компания молодежи. К молодым подсели двое мужчин постарше, один седой, с моржовыми усами. Все посетители повернулись, когда вошел высокий, элегантный мужик с холодными чертами лица.

Глеб на них даже не посмотрел. Заказал экспресс-обед и сел за столик.

– Стандарт, сударь? – мило улыбнулась девушка. – Или спец?

– Стандарт.

Девушка поставила перед ним готовый обед – горячий, из трех блюд – и снова вернулась за стойку.

– Спасибо, – сказал Глеб, спеша приступить к трапезе. Вскоре заработали челюсти, язык и пальцы. На первое был борщ из фиолетовой капусты – густо-лиловый, наваристый, с кусочками ложномяса. На второе – шашлык из рыбозмеи, напоминавший связку бубликов (а как еще нарежешь трубчатую тушку?). На третье подавали компот из черенков древолиста. Светло-лиловый, холодный, с вываренными стрелками побегов, свернувшихся в спиральки. Ешь как хочешь!

Жилин опростал горшочек с борщиком, слопал шашлычок, и ему сразу захотелось спать. Благодушествуя, он откинулся на спинку стула. Публика разговаривала.

– ...Я тогда еще работал, в Северо-Кавказской СО. В Грозном строили, в Пятигорске... ну, в тех местах, короче. Вот где вино было! Густое, пахучее! Казаки нас угощали. Главное, голова-то свежая, а ноги – ё-моё! – не идут! Ну, ни в какую!

– А я в Приднестровье когда был, тамошнее винцо распробовал. М-м-м... Р-ребята, то, что в распределителях дают, в красивых бутылочках – фигня! Вы бы домашнего выпили! Вот тогда бы поняли, что почему!

– Мы в том году в Японию мотались. Угощали меня ихним sake...

– Ну и как? Торкало?

– Фиг там... Ни в голове ни в заднице... И все как-то у них не по-людски. Пьешь из деревянных плошек, да еще и подогретое... и порции какие-то кукольные...

– Не, вино все равно лучше, оно от земли соки тянет. Тут уж никакой тебе химии! Помню, мы с Дашкой по Европам катались – купили новый «руссо-балт», а обмыть решили по месту пребывания... И что ты думаешь? Вот как токайское пил в Буде – помню прекрасно. Как мозельским заправлялся... по-моему, где-то на Рейне уже – тоже... что-то такое приходит на ум. А как я бургундского наакался и машину разбил – убей бог, не помню...

– ...От ты, от, чем щас дыш-шь?

– Ну... как чем? Воздухом.

– Пра-льно! Так от, три... нет, ч-тыре года н-зад я – я, лично! – отво... отве-чал за это... за воздухо-снаб – ик! – жение! По-ал? Я! А щас там – ик! – синт-зотор п-ставили, к-слородный, а мне, г-рят, иди, Паша, отд-хай! По-ал? Ик! Нет, ну ты по-ал?

– Да понял, понял... Налить еще?

– Не, все, зав-зал! Ну, разве по чуть-чуть... И я теперь, как этот... не пришей кобыле хвост. По-ал? Теперь с Пашей Фонд из-билия нянькается, как с посл-дним...

– А тебе не все равно?

– Вижу, как ты по-ал... Ни хрена ты, Вася, не по-ал! Какой у тебя инд-кс... кс... кис-кис... соц-аль-ной знач-мости? Не слышу!

– Ну, двенадцать...

– О! И у меня двен-дцать! А было три-цать девять! По-ал?!

Люди, люди... Ну чего вы такие? Ну, неужели это так интересно – заниматься тасканием по Базе, толканием в распределителях, питием в «Ешь как хочешь»? Постоянно, день за днем! Одно и то же, одно и то же... Возникало, поднималось, как тошнота, впечатление скучной и жалкой жизни, вечно серого, до смерти обыкновенного бытия.

Жилин отер лицо руками. Глаза слипаются... Он встал и подошел к стойке.

– Налейте мне тоника, пожалуйста.

– Большой стакан? – спросила девушка. – Или маленький?

– Маленький.

Девушка наполнила стакан-«грушу» пенистым «лио» и поднесла Глебу.

– А что спать не идете? – поинтересовалась она с осторожной ласковостью.

– Да я б с удовольствием... Спасибо. – Глеб сделал большой глоток. – Не получается. Сейчас, пока до Соама доберемся, пока туда, пока сюда, уже и вставать пора...

Девушка сочувственно покивала.

– А я вас видела сегодня на площади! – похвалилась она.

– Да? – вежливо удивился Глеб.

– Ага! У меня там модуль рядом. Мы вас всем блоком встречали, все так радовались!

– А мне почему-то показалось, что все было организовано...

– Ой, неправда! Что вы! У моей соседки на «Северном полюсе» отец работал. А у тети Клавы – обе дочки. Представляете, что они пережили?!

– Да уж...

– Ой, а слез было!.. И как хорошо, что Тхакура поймали! Ой, вы не представляете, какой он все-таки был скотина! – скривила девушка свой чувственный ротик. – Сейчас хоть не так страшно будет... Еще б отфильтровать всех, чтоб вообще пурпуров не осталось!

Глеб присмотрелся к красной девице. Одета она была в обтягивающий рабочий комбинезон. По тому, как четко выделялись контуры великолепной груди, было ясно, что под ним ничего нет.

– Отфильтруем, – сказал Глеб.

Девушка замялась, словно хотела спросить о чем-то, да никак не решалась.

– Скажите... – молвила она неуверенно, покосилась на любителей двойного виски, заколебалась, но договорила: – А если кто-то работает на Базе... может он перейти в Проект?

– Смотря кто, – сказал Жилин и сделал изрядный глоток. Тоник приятно пощипывал язык и шибал в нос.

– Сервис-инженер, – нервно сказала девушка и, не зная, чем занять руки, стала протирать стеклянную «грушу».

– Пока нет, – сказал Глеб с сожалением, – вот когда город

построим, тогда – пожалуйста.

– А-а... – сказала девушка угасающим голосом. – А еще кем-нибудь? На стройку, там, или... в принципе у меня сертификат программиста! Да хотя бы наладчиком! Вам же требуются наладчики?

Колонист, цедивший виски, вдруг допил все одним глотком и молча вышел. Поболтав «грушу», Жилин пристально посмотрел на девушку.

– Вы так хотите покинуть порт? – серьезно спросил он.

Девушка сжала кулачки.

– Я его не-на-ви-жу! – с чувством сказала она. – Господи, я так рвалась на Марс! А тут... Нет, на Сырте и вправду здорово. Здесь все так... слов не хватает... в высшей степени сурово. Да! И есть тут что-то определенное... Сильное, жесткое. Окончательное. Здесь уж если человек плох – значит, плох стопудово... э-э... ну, стопроцентно. А хороший – так хороший. Без всяких там полутонов и оттенков. Землежителю тут тяжело – слов нет! А женщине тем более. Как прилетела, так и началось – то один пристанет, то другой. Вон уже зыркают на вас!

– Пусть позыркают, – улыбнулся Жилин.

– Как я уже устала от всего этого... – вздохнула девушка. – Хотя вам пожелаюсь... Радости сколько было, когда сюда летела, гордости!.. А как же – на «Большом Сырте» буду работать! Ах-ах-ах! А тут такой бардак! Столько людей попало под сокращение! Я с таким трудом сюда устроилась, вы

не представляете!.. – Девушка фыркнула. – Стоило пять лет учиться, чтобы в кабаке коктейли смешивать! Ужасно просто!

– Я вам обещаю, – серьезно сказал Жилин, – скоро тут все закрутится, завертится... Работы всем хватит и здесь, и в Долине Маринер, и в Хелласе, да везде!

– Большой штурм? – улыбнулась девушка.

– Именно! – подхватил Глеб. – Большой штурм! Победа человечества над косной природой! Флаги и стяги во всепланетном масштабе! А что такого? Надо же и собой когда-нибудь погордиться! Не каждый же день Землю-бис устраиваем!

Девушка улыбнулась. Не кокетливо, а робкой, доверчивой улыбкой человека, боящегося ошибиться. Но еще не потерявшего надежды...

Старик с моржовыми усами поскреб лысину и попробовал встать из-за стола. Уперев руки по сторонам пустой тарелки, он таки оторвал тощее сидалище от стула и, суетливо перебирая ногами, просеменил к стойке. Лицо у него было припухшее, с нездоровой землистой кожей, апатично-равнодушное.

– Виски, – сказал он глухим и сдавленным голосом.

– Дядя Миша, – сказала сервис-инженерия с беспокойством, – может, хватит на сегодня?

Дядя Миша нахмурился.

– На свои пью, – вымолвил он, еле ворочая языком.

– Восемнадцать копеек, – отступилась девушка.

Старик разболтанным движением приложил ладонь к за-светившемуся регистратору. По сенсорному кругу пробежала цепочка нервных огоньков, и руки со старческими веснушками сгребли выпивку.

– Так вот и живу, – вздохнула девушка. – А тут еще этот!

На что уж они все противные...

– Эт-та хто пр-ративный?! – заорал оскорбленно старик.

– Не кричите, дядя Миша, – строго сказала девушка.

– М-молчу... – промычал дядя Миша и громко икнул.

– На что уж они, – продолжала девушка, – но Владек...

Да вы его не знаете, наверно? Это начальник СИБ. Свинья такая! Нет, врать не буду – мне он поначалу даже понравился. Настоящий такой первопоселенец, как в фильмах, – большой, закаленный. Сильный. Человек фронта. А потом... Понимаете, его тут все боятся. Даже я, никогда не дрожавшая перед начальством, стала испытывать страх. Это так противно, так унижительно – фу! Ой...

Люк в столовую распахнулся. Здоровый бугай – плотного телосложения, с красным квадратным лицом, со светло-рыжими волосами и маленькими голубыми глазками – просунулся по пояс, нагло уставился на Жилина, затем взглянул на девушку, грязно ухмыльнулся и снова уставился на Жилина.

– Эй, ты! – заорал он. – Ты что здесь потерял?!

– Не твое собачье дело, – холодно ответил Жилин.

Бугай хрюкнул от злости.

– А ну, – раздраженно прохрипел он, – быстро отошел от моей девчонки!

– Владек! – крикнула девушка. – Перестань сейчас же! Дай людям поесть спокойно!

– А-а!.. – распялял себя Владек. – Нового женишка себе завела! От курва маць!

Девушка охнула и прикрыла лицо ладошками. Жилин медленно повернулся. Его правая рука лежала на стойке, в левой была «груша» с тоником. Он пристально посмотрел в злые голубенькие глазки начальника СИБ, и кто-то громко сглотнул. По столовой расплзлась угроза.

Холодное лицо Жилина не изменило выражения. Глеб допил тоник и поставил «грушу» на стойку. Напряжение в зале пульсировало, словно живое. И выверенные движения главного киберинженера будили в памяти неясные, тревожные воспоминания.

– Нехорошо... – Голос Жилина звучал холодно и бесстрастно. – Ты оскорбил девушку.

Владек поежился, пораженный ни с чем не сравнимым ощущением смертельной опасности, захлестывавшим его при взгляде в ледяные и безжалостные глаза Жилина. Но набыл шею и пошел на Глеба.

– Где это ты видишь девушку? – усмехнулся он глумливо. – Девку!

Выслушивать дальше Жилин не стал, а ударил бугая. Владек толком и не понял, в чем дело. Он еще не успел вдоволь

наругаться и совсем не ожидал крепкого удара в челюсть. Задирая ноги и сметая посуду, Владек опрокинул стол и хрястко ударился об пол. Он начал было подниматься, но тут же получил по шее и впечатался головой в стойку. Да с такой силой, что опрокинулись пластмассовые бутылки.

Владек «поплыл» и, даже не думая ни о чем, потянулся к парализатору. Еще ни разу в жизни ему не доводилось съездить кому-то по зубам. Как правило, первопоселенцы выясняли отношения с помощью квантовых пистолетов. Но не успел Владек коснуться кобуры, как снова «заработал» сокрушительный удар в челюсть. Из разбитой губы потекла кровь.

Напрягая последние силы, шатаясь, Владек оторвался от стойки, но от резкого удара в живот у него перехватило дыхание и он согнулся пополам. В то же мгновение Глеб без всяких приемов, не размахиваясь, врезал ему по сопатке – так, что красная юшка брызнула из ноздрей.

– Ты сам напросился, – без гнева сказал Жилин, – а иначе вы не понимаете...

Бросив равнодушно-тяжелый взгляд на растерянных посетителей, он привалился к стойке.

– Извините, – коротко сказал он девушке. – Вас хоть как звать-то?

– Маша, – вымученно улыбнулась сервис-инженер с сертификатом программиста. – Лисицына. Вы меня напугали!

– Не бойся, Маша, – улыбнулся главный киберинженер, –

я Дубровский! – Он постоял, подумал и добавил: – Если вы еще не передумали, то собирайтесь и едемте.

– Правда?! – обрадовалась Маша. – Прямо сейчас?!

– А чего ждать? Время-то идет... У нас есть уже один программист – Рита Ивернева. Поработаете с ней в паре...

Глеб обошел слабо ворочавшегося Владека и выбрался в коридор. Тут его уже ждали. Десяток краснощеких богатырей с мышцами подпирали стенку. Команда СИБ. Завидя Жилина, богатыри лениво оттолкнулись и перегородили ему дорогу. Команда переговаривалась:

– В курсе, Ковальского вымесили?

– Я в курсах.

– Меня на «хи-хи» пробивает!

– И кто ж это такой смелый выискался?

– Эссе хомо! – Один из здоровяков показал на Жилина жестом, не лишенным театральности. – Он эту корку размочил! Впухает главным по кибам!

– Еще одна шишка на ровном месте!

– У шишки загордык!

– Сделать ей бледный вид и розовые щечки!

Жилин улыбнулся. Он мог играючи раскидать всю эту гопоту и даже не запыхался бы. Только зачем?

– Какой у вас индекс социальной значимости? – спросил Глеб.

Команда растерялась.

– Пятнадцать, – вымолвил худой, но широкоплечий па-

рень с соломенного цвета волосами.

– Могу записать на курсы персонала обеспечения при проекте «Марс», – сказал Жилин миролюбиво. – Может, уже со следующей недели начнем занятия. Будете хорошо учиться – получите настоящую специальность и настоящую работу. Индекс свой поднимете. До двадцати пяти как минимум.

Команда дрогнула. Предводитель это заметил. Он был коренастый, плотный, с круглой, гладко выбритой головой.

– Кончай нам зубы заговаривать! – процедил он и двинулся на Жилина. Команда качнулась. «Врежешь ему, – мелькнуло у Жилина, – и они кинутся». Круглоголовый ударил хуком справа, метя «шишке» в челюсть. Жилин поймал его волосатый кулак и сжал. Раздался хруст. Круглоголовый заверещал как поросенок. Глеб отпустил его руку.

– Я не ищу неприятностей, – произнес он морозящим тоном, – но и не избегаю их. Владек получил за дело, а если и у вас руки чешутся, то, пожалуйста, я готов. Только что ж вы сами за девушку не вступились? А, херои?

Поднялся гвалт. Команда кричала:

– А твое какое дело?! Будет он нам тут еще!..

– Сами как-нибудь разберемся!

– А то нашелся тут... моралист вшивый!

– Да что вы как с цепи сорвались?!

– А ты не защищай! Защитничек выискался!

– Но-но! Я тебя трогаю, что ли?!

Сквозь толпу протолкался долговязый, носатый парень с

темным тощим лицом.

– Нечего нам тут выговаривать! – грубо сказал он. – У нас тут свои порядки, ясно тебе? Они с Машкой как-нибудь сами разберутся, а ты не лезь! – Он повернулся к толпе и спросил: – Правильно, безопасники?

– Вер-рна! – заревела команда.

Холодное напряжение на лице Жилина сменилось иронической усмешкой.

– «Безопасники»! – сказал он с презрением. – Пурпуров развели, как тараканов, а туда же! Да по вас самих изолятор плачет! И почему это мы должны были ваших людей с полюса снимать?! А вы где были?! «Сами разберутся»! – хмыкнул Жилин. – Это мужчины пусть заботятся о себе сами, с ними нянчиться я не собираюсь. Но попробуйте еще хоть раз обидеть при мне женщину! Так всыплю – синие будете ходить! И давайте кончать этот базар, мне нужно работать.

Тогда долговязый повернулся к нему и сказал:

– А может, мы не хотим, чтобы ты тут работал?

Жилин посмотрел долговязому в запавшие глаза долгим, упорным взглядом.

– А мне наплевать, чего вы хотите, – медленно проговорил он.

Из столовой торопливо вылезла Маша. Она была уже в спецкостюме, со шлемом под мышкой.

– Я готова! – радостно сказала она.

– Ты куда, Лиса? – удивилась команда.

– Я к ним! – Девушка подбородком указала на Жилина. – Хоть кем! Хоть грунтокопом! Лишь бы подальше от Базы! Не хочу я больше бояться и гадости выслушивать! Хватит с меня! Натерпелась!

Незаметно Жилин расстегнул клапан бокового кармана на комбинезоне, где лежал его табельный пистолет-парализатор.

– А ну, стой! – рявкнул долговязый. – Останови ее, Саид!

– Не советую, – спокойно сказал Жилин.

– Интересно, а кто нам помешает? – Долговязый дрожал от ярости, но что-то в поведении Жилина его удерживало. Киберинженер не боялся и не нервничал, в его голосе скорее чувствовалось пренебрежение.

– Я, – по-прежнему спокойно сказал Жилин.

Лицо долговязого побелело, затем покраснело от бешенства.

– Ты что, совсем считать разучился?! – проговорил он спертым голосом. – Нас тут девять человек!

– Вот и прекрасно, – ухмыльнулся Жилин, – силы вроде как сравнялись!

Он чуть наклонил голову и сунул руку под клапан, так, чтобы ладонь была в нескольких сантиметрах от истертой рукоятки ПП.

– Ну что? Сдавайте карты, безопаснички! Я сделаю ход, как только скажете!

Загремели шаги ярусом ниже, и по эскалатору взбежали

Габа, Гоша и Антон Родин.

– Здорово, ребята! – приветствовал их Жилин, не сводя глаз с толпы. – Я тут продаю билеты на вечеринку с танцами. Не желаете выбрать себе партнеров?

– Мы уже настраиваем скрипки, афанде! – мгновенно оценил ситуацию Габа и выхватил пистолет-парализатор. Стажер и наноинженер молча вынули свои, демонстративно сдвинули до конца муфты излучателей, а ползунки регуляторов довели почти до упора, до зловещей красной риски.

– Осторожно и медленно поднимите руки, – проговорил Жилин, – расстегните оружейные пояса и бросьте на пол. А затем поворачивайтесь и шагайте.

Верзила позади долговязого негромко произнес:

– Считаю меня вне игры, Мирон.

И Глеб услышал стук брошенного на пол разрядника. Тут же вслед за первым полетели и остальные.

– Расстегни пояс!

Долговязый Мирон пристально смотрел на Жилина широко открытыми глазами. По его щекам стекал пот. Затем он провел языком по пересохшим губам и начал расстегивать пряжку пояса. Кто-то в толпе шумно вздохнул. В какое-то мгновение Мирон мог попытаться выхватить квантовый разрядник, но он не стал дергать тигра за хвост и разжал пальцы. Оружейный пояс упал на пол.

Мирон попятился назад. Потом повернулся и пошел прочь, все ускоряя шаг. Стало вдруг очень тихо. Маша по-

вернулась, быстро поцеловала Глеба в губы и побежала к выходу. А краснощекие богатыри остались стоять, будто оплеванные. Они стояли и молча смотрели, как их Лиса, их Ева, их Таис сбегает, не оглядываясь, по эскалатору, спеша покинуть Базу обетованную... И как можно скорее.

Глава 15

МАРС, СТАНЦИЯ «СОАМ»

Караван вездеходов, растянувшись на добрых полкилометра, медленно втягивался в устье широкого Ленточного каньона. Желтые песчаные танки гремели и лязгали меж изветрелых, угольно-черных скал, где металось басистое эхо, и нещадно коптели пылью.

Изрыже-красноватый прах клубился, повисал над танками плотной непроглядной тучей, заволакивая отвесные стены каньона, наплывавшие из красноватых потемок, и медленно оседал в лучах прожекторов на изгибистые дюны. Прах к праху.

Жилин ехал в голове каравана, в танке-транспортере типа «Ирбис». За пультом, опустив толстые красные пальцы на клавиши, сидел Руслан Алишеров. Он был невозмутим и величествен, а на его жесткое, плоское лицо так и просилась боевая раскраска.

Жилин пригнулся, чтобы не стукнуться головой об обивку низкого потолка, и просунулся в кабину.

– Долго там еще?

– Скоро уже! – быстро обернулся Руслан. – Если б сразу сели да поехали, – сказал он, будто оправдываясь, – а то, считай, весь день потеряли!

– Лучше не напоминай... – проворчал Глеб.

Добровольцы сильно припозднились с выездом. Пока дождались начальника космодрома, пока ругались со старшим инженером, вечерняя заря добагрянела и на небе зазвездило.

– Вот тебе и «взвейся-развейся!» – бурчал Руслан. – Как веселиться, так все на месте, а как поработать – никого не дозовешься... Ну, неужели нельзя было все еще с утра подготовить?! Знали же, что «Бора» на подлете! Нормальные люди спать уже ложатся, а мы все никак не раскачаемся...

– Э, э, не газуй! – встревожился Жилин.

Транспортер вздыбился, завис и тяжело ухнул с крутого взгорка. Загремели, заскрежетали гусеницы, тарабаня по камням. Глеб только крикнул и крепче вцепился в поручень.

– Куда ты так гонишь?

Руслан белозубо ощерился.

– Все путем, мастер! Прорвемся!

– Штрафовать тебя некому...

Шатаясь и переступая, Жилин пролез в пассажирское отделение. Здесь будто никто и не замечал валкой дороги и того, как все трясется и качается, как пол то бьет по пяткам, то резко уходит из-под ног. Бросив глазеть на однообразную багровую муть за спектролитовым колпаком, добровольцы переключились на спор.

– Ты знаешь, шо мене сдается? – услышал Глеб (по мягкому выговору узнавался Лева Соловейчик). – Мене сдается, шо все они трокси вольтанутые!

– База называется... А еще – первопоселе-енцы, первопоселе-енцы...

– Я что угодно была готова увидеть, но такое!..

– Туристы еще эти... Чего вот шляться зря?

– Да брось ты! Не всем же новые земли открывать! Кому-то достаточно просто полазить по ним, посмотреть направо, посмотреть налево...

– Значит, ты считаешь, что все нормально?

– Нет, ну а что ты еще хочешь?! Чтобы все и сразу?

– Да подождите вы! Работает только двадцать процентов, а...

– И ничего не двадцать!

– А сколько?!

– Двадцать шесть!

– Ты что, с дуба рухнул?! Кто тебе такое сказал?

– СВ смотреть надо! И не сериалы, а новости!

– А что, точно двадцать шесть?

– Нет, ну а что я тебе, врать буду, что ли?! По Всеобщему Вещанию шло... Или по Мировой Сети?.. Короче, какой-то спец из Экономического Совета что-то там объяснял... ой, я не помню уже! Перед самым отлетом было – я собираюсь, а он там вещает...

– Ну, пусть даже двадцать шесть! Все равно ведь абсолютное большинство не работает!

– Да и хрен с ним!

– Правда что...

– Тебе хрен, а мне не хрен!

– Да что вы заладили: меньшинство-большинство! Люди-то тут при чем? Это реформаторам надо «спасибо» сказать!

– Ну, началось! Политики им уже виноваты!

– Это прогресс, старик! Плоды Второй НТР!

– Кушайте их большой ложкой!

– Все равно, – расстроено протянула Марина. Ее губки искривились, надломившиеся брови придали лицу выражение горького недоумения и досады. – Такие странные... Взгляди, повыгоняли всех... Зачем, спрашивается? Ну, могли же как-то иначе все сделать, по-доброму! Просто какое-то издевательство над людьми!

– Ох и не говори... – вздохнула Гунилла. – Странные до ужаса!

– Ой, да ерунда это все! Вы так говорите... Можно подумать, при капитализме лучше было!

– Ага... Сильно бы тебе понравилось работать на босса? Посмотрел бы я тогда...

– Знаешь что?! – возмутилась Марина.

– Что?

– Ничего! Говоришь что попало! Ты хоть задумывался когда-нибудь, чем это ваше «безиндустриальное общество» закончится? Да человечество просто выродится! Тебе хоть приходило в голову, что вместе с частной собственностью погибла и нормальная семья?!

– Господи! Да семья-то тут при чем?!

– А при том! Раньше вон Фонда изобилия не было, никто вам благополучия просто так не давал – за него драться надо было, жилы рвать! Вот и держалась семья! И мама, и папа, и дите были крепко связаны – их один дом вместе держал! Они были нужны друг другу! А сейчас что? Сейчас каждый третий – безотцовщина! Вон сколько школ-интернатов понаоткрывали! Матери, и те деточек бросают! А что им? У всех же все есть! И никто уже никому не нужен!

– Зато изобилие! – сказал Соловейчик проникновенно.

– А меня тошнит от изобилия! – с силой сказала Марина.

– Всеобщее благоденствие, – вякнул Лева.

– А меня тошнит от благоденствия!

Девушка сердито посмотрела на растерянного одессита, нахмурилась, но не выдержала и рассмеялась.

– Не, ну правда, – смущенно заговорила она, – ну разве это нормально?

– Ой, да хватит вам мировые проблемы решать! Нашли о чем говорить! Ну, сокращали большинство! А оно что, на другую работу устроиться не может?

– Так, а кто под сокращение-то попал? Рабочие и эти... крестьяне. А берут инженеров!

– Не вопрос! Отучатся – и возьмут!

– А оно им надо?

– Значит, так это большинство работать хочет! У меня вон дядька на ферме работает – китов пасет. И ничего! А брат

смотрителем устроился куда-то на плантации ламинарии!

– А у меня мамуля лет пятнадцать на одном хлебзаводе безвылазно как работала старшим оператором, так и работает! И уходить совсем не думает – коллектив, говорит, хороший подобрался. А батек всю жизнь протрубил пилотом на дирижабле-лесовозе! Рассказывал как-то, Амазонию-де с Сибирью изучил, как коврик в ванной!

– Вот! Видишь? А ты – издевательство, издевательство... Кто хочет, тот работает, а работы – край непочатый! Учителей одних – вон сколько нужно! Постоянно! А инженеров, операторов, врачей, ассенизаторов?!

– Так что же не идет никто? – не сдавалась Марина.

– Ну почему не идет? Идет...

– Ага, дожدهшься от них! Дураки они идти! Что хотите можете говорить, все равно человечество захлестнули трутни!

– Да ну... – протянул Никольский. Еще перед финишем он сбрил свою эспаньолку – проиграл пари, – и «голое» лицо заметно отвердело, прибавило мужественности, вернее, этакой рубленой мужиковатости.

– Вот тебе и «да ну»!

Жилин нашел свободное место и втиснулся в компанию.

– Глеб Петрович! Скажите ей, чтоб больше не ругалась на человечество!

– Ты, что-ли, человечество?!

– Не ругайся, Маринка, – улыбнулся Жилин.

– Ага... Сами выведут сначала, а потом – «не ругайся, не ругайся...»

Жилин крепко обнял ее, девушка поворчала обиженно – для порядка – и притихла.

– Это нам только кажется, – начал Жилин, устраиваясь, – что проблема тунеядства возникла вчера. А собственно, что в ней нового? Это старая-престарая, почти что вечная проблема бездуховности. Проблема мещанства. А праздность – всего лишь мещанский идеал, хотя, с другой стороны, зачем это надо, чтобы трудиться людей заставляла нужда или закон? Зачем работу обязательно превращать в повинность? Наоборот, пусть можно будет выбирать! Хочу – работаю, хочу – нет. А как же? Зато уж теперь если человек занят делом, то любимым. Или его радуют аванс и получка. Ну, так... – Жилин развел руками. – Каждый выбирает для себя!

– Все равно, – затряс головой Никольский, – не понимаю я этих людей! Да вон, был я тем летом в Америке у тети – от скуки чуть не помер, честное слово! Встают поздно, поедят – и в церковь. Или по распределителям. Или на пляж. А вечером – в клуб. И так каждый божий день! Всю жизнь!

– А ты думаешь, у нас лучше?

– Ну, все равно, не так же!.. У нас даже мещане дружат с духом!

– Нет, надо что-то с ними делать, как-то бороться...

Жилин покачал головой.

– Нельзя бороться с людьми, – серьезно сказал он, – и не

слушайте вы никого, кто будет звать на «борьбу с мещанством»! Поскребешь такого крикуна, а там – фашистик. Людей, какие бы они ни были, можно только учить. Ну, если не их самих, то хотя бы детей. Учить брать на себя ответственность и нести ее. Воспитывать смелость и трудолюбие. Отыскивать таланты и возвращать их... Только так.

Все молчали. Только и слышно было, как хлесткие струи песка били в днище. Йенсен, который писал что-то, устроившись за маленьким откидным столиком, вздохнул.

– Не слушайте, когда вам говорят, что передний край здесь, на Марсе, – проговорил Жилин. – Нет... Настоящий фронтир, он сейчас через лицеи проходит, через школы, через садики и ясли! Педагогика спасет мир! Учителя и воспитатели – больше некому! Иначе замкнется цивилизация, и будем мы все пицеварить, и спать по шестнадцать часов кряду, удовлетворять матпотребности и совершать половые отправления... Вот и приходится учителям крутиться, биться за каждого игнорамуса, за каждого подростка, – Жилин улыбнулся, – за этих тупиц малолетних, которым ничего не интересно и которые ни о чем не хотят думать...

Добровольцы слушали не шевелясь. Марина прошептала Глебу на ухо:

– А тебе и вправду можно в учителя. Смотри, как они все тебе в рот глядят...

Глеб улыбнулся.

– А ты что молчишь, Максим? – повернулся он к Гири-

ну. – Скажи свое веское слово!

Гири́н крякнул.

– А чего тут еще говорить? Я и не знаю даже... Хотя вру, знаю. Помню, когда я еще маленький был, батя мой все мечтал не ходить на работу. Эх, говорит, на травку бы сейчас, куда-нибудь под яблоньку. Не вставать по утрам, не вкалывать по пять часов, а на рыбалку смотаться или там в лес по грибы. В жару – холодная окрошечка на веранде... Вечерком – в картишечки перекинуться... Рай, да и только! Теперь вот он счастлив. А мне так его парадиз и даром не нужен. Помню, раньше я с батей ругался, все в свою веру перетащить хотел, а потом плюнул. Да идут они все в баню, думаю, пусть живут, как хотят! У них своя жизнь, у меня своя. А вообще, знаете, что я понял? Человеку для счастья нужен ад. Чего смеетесь? Именно ад, самый что ни на есть, вот как здесь, – чтобы из него сделать рай. Сделали, поставили Петра у ворот – и дальше пошли. Новый ад искать. Вот, наговорил тут, – закрихтел Гири́н, – нагородил... Сам черт ногу сломит...

– Да нет, мы все поняли! – ответили добровольцы вразнобой.

Неожиданно вездеход перестал трястись и раскачиваться, и мощные двигатели загудели ровно, без взрываний. «Ирбис» выкатился из каньона и уверенно побежал по обширному плато.

– Глеб! – крикнул Руслан. – Подъезжаем!

– Ага! – весело сказал Жилин и нащупал за спиной тяже-

лый шлем. – Передай там, как подъедем, пусть строятся в круг!

– Что?.. А, нуда!

Вскоре «Ирбис» остановился в сотне метров к югу от кратера Соам. Слева две мезы – небольшие столовые горы – поднимали свои квадратные склоны на фоне фиолетового неба. Справа озером беспросветной тьмы разливалась чаша кратера, посередине которого слабо отсвечивала центральная горка.

– Выходим!

Один за другим добровольцы выбрались на броню. Ночь была морозная и ясная. С востока светил Деймос – цедил свет, как три Венеры зараз, и угловатая туша вездехода отбрасывала зыбкую тень. На западе быстро восходил Фобос, но ярче этих маленьких блестящих пятнышек – местных хилых лун – сиял царственный Юпитер.

А станция, похоже, спала. Нигде ни огонька, прямоугольные бункера, крепко сидящие на высоком, плоском холме, отсвечивают зеркальными блистерами. Купола постов стоят раздраенные – заходи, бери что хочешь...

Жилин прижал к боку маленький контейнер с письмами и посылочками и двинулся к штабному куполу. Надо будет кому-то выволочку сделать, думал он. И хорошую. Не хотите защитные системы активировать – не надо. Но люки-то можно было задраить?..

В тамбуре Жилина встречал дежурный диспетчер. Это

был худой, черный, с жесткой щеточкой усов человек. Глаза его были мрачны, и с лица не сходила угрюмость.

– Почту привезли? – спросил он громко. – Почту привезли?

– А як же! – ответил Глеб, перехватывая контейнер.

– Говорите громче, я глуховат! Я глуховат!

– Привезли! – повысил голос Жилин и похлопал по контейнеру. – Всем хватит!

Вдвоем они прошли в штаб. Выглядел он необжитым, как на всякой новой станции, но не запущенным. Обшивка блестяла, словно протертая влажной тряпочкой – ни пылинки, ни соринки нигде.

– Наши в кают-компании все! – объяснял диспетчер. – Одни на смену, другие со смены уже! Чаи гоняют! А меня вперед послали, чтоб сказал, когда подъедете! А вот дудки! – Он хитро улыбнулся и вышел из роли бирюка. – А вот дудки!

Диспетчер открыл дверь в кают-компанию и крикнул:

– Выходи, работнички! Почта!

В кают-компании за столом сидели десять человек, кто в рабочих комбинезонах, кто в скафандрах с откинутыми колпаками. Они походили на монахов в трапезной, но при слове «почта» мигом утратили постный вид и благочиние.

«Работнички» загалдели, задвигались и окружили Жилина со всех сторон. Даже сверху, со стула, заглядывал лохматый инженер-контролер.

– Спокойней, спокойней! – осадил их Жилин. – Всем есть,

никого не обидим. Сейчас... – Он достал пакет. – Так... Пер Гранквист! Есть такой?

– Есть, есть!

К Жилину пробился голубоглазый, светловолосый викинг с нашивкой строителя-энергетика на рукаве – желтая молния на черном щитке. Викинг улыбался от уха до уха.

– Тебе аж две посылки (в толпе застонали от зависти) и три письма... хм... от Карин, от Евы-Лотты и еще от Бетан! Держи!

– Ну, Пелле! – веселились в толпе. – Ну, тихоня!

Изрядно зарозовевший, Пелле сграбастал свою долю сокровищ и протолкался в коридор. А толпа все не могла успокоиться:

– Вот вам и Пимс!

– Недаром же говорят: в тихом омуте черти водятся! Вот вам, пожалуйста!

Жилин вынул следующий пакет.

– Люка Кампана!

– Мне, что ли? – подскочил дежурный диспетчер. – Мне, что ли?

– Ты Люка?

– Я Люка!

– Тогда – на! – Глеб протянул диспетчеру два конверта и объемистую посылку.

– Все. У меня перерыв! – объявил ошарашенный Люка и, держа почту над головой, стал пробиваться к двери. – У

меня перерыв!

– Михаил Завьялов! Посылка тебе... да, и вот еще одна, маленькая... Тебе? Тебе. Пишем нет, наверное, в самой посылке. Лю Шуйбэнь!

– Его нет, он на смене!

– Давайте, я передам!

– Держи! Вот... и вот. Федор Привалов! На-ка вот... Ага, тут что-то булькает! Олег Потапенко! Это тебе... Нет-нет, эту вот. Чуешь, как салом пахнет? Нгуен Тхань Хиен! Держи... Стоп-стоп, не убегай! Это тоже тебе... Да не за что!

Жилин поставил контейнер на стол и вынул то, что лежало сверху.

– Санджей Гопал!

– Я! Я! – всполошился лохматый и, как коршун, кинулся на причитающуюся ему посылку. Кают-компания пустела на глазах. Люди, по полгода не получавшие весточки от родных и любимых, рассеялись по модулям, чтобы в одиночестве, не пряча чувств, разбирать детские каракули и смаковать гостинцы. Конечно, есть видеосвязь, но изображения разве коснешься? Разве уловишь запах ЕЕ духов? Да и что это за связь, когда скажешь «люблю» и ждешь полчаса, пока радиоволны изволят донести слабенькое «я тоже...» Нет, никаким транскрипторам письма не извести – как слали их люди, так и будут слать. А бересту ты получишь или пласт-папир, не важно. Радость-то одна.

– Андрей Бранкевич! – прочел Жилин.

– Это мне! – залучился невысокий сухощавый человек средних лет со светлыми волосами «ершиком» и со светлыми выпуклыми глазами. – Это я!

Жилин усмехнулся и запустил руку в контейнер.

– Тут вам посылочку прислали и... так... и письмо.

– Это от Тamarочки, наверное!.. Ага! Спасибо!

– Да ради бога... Тут еще от Генерального уполномоченного по Проекту... – Жилин выудил пару плоских, как открытка, информатов. – Вы бригадир?

– Угу...

– Ладно, потом поговорим... Роман Белкин!

Худой и жилистый парень, угловатый, как подросток, осторожно принял протянутую ему посылку.

– И вот тебе еще... – Жилин вытащил большой конверт и с улыбкой прочел кривоватую надпись, начертанную печатными буквами, иногда писанными шиворот-навыворот: «Портрет моего папачки». – Держи!

Смущенно хмыкая, «папачка» взялся за портрет двумя руками, и Глеб сунул ему посылку под мышку.

– Вот, – сказал Белкин, покряхтывая, – будет теперь, что на стену повесить!

Он осторожно, боком, выбрался в коридор, и в кают-компании остался стоять последний необласканный Землей – беловолосый парень лет двадцати пяти на вид. Он томился ожиданием и нервничал.

– Есть, есть, – понял его Жилин и выудил последнюю по-

сылку. – В. Князев?

Беловолосый радостно закивал головой.

– Вот, это все тебе.

– Я уж думал, не достанется, – похмыкал успокоенный В. Князев. Наскоро распрощавшись, он скрылся за дверями.

– Здра-авствуйте! – тут же пропели с порога.

Жилин обернулся. В дверях стояли Рита и Гунилла.

– А это мы! – сказала Рита.

– Нарисовались, – выразилась Гунилла, – фиг сотрешь!

И раздвинула губки в хулиганской улыбке.

– Здравствуйте, девушки! – сказал Бранкевич. Он с сожалением сложил письмо и сунул его в нагрудный карман. – Пойдемте, я покажу, где ваши модули.

– У вас тут так чисто везде! – похвалила Гунилла.

– А как же иначе? – приосанился Бранкевич. – Тут после нас гарнизон будет стоять. Да! Тут целую систему развернут. Планетарная защита!

– Не абы как!

– Да-а...

Бранкевич вывел девушек в коридор:

– А знаете, как Жилина китайцы боялись? У-у... Что на Таити, что во Владивостоке. Знаете, как они его звали?

– Ка-ак?

– «Тигра-капитан»!

– Да-а?!

– А откуда вы знаете? Вы тоже служили?

– Служил... С полгода. Попробовали бы мы здесь грязь развести! Он бы нам развел...

Жилин усмехнулся: уж больно громко Бранкевич разглагольствовал. Чувствует, что нашкодил, и подлащивается. Как тот рекомый кот.

– А где у вас столовая? – глухо шло из коридора.

– Это в хозблоке, я покажу.

– А госпитальный блок?

– А госпиталь отсюда... через два бункера, рядом с арсеналом.

– Арсеналом?!

– Как интере-есно!..

Голоса удалились. По коридору зашлепали протекторами авторазгрузчики. Зазвякали двери шлюза. Наушники донесли «виру» и «майну», натужные «х-ха...» и облегченные «уф-ф!». Было шумно и весело.

– Антон, на разгрузку!

– А это куда? Тут рулон зеркал...

– Это к девчонкам!

– Они, может, спят уже...

– Ага, уложишь их! Как же!

– Опускай! Сюда давай, на гусеницу! Черт, тяжелый...

– Руки!

– А где Виджай? Виджай! Там еще танк подошел!

– Бегу уже!

– Да потом разберем! Выгрузим сначала...

– Я ла! Ма ла! ²⁶

– Ты сильнее бей! Что ты, как по попе ладошкой?

– Нет, ну вот куда опять контактор затыркали?!

– Макс, не спи! А то замерзнешь!

Жилин лично облазил модули. Придаться было не к чему, и он повключал все агрегаты и системы. Затрещали обогреватели, защелкало в трубах; в круглых иллюминаторах, пусто и слепо тарасившихся в ночь, разгорелся яркий голубоватый свет и лег под окна уютными продолговатыми овалами. Добровольцы смотрели и не могли насмотреться. Они обустроивались на новом месте, а вокруг темнел Марс, смерзался и пылил, индевея и пугая безвоздушьем, оттаивая днем, цепенея в сумерки, напуская голубого туману под утро – выморочный мир, позабытый-позаброшенный, не свой – не чужой, – и к нему тоже надо было приложить руки, ему тоже требовались ремонт и благоустройство, чтобы потом, ближе к полудню, отпраздновать новоселье всем «передовым человечеством»...

²⁶ Я ла! Мала! – Вверх! Вниз! Аналог «виры» и «майны» (тибет.).

Глава 16

1

Строительные киберсистемы аккомодировались, и Жилин позвонил Антона.

– Пойдем, – сказал он просто, – будешь запускать.

Хрустя каблуками по песку, Жилин зашагал к бункеру дистанционного управления. Антон растерялся. Он и не ожидал даже, что работа начнется вот так сразу, без нудной «теории», без «подай-принеси», и запаниковал. Он же ничего не умеет! Не знает! Куда ж он лезет?!

Холодея, Антон прошел мимо оранжевых киберстроителей, выстроившихся, словно в почетном карауле, и нырнул в тамбур.

Наставник встретил его у пульта с рабочими экранами и кивнул на кресло:

– Устраивайся.

Чувствуя, как в животе порхают свежемороженые бабочки, Антон присел за пульт и оробел от всего этого мельтешения огоньков и кнопок.

– Вот клавиша контрольного вызова, – спокойно сказал Жилин. – Жми.

Антон слабо нажал.

– У нас все нормально, – отозвался робот-матка, – ждем дальнейших указаний.

– Что нужно сейчас сделать? – спросил Жилин.

– Программу ввести... – выдавил Антон. – Кажется...

– Правильно. Какую?

– Стандартную, – осмелел Антон.

– Ну? – подбодрил его Жилин.

– Стандарт 49 – рытье котлована...

– Подумай еще раз.

Антон чуть успокоился.

– Стандарт... – затянул Родин, и тут его озарило. – А! Стандарт 62-спец! – выпалил он. – Строительство фундамента обзорной башни! Она как раз с краю завода должна быть. По-моему...

– Правильно. Вводи.

Снова устрасаясь, Антон ввел программу в систему управления и, подняв глаза на Жилина (тот кивнул), нажал пусковую клавишу. Сглотнул от волнения.

На видеоэкране стало видно, как киберстроители зажгли прожекторы и гуськом поволоклись на стройплощадку – равнину между кратером Соам и Кордильерами Изиды. Робот-матка катился сзади своих подопечных, как пастух за стадом.

– Урок первый: не бойся, – сказал Жилин. – Это всего лишь роботы. Ладно, сойдет для начала...

Антон облегченно вздохнул и выбрался из-за пульта. Ноги у него тряслись.

Разгрузился и уехал, засвечивая «стопы», последний песчаный танк. Контейнеры из грубой серой пластмассы выстроились в три неровных ряда, прямо на песке, взрытом гусеницами и сапогами. Эмбриомеханические «яйца» откатывали отдельно, на ровную утрамбованную площадку. Белые шары механозародышей матово отблескивали – чуть заметно. А под чем им тут блеснуть? Под Фобосом? Юпитер и тот ярче.

Антон насилу докатил тяжеленный эмбриофор – «яйцо» вязло в рыхлом песке – и мотнул головой, стряхивая пот. Захекался...

Перчаткой он обмел черный покорябанный штамп: «СПБ завод эмбриосистем». Интересно, во что станет развиваться этот... (он стер пыль строчкой ниже) «МЗ-12 С»? В модуль? В дистиллятор? В кислородный обогатитель?

Неожиданно площадка огласилась пронзительным шипением, за глыбами контейнеров вспыхнуло короткое оранжевое зарево. Это был удар из дезинтегратора. Сам Антон никогда к дезу и близко не подходил, но Тагвелл Гейтсби в «Первооткрывателях» так долго и нудно косил чужих из лучемета, что и не хочешь, а запомнишь. И звук, и вид. Первой мыслью Антона было: «Пурпуры!» Рука непроизвольно скользнула к ПП. Мимо, поднимая пыль, проскакал Виджай.

– Что случилось?! – крикнул Антон, тоже срываясь на бег.

– Рыбозмеи! – возбужденно ответил Гупта, двигаясь боком. – На Игоря напали!

Он развернулся и кинулся бегом. Антон припустил следом.

Над площадкой стоял гомон голосов.

– Вон там! За камнем, за камнем!

– Да куда ты смотришь!

– Шо ты не стреляешь?

– А куда?!

– Вон! Вон она!

– Я это! Ты че?!

– Свет нужен! А то мы...

– Ритка?! А ну, брысь отсюда! Тебя тут еще не хватало!

– Я тебе шас так брысьну...

– Глаза!

Гоша Черняк включил тяжелый лучевик. В подсветке плазмы Антон увидел, как у груды камней бесшумно задвигалось что-то длинное и серое.

– Вот она! – завопил он, указывая на гибкую тень.

Гоша развернулся, и над контейнерами провыл полный заряд. Внезапно включился прожектор, за ним еще два.

– Не стрелять! – стегнул властный голос Жилина. – Что вы мечетесь?! Гоша, Антон, Виджай! Следите за склоном! Лева и Руслан! Стойте на месте! Не приближайтесь к контейнерам! Девушки, все в центр! Живо!

Антон восхитился. Вот что значит – командир! Какие-то секунды – и растерянная толпа превращается в отряд!

Жилин вышел на свет и встал между ним и Гошей.

– Отходим! – сказал он, обшаривая глазами глубокие тени между контейнерами. – Сугорин как, в порядке?

– Страху больше, – задыхаясь, проговорил Гоша, – она кэ-эк выскочит, Игорь упал и покатился... Может, она сослепу, как носорог?

И в этот момент рыбозмея прыгнула. Длинное блестящее тело с гладким волосом – при чем тут «рыбозмея»?! Ни капельки не похоже! Вся, как гибкая, очень подвижная... труба. Или толстый шланг, покрытый жесткой щетиной, – и спереди дыра, и сзади, даже просвет видать... И что-то там шевелится, бугрится внутри – тычинки какие-то...

Антон остутился и с размаху уселся на зад. Рыбозмея закачалась в позе настольной лампы и загнулась над Антоном вопросительным знаком. Словно рукав нутриевой шубы пятьдесят-последнего размера навис над ним. Рыбозмея замерла, и «рукав» раскрылся склизким сфинктером. Восемь штук челюстей с плоскими режущими пластинками разошлись, как диафрагма сегментного люка. «Сейчас он за мной закроется, – подумал Антон отрешенно, – и все...» В тот миг он не слышал криков. Ему даже в голову не пришло броситься назад или в сторону. Он только смотрел, как размыкаются большие треугольные зубы, как мокро блестит пупырчатая глотка, и ему было противно. «А. Родин,

2061-2083. Пожран чудовищем». Какая гадость...

Ударом ноги Жилин отбросил щетинистое рыло. Заслонив Антона, мастер присел, отводя руку с электрорезаком. Рыбозмея стремительно развернулась. Жилин сделал неуловимое движение, полоснул тварюку по двум левым позвоночникам и распорол вдоль третьего. Рыбозмея закинулась, как хобот мамонта, издала продолжительный сипящий звук и судорожно задергалась в воздухе.

Гоша поднял дезинтегратор, но Жилин сказал: «Не надо», и горячее еще пирамидальное дуло опустилось.

– Отходим.

Послышался топот, и из-за контейнеров выскочили Быстров и Бранкевич с армейскими лазерными излучателями.

– Что случилось?! – крикнул Бранкевич. – Все целы?

– Рыбозмея, – коротко бросил Жилин. Он осмотрел электрорезак, почистил клинок о реголит и вложил в пластмассовые ножны. – Все в бункер! И не дай бог...

– Мы все поняли! – загалдели добровольцы, не дав мастеру даже договорить.

– Гупта!

– Тут я!

– Пошлешь в рейд СКР – ту, которую мы настраивали.

Понял, о чем я?

– Я понял!

– Поглядим, сколько их тут... Бранкевич!

– Здесь!

– Активируй сторожей-разведчиков на ночь, двух или трех. Лучше трех.

– Может, и посты...

– Обязательно. Эс-эров переключишь на меня.

– Будет исполнено!

– Я тебе поерничаю...

Добровольцы, взволнованно переговариваясь, сгрудились у шлюза. Антона затрясло – наступила нервная реакция. Память прокручивала нон-стоп одни и те же кадры: шерстистый «рукав», то поджимая мокрый и противный «манжет» кольцевой мышцы, то распуская его, сипит и открывает полуметровую пасть...

Подошла Яэль.

– Антон, ты как? – спросила она с ноткой тревожной заботы в голосе. – Пойдем, Гунилла компоту сварила, попьешь хоть.

Антон с удовольствием послушался.

– Шо вы скажете на это несчастье? – донесся до него радостный вопль Левы Соловейчика. – Это же кошмар!

2

По всей обширной стройплощадке ползали огоньки и перебегали лучи прожекторов. В наушниках свербило от скрежета и верещанья эффекторов, перемалывающих базальт,

растирающих в пыль песок и туф. Что-то громко зажжужало там, раздался треск, и черные коробчатые и округлые формы лагеря шатко качнулись в прыгающем розовом сиянии. Скручиваясь и вспухая, поплыли над стройкой клочья красного дыма.

– Пошло дело! – весело крикнул Виджай.

Снова что-то вспыхнуло розовым и погасло, донесся раскатистый грохот, и светящийся дым взлетел большим густым облаком.

– Разбудим девчонок, – забеспокоился Гирин.

– Не должны, – зевнул Жилин. – Иэ-хэ-хэ...

– Ну, что, господа? – Йенсен подошел и встал, руки в боки. – Будем ложиться? Эмбриосистемы мы активировали, теперь им потребуется все утро, чтобы настроиться на обстановку... Отдохнем минут шестьсот? Кто «за»?

«Опростился Ларс Юлиус, – улыбнулся Жилин. – С кем поведешься...»

– Все «за», – сказал он. – Родин, Гупта и... где Никольский?

– Никольский! – громко позвал Виджай.

– Да здесь я! – отозвался сердитый голос.

– Вы дежурите первыми, – распорядился Жилин. – Через два часа разбудите меня. Вопросы есть?

– Никак нет! – по-строевому ответил Гупта. Антон лишь уныло качнул огромным круглым шлемом.

– Исполняйте...

Трепещущее розовое зарево над стройкой полыхало, уже не затухая. Все было в дыму, скрежет и визгливый хруст понемногу сливались в сплошной дребезжащий грохот. Первый рабочий день начался...

Глава 17

ПОЯС АСТЕРОИДОВ, ЛАЙНЕР «СОЛЯРИС»

Если судить о Поясе астероидов по книгам типа «Астрономия для самых маленьких», то Пояс может показаться чем-то наподобие камнепада, закольцованного вокруг Солнца, чудовищным скопищем Сцилл и Харибд, так и норовящих перемолоть ваш корабль.

На самом деле в образ колоссальной космической дробилки астероиды не вписываются. Их так мало, и они так друг от друга далеко, что можно пролететь миллион километров и не встретить ни единого камушка – словно кто подмел этот космос!

Именно поэтому курс лайнера «Солярис» прокладывался весьма причудливо, поближе ко всем этим Юнонам, Палладам, Эйнотиям и прочим недопланеткам. Пускай туристы вдоволь насмотрятся на светлую, словно заснеженную Весту, на чернущую, будто из сажи слепленную Амброзию. Пусть пройдутся по ледяным пещерам Бамберги, увидят воочию эфемерные «перья» и «сеточки» из инея. Пошупают золотые и палладиевые скалы Амона. Заглянут в Пробой, дырявящий Икар насквозь... Пусть, от космоса не убудет. Зато сколько восторгов запасут в душах круизники, какими переполнят-

ся впечатлениями! Даже неработающие перестанут жалеть, что на три года отказались от личного фонда, лишь бы слетать в «увлекательный круиз „Вокруг Солнца“ с посещением Луны, Марса, Меркурия и астероидов». Да и о чем тут жалеть? О не съеденных деликатесах? Еда – это ж на день. О не заказанной шубке? Одежда – это на сезон или на два, если не следить за модой. А впечатления – на всю жизнь. Вот и думай, что важнее – моторика кишечника или космическое путешествие... И тем более на таком огромном и роскошном корабле, как «Солярис» – первом и пока единственном на всем белом свете фотонном лайнере класса «Орбита-орбита». Десять тысяч тонн массы покоя, почти пятьсот метров в длину, скорость до четырех, даже до шести-семи тысяч километров в секунду плюс постоянное ускорение, а это лучшая гарантия от космической болезни для шестидесяти пяти пассажиров на пяти ярусах туристского модуля. Гжельский фарфор, текинские ковры, уральский малахит, лунный самородный алюминий, карельская береза, памирская бирюза, каслинское литье, дулевский хрусталь. Кают-компания. Сауна. Оранжерея и так далее. Это вам не ядерный лунник какой-нибудь!

Тут можно было пойти прогуляться на обзорную палубу, иначе именуемую салоном, искупаться в бассейне, посидеть в кают-компании, полюбезничать с хорошенькими стюардессами потанцевать под хориолу, распить игристое «европейское желтое» из хемолитотрофных водорослей, что выращи-

вают подо льдом в океане самого гладкого спутника Юпитера, закусить ломтиком фиолетовой капусты... М-м! Куда лобстеру до нее! Или крабу. Совсем не тот вкус! Однако все эти удовольствия и увеселения – только для пассажиров, только для «передовиков потребления». А вот инспектору Службы правопорядка Эдуарду Иволгину сие непозволительно. Инспектор Иволгин на службе, ему нельзя. Он конвоирует опасного преступника. Собственный планетолет у зонального управления СОП пока отсутствует и еще не скоро появится. Это только в сериалах полицейские на кораблях носятся, в жизни их укладывают на полку шкафа, пышно поименованного «каютой»... Этапируемому и то просторней. Кстати, надо бы его проверить.

Эдик приподнялся с узкого диванчика и изогнулся, чтобы не треснуться головой о верхнюю полку. Повернулся, одновременно уворачиваясь от дверок стальных шкафчиков, и боком протиснулся в изолятор. В изоляторе поместилась лишь одна койка. Тхакур Сингх, шеф Боевой Группы Пурпурной Лиги, опасный гангстер, садист и убийца, был привязан к ней четырьмя широкими эластичными ремнями. Его волосатый торс облепляли датчики, во рту торчал загубник питательного шланга – мягкие лапы манипуляторов утирали струйку мутной жидкости с губастого рта. Другой шланг... Ну, это понятно.

Сканер на стойке по-мушиному жужжал, покачивая детекторной головкой. Над Тхакуром, бросая ему на лицо

неприятно-синий мерцающий свет, тоненько гудел гипноиндуктор. Похоже было, что перевозят тяжелобольного. Эх, если бы! Хотя не так было бы обидно... Тхакур зашевелился, и Эдик вздрогнул. Тьфу ты! Напугал! Это манипуляторы массаж делают...

– Чтоб ты сдох! – сказал Эдик сердито и покинул изолятор.

Тронул сенсорную пластину – дверь защелкнулась. Все, долг исполнен. Сгибаясь, отключивая задницу и уводя голову, Эдик уселся и уставился в обзорный экран. Звезды, звезды... Одни звезды. Что вчера, что сегодня. Позавчера только появилась во-он та искорка. Она движется. Фотонный бот какой-то, что ли. Или грузовик. А вон то пятнышко – это Сатурн. А с краю – Церера. Не сегодня-завтра они прилетят, сдадут Тхакура... и чтоб он еще хоть раз... Хватит с него. Пусть-ка другие теперь сопровождают всех этих ауто, эту погань... А Церера-то... все прибывает и прибывает... Нет, это не так называется... Выросла она, в общем. Раньше не на что смотреть было – сверкающая точка, а теперь до нее... Эдик глянул на индикатор – 160 тысяч кэмэ, – и астероид кажется лишь вдвое меньше, чем Луна с Земли. Эх, посмотреть бы на Луну сейчас! Не в телескоп, а так – поднять голову и посмотреть. Из садика. Или с балкона... Ничего, скоро уже отпуск...

В круглое окошко заглянул напарник – Гриша Юсупов. Дурачась, отдал честь. Эдик протянул руку и разблокировал

дверь.

– Иди поешь, – сказал Гриша, протискиваясь и загибаясь.

Эдик поджал колени. – Праздничный обед!

– С чего это вдруг?

– Прибываем же! Как там наш груз?

– Дрыхнет... Воняет... Сходить, что ли, правда пообедать?

– Сходи, сходи!

– Ладно, уговорил!

Эдик вышел из каюты и закрыл за собой дверь. Сюда, на 6-й уровень, туристов не пускали – нечего им было тут делать. Тут, рядом с двигательным отсеком, располагались служебные помещения – вакуум-отсек, грузовые камеры, гасительная камера... Из маленькой душевой вышла Настенька, оператор-распределитель питания, в коротком халатике, в шлепанцах на босу ногу. Склонив голову, она расчесывала мокрые волосы.

– Привет! – улыбнулась Настя и пошла дальше, откидывая длинные волосы на спину.

– Привет... – Эдик задумчиво проводил девушку взглядом, прикидывая – в трусиках она или дезабилье? Так сразу и не разберешь – халатик толстоват. Вроде без...

Он оправил комбинезон – черный, блестящий, обтягивающий, с серебряной звездой слева на груди, – пригладил волосы и поднялся по стволу «Б» к туристам. Обычный коридорный отсек, закольцованный вокруг центрального ствола.

Самый дешевый модуль – тут разместили третьекурсников, неработающих, молодых специалистов и людей, которым было все равно на чем лететь, лишь бы добраться до места.

Эдик кинул два пальца к виску, приветствуя Кленина, Ипполита Георгиевича, грузноватого карго-мастера, по совместительству – секьюрити. Студенты частенько устраивали драки с неработающими, могли и в каюту вломиться, и карго, бывший инструктор по субаксу, твердой рукой (а также ногой) наводил порядок на пятой палубе.

На четвертый уровень Эдик поднялся, испытывая мелкое удовольствие и опаску. На эту палубу выходил камбуз, откуда плыли запахи, резко активизирующие секрецию желудка, но на нее же открывалась и каюта командира корабля, личности суровой и драконистой.

Третий уровень. Сюда гул главного реактора почти не доносился, и здесь было прохладно. Тут центральный ствол был занят под инженерный отсек рубки. Каюты тоже по окружности, как кабинки на карусели, но числом пятнадцать – они тут шире, чем на четвертой. Аж на 25 сантиметров! Люкс – вдвоем не развернешься. Но зато тихо. Стильно. Расчитано на работников. На всяких там главных инженеров, администраторов, ведущих ученых с инопланетных баз. По этому ярусу не спешишь пройти. Наоборот, хочется задержаться, прикинуться «своим». Глупо, конечно. И все равно...

В кают-компании играла хориола, смеялись женщины. И

пахло в отсеках соответственно – дорогим табаком и духами «Жё д'этуаль». Эдик вздохнул и сунулся в ствол «А». Поднялся на второй ярус – в салон с огромным иллюминатором. За ним мадам Вселенная развешивала черные простыни пространства, все заляпанные тускло светящимся звездным серебром. А в принципе, что 2-й уровень, что 5-й. Те же звезды, те же завесы темной материи. Тот же Сатурн – малюсенькое светлое пятнышко. Точечка Весты. Или Паллады. И давешний бот – уже не звездочка, а моделька. Значок «Юного космонавта».

Проходя между зеркальными колоннами, Эдик увидел, как круглилось и вытягивалось его отражение. Из-за уха прядка выглядывает. Вечно она топорщится... Он уже и водой ее смачивал, и все без толку. Хоть наголо стригись...

Эдик пошел вперед. Переборки были отделаны панелями из настоящего амарантового дерева. Наигрывала музыка. Издалека долетело: «За тебя, Каролинка...»

Эдик замедлил шаги. На молочного стекла стенки сауны падали обольстительные тени, то удлинняясь и расплываясь, то приближаясь и очерчиваясь очень четкими силуэтами, словно вырезанными из черной бумаги. «Потягивающаяся женщина». «Дама, обматывающая волосы полотенцем». «Девушка, втирающая крем».

Через дверь со строгой надписью «Конец палубы – посторонним вход воспрещен» он прошел в маленький закуток, отливающий металлом. Поднялся по пандусу и раздвинул

двери в «Столовую для персонала». Длинное и узкое помещение когда-то было грузовым отсеком, теперь здесь подкреплялся экипаж и сервис-команда. Вдоль короткой стены расположилась дублирующая система управления рейсовым двигателем. Выше – экраны панорамного обзора. На узком столике у стены в кольцевых зажимах – пустые стаканы. Напротив – окно блока доставки стандартных блюд. Крышка была сдвинута, а на дне кубического ящика лежал экспресс-обед в фирменной упаковке – золотой с черным. Призывно горела зеленая лампа над окном.

Принимали пищу трое.

На своем коронном месте развалился командир корабля – седой, с грубоватой лепки лицом, кряжистый Спиридон Павлович Почкин. Командир сидел с видом старого барина, утомленного плотным обедом, и курил сигару. Сколько раз ни встречал его Эдик – в столовой, в коридорах, даже в бассейне! – Почкин всегда попыхивал сигарой. (Интересно, он спит с нею или тушит хоть иногда?..)

Старший стюард, черный и нервный Гурам Гургенидзе, сидел на стуле верхом, пил компот и переговаривался со сменным пилотом, молоденьким ушастеньким Шлиер-Довейко. Пилот ковырялся в плове, выбирая мясо попостнее.

– Надо тебе, Вася, жениться, – наставлял его опытный Гурам.

– Еще чего... – бурчал Вася и добавлял кетчупу.

– Надо, надо... Пора уж.

– Что-то меня все женить хотят!

– Счастья тебе желают, Вася! – сказал Гурам с проникновенностью базарного жулика. – Семейного!

– Ага, счастья... Знаем мы это счастье... Сами, видать, натерпелись, так хотят теперь, чтоб и я с ними мучился! Фигушки!

Эдик сделал ручкой общее «здрассьте» и особо, за руку, поздоровался с командиром корабля.

– Говорит Фобос, – включилась рация. – Девять двадцать пять. Передаем метеоритную сводку для внешней зоны. С Юпитеровой пертурбации Леонид идет облако, движущееся со скоростью 45 километров в секунду. Поток будет проходить через сектора шесть дробь одиннадцать, семь дробь одиннадцать и зону Цереры. Метеоритная станция «Фобос» оценивает размеры облака в 300 тысяч кубических километров...

Спиридон Почкин пошевелился.

– Еще нам облака не хватало... – проворчал он. – Вася, подтверди прием.

– Щас! – Вася нащелкал подтверждение.

– И вызови Лешку на пост УАС...

Потирая руки, Эдик обошел стол и достал из блока доставки обед. Запах-то какой... А говорят еще, что универсальная кухонная машина без души готовит! Очень может быть. Зато вкусно!

Эдик присел за откидной столик рядом с дублирован-

ным пультом, под экраном внешнего обзора. Развернул обед. Ого! Ничего себе, стандартные блюда! Икра черная, икра красная... Утятинка с трюфелями! «Наполеон» – и как раз такой, какой он любит – не со сливочным, а с молочным кремом. Объедение! Но поесть Эдику не дали.

Глава 18 МАРС, «БОЛЬШОЙ СЫРТ»

Алое солнышко медленно поднималось над Кордильерами Изиды, малюя небо в сочные «цитрусовые» тона. Центральная звезда Солнечной системы светила, но не грела. Она калилась в разломе между столовых гор, и те казались обугленными.

Жилин по холодку, не спеша объезжал стройплощадку и поглядывал, как там падут его системки. Системки прилежно утюжили дно огромного котлована, ходили зигзагами, засыпая ямы, разравнивая гребни, укатывая борозды; тяжело ворочались у подножия крутых гладких стен, низко жужжали и стрекотали. В сотне метров от края Глеб увидел целые кладки эмбриомеханических яиц – они напоминали бильярдные шары, белые и блестящие, разложенные по углам прямоугольников и концентрическими кругами. У десятка из них уже лопнули оболочки, и сочленения эффекторов вяло рылись в раскрошенном туфе.

«Работы – море!» – довольно подумал Жилин. Сколько сразу дел привалило, и сколько их еще оставалось – начать и кончить!

Грузовики-автоматы разгружались и сейчас же улетали. И

часа не проходило, как небо цвета лососины по-новой освещалось ярким фиолетовым заревом, и космодром принимал еще один планетолет, а то и два. Квадратные песчаные танки и шустрые краулеры – легкие открытые танкетки на четырех автономных гусеничных шасси – носились взад-вперед и волочили за собой красно-желтые вихрящиеся шлейфы. Ревели двигатели, лязгали гусеницы, кричали люди.

– Глеб! – раздался в наушниках голос Руслана. – Слышь, Глеб?

– Слушаю, – отозвался Жилин.

– Тут Виджай спрашивает, закладывать ему фундамент или рано еще?

– Какой фундамент? – не понял Жилин. – Под башню, что ли?

– Ну да!

– А расчистку? – холодно спросил Глеб. – Я ее буду делать? Или он уже закончил?

– Кто? А! Да нет вроде... Еще не до конца!

– Так пусть хоть одно доделает сначала! Скажешь Виджаю, чтоб к обеду все было готово!

– Ясно!

«Не терпится ему! – подумал Жилин сердито. – Вот же ж... Лишь бы славу стяжать!»

Скользя по камням, краулер съехал к устью каньона, загроможденному обломками скал. Гигантские валуны, многие размером больше, чем дом, лежали, в беспорядке нава-

ленные друг на друга, а их красные шершавые бока зарастали синей колючкой.

Нет, все-таки какая могучая, прекрасная... земля! Ну, грунт, почва – какая разница? Девственный, никем не тронутый мир... Он жил своею странной жизнью, и не хватало ему только холодной талой воды и воздуха – упоительного воздуха, надушенного ароматами цветов и трав, воздуха, которым дышишь... дышишь, словно пьешь свежую, чистую воду...

Жилин объехал всю стройку и вернулся к ЦДУ. За спиной выстроились здания станции, а впереди дымился, сверкал, вспыхивал огнями, грохотал обширный котлован.

– Глеб Петрович! – донесся до него голос Антона.

– Здесь я. – Жилин слез с краулера и подождал, пока длинный стажер выберется из дыма.

– Моя система уже закончила нулевой цикл! – похвалился стажер. – Что теперь?

– Теперь? – механически повторил Жилин. – Пойдем глянем сначала.

Подсмыкнув аккумуляторный и оружейный пояса, он не оглядываясь зашагал к будущей мастерской. .

– Или ты уже осматривал?

– Да вроде все нормально... – проговорил Антон, стараясь не отставать.

– Точно норма?

– Кажется, точно... – промямлил стажер.

– Без «кажется»! – отчеканил Жилин. – Ты же выполняешь работу, а не кто-то. Значит, должен быть уверен в ней.

Он подержал ладони над малиново-светящимся литопластом, выслушал робота-матку (тот монотонно отчитался о проделанной работе) и полез в готовый, теплый еще котлованчик с цветами побежалости на стенах. Кибер светил ему сверху прожекторами.

– Ну и чего ты боялся? – сказал Жилин, осматривая пол. – Нормальная, хорошая работа. Не бойся ты ее принимать, Антон. Если все в норме, все по стандарту – что за страх тогда?

– Да я не так ответственности боюсь, – оправдывался Антон, – как опозориться перед... всеми. Вот, скажут, не знает ни черта, а туда же... Вдруг что не так – неполадка там или что... Я ж первый раз с киберсистемой!

Жилин упрямо помотал головой в большом прозрачном шлеме и вылез.

– Ерунда это все! – заявил он решительно. – Ерунда на постном масле! Строительные роботы – самые простые и надежные. Их не Гефест ковал, это просто «железо»! Орудия труда. Как молоток! Тебя молоток пугает?

– Нет... – слабо улыбнулся Антон.

– Ну вот! А это... – Жилин постучал по киберу, сигнальные огни которого показывали задержку, – то же самое в принципе! Глупая, но хорошая машина! Дошло?

– Дошло...

– Ну, раз дошло, давай тогда переводи систему на следующий этап... А где это твой парализатор? – нахмурился Жилин.

– Ой, забыл! – виновато сказал Антон.

– Урок второй: первым делом думай об оружии. Тут тебе не Земля. Мало было рыбки?

– Я сейчас сбегаю!

– Не надо никуда бегать, – сухо сказал Жилин, – сейчас же система будет перенастраиваться, куда ты побежишь?.. На вот, возьми мой пока. – Он вынул из кобуры пистолет-парализатор, покачал в руке, проверяя баланс, и протянул Антону. – И чтоб это было в последний раз, стажер.

– А... Ага, – неловко сказал Антон. – А вы как же?

– У меня их два. – Жилин хлопнул по боковому карману.

– А... Я вечером занесу!

– Да уж занеси...

– Ну, я побежал?

– Давай.

Свободно, но и расчетливо, большими, легкими, пружинящими шагами Жилин пошел к крутому куполу штаба. Над серой полусферой медленно и важно вращалась тройка локаторов.

– Вот вы где! – догнал его голос Йенсена.

Жилин обернулся. «Что-то я сегодня нарасхват», – мелькнуло у него. Из-за просторного штабного модуля вышли трое. Могучую фигуру Максима Глеб узнал сразу – трудно

было спутать. Справа, судя по восхитительным округлостям и походке, ступала женщина, ну а личность, шедшая посередине – щупленькая, плюгавенькая, – уже успела заявить о себе.

– А мы вас потеряли! – воскликнула женщина, и Жилин узнал Машу – сначала по голосу, а затем уже разглядел и лицо за прозрачным шлемом. Оно выглядело смущенным, хотя и светилось улыбкой.

– На тебя директор бочку катит, – сказал Гирин с понимающей ухмылкой, – успел уже Сулиме пожаловаться, с-сучок замшелый!

Глаза Жилина холодно блеснули.

– Ничего, – усмехнулся он, – переживу как-нибудь.

– Вы-то переживете, – принужденно улыбнулся Йен сен, – а выкручиваться ведь мне придется... Гереро сюда уже приехал, орал... как ненормальный, требовал снять вас и отправить на Землю ближайшим планетолетом. Очень уж вы его... обидели. Нет-нет, Глеб, – заторопился старый ученый, – вы не подумайте, вы правильно сделали, что вступились за Лисицыну, но... зачем же так жестоко? Вот сломали нос Ковальскому... Заметим, оружием угрожали... А если бы убили кого-нибудь?

– Из чего? – фыркнул Жилин. – Из парализатора? Нет, я смотрю, без капитальной чистки на Базе не обойтись. Угрожать он мне еще будет, ты посмотри!

– Мешают они вам? – плаксиво сказал Йенсен.

– Мешают! – жестко ответил Жилин. – Я хочу спокойно работать, и меня ужасно раздражает, когда вокруг такой бардак! Это не порт, это клоака! Или вы думаете, что раз вы законопослушны и добропорядочны, то и все такие же? Вон спросите у Клунина, он вам расскажет, сколько уже коллоида извел на одни только ножевые ранения! Куда это годится? А ведь там же и дети.

– Вы бы посмотрели... – негромко начала Маша.

«Трах-тарарах!» – донеслось со стройплощадки.

– Ой! – вздрогнула девушка. – Напугали меня... – И продолжила мрачно: – Вы бы поглядели только на них – весь день слоняются по улице, ни учиться не хотят, ни читать, ничего. Лишь бы разломать что-нибудь, кокнуть, что бьется. Сбиваются в стайку, курят в тамбурах, матерятся... И кто ими занимается вообще? Восемь учителей на двести с лишним детей! Телеуроки... ладно, а воспитывать как? Тоже по СВ? Что же из них тогда вырастет?

– Я поговорю с директором, – тускло сказал Йенсен.

– Поговорите, – безразлично сказал Жилин.

– Ну, все, профессор? – Гирин мощно потянулся. – Попехали?

– Попехали! – бодро откликнулся Йенсен. – Боюсь только, что не совсем понимаю значение этого глагола...

– «Попехать»? – спросил Гирин, повернувшись прочь. – Ну, это что-то вроде «отправиться пешкодралом»...

– Всю жизнь живу в Евразии, – признался Йенсен, – но

русский так до конца и не одолею...

На что Маша справедливо заметила, что Ларс Юлиус владеет русским «очень даже ничего, на уровне».

Она проводила Йенсена с Гириным и вернулась.

– Я вас так и не поблагодарила, – сказала она с раскаянием.

– За то, что Владеку нос разбил? – усмехнулся Глеб.

– Нет... – Глаза девушки заблестели. – Вы... не знаю даже, как сказать... Я такая счастливая! Правда-правда! Я уже и забыла, когда ходила на работу с желанием! Что значит – не бояться, не молчать, не терпеть!

– Перестаньте, – мягко сказал Жилин.

– А вам ничего за это не будет? – спросила Маша. Гладкая кожа на ее красивом лбу с трудом умялась в морщинку.

– Отобьюсь, – улыбнулся Глеб. – Со мной стараются не связываться.

В нагрудном кармане у него затренькало. Жилин выцепил плашку радиофона и перевел разговор на наушники шлема.

– Да, слушаю.

– Мастер! – пробился голос Бранкевича. – Тут по вашу душу! Аварийный сигнал с климатической станции – там неолуддиты систему угнали, старшего кибера уже раздолбали, сейчас за исполнителями гоняются!

– Ясно. Это где? Это туда, к Изиде?

Бранкевич подробно объяснил куда и добавил:

– Помочь, может? Могу Пимса послать, он у нас здоро-

вый!

– Нет, спасибо, – улыбнулся Жилин, – я сам.

Он вскочил на сиденье краулера и включил двигатель. Натянувшись, дзеньшули гусеницы. Краулер нетерпеливо дернулся.

– Извините, Маша!

– Вы там осторожнее с ними! – крикнула Маша вдогон. – Эти слегахи совсем ничего не соображают!

– Ладно!

Краулер скатился с холма и понесся, прыгая с бархана на бархан.

* * *

Оставив в стороне разрез с полуразобраным экскаватором, вмерзшим в дейтериевый лед, Жилин направил краулер в Горячий каньон. Склоны его были крутые, кое-где ступенчатые. В их слоистой толще перемежались лава, пепел и пыль, в основании стен лежали рухнувшие камни и целые скалы; громадными потоковидными языками тянулись оползни. Вверху виднелись ниши отрыва, и узкие вертикальные борозды програбывали откос до самого низа. А посреди широкой долины белел в гордом одиночестве стандартный куб комбината по выработке термоядерного горючего. Сбоку от него поблескивал огромный купол входного кессона, торчали башни лифтов, толстые гофрированные отводы ис-

чезали в двух белых шарах-сборниках диаметром сто метров каждый.

Когда комбинат закрыли, то решили перевести его в режим консервации. Но потом освобожденные работники принялись строить себе внешние поселения – что-то вроде дачных поселков. Ставили полевые стандартные модули, разбивали участки под фиолетовую капусту. И режим по-тихому отменили. Нечего стало консервировать. Бывшие ядерные техники и экс-операторы тяжелых систем стали наведываться на ДТ-комбинат. За стройматериалами.

Жилин поморщился. Разруха... Местами облицовка со стен комбината была сорвана, оголяя серую гофрированную пластмассу, иллюминаторы выдирались вместе с кольцевыми рамами, и выглядел завод-автомат так, будто под бомбежку попал – темный, мрачный, с черными глазницами оконных проемов, и давит на уши тяжелая тишь...

Вскарабкавшись по мощному конусу выноса, краулер выехал на заброшенную дорогу. По ней раз в день проезжал восьмиколесный «дилижанс», отвозя людей на плантации и обратно. На дорогу падала тень от решетчатой башни с объемистым шаром энергоприемника, блестящего на огромной высоте. Еще дальше чернел скелет климатизатора, посверкивая крошечными звездочками роботов-монтажников и пуская зайчики сваркой. А между трактором и стройкой стлыло лавовое поле – изветрелый, выбухший и ямистый мальпаис. Сощурившись, Жилин обвел его взглядом. Все скучное, се-

рое, отдает то в черноту, то в засинь. Шаткий ветерек переваевает пыль с места на место... Потухший ад.

Вдали, загораживая вид на космодром «Большой Сырт № 2», поднимались Кордильеры Изиды, разбитые на большие и малые скалистые блоки. Внезапно хребет окаймился яркой рыжиной. Осветив щербатые вершины, заплясала оранжевая искорка – стартовал, судя по времени, космотанкер МКТС-34. От космодрома прынул слабый гром и угас в разреженной атмосфере. Предпоследний, сосчитал Жилин. Еще одна ходка осталась... Он приставил ладонь к прозрачному шлему и посмотрел на небо цвета вылинявшей розовой простыни, где неторопливо проходило блестящее пятнышко орбитальной базы «Беллона».

Время шло к обеду. Краулер главного киберинженера углубился в разлом между двух мрачных утесов. Рассадина была узкая, ее серые складчатые стены, похожие на слоновью шкуру, поднимались на высоту шести этажей и клонились навстречу друг другу, там, где повыше, нависая лавовыми козырьками, а где пониже – смыкаясь мостиками. Жиденькие лучики солнца еще кое-как освещали шершавые макушки утесов, но их силенок не хватало, чтобы полностью рассеять тьму, и на дне разлома густел полумрак. Краулер автоматически включил фары.

Поверхность дна была ровной и гладкой, как каток. Да это и был каток – гусеницы шасси со скрипом елозили по толстому черно-зеленому в свете прожекторов льду, места-

ми припудренному рыжей пылью. Это был дейтериевый лед. Колоссальные залежи льда – вглубь, вширь, в длину... Подлинное сокровище для ТЯРД и ТЯЭС... и никому, похоже, не нужное.

Жилин направил краулер в глубокий овраг и по боковому отвершку выехал на лавовое плато, сплошь усыпанное иссиня-черным щебнем и пористыми каменными глыбами – не то голубо-алыми, не то ало-голубыми. Здешнее освещение частенько морочило голову.

И только тут до Жилина долетел частый стук гусениц о лаву, напоминающий звон железа о железо. Стук приближался.

Глеб замер в тени, чувствуя, что к нему возвращается давняя настороженность, и увидел, как из глубокой промоины выехали четверо в черных мешковатых комбинезонах – из тех, что надевают под скафандры высшей защиты, – и с цилиндрическими прозрачными колпаками-шлемами на головах. Все они тряслись на обшарпанных, надсадно воющих краулерах типа «пинто» и гнали перед собой двух киберстроителей, похожих на маленьких кентаврят – голова-стеньких, рогатеньких, но без хвоста и на шести тонких ногах. Впрочем, у одного из роботов ног осталось только пять – левая кормовая была отстрелена. Измочаленное самореконструируемое союзие то пыжилось вилкой, то повисало парой развязанных шнурков. Кибера заносило, он вертел головой и всю шею шевелил рожками локаторов, пытался отскочить в сторону и сбежать, но ему не давали. Загонщики, радостно

вопя и улюлюкая, палили роботу под ноги из древних полуавтоматических карабинов, и киберстроитель шарахался, смешно подпрыгивая, от рвущихся пуль.

Второму киберу было явно нехорошо. Он бежал, шатаясь, задевая камни, спотыкался, один раз упал и перевернулся. Поднялся на ноги – правая передняя так и осталась в согнутом положении – и закружился на месте. Мощные трехсуставчатые манипуляторы разложились и болтались, как щупальца сушеного осьминога, волочились по грунту, попадали под ноги. Координатка конченная, определил Жилин, вскидывая дезинтегратор. Заряд перегретой плазмы коротко провыл и разнес правое переднее шасси у желтого «пинто». Танкетка на пару с контуженным кибером завертелась, заскрежетала по камням, выбрасывая ленту гусеницы, и стала колом. Водитель судорожно вцепился в руль.

– Я Глеб Жилин, – сказал главный киберинженер, выезжая на свет. – Безобразия закончены.

Слуховое устройство донесло выражения, затейливо выстроенные в три этажа. Шасси у синего «пинто» провернулось, меча каменную мелочь, и краулер бросило вперед. Водитель его картинно привстал с сиденья, наводя карабин. «Эти слегачи совсем ничего не соображают!» – вспомнил Жилин и нажал спусковую кнопку. Заряд плазмы прорыл нору в капоте синего краулера, ходовку заклинило, и машина встала на нос. Стрелка выбросило. Крутнувшись черной свастикой, он описал дугу и ударился оземь. Танкетка его пере-

вернулась, скрипя лопавшейся пластмассой. Еще секунда, и между гусениц полыхнул длинный белый факел – рванули шаровые аккумуляторы.

Жилин перевел дуло на остальных троих. Те без лишних напоминаний отбросили карабины и подняли руки – доводы Жилина их убедили. Выброшенный, шепотом матерясь и припадая на одну ногу, «встал в строй». Щурясь, Жилин оглядел «охотничков». Молодые совсем балбесы... И что с ними делать теперь? Нотации читать? Пинков надавать?

– Снимайте сапоги, – холодно сказал Жилин.

Балбесы переглянулись, помялись, но магнитные застежки ослабили и сапоги стянули.

– Мотайте отсюда.

Балбесы в одних носках побрели к краулерам – жалкие, сторбившиеся; тощие запястья торчат из манжет... Были бы с хвостами – поджали бы.

– Э, нет, ребята, – усмехнулся Жилин, – вы меня не поняли! Пешочком!

– Ты что?! – противным голосом заверещал кто-то из четверки. – Здесь же двадцать километров!

– Раньше надо было думать.

– Так и без ног можно остаться!

Пирамидальное дуло уставилось на крикуна, и тот заткнулся – дуло не дрожало, даже на волосок не отклоняясь от линии огня, словно и не живые руки сжимали лучемет, а бронзовые длани памятника.

– Ножками, я сказал!

Неолуддиты молча повернулись и пошли. Поступь их была неуверенной, они вздрагивали, вздергивая руки, сохраняя равновесие, шипели от боли на острых осколках или когда рассаживали палец о каменюку. Загребая рыхлый песок, взобрались на гребень кратера и перевалили его. Молча.

Жилин собрал оружие и перепрограммировал целые «пин-то». Жестом подозвал киберов. Один послушался, второй продолжал вертеться на одном месте. Глеб вздохнул, хлопнул колченогого по круглой голове – она ему едва доставала до плеча, – сказал: «Помоги погрузить».

Киберстроитель с готовностью облапил собрата за шею-грудь, Жилин ухватился за кормовые ноги, и они вдвоем загнули робота на раму багажника. Жалко ж бросать!

Жилин взобрался на сиденье и включил двигатель. До техмодуля строителей оставался какой-то километр – купол белел за серыми буграми мальпаиса, как юрта в степи. Краулер ворохнулся и покатил прямо по длинной тени энергоприемника. Оба «пинто» волоклись след в след, как выючные лошади в поводу. Сзади их догонял хромой киберстроитель. Как это бабушка Аня дразнилась на хромого? «Рупь двадцать, рупь двадцать, рупь двадцать...»

То ли делинквенты на Жилина так подействовали, то ли что, но ему живо вспомнилась Африка – и перистые ветви казуарин, и раскидистые сейбы, и вильчатые пальмы дум-дум. И как передвижные излучатели-гипноиндукторы сжи-

мают кольцо вокруг горящего поселка, занятого пурпурами, и как вертолет-наводчик увертывается от ракет, и как тебя всего сотрясает одно-единственное, но жгучее желание – поймать пурпурную сволочь, отобрать у нее ржавый «калаш», и садить, садить по ней, по сволочи, длинной очередью, вколачивать ее в красную латеритовую слякоть, мешать со слоновьим навозом – за ту молоденькую учительницу, которую тхакуровцы сначала распяли, а потом вспороли ножом вагину и набили солью... И как невыносимо трудно было это желание в себе задавить.

Когда ж люди поймут наконец, что настали новые времена? Что уже необязательно топтать и мучить ближнего и дальнего? Тебе и так все дадут – и уютный домик, не хуже, чем у соседа, и бесплатную жратву, и шмотки от-кутюр. Броди себе с утра до вечера по цветущим садам, по изумрудным лугам, плюй с горбатого мостика в синюю речку и любуйся ласковыми и мирными пейзажами. Лепота! А приглядишься... В бескрайних садах-то, кои без гнилья и комаров, режутся в карты серые, запачканные типы, и ржут над собутыльником, заблевавшим с перепоею изумрудную траву, и швыряют пустую тару в прозрачную синюю речку... «Нет, не тем, не тем я занят, – мрачно подумал Жилин. – Генерация, климатизация, колонизация... А толку? Ну, выправим мы Марс, выправим! Ладно. Благоустроим, то-се... „Нате, люди, пользуйтесь! Вот вам Земля номер два, получите и распишитесь“. И что? А ничего! Явятся все те же нечистые и под-

выпившие, и заблюют, заплюют, затопчут пляжи озера Маринер, а на горе Олимп не поленятся начертать: „Здесь был Вася“...»

«Разве я генерации атмосферного покрова хочу? – думал Жилин. Да на кой он мне сдался, покров этот... Я хочу, чтобы люди выправились! Мне позарез нужны десять миллиардов гордых, веселых и добрых людей! Что же мне – оставить работу, бросить свои машинки и двигать в учителя? Пестовать хомо новусов? Похвально, конечно. Только вот откуда в Глебе Жилине взяться педагогическому таланту? Где, в каких сусеках души наскребет Глеб Жилин чуток понимания и капельку милосердия? И детей я не люблю... Нет, тут нужны люди, которые живут будущим, такие, как мой Антон Иванович или Юлия Францевна. Они совсем-совсем другие...»

Перед зданием техмодуля Жилин остановил краулер, слез и протер шлем. Рядом с циклопическим остовом макропогодной установки техмодуль выглядел кукольным домиком, маленьким и уютным.

Пробежали, выстроившись в цепочку, четыре строительных робота. Их шеегруды и тяжелые рогатые головы плавно покачивались на ходу. Заприметив Жилина, киберы включили сигнал «ждем указаний». Глеб показал им руками: «Продолжать выполнять программу». Возбужденно стрекоча, роботы поскакали дальше.

Миновав широкий тамбур и кольцевой коридор, Жилин очутился в полукруглом помещении с перегородкой, служа-

щей фоном видеопласту. Видеопласт создавал иллюзию золотой осени: трещиноватая чернь ветвей стряхивала ветхую кисею лиственного убора, тянулась к яркому, холодному небу, вращалась в облака...

Жилин снял шлем. Навстречу пахло прелью. Обдало сухим теплом. Из «рощи» донесся женский смех, звяканье ложечек, приятный для ЖКТ звон кухонной машины. Раздвинув ветви «рябины», Жилин шагнул в кают-компанию, куда выходили двери рабочих комнат. Напротив «рощи» за тремя сдвинутыми столиками чаевничали кибернетисты и операторы-строители вперемежку. Никольский сосредоточенно хлебал чай, крепко держа кружку в ладонях. Длинный Сугорин в основном налегал на горячие пончики, таская их с большого блюда. Сухопарый, малость сутулый Соловейчик, склоняясь, смешил свою жену, маленькую, милую Таню. Та заливалась звоночком. Высокая, очень красивая Ирина Никольская и худенькая, с веселыми глазами Света Сугорина чиркали какую-то схему на салфетке и спорили шепотом, отдувая со лба завитки волос – черных и каштановых. Лю Шуйбэнь и Сергей Быстров пока холостяковали. Они сидели с краю, поближе к женщинам, и шумно восхищались внешними данными соседок.

– Привет! – сказал Глеб, отводя рдеющую «гроздь».

Ему ответил хор восклицаний и шуточных поздравлений:

– А мы вас видели!

– Нам сверху видно все!

– Как вы их всех!

– Так им и надо!

– Совсем уже с ума посходили!

– Мало еще получили!

– Дайте я вас поцелую! Сережа, мог бы и отвернуться!

– Я не смотрю!

– А мы вас уже встречать собрались идти! А Лю нас не пускал!

Женщины окружили Глеба и, весело жалуясь на притеснения, повлекли к столу. Шуйбэнь, глядя на прелестниц с молчаливым укором, подал через стол мозолистую пятерню.

– Рад познакомиться, шифу ²⁷.

– Взаимно, сяньшен ²⁸.

– Чай будете? – спросил Никольский. Таня налила полную кружку и Сергей передал чай Жилину. – Угощайтесь... Вот пончики, это девочки сегодня нажарили. Теплые еще.

– Спасибо, – сказал Жилин. – «Сафари» эти часто устраивают?

– Да не сказать, что часто... – протянул Шуйбэнь, – но стороной не обходят. Набрывают.

– Нас же здесь мало, – объяснил Быстров, шмыгая носом, – вот они и пользуются.

– Ночью, наверное, страшно, – сказала Ирина волнующим грудным голосом, – я еще в ночь не ходила, но уже боюсь.

²⁷ Шифу – мастер (кит.).

²⁸ Сяньшен – уважительное обращение к мужчине (кит.).

– На песчаные танки пока не нападали, – нахмурился Лю, – а на краулерах все давно уже зареклись ездить.

– Они не грабят, не насилуют, – подхватил Никольский, – они больше гадят.

– Шо это вже за работа, – сказал Соловейчик, отодвигая чашку, – когда двое при деле, а третий охраняет! Дикий Запад какой-то!

– Дикий Марс! – буркнул Быстров и подул на чай.

– Может, сменим тему? – предложил Шуйбэнь.

– Давно пора...

– А вы в курсе, – сказал Быстров, откусив от пончика, – что директор системы – пурпурный? Не боевик, но активист.

– Спец он, конечно, отменный, – проговорил Сугорин, – но грязный тип, гнать его надо...

– Липший друг Тхакура Сингха! – сильно сбиваясь на украинську мову, сказал Лева Соловейчик. – Тхакур, оказывается, работал тут. На ДТ-комбинате. То ли инженером, то ли старшим оператором...

– Это мы так сменили тему! – засмеялась Света.

Из тамбура донесся невнятный возглас. Света подняла палец и прислушалась.

– Тимофей Альбертович пожаловали, – сказала она торжественно. – Сейчас еще обо что-нибудь...

Ее прервал гулкий удар и взрыв негодования:

– Понаставили тут!..

Никольский сунулся к дисковому пульту формировате-

ля, пощелкал, и осенний лес исчез. Перед аппаратной стойкой, потирая ушибленную ногу, стоял в позе журавля Тимооти Морган. Был он молод, мосласт, рыжеволос, но черен от загара. Морган показал Сергею кулак и заулыбался, узнав Жилина.

– О! – вскричал он. – Хэлло, мастер!

– Хэлло, Тим, – улыбнулся Жилин. – Издеваются?

– Не то слово, – сказал Тимофей трагическим голосом, – совсем заклевали, в гроб скоро загонят!

– Ой-ой-ой! – насмешливо покачала головой Таня.

Тимофей сделал скорбное лицо и, припадая на одну ногу, обошел тысячегранник видеопроектора.

– А ты ж вроде левой ударился, – прищурилась Света, – что ж ты на правую захромал?

Кают-компания взорвалась хохотом.

– Да ну вас! – сконфузился Морган и прошмыгнул к киберкухне. – Кофе хоть оставили? На обед я уже и не рассчитываю...

– Не прибедняйся, – улыбнулся Лю, – лучше скажи, как там твои монтажнички?

– Аж шум стоит! – невнятно сказал Тимооти и отхлебнул. – Ч-черт, горячий, оказывается! Кстати, вы в курсе, что нам энергию отключили?

– Опять! – в сердцах сказала Ирина. – Да сколько можно уже!

– Так именно! – подхватил Морган. – Ладно, там роботы,

а синтезатор кислорода? Это ж не шуточки! А репликатор? Гошка уже третий матрикат списывает – все три распропола-мило!

– Плохо, конечно, что одна энергостанция, – вздохнула Света, – а то с этой экономией сплошная нервотрепка! Чего там экономить, не понимаю?

– Какая экономия? – снисходительно умудренно сказал Морган. – Пакостит нам директор, вот и все! У него же станция, вот он и пользуется!

Морган ошетиненно замолчал, ожидая нападок, но не дождался. Видимо, все уже пришли к такому же выводу.

– Надо свою энергостанцию строить! – возвестил Тимофей. – Энергосборники – это как кровь из носу!

– Ну-ну, разошелся, – осадил его Лю.

– Ну, ладно, – поднялся Жилин, – с вами хорошо, но надо топать... Спасибо за чай. Насчет энергосборников я покумекаю, может, что и выгорит, но не обещаю. Скоро уже жилкомплекс начнем развертывать – все емкости туда кинем. Посмотрим, короче.

– В-в-в!.. – произнес Морган с полным ртом.

– Прожуй сначала, – сказала Ирина с неудовольствием. – Что за привычка!

Морган совершил мучительное глотательное движение, чудом не подавился и сказал свежим голосом:

– А зачем вообще жилкомплекс строить, не пойму? Есть же станция! Ну, строили бы сразу атмосферный – он же са-

мый важный! Что нам – жить негде?

– Шо тебе, – нахмурился Соловейчик, – строить нечего?

– Понимаешь, Тим, – усмехнулся Глеб, – можно было бы вообще ночевать в палатках, не снимая скафандров, не моясь, жить на одной хлорелле и с энтузиазмом монтировать атмосферогенные агрегаты, что-нибудь там героически преодолевая. Но лучше уж мы сперва закончим жилкомплекс. Ладно? Я, знаешь ли, терпеть не могу варварского героизма. Подвиг – это всегда чья-то недоработка... и чьи-то похороны.

– В жизни всегда есть место подвигу! – внушительно сказал Тимофей.

– Один дурак сказал, – съязвила Света, – а другие повторяют! – И добавила наставительно: – Значит, это ненормальная жизнь!

– Ну да, конечно, – надулся Морган.

– Да, ненормальная! Нездоровая, неустроенная!

– Да просто эгоистом не надо быть, – осудила Тима и Катя, – хоронить-то маме с папой придется! О них ты подумал?

– Ну, все, все! – остудил Жилин педагогическое негодование «воспитательниц». – Сразу накинулись на бедного!

Он задержался в дверях и оглянулся.

– Оружие заберите, – сказал Глеб, – я его здесь, в тамбуре, сложил. В хозяйстве пригодится...

Глава 19

ЗОНА ЦЕРЕРЫ, БОРТ КК «СОЛЯРИС»

Зазуммерил селектор.

– Кораблю «Солярис»! – воззвал громкоговоритель незнакомым голосом, высоким и до жути холодным. – Все двигатели стоп!

Спиридон Павлович буквально выпрыгнул из кресла и ко лобком подкатился к пульту.

– Кто приказывает?! – рявкнул он.

«Палыч» был страшен: мощные брови сошлись, глаза мечут перуны, губы сжались, крылья носа трепещут, челюсть воинственно выдвинута...

– Локи! – отчеканил репродуктор. – Команду ОДР, живо! Иначе будете атакованы!

– Эт-то еще что такое? – сказал Эдик, обалдевая.

К пульту подлетел Вася, врубил круговой экран и дал увеличенное изображение на монитор. Застя звезды, в визор вполз фотонный планетолет, судя по обводам, десантный бот типа «Водан» – полусферический купол с кольцевым выступом основания. За ним полз еще один, и еще, и еще... Целая эскадра! Полусферы, овалы, диски, конусы...

Изображение было объемным и красочным, четко просту-

пала каждая мелочь – антеннки, крестовинки движков коррекции, андрогинные стыковочные узлы. И злокачественные вздутия боевых постов, из которых щерились пакетные лазеры.

– Пост УАС! – сдавленно прорычал Почкин.

– Есть пост УАС! – сирым со сна голосом отозвался ин-терком.

– Разблокировать носовую ПМП!

– Есть разблокировать!

– Готовность!

– Есть готовность!

На селекторе вновь загорелась зеленая лампочка.

– Два раза предупреждать не буду!

Из боевого люка над индикаторным кольцом бота ударил лазерный луч. («Ай!» – шепотом сказал Гурам.) Невидимый в вакууме, дорисованный компьютером лучевой шнур поразил вздутую корму «Соляриса». Фотореактор в этот момент работал, и хвостовая часть испарилась мгновенно. Рассеялась в бесшумной бледно-лиловой вспышке. Один удар сердца спустя до отсека докатился чудовищный грохот, и наступила невесомость. Предметы повсплывали со своих мест, пол и стены замотало, как шейкер. Вася охнул, Почкин с размаху ударился лицом о пульт.

– Прошу разрешения на активные действия! – надрывался пост УАС. – Командир!

– Разрешаю! – сказал Почкин прерывистым басом, про-

макивая рукавом кровь на подбородке.

Как ПМП выпустила импульс, на экране не отразилось, но в цель пушечка попала. Боевую амбразуру бота разворотило так, что любо-дорого. Словно открыли печную дверцу и разгребли жар.

– Есть! – завопил Эдик.

– Попал! – крикнул Гурам.

От пиратских кораблей отстыковалось пять или шесть абордажных капсул. ПМП накрыла две одним импульсом – капсулы расплылись облачками раскаленного газа. В следующую секунду два корабля пурпурных открыли перекрестный огонь. Лучи лазеров-гигаваттников перепахали носовой сектор лайнера – полтора яруса разметало в лиловом жжении. «Солярис» сотрясся.

– Прекратить активные действия! – отдал приказ Почкин, но пост УАС не отозвался.

– Какая сволочь стреляла?! – взревел громкоговоритель. Локи слегка задыхался.

– Это пиратство! – прохрипел Почкин, наливаясь краской.

Локи весело захихикал. Затем зеленая лампочка на пульте селектора потухла, и все смолкло. По экрану потянулся линзовидный десантный бот.

– Гурам, – устало сказал командир, – позаботься о пассажирах...

– Да, да, – вскочил Гурам, и его перевернуло ногами

вверх. – Ох!

Стюард дотянулся ногами до магнитного пола, укрепился и пошагал – неуверенно, шатающейся походкой. Эдик посмотрел на экран. Бот-диск подходил к большой шлюзовой – спокойно, неторопливо, как будто так и надо. Касание. Стыковка. Стяжка.

– Спиридон Палыч! – испуганно позвал Вася. Растерянный и испуганный, он не знал, как ему поступать. Это был его самый первый рейс. В этом году окончив ВШК, Вася получил «красный» диплом пилота-космогатора. Там стояли одни десятки – по физике плазмы, по теории прямой навигации, по астрономии. Но военных дисциплин на командирском факультете не преподавали...

– Что делать будем?..

Не дослушав ответа, Эдик вышел из столовой. Даже поесть не дадут, сволочи... Этот мелкий факт почему-то больше всего выводил Иволгина. Но шок уже прошел. Ощущение нереальности, выдуманности происходящего выдавливалось из сознания обычным страхом и чувством беспомощности. Хочешь – рви на груди рубашку, если одолеешь стереосинтетик, хочешь – падай в обморок, все равно ты под прицелом. Тело стремилось бежать. Но бегать по магнитному полу не рекомендуется. Бедный Гурам. На корабле сейчас такое творится... Из кают-компания неслись крики, звон стекла, невнятная ругань. Ковровая дорожка висела перекрученным мостиком и изображала из себя лист Мебиуса. Под «аркой»

ее проплывала пальма в керамическом вазоне, у потолка барахталась девочка лет тринадцати. Она была в шелковой безрукавке и в коротких штанах. Эдик молча стащил ее и поставил на пол.

– Спас-собо... – выдохнула девочка и увидела его серебряную звезду. – Это космические пираты?

– Да, – серьезно сказал Эдик, – это космические пираты.

– Они нас убьют?

– Не знаю. Найди свой скафандр, надень его и спрячься.

Поняла?

– Поняла...

Дать совет малой – это он мог... А что делать ему? Сражаться с пурпурами? Они в разных весовых категориях. Сдаться? Стыдно очень и вдобавок глупо.

Эдик доковылял до изолятора и увидел, что дверь открыта. Гришки на месте не было. Нет, и не надо... В нише у входа, словно рыцарские латы в галерее замка, стоял боевой скафандр «Монт». Открытый, он напоминал огромную мыльницу в форме тела. Эдик разделся, разулся и вошел в него. Вставил переднюю и заднюю трубки деструктора продуктов метаболизма. Просунул руки в узкие рукава и стиснул кулаки, подавая активирующий системы сигнал. Боекостюм зашипел и закрылся. Натянулись мышечные усиления. Кончиком языка Эдик перевел биооптический преобразователь шлема в нормальный режим. С тихим писком включился монитор, загорелись индикаторы. Эдик пошевелил пальцами –

кольчатая броня поддалась сначала туго, потом «размялась». Он нашарил ртом мундштук пищеблока и глотнул витаминизированного желе-концентрата. Вкусно. «Теперь можно и с голодными воевать», – как дед говаривал...

В коридорном отсеке загрохотало – тяжело, в ногу. Эдик вжался в нишу. Грррум, грррум, грррум... Один, два, три, четыре... Четыре боевика с лучеметами, в боекафандрах «Аргироаспид». Это может пригодиться... «Аргироаспид» почти однотипен «Монту», только металлокерамика у него послабее – «Монт» весит сто кило, а «Аргироаспид» едва на шестьдесят вытягивает.

Боевики были закамуфлированы по варианту «Космическая ночь». Эдик осторожно потянулся к левому запястью, где помешался пульт управления защитной окраской, и зачернил броню.

– Стойте здесь, – сказал один из пиратов голосом Локи и прошел в изолятор.

«Бывалый!» – со злостью подумал Иволгин. Ходит, как у себя дома... Эдик настроился на блок слежения – слышно было хорошо. Стук, треск, грохот... Недовольный голос Локи: «Что за норы... А! Вот он где! Разлежся!» Выключает гипноиндуктор, сдирает датчики. «Где тут... А, вот... Эй, хватит дрыхнуть! Подъем!» Тхакур мычит: «Ы-ы?» – «Я, я... На-ка, лопай. Да не бойся, не отравлю! На хрен ты мне сдался... Это адаптоген. На руках мне тебя тащить, что ли?» Слышно чмокание. «Скажи спасибо Гереро – это он

сообщил, что тебя повезут на этой коробке. Ты ж мне дорог... Знаешь много, даже чересчур... Ты что такой балбес?! Меня дождаться не мог?! Что ты тупишь?!» Тхакур бурчит зло, но неразборчиво. «Да начхать мне на твои идеалы, понял?! Мне акция нужна была, а не преданность пурпурному делу! Идеальный нашелся... Сиди! На, это стимуляторы... А я сказал – жуй! Балбес...» Тхакур чавкает. «Такой случай упустить... эх! Ну ничего поручить нельзя! Тяму уже не хватило какую-то станцию несчастную взять! На хрена надо было полярников жечь?! Я тебе какие цели продиктовал, балбес?!» – «Л-локи...» – «Ладно, проехали... Действуем по вновь утвержденному плану. Теракты отставить – хватит ерундой заниматься... Сейчас твоя задача – захватить „Большой Сырт“. Десять тысяч заложников! Прикинь?! Отформатирую... хе-хе... будет десять тысяч прислуги. Но только чтоб без самодеятельности! Если ты. Еще хоть раз. Нарушишь мой приказ... Я тебя медленно спущу в утилизатор. Лично! Ты меня хорошо понял?» Пауза. «Умный мальчик. Пошли».

Грохот, треск, стук. Вышел Локи. Он тащил за собой Тхакура Сингха, держа шефа БГ за пояс. Шеф БГ болтался в воздухе, расставив руки, чтобы не удариться о стены. Он хмурился и сердито сопел.

– Все на борт! – скомандовал Локи. Боевики молча повернулись и затопали в коридор. Грррум, грррум, грррум...

Эдик выждал и двинулся следом. Инстинкт приневоли-

вал красться, прижимаясь к стенкам, а униженное самолюбие билось с инстинктом и заставляло гордо прямить спину. Эмоции толкали к безрассудству, сердце колотилось: «Мсть, мсть, мсть!» Рассудок цедил: «Выжить, выжить, выжить!» Сдохнуть легко, это и дурак может. А вот ты попробуй остаться в живых! И победить!

Эдик выглянул в коридор. Там было пусто. На верхних палубах постреливали. Кто-то закричал – тонко, по-заячьи. Выстрел. Эдик закрыл глаза и облизал губы. Он трус или нет? Он не побоится выйти против одного или двух, но против целой банды... Это неразумно. Да что там неразумно! Дурость это и больше ничего! Выжить надо! Выжить, перемочься, а потом найти... этих. И уничтожить как вид.

Мертвый герой всегда в проигрыше. Победу одерживает живой. И где, вообще, та грань, за которой смелость переходит в глупость, а трусость оборачивается смелостью... продленной в будущее? Эдик поморщился – «размышлизмы» не помогали.

Он посмотрел на индикатор системы «Оружие» – два парализатора, два наручных плазменных излучателя, один лазер. Теперь он может убить человека. За это отдадут под чрезвычайный трибунал... Ну и пусть.

Он шел теми же отсеками, что и час назад. Пятый ярус, четвертый ярус, третий ярус. Но до чего же все изменилось! Как Мамай прошел... Смятые скатерти сворачивались и разворачивались привиденческими одеждами, позвякивала би-

тая посуда, и шуршали рассыпанные букеты, коробка настоящих «гаван» кувыркалась под потолком. Вспархивали хлопья сажи, вились черные шарики запекшейся крови.

Друмм! Друмм!

По зеркальной стене скользнула ослепительная фиолетовая молния. Из кают-компания выпал Гурам. Лицо его было в крови, он хватал воздух разбитыми губами.

Друмм! Дррах!

Оранжевая вспышка словно толкнула стюарда в спину. Ноги его заплелись, Гурам оторвался от пола, медленно, по инерции, вынесся в коридор. Под лопаткой у него дымилась ужасная черная дыра. Эдик бесшумно скользнул за блестящую колонну. Было страшно. Было стыдно. Было гадостно. Из кают-компания вышли два пирата в броне. Один топал сзади, держа оба лучевика на изготовку. Другой шествовал впереди. Он нес картину. На ней живо был изображен парусник, волны, просвечивающие зеленым, перышки облаков... Айвазовский.

Эдик медленно вдохнул и выдохнул. И тут в него попали. Синий луч заставил сработать светофильтр. «Повреждений нет» – зажглось на пультике, и смотровая щель вновь открылась для глаз. В дверях каюты стоял кто-то в подростковом скафандре и целился в Иволгина. Он даже догадывался кто.

– Не стреляй, – сказал Эдик тихо и поднял забрало. – Узнала?

– Инспектор?! – воскликнула девочка.

– Тише!

– Я думала... – шепотом начала отрочица и заплакала, почти беззвучно. Пистолет она опустила, плечи ее поникли и затряслись. – Они деда уб... убили-и-и...

Эдик увлек девочку за угол.

– Тебя как звать? – спросил он.

– Лена... – всхлипнула девочка, – Лена Бубликова...

– Еще не вечер, Лена Бубликова...

– Ночь уже! Ночь!

– Не кричи. Пошли.

– А куда? – Девочка нервно вздрогнула. – Тут так страшно... Столько мертвых везде!

Эдик не ответил. Он поднялся по пандусу, держа Лену за руку, и осторожно приоткрыл дверь столовой. Те же столики, те же стулья... Экспресс-обед плавает в воздухе – так его и не открыл никто. В обзорнике висят пиратские боты, капсулы лениво сближаются с ними, подрабатывая маневровыми. Спиридон Почкин полулежал в воздухе, прочно зацепившись за пол магнитными подковками. Руки его были раскинуты, глаза широко открыты. В трех местах фиолетовый китель был прожжен из лучевика и запорошен серым пеплом.

Вася стоял у резервного пульта управления. Он аккуратно распрямлял продовольственный пакет, складывал его пополам, проглаживал, еще раз складывал, еще раз проглаживал... Повернувшись к вошедшим, пилот сказал ровным голосом:

– Он на меня посмотрел, как на пустое место, этот урод. Спросил, кто командир. Палыч говорит: «Я». И тот в него – раз, раз, раз! И ушел...

– Гурама убили, – сказал Эдик. Вася не отреагировал. Он мял пакет, будто снежок из него лепил. По экрану наискосок проплыла, удаляясь, большая капсула. Полыхнули струи из вспомогательных двигателей. Эдик считал секунды. Целую минуту ничего не происходило. Потом на ближайшем боте шевельнулись пакетники, ударили дважды, и боевые посты закрылись. Эдик сглотнул.

– Они сожгли антенны, – сообщил Вася, – а боты забрали с собой. Оба.

Пилот был спокоен, как пятьсот тысяч индейцев.

В чашечных отражателях пиратских ботов ритмично вспыхивала плазма. Постепенно вспышки слились в мерцающее сияние. Ослепительное ярко-фиолетовое пламя захлестнуло экран – каждый пиксел истекал свечением. Когда обзорник снова потемнел, возвращая по одной звезде, эскадры уже не было видно.

– Связь есть? – спросил Эдик.

Вася развернул, разгладил смятый пакет и рассеянно покачал головой:

– Откуда?..

Эдик отобрал у пилота пакет и кивнул на пульт:

– Действуй! Ты же командир.

– Почему я? – вяло удивился пилот.

– Потому что! – четко и раздельно сказал Эдик. – Хватит нюнить! Палыча уже нет! И Гурама нет! И Лешки! А мы есть! Я, ты, Лена, – он показал на девочку, – остальные! Очнись, Васька! Что ты как пришибленный? Займись делом! Кроме тебя ведь больше некому! Надо срочно тормозить, иначе или врежемся, или улетим черт-те куда! Сможешь посадить корабль на аварийных? Смотри, вроде астероид 2-й величины прямо по курсу! До Цереры нам не дотянуть, а до этого... ого! Мегаметр! Рядом совсем! Что это за камень?

Вася сильно потер лицо, решительно загреб волосы и склонился над пультом.

– Моана, – сказал он обычным голосом. – Тэк-с... Один аварийный сдох... Два в норме. Тэк-с... Придется компенсировать асимметрию маневровыми... Черт, их два всего с этого борта! Ладно... – Он приблизил лицо к микрофону, и по кораблю разнеслось: – Внимание! БГ скрылась! Через 15 минут начинаем экстренное торможение! По местам посадочного расписания! Начинаем торможение! Будем садиться на астероид Моана! Пассажирам занять амортизаторы! Пойдем с тройной перегрузкой! Внимание! Через 15 минут...

Громадный корабль был темен и нем. Он тускло блестел с одного борта, освещенный малюсеньким Солнцем, с другого подсвечивали яркий Юпитер и рой бесчисленных звезд. Прямо перед планетолетом чернела Моана, стокилометровый обломок материи, кривым серпом серебрящийся с днев-

ной стороны. Корабль и сам походил на астероид – корма безобразно обкорнана, нос расколошмачен... Казалось, бывший лайнер-транссолнечник недвижно завис в бесконечности мира. Но это только казалось.

Корабль падал. Серо-черным обрубок, полуживым механизмом с полумертвым экипажем, он падал на серо-черное грушевидное, называемое Моаной. И он гасил скорость. Из двух уцелевших цилиндров аварийных двигателей стремительно истекал перегретый водород, невидимый в вакууме. Но было заметно, как в горячем выхлопе колеблется серая в черных пятнах поверхность астероида. Корабль тормозил. Откажи сейчас хоть одна из аварийных ракет, кончись топливо, выйди из строя компьютер – ничто на свете не защитило бы «Солярис». Разобьется, как золотое яичко. Корпус лопнет и сложится в гармошку; облаком ледяных кристаллов вырвется воздух, у людей изо всех пор кровь брызнет и тут же замерзнет...

Но на ИС-5 строили крепко, с запасом. Корабль боролся. Выгадывал лишнюю минуту, лишнюю секунду: давала трещину магистраль – атомарный водород шел по резервной; гас свет – зажигалось аварийное освещение. Пробойны затягивались смолопластом, термопанели переключались на автономный энергоблок, в «сдохшую» СЖО экономными струйками цвиркал жидкий кислород из НЗ.

Моана уже заслонила полкосмоса. На ней проступали неожиданные краски – то желтоватые песчаные конусы про-

явятся, то темно-багровая поверхность скалистых гряд, то матовая чернота углистых хондритов. Горизонт все расходился, а острые пики наплывали с пугающей скоростью.

Из последних сил, с перебоями заработали двигатели ориентации. Корабль медленно развернулся, стал «на попа» и совершил первую в своей жизни посадку, Большой Круглой Печатью завизировав прибытие.

Мерзлые силикаты, похожие на глину, составлявшие поверхность астероида, растерлись в пыль и пар, брызнули во все стороны. Один из ЯРД наткнулся на глыбу, оторвался и запрыгал по реголиту мятой бочкой. Сплющилась и просела вывороченная корма.

Маленькое Солнце бросило короткий свет на тушу корабля и скрылось за скалами. Все затянуло тенями. Наступила двухчасовая ночь.

Глава 20

МАРС, «БОЛЬШОЙ СЫРТ»

К синтезаторной Антон подходил, как странник к святым местам – с трепетом душевным. Здесь для него начиналась Зона Чародейства и Волшебства. С детства сталкиваясь с panotech, он и сейчас относился к ней, как к магии. Нет, ну как так – льешь в синтезатор какую-то сгущенку металлоорганическую, а вынимаешь компьютер... Или суешь в репликатор один проц, а получаешь два. Или четыре. Или восемь... Без пол-литра не разберешься.

Антон постучался и вошел.

– Можно?

В синтезаторной было пусто и тихо. Шторка выходной камеры репликатора была поднята, и оттуда несло холодом. А вот Гошка вел себя как безбожник в храме. Ну, никакого благоговения! Вон майка его сохнет – прямо на синтезаторе развесил. Это надо же, а? На полу, словно забытый багаж, расставлены черные кубы энергосборников, на одном крошки рассыпаны и пластет забыт с кефиром...

Антон щелкнул замками и снял надоевший шлем. Сразу запахло озоном, горячим металлом – типично заводское амбре.

– Эй! – крикнул он. – Есть тут кто?

За штабелем металлоорганов завозились, и сервобот с выведенной на спине четверкой двинулся Антону навстречу, перебирая шестью коленчатыми ногами. Стажер оробел.

– Наноинженер Черняк, – прогундосил кибер, – вышел встречать бота с оборудованием. – Машина тихо покачала тяжелой головой, словно не одобряя подобную легкость в мыслях, и добавила: – Обещал скоро быть. Просил подождать.

Мощные манипуляторы указали налево.

– Он там, – сообщил робот, – в трехстах сорока трех с половиной метрах.

Антон вытянул шею. В трехстах сорока трех с половиной метрах за грязноватым окном блестела финишная площадка, где холмился низкий, словно расплывшийся конус десантного бота типа «Коча».

– Ладно, – пожал плечами Антон, поискал глазами, где бы здесь приткнуться, и уселся на теплый энергосборник. – Подождем.

Низко прожужжал электрокар, послышались пришептывающие, как у кибера, шаги, и в синтезаторную зашел первопоселенец. Антон сразу догадался, что перед ним именно первопоселенец, а не доброволец, не землежитель, не залетный межпланетник – на госте были эти ужасные меховые штаны с курткой, заношенные, изгвазданные и пыльные. Ну кто еще, кроме первопоселенца, будет в таком ходить?

Но все равно этот был хорош – вылитый колонист, какими

их изображают в стереофильмах: суровый, седой, с лицом цвета седельной кожи, высокий и основательный, как валун. Он стал посередине купола, расставив ноги в унтах со свинцовыми подметками, и трубно взревел:

– Эй, есть тут кто живой?

– Я, – выглянул из-за робота Антон, – только...

– Наноинженер Черняк вышел встречать бот... – занудил кибер, вытягивая руки в сторону овального окна.

– Не перебивай! – цыкнул на него Антон. Робот заткнулся. – Тут всем Черняк командует, его хозяйство, – объяснил стажер, – сейчас он придет. А что вы хотели?

Колонист искоса взглянул на него и спросил:

– Тоже сюда, что ли?

– Тоже, – сказал Антон и стыдливо заулыбался. – Запчасти кое-какие размножить надо.

– А-а... – протянул колонист довольно равнодушно. – А у меня – вон...

Он достал помятый, густо исцарапанный бур-мобиль, похожий на пушечное ядро.

– Сломался, зараза! – сказал первопоселенец, опуская механизм на пол. – А я без него, как без рук! Сможет этот ваш Черняк такой вот сварганить?

– Сможет, – авторитетно заявил Родин, – и даже лучше!

– Да не надо мне лучше, – сказал колонист, улыбаясь. – Мне б такой же... А ты сам кем тут числишься? Как зовут-то?

Антон назвался.

– А я, понима-ашь, капустку развожу, – разъяснил суть дела колонист, – с плантацияй я. Георгий Иванович Колманов. Будем знакомы. А бабы у вас есть? – спросил он вдруг.

Антон смешался.

– Есть, – сказал он стеснительно.

Колманов страшно заинтересовался.

– Едрить твою семь-восемь! Девки или кто постарше?

– Девки... Девушки в основном.

– Эт-то хорошо, – обрадованно сказал Колманов, – а то у нас на плантациях с этим делом напряженка. Хоть так посмотреть... – Он крепко подмигнул, захохотал, ахнул Анто-на по плечу и, твердо ступая по пружинящему полу, прошелся до репликатора и вернулся. Постучал носком унта по металлооргаментам, сложенным в штабель. – И что, так вот все из этой фигни и стряпает?

– Ну! – со знанием дела ответил Антон.

– Хороша машинешка... – протянул Колманов с уважени-ем. – А Лиса, значит, – сказал он неожиданно, – с Жилиным спит?

– К-какая лиса? – оторопел Антон.

– Как какая? Машка Лисицына!

– Да кто вам сказал?! – возмутился стажер. – Одна она, с девчонками! У Глеба Петровича невеста есть!

– Это хорошо, – смутился Колманов, – а то люди болтают разное...

Загремела дверь грузового тамбура, и робот сорвался с места, протопотал, жаждуше раздвинув манипуляторы. Сдвигая с себя мягкий гермошлем, в купол ввалился огромный Гоша Черняк.

– Я вас приветствую! – радостно сказал он и заторопил кибера: – Там два контейнера, занесешь их!

Блестя великолепными зубами, явил себя Габа Оле-Сенду.

– Георгий! – воскликнул он, пропуская робота. – Ты где столько шлялся? Я тебя еще вчера ждал!

– Да-а... – махнул рукой Колманов. – Весь день рыбозмею гонял, понима-ашь...

– Ну, это надо... Привет, Антон! Как жизнь? Яэль тебя еще не соблазнила?

– Нет, – буркнул Родин. К Габе он относился с симпатией... и с опаской. Хороший мужик штурман, простой и надежный. Но как сказанет что-нибудь...

– А микробур для чего? – заинтересовался Габа. – Что ты им ковырять собрался?

– А это не для меня, – охотно ответил Колманов, – это дочкин. Натаха-то моя на планетолога выучилась! Да-а!..

– И что кончала?

– Универ Лунный. Вот, вернулась в пенаты. Воду ищет, озера подледные...

– Так она на плантациях или на Базе? – дознавался Габа.

– Со мной она. Что ей в городе делать? Люди сюда на

шахты летели, за длинным рублем гнались. Что им та капуста, хоть она и фиолетова? Едрить твою семь-восемь... Тут же все на дейтерии держалось! Поначалу так вообще Центральную базу хотели в долине Маринер организовать – там и станция уже наша стояла и все... А потом, когда здесь под лавой прорву тяжелой воды сыскали, то быстро передумали. Ну, так еще бы, иметь такое сокровище под самым боком... – Колманов протяжно вздохнул. – Куда все только подевалось?..

– А вы? – спросил Антон.

– Я? – Колманов странно улыбнулся. – Я, браток, как-то вот прикипел к Марсу. Да-а... Весь я тут. Казалось бы, ну что здесь можно любить? Сверху пыль, снизу лед. А вот по-ди ж ты... Опять-таки внук держит. – Колманов улыбнулся радостно и умилительно. – Поросенок... Ну куда я от него?..

– Простите, – обратился к нему Гоша. – У вас заказ?

– Да, – подхватился первопоселенец и побурел. Оглянулся на Антона. – Я вот за ним.

Тощий и нескладный Родин смущенно хмыкнул и распрямил узкие плечи. Сказал с достоинством:

– Мы тут вчера заказ делали... На нейроблоки. И еще нам нужно... – Он нервно порылся в нагрудном кармане и с облегчением выудил листок пласт-папира. – Актюаторы нужны, штук десять хотя бы. Вот тут Глеб Петрович записал... – Антон протянул листок Гоше. – Тут и характеристики и все...

– Ага... Ага... – покивал Черняк понимающе. – Сделаем. Блочки еще с вечера лежат, можешь забирать. А мускулюсы я сейчас организую. Часика через два готовы будут.

– А раньше никак? – с надеждой спросил Антон. – А то мне на смену...

Черняк развел руками.

– Технология... – виновато сказал он. – Давай завтра с утра? Подойдешь?

– Ладно, – кивнул Антон, – что ж делать...

Он сгреб нейроблоки (в упаковке они походили на брикетки пломбира), вышел и аккуратно закрыл за собой дверь.

Антон ополоснул лицо холодной водой и, вытираясь, подошел к большому круглому иллюминатору. Раньше отсюда стройку и не рассмотришь, только пыль видно было да клубы пара. Сполохи по ночам. А теперь над котлованом проглядывал остов колоссального сетчатого купола – он весь курился дымами и сыпал искрами, взблескивал, сверкал, пускал импульсы...

Завод рос и в высоту, и в ширину, и в длину. Цеховые группы зародышей – базовых, дополнительных, сырьевых, ремонтных – успели опознаться и вязались в системные массивы, а громадная сеть эмбриофоров атмосферогенного комплекса была еще шустрее и уже разворачивалась в дистилляторы, в кислородные обогатители, вообще во что-то непонятное, но, видать, до зарезу нужное.

Вокруг модуль-блоков копошились киберсистемы, что-то встраивая, протягивая, сваривая, укрепляя, выглаживая, распыляя... В лучах осветителей взлетали красные клубы дыма, ныряя в тень и снова выныривая. Обжигали зрачок добела раскаленные края купола на свайных подпорках, а за ним проглядывало что-то кубическое, из белого и красного пластолита, и тоже громадное, как космический ангар.

Антон сладко потянулся, выдохнул, и его мысли приняли новое течение. «Жаль только, – подумал он, вспоминая, как прошла ночная смена, – что автоном-комплект оказался Яэли велик. Она в нем была... как это у Вуазена? „В свитере ты, будто в теле чужом, на десять размеров больше...“ Фигурка у нее – слов нет».

Антон покусал кожицу на губе, соображая, вышел в коридор и постучался к девчонкам.

– Да, да! – нежными колокольчиками прозвенели три голосочка. – Ворвитесь!

Антон заглянул в модуль. Естественно, все трое наводили красоту. Гунилла сидела перед зеркалом, а Яэль укладывала ей волосы. Маша пристроилась рядом и, заглядывая в зеркало, чем-то мазалась.

– Привет, Антошечка! – прощепетала Гунилла. Яэль послала ему воздушный поцелуй, а Маша подвинулась, освобождая место.

– Присаживайся, – улыбнулась она, – в ногах правды нет. Справься со смущением, Антон осторожно присел рядом.

– Все красятся и красятся... – пробурчал он. – Вы хоть ели?

– Нет, Антошечка! – обернулась Гунилла.

– Не вертись, – сказала Яэль и повернула ее голову к зеркалу. – Никто нас не покормит...

– Кому мы нужны... – вздохнула Маша.

– Сейчас принесу, – проворчал Антон и с сожалением поднялся. – Капусту будете?

– Будем, Антошечка!

Антон зашел к себе, быстро подогрел кастрюльку с тушеной фиолетовой капустой и понес ее голодающим. Розовые, разваристые ломтики пахли бесподобно. Трудно было с чем-то сравнить. Да и вкус ничего не напоминал – пока сам не попробуешь, не разберешь.

Антон боком вошел в «девичий отсек» и поставил яство на выдвинутый столик. Девушки, пока его не было, успели и скатерку постелить, и приодеться, и развернуть универсальные стойки из кроватей в диван и пару кресел.

– Как пахнет!.. – протянула Гунилла, подлещиваясь. – Антошечка, я твоя! Ай! Вот противная какая! Антон, скажи Яэли, чтоб не щипалась!

– А чего это он твой? – агрессивно вопрошала Яэль, прижимаясь к Антону. – Он меня больше любит! Да, Антон?

– Ой, да ну вас. – Антон затеплил щеками. – Болтаете, что попало...

– Обожаю, когда он краснеет!..

Девушки, смеясь и перешучиваясь, сели за стол и усадили между собой стажера Родина.

– А что это за мужчина приезжал с мастером? – любопытствовала Яэль. – Тоже большой такой и выправка чувствуется... Никто не знает?

– Это Колманов, – сказал Антон, сосредоточенно накалывая вилкой аппетитный кусочек. – Георгий... по-моему, Иваныч. Знаю только, что мастер хочет, чтобы он... ну, от нас в Совете был... короче, от всех, кто в Проекте.

– Ну, сам бы и был... Чего он?

– А оно ему надо? – фыркнула Маша.

– Правда что... На нем и так все держится.

– А Колманов этот знаете чего к мастеру подъезжал? На плантациях рыбозмеи завелись. Здоровые! Полметра в обхвате! Одного так цапнула – весь бок выдрала!

– Ужас какой-то!

– Кошмар!

– Мастер хочет сафари на «рыбок» устроить...

– Он сказал – «биозачистку»!

– Конечно, надо!

– Я сейчас ночью буду бояться выйти...

– Антошечка, а это ты кому оставил? А ну, доешь быстро!

– Гуниллочка, не лезет уже!

– Ну хоть половинку!

За чаем «свинцовая мерзость жизни» осела в душе, как мусть. Все плохое, тревожащее осталось где-то там, дале-

ко-далеко, на задворках станции. Значение имели только молодость и красота и те радости, кои из этих данностей проистекали.

– А вы слышали, – сказала Гунилла, помешивая ложечкой, – у Марины днюха была... э-э... день рождения то есть, И мастер ей перстенок подарил – древнющий! – византийский еще. Ему тыща лет! Даже больше!

Лицо Яэль дрогнуло.

– Слышали, – ровным голосом сказала она.

– Нет, какой мужчина! – закатила глаза Гунилла. – Красавец! Рыцарь! Джентльмен! Да захоти он только, девки к нему в очередь выстроятся! Чур, я первая!

– Господи, что у тебя за язык? Не заставляй Антона за тебя краснеть!

Гунилла залилась смехом.

– Антон, – спросила Маша, сосредоточенно и нахмуренно осматривая ухоженные ноготки, – а Виджай думает что-нибудь?..

– Хм... Я так понял, что он-то уже готов. Это Ленка что-то там крутит...

– Захомувала парня, а теперь...

– Правильно, правильно! Нечего!

– А иначе с ними нельзя!

– Антон, а ты еще не женился?

– Еще чего...

– А кто тебе больше всех нравится?

Антон демонстративно застонал и возвел очи горе.

– Я знаю, – значительно сказала Маша, – ему наша Яэль нравится!

– Я тоже Антона люблю. – Яэль обняла покрасневшего стажера и умильно заглянула ему в глаза. – Сильно-сильно!

– Дождетесь... – мрачно сказал Антон. – Вот подавлюсь чаем, будете знать...

От бесславной гибели его спас Габа. Он возник в дверях, как реклама зубных нанопаст, и воскликнул:

– Ага, вот ты где! Я-то думал, он дрыхнет давно, а он тут расселся! Гоните его, девчонки! А то, смотри ты, присоседился! Эстет!

– Не обижай моего Антошечку! – вступилась Гунилла.

– Ох, ты подумаешь! – легко рассмеялся Габа. – «Моего» уже! Быстро вы его окружили! Антон, не поддавайся!

Из коридора донеслись громкие голоса, и в дверь заглянул Гупта.

– Привет, девушки! – замаслился Виджай улыбкой. Антону он рассеянно кивнул, как человек семейный.

– Здравствуйте! – церемонно ответили девушки.

– А ты когда спать собираешься? – спросил Габа у Антона, глаз не спуская с Гуниллы, покрасневшей отчего-то.

– Да не буду я уже спать! Тем более спорамин выпил... Днем отосплюсь,

Антон встал, остро чувствуя позыв к действию. Решительному. Сердце забилося, как пойманное. Откажет. Откажет!

– Яэль... – сказал он чужим голосом. – Пойдем погуляем, может?..

– Пойдем! – обрадовалась Яэль. – Я сейчас, шлем только найду!

Глава 21

ГОРОД-ПОРТ «БОЛЬШОЙ СЫРТ»

Ровно в 7.00 Сегундо перевел себя из низкорежимного состояния ожидания в режим «нормальная тревожная готовность». 0,0246 секунды заняла утренняя процедура стандартной диагностики. Все системы УРМа работали нормально. Тут же сработал блок эмоций, и Сегундо ощутил удовлетворение – настолько, насколько смогли это чувство алгоритмизировать конструкторы. Через 0,234 секунды блок памяти выдал последнюю кристаллозапись: Антон Родин, стажер, просил его рассказать о Титане. Стажеру было интересно. Сегундо ведь не из простых роботов, он киберразведчик, скибр. Сегундо – практически единственный сателлит из СКР «Сварог», кто остался не разрушенным после высадки на Экваториальный материк Титана в 2048 году. Он да еще робот-матка. Крохотные, тусклые визирь Сегундо такое выдывали...

Видеозаписи моментально прокрутились в псевдомозгу скибра.

...Медленно опадают дождевые капли – серебристые шарики с детский кулачок, – они переливаются, отражая робота-матку, еще двух сателлитов киберсистемы, и взрывают

зыбкий углеводородный снег, розоватый, с желтоватым отливом. Позади робота-матки громоздятся красноватые восковые льдины с черными прожилками асфальта, а на переднем плане плюхаются пологие волны метаново-этанового океана, кумачового, тяжело парящего, у горизонта густо-багрового, как свекольник, абсолютно безжизненного. А над океаном, в оранжево-буром, затянутом рдяными облаками, выстуженном небе висит мутно-желтый размытый серп Сатурна и бледно-голубая Рея...

Покинув свой бокс в пустующем коттедже главного кибер-инженера (мастер предпочитал обитать на станции «Соам», поближе к месту работы), Сегундо вышел на улицу, примыкавшую к Голубому парку. Парк был разбит на склоне вала кратера, Южного Вала, как его называли первопоселенцы, и заслонял своей пышной синью даже пятиэтажные жилые блоки на Окружной и Главной.

Народу в парковой зоне было немного – оптические рецепторы Сегундо насчитали двоих мужчин, трех женщин и одного ребенка дошкольного возраста. Потом людей стало на одного больше – из калитки дома номер 12 вышел Фелиппе Гереро, директор системы, прописанный вообще-то в 25-м модуле второго блока по улице Главной. Гереро оглянулся, кривя тонкие губы, и пошагал к парку. Сегундо направлялся туда же, ему следовало показаться на станции киберсервиса – что-то сектицепс стал барахлить и левый флексор неприятно похрустывал.

Синие шерстистые ветки под оранжевыми лучами создавали интересные преломления цветов... Вдруг шаркающий впереди Гереро резко остановился, выпрямился и застыл по стойке «смирно». С лица его будто стерли обычное кислое выражение.

– Будет исполнено, Локи! – четко произнес Гереро.

2,005 секунды УРМ перебирал варианты интуитивно-адекватного реагирования на многопараметрную ситуацию.

«Статус – функция содержательного аудиоанализа. Нерешенный синтаксический ряд: БУДЕТ ИСПОЛНЕНО, ЛОКИ. Инициирование блока высших функций. Приоритет входа – экстра. Фильтрование данных – включено. Фильтрование уместности – включено. Эвристические ограничения – отмена». С долей вероятности в 98,745 % Сегундо заключил, что стал свидетелем сообщения «вождя неработающего класса» своему пурпурному слуге, вершителю Гереро, и моментально перевел себя в состояние «автономная боевая готовность». Тут же отпали ограничения базовых программ, а псевдоинтеллект оптимизировался по классу «00». Сегундо сменил набор манипуляторов и под видом сборщика мусора начал следить за директором системы...

Только опытный кибернетист мог бы заметить странности в поведении черного механического уборщика. Его круглые щетки ни разу не обмахнули пыль с ботинок прохожих. Пы-

лесос работал, но вхолостую. Совок в основном чиркал по тротуару, а если и подбирал мусор, то без особого тщания. Робот ленился, откровенно манкируя своими обязанностями. Но никто ничего не замечал: кибер на улице – это как раньше урна. В глаза бросается их отсутствие, да и то не всегда.

Выйдя на угол Строительной и улицы Межпланетников, Сегундо скромно занял место в сторонке, напротив длинной веранды, уставленной столиками. Там, в десяти метрах сорока сантиметрах, сидел Гереро и что-то втолковывал долговязому, носатому парню. Сегундо послал запрос в марсианскую регистратуру и получил справку: Мирон Сартаков. (Кодовый номер такой-то. Номер генной карты такой-то. Родился 1 октября 2053 года. Воспитание: школа-интернат № 1, «Большой Сырт». Учитель: отсутствует. Образование: отсутствует. Профессиональные склонности... Профессиональные показания... Работа: не имел. Клиент ФИ, индекс УМФ-Х 111344.)

Сегундо долго оставался недвижим. Застыв столбиком, он наблюдал: пошевеливал черными рогами локаторов, оттопыривал раковинки акустических рецепторов, зорко обшаривал все кругом визирами. Записывал разговор и одновременно откладывал в памяти все входы и выходы, расположение строений, чтобы лучше ориентироваться – особенно на случай поспешного отступления. И держал в поле зрения оптического рецептора на затылке потенциально опасных инди-

видуумов. Таких было трое. Два индивида, помятых и опухших, шатались по двору на расстоянии приблизительно семнадцати метров, лениво переругиваясь, а третий подпирал стенку тремя метрами ближе и сосал пиво из разгерметизированной посуды.

Сегундо отметил убогость их речи и частое немотивированное употребление энергичных односложных выражений, не несущих конкретной информации. Индивиды не обращали никакого внимания на Сегундо – маялись с похмелья и смоктали «пивасик». В главных рефлексорных цепях киберразведчика возникла и мгновенно распалась причудливая молекулярная связь: а вот Жилин обязательно бы заметил странного робота...

Гереро встал из-за стола, небрежно кивнул вскочившему Мирону, перешел через улицу, раскурил сигаретку (Сегундо зафиксировал присутствие никотина и тетрагидроканнабинола). Директор не торопился, вышагивая со скоростью 4,1 км в час. Скибр распределил оптику: левый рецептор вниз, контроль за тротуаром, правый – на Гереро, задний – обзор тылов. И двинулся параллельно директору системы, имитируя уборку вверенного участка территории. Деталь городского пейзажа: кибердворник, выполняющий стандартную программу...

Гереро кивнул усатенькому малому с зализанными волосами, перебросился парой слов с неряшливым толстяком в замызганном комбинезоне, докурил и вошел в тамбур жило-

го блока, где у него имелся жилой модуль.

На скорости 109 километров в час Сегундо подлетел к служебному входу, разблокировал люк, перепрыгнул комингс и остановился у стационара, управлявшего домашними киберами. Вскрыв порт, через который дежурные кибертехники снимали телеметрию, Сегундо перехватил управление роботом-черепашкой из 25-го и запустил его в режиме генеральной уборки. Кибер с миску величиной и на нее же похожий, выполз из-под откидной кровати, всасывая пыль и моя пол. «Аудио» барахлило, но «видео» шло без помех. Сегундо разглядел стандартный спальный модуль, четыре метра на два, откидную койку, встроенный шкаф, иллюминатор.

Донесся щелчок фиксатора от входной двери, и Сегундо задействовал еще двух, совсем уж маленьких сервороботов – мойщиков стекол. Малыши с чмоканьем полезли на окна в КО – комнате отдыха площадью восемь квадратных метров – и в столовой (на два метра меньшей, чем КО. Не развернуться – стол, стул, окно Линии Доставки), прыская аэрозолем и протирая стеклопласт.

Вошел Гереро. По косвенной информации Сегундо определил, что директор испытывает ярко выраженные отрицательные эмоции. Гереро чего-то очень боялся. Слабея, он прислонился к косяку двери из волокнистого силиколла. Отлепился. Медленно переставляя ноги, вошел в КО и бухнулся на выдвижную кушетку, едва влезавшую между стен. Директор лежал, зарываясь лицом в пружинящую покрывку,

пористую, как губка, и хныкал. Замычал вдруг и кинулся в санблок. Его стошнило. Проурчал автомат унитаза. Вяло ругаясь, Гереро вышел через минуту. Загребая ногами, добрел до стенного бара в КО. Под руку попал пластет с виски «Кинг Джордж Пятый синтетик». Приложил сосок к губам. Заходил кадык, накачивая жгучую жидкость. Ставя биопак на место, Гереро тыльной стороной ладони обтер мокрые губы, икнул и поморщился. Заскулил с панической ноткой в голосе:

– Я не хочу! Зачем?! Зачем мне все это надо?!

Как умирающий лебедь, Гереро прошаркал к Окну Доставки, набрал шифр и прижался лбом к клавишной панели. Скоро над окном вспыхнула зеленая лампочка.

– Заказ выполнен, – сказал автомат приятным женским голосом.

Гереро достал из приемной камеры пухлый продовольственный пакет и переложил его на откидной стол. Опустился на четвереньки, выдвинул нижний ящик стенного шкафа, порылся в нем. Со стоном поднялся, держа за толстый ствол лазерный пистолет с рукояткой из орехового дерева.

Робот-черепашка к этому времени домыл полы в КО и, катаясь на валиках с мягкими зацепами, принялся за уборку в столовой. Гереро повернул к нему усталое лицо с выражением тяжелой притерпелости. Вдруг ни с того ни с сего директор выстрелил в робота, но промахнулся – луч ушел в пол. Со скворчаньем вздулся пластмассовый волдырь и лоп-

нул. Второй луч прошел трудолюбивую машинку, и третий, и четвертый – все шесть зарядов выпустил Гереро, содрогаясь от наслаждения.

Картинка, передаваемая с «черепашки», пропала, и Сегундо переключился на мойщиков. Изменился ракурс – теперь фигура директора была видна не снизу, с пола, а от окна. Изображение шло паршивенькое – то ли оптика расфокусировалась у роботят, то ли объективы были заляпаны. А директору явно полегчало – ушла обморочная слабость, движения обрели нервную легкость и порывистость. Длинно вздохнув, Гереро подхватил какой-то маленький контейнер и пошел к дверям. Еду он забыл на столе. Крошечная прихожая – двоим не развернуться – из столовой было плохо видно, но щелчок фиксатора Сегундо расслышал, а потом автоматика отключила все приборы и поставила квартиру на режим «хозяева в отъезде».

Сегундо выскользнул на улицу и перебежал за толстый «сталактит» древолиста. Синяя мохнатая кора пульсировала, обжираясь впитываемой водой, лысый конический вершок согнулся крючком и замедленно шевелился.

Вышел Гереро. Оглянулся настороженно и зашагал – через Вторую Садовую и по Окружной.

Без семи двенадцать директор, скрытливый и ошестиненный, выбрался на берег озера Коцит-1 и опустил свой контейнер на красный песок. И потом минут десять маялся, то прохаживаясь вдоль берега, то приседая на корточки, когда

устанавливали ноги. Ровно в полдень директор откинул крышку контейнера и развернул переносной пульт дальней связи. Настроил стереопроектор и выдвинул антенну. Сетчатый эллипсоид повело вверх и в сторону. Закурлыкал вызов, заиграла блеклая голограмма. Уродливое землистое лицо Локи заняло всю проекцию.

– Восьмой? – В высоком голосе супера проскальзывали льдинки.

– Вершитель третьего разряда Восемь! – вытянулся Гереро, косясь по сторонам.

– Тхакура мы вытащили. Возьмешь на себя Производственную Группу. Временно.

– Будет исполнено!

– Мы прибудем через четыре часа. Действуем по плану «Тьма», но с поправками – техкупол захватит Тхакур, а ты будешь слать мне всех ведущих спецов, вплоть до начальников групп, секторов и отделов... Эй, за тобой «хвост»!

Вынырнув из пота, из очередного наплыва изнурительного страха, Гереро обернулся. Кибер! Директор выхватил лазер. Сегундо порскнул в кусты – луч пережег толстый стебель колючки. Путаясь в траве, Фелиппе Гереро забежал за кусты и выстрелил по убежавшему роботу. Импульсом оторвало пылесос. Сегундо вытянул левый манипулятор, и свет парализующего луча заголубел в паре сантиметров от головы Гереро – у того даже щека занемела. Прицельным выстрелом директор снес роботу-шпиону рог локатора вместе с основа-

нием черепной коробки. Сегундо потерял равновесие, упал и, однообразно жужжа, закрутился в пружинящей траве. Фелиппе подбежал, сжимая пистолет двумя руками, и сделал контрольный выстрел – прожег кибермеханизму голову. Сегундо дернулся и затих.

Через два часа настоящий кибердворник, знакомый Жилину «Сервус», наткнулся на Сегундо и вызвал киберанализаторов. Из ближайшего бокса на Окружной улице примчались два ремонтных кибера, осмотрели Сегундо и связались с роботом-маткой: «Сообщение по внутренней связи. 609 дробь три. Обнаружен частично разрушенный киберразведчик типа УРМ. Модель не установлена. Эффекторный механизм СКР „Сварог“. Название: Сегундо. Род повреждений: разрушение левой черепной коробки и блока эмоций; распад функций. Какие будут указания?»

Робот-матка прикинул степень экономичности, пришел к выводу, что легче заказать новый механизм, чем починить старый, и приказал отправить Сегундо на свалку кибертехники. Ремонтники-самоделкины моментально послали сигнал дежурному грузовому киберу. Его низенькая тележка едва не застряла в упругой «сталистой» траве, приходилось буквально выпрыгивать из цепкой поросли, раскручивая бо-
чонки колес до максимальных скоростей.

Три пары членистых манипуляторов легко подняли сломанного Сегундо и закрепили на платформе. Самоделкины

застрекотали и убежали по вызову, а грузовой кибер «Виллан-ТГ» повез Сегундо «за город», на свалку-джанк.

...Это была ровная площадка между песчаными холмами, в паре километров от порта. На ней аккуратными кучами лежали полуразобранные киберы всех мастей – огромные тяжелые системы «Гелепола», без гусениц, зарывшиеся ленивцами в реголит; маленькие машины-анализаторы, сваленные грудой, – их верхние панели позаносило пылью; облупленные, мятые, с грубо наваренными заплатами роботы-проходчики и экспериментальные роботы-андроиды; целый вал сервороботов, чья яркая пластмасса выцвела под жестким ультрафиолетом и растрескалась. Сверху лежал совсем еще новый робот-черепашка, простреленный в четырех местах.

«Виллан» сбросил Сегундо к раздавленным скибрам, попавшим в том месяце под обвал, и укатил в город. Стало тихо. Даже с близкой дороги, где всегда сопел, жужжал и рокотал транспорт, сегодня не доносилось ни звука. Только ветер навевал пыль и тоску, дуя в облезлые остовы, как в трубу. Кладбище.

Прошло еще три или четыре часа, прежде чем сработал механоинстинкт и Сегундо шевельнулся. Маленькая трехметровая рыбозмея, поселившаяся в гнущем корпусе «Гелепола», моментально притворилась деталью (каждое утро на сочленениях системы выпадал иней – еле гнущаяся рыбозмея с жадностью поглощала его, питая симбионтов, оживала, согревалась под солнцем и упрыгивала на плантации).

Сегундо завозился, перевернулся на спину. Поджал одну ногу, потом вторую. Отжался на манипуляторах и встал. Он почти ничего не помнил. Его псевдоинтеллект был грубо расчленен и рассеян лазерным лучом. От бывшего Сегундо, любившего поболтать об освоении Солнечной системы, остался лишь базовый кристалл, напичканный инстинктами и рефлексами. Кибер затоптался на месте, обозревая уцелевшим визиром свалку. И только через минуту сработала подпрограмма, включавшая саморемонт. Сегундо обошел всех роботов близкого ему типа, занимая запчасти – у одного демонтировал рожок локатора, у другого изъясл сходный по параметрам визир, с третьего снял панель черепной коробки. Пока он чинился, небо заволокло тучами. Приладив локатор, Сегундо послал вызов остальной киберсистеме. Но ни первый, ни второй, ни робот-матка не откликнулись. Сегундо забыл, как под двумя его «братишками»-сателлитами раскололась восковая льдина, а работа-матку размазал азотный грифон. Что-то мелькало, поднималось, полустертое, из блока памяти – мутное кольцо Сатурна в буром небе, красноватые глыбы углеводородного льда, перетирающие овоид работа-матки, жирные волны с «блинами» асфальта...

Потом сработал рефлекс и прошла автодескрипция. Он – скибр. Точка. Он в рейде. Точка.

Сегундо потерял себя. Блок эмоций больше не подавал импульс центру удовольствия в псевдомозге – от возвращения ли хозяина домой, от выполнения ли работы. Блок выс-

ших функций не моделировал больше сознание – возможно, имитацию сознания, но неотличимую по Тьюрингу. Оба блока были прострелены навывлет, и Сегундо выбросил их, прикрыв пустое место выпуклой панелькой.

Голая базовая программа руководила сейчас кибером-инвалидом. Городской интеллеktуал стал деревенским дурачком.

Запустилась стандартная квест-программа. Сегундо отправился в рейд – без цели и определенного задания. Он обошел свалку по спирали, забирая к востоку, к Кордильерам Изиды. Вскорости размеренный стрекот растаял, черная фигурка скрылась за холмами.

Спустилась тишина. Красно-бурые слоистые холмы были ярко освещены Солнцем. В оврагах и кратерах залегли глубокие тени. А в розовом небе быстро неслись буро-красные облака. Начиналась пылевая буря.

Рыбозмея отделилась от корпуса «Гелеполы-3-эмбрио-тект», вытянулась, поводя венчиком усов вокруг пасти, но никаких подозрительных полей не обнаружила. И успокоилась.

Глава 22

1

Даярам Тхакур Сингх злился. Он метался по тесному отсеку бота и давился слюной. Так вот почему-то реагировала его «физика» на сильное раздражение. «Терпенья нет, и хлещет злоба!» – в точности так. И даже не сам провал на «Антенне» бесил Тхакура, не то выводило, что поражение он потерпел от какого-то там афро и капитана в отставке. Какой-то там афро и капитан в отставке продолжали жить – вот что унижало! До корчей, до тошноты...

Пусть бы он даже не казнил их, пусть бы хоть скальп снял, как обещание предать медленной, мучительной смерти – так нет же! Тхакур захрипел, забулькал.

– Чтоб вы все попереходили! – прорычал он и поперхнулся слюной. Шипя, плюясь, откашлялся. Его короткие, толстенькие пальцы с аккуратно остриженными ногтями нетерпеливо гнулись и подергивались, готовые кромсать, терзать, ломать с мокрым хрустом чью-то трепещущую плоть, теплую, исходящую криком... Убивать смакуя. Пытать с выдумкой. Казнить затейливо. Вот кредо Тхакура Сингха, или как это там называется...

Он попробовал успокоиться и закрыл глаза, памятью возвращаясь к последнему году работы на ДТ-комбинате. Ему нравилось быть оператором. Ходить по выработкам в дейтериевом льду, настраивать роботов, чувствовать себя хозяином стационарных киберкомплексов. А его взяли и сократили. За ненадобностью! И потянулись долгие дни и нескончаемые ночи безделья. Каждую пятницу, с восьми до двенадцати, он околачивался в управлении, напрашиваясь хоть на временную работу, а пара его бывших коллег, вовремя перескочивших в кресла администраторов, отводили в сторону глаза, старательно не замечая старшего оператора техмодуля Тхакура Сингха... Вот, блин, где унижение было!

Просыпаешься по привычке рано утром и понимаешь, что идти некуда, разве что в столовую. Бесплатную столовую, где давали бесплатные обеды, завтраки и ужины. Вернее будет сказать – подавали. Как убогому, как неудачнику... Мирон, Федька Косой – те привыкли, даже довольны были такой жизнью, а его она просто бесила. Да и разве это жизнь? Сплошная жрачка... Локи называл это синдромом Че. Говорил, что хорошая заварушка излечит Тхакура и вернет удовлетворение жизнью. И правда, вернула. Он почему-то думал, что убивать будет трудно. Ничего подобного! Когда Локи затеял резню в Порт-Рорисе, Тхакур поначалу даже зарубки на рукоятке бластера делал, а потом бросил – слишком много их было, человеческих тушек, через которые он переступил.

За переборкой, в обитаемом отсеке бота, летят десять исполнителей, все с номерами в пятом разряде. Десять пурпуров, которым Локи переменял сознание – для пущей преданности. Они все с радостью отдадут за шефа свои жизни и с удовольствием отберут чужую. Но даже эти боятся его, Тхакура Сингха. Они жестоки, а он запредельно жесток. Убийство – их ремесло, а для него лишение жизни – целое искусство. Его успокоит и ублаготворит только причинение врагу смерти – продолжительной, через боль и страх.

Ничего... Скоро встретимся, бвана Оле-Сенду и господин капитан. Узнаете, что такое «форсированные методы»! Жилину этому, для разминки, пропишем «хемообработку нервных узлов алкалоидами»... или начнем с иглохирургии. Постепенно доведем до самой глубокой, с проникновением в нервные узелочки... А потом активируем болевые рецепторы!

Тхакур мягко улыбнулся – вспомнилось сопливое детство. Тогда все играли в «роликов» – маленьких, с огурец, микророботов-андроидов. Те и ходить могли, и говорить – противными писклявыми голосочками. Каждый месяц маленький Даярам выклянчивал у родителей то одного «ролика», то сразу двух. Генка Арцыбашев – они жили на одной лестничной площадке – запускал «роликов» в самодельной ракете, Сенька из «Белой башни» отправлял их на игрушечной яхте – исследовать необитаемые острова на пруду, а Даярам строил замок из обрезков пластолита. Хорошие «ролики» за-

пищали крепостные стены, жили во дворце, а плохие гнили в тюрьме. Даярам с особым удовольствием клеил застенки, вделывал решеточки в окна, а в стены – толстые цепочки. К ним приковывали «роликов». Узники ходили взад-вперед, звенели кандалами, пищали – с каждым днем все тише и тише. Непередаваемое ощущение! Потом у них садились батареи – считалось, что «ролики» помирали. Удовольствие, конечно, ниже среднего – настоящая-то смерть всегда безусловна... И вот один раз Даярам стащил «ролика» у соседа по парте. Принес домой и посадил игрушечного человечка в секретную камеру замка. Пытал его паяльником – ох, и писку было! А на другой день казнил. Вбил колышек в сад, привязал к нему «ролика», обложил стружками и поджег. Никакое мороженое, никакой билет на фантомат, пусть даже на взрослый сеанс, не могли сравниться с этой сладостью – властью решать и вязать!

Даярам ласково улыбнулся своим воспоминаниям. Теперь у него будут другие игрушки... Без эмуляции боли и страха. Людям будет действительно больно и по-настоящему страшно. С гарантией. Поглядим, какой ты крутой, Глеб Жилин... Как ты будешь корчиться в поле нейронного активатора! Как будешь выть – до хрипа, до разрыва связок! А на другой день мы тебя казним. Придумаем что-нибудь позатейливей...

Вошел без стука исполнитель – темнющий, как негр, пенджабец. Впрочем, родины у него больше не было.

– Ты когда стучать научишься?! – психанул Тхакур.

Ноль эмоций.

– Докладывает исполнитель пятого разряда Четырнадцать, – твердо и звонко выговорил пенджабец. – Вышли на околосарсианскую орбиту. Вершителя четвертого разряда Шесть просят подготовиться к спуску.

Тхакур молчал, только сопел в две дырки. Вершитель с шестым номером в разряде – это его так титулуют. Наказал его Локи, понизил разряд до четвертого... Спасибо, что хоть вообще высших разрядов не лишил. А то мог бы. Вот захватил бы Шестой Спу, пробился бы во вторые! А то бы и в первые попал...

– Кто поведет штурмовиков? – процедил он. – Известно уже?

– Вершитель четвертого разряда Шесть! – отчеканил Четырнадцатый.

Штурмовой отряд пурпурных на четырех ботах примарсианился прямо на девятисотметровые круги оплавленного базальта, на фундаменты будущих купольных городов – «Изиды», «Теплого Сырта» и «Азоры». Три исполинскими конфорками лежали эти «нулевые циклы» в песках, заслоненные техкуполом от города-порта.

Пыль еще не осела, а по трапу самого большого корабля, десантного бота «Водан-2», уже съезжал танк высшей защиты. Из люков трех ботов помельче выпрыгивали исполнители (в боекостюмах они походили на андроидов) и занимали

круговую оборону. В амбразурах боевых постов шевелились пакетные лазеры.

– Полный боезапас! – железным голосом говорил Тхакур. – На танк – Одиннадцатого и Девятого. Штурмовые десятки – за мной!

Исполнители в броне развернулись и потопали к шлюзам техкупола. Тхакур чувствовал растущее возбуждение – будь у него щит, он бы грыз его, распаяя себя, как берсерк. Сладостный миг мести близок, он идет на приступ, и горе побежденным!

– Раздраить шлюз!

Подрагивая, разъехались массивные ворота. Тхакур глянул в открывшийся тамбур – огромное помещение, длинное и широкое, и неожиданно почувствовал дурноту. Словно кто наступил на его могилу. Запах прошел. Опять внутри сосущая пустота. Черная дыра, которую не напитаешь никакой кровью. Расширя зрачки, смотрел Шестой на исцарапанные гусеницами плитки пола, на пурпуров, втягивающихся в гулкий тамбур, и волок мысли, что все зря, все – ошибка и бредни шефа о «медленной цивилизации» – это именно бредни, маниловщина пополам с подростковыми комплексами! Евразия не потерпит, чтобы ее марсианскую базу захпала какая-то там вшивая Лига, и вышлет флот! Стоп-стоп-стоп... А «Большой Сырт» в залоге? На манер «живого щита»? А боты? А шеф, «покоряющий и убивающий силою своего духа»?! Тут уж как карты лягут!

– Задраить шлюз, – пробурчал Тхакур. Пока он шлюзовался, пока водил по стыкам течеискателем, «псих» прошел. Тхакур Сингх присел, дожидаясь, пока давление поднимется до нормального. Вернулся мыслью к образованию «черной дыры». А если это не нервы, не секундная слабость? Если противное дурнотное состояние наступило именно тогда, когда Локи... ну, скажем, отвлекся и перестал контролировать его сознание? Если вершители для шефа все равно как эффлекторные механизмы для работа-матки?

«Тормози базар», – продрало холодом мозг, и тот же голос послышался в наушниках:

– Действуй строго по плану. Сначала возьмешь под контроль техкупол, потом можешь прогуляться к «Соаму», живодер ты мой...

– Понял, – буркнул Даярам. Исполнители боялись и уважали Тхакура Сингха, а Тхакур Сингх боялся и уважал Локи. Только это была не трусость Гереро, не жалкий, недостойный страх раба перед хозяином-самодуром. К Локи Даярам испытывал нечто вроде опасливого почтения варвара, лицезреющего чужое божество, варвара, признающего низость свою, но не падающего ниц. Хотя тянет, ох тянет согнуть спину и пасть... Сердясь и восхищаясь, Тхакур проводил взглядом Локи – тот ковылял по тамбуру в подростковом скафандре, но в сапогах и шлеме самых больших размеров. Шефа сопровождали четверо исполнителей первого разряда – лейб-гвардейцы, ражие молодцы. Локи среди них, как сухонький

тренер среди гигантов-баскетболистов.

Выход в купол разблокировался. За воротами тянулась все та же металлопластовая полоса, исчерканная гусеницами. Слева выстроился частокол толстых труб, гудевших на все голоса, – кислородные обогатители Регенерационного завода. Справа, словно расплывшееся отражение, смыкали бока круглые башни в два обхвата – мезонаторы энергостанции. Из-за труб обогатителей выскочил оранжевый робот-смотритель. «Ш-ших-х!» – зеленый луч дезинтегратора перечеркнул робота. Покатилась по настилу сплюснутая голова. Шестирукое тулово на гусеницах нелепо завертелось вокруг оси, уткнулось в клацающую трубу и затихло.

– Кто тебя просил стрелять?! – гаркнул Тхакур. Исполнитель с номером «5» на черном боекостюме опустил лучемер. Лицо его, скрытое прозрачным забралом шлема-топхельма, резко побледнело – знал Пятый о наклонностях Тхакура Сингха. С «нарушителями дисциплины» у Шестого разговор короткий... Или длинный – смотря по настроению.

– Строимся цепью! – скомандовал Тхакур. – Разворачиваемся по фронту – четные номера направо, нечетные – налево! Прочесать весь купол!

Исполнители-штурмовики рассыпались, пробираясь между труб, глухо щелкая подошвами по металлопласту. За угловой башней регенератора открылась маленькая треугольная площадь, обсаженная хилыми синими прутиками саксаула. С двух сторон на нее выходила диспетчерская эне-

гостанции и Монтировочная, а замыкала площадь централь управления Регенерационного завода. По левую руку, из-за угла диспетчерской, выглядывал куполок синтезаторной. Трое исполнителей обогнули бочкообразный химреактор, поводя дулами лучеметов. Тусклые блики играли на черной броне их БК, резко выделялись щели между сегментами, округло, как ядра, отливали налокотники и наколенники.

Потом в дверях синтезаторной блеснуло и красный луч дезинтегратора пересекся с Четвертым. Исполнитель подпрыгнул, взмыл с тихим гулом метров на пять, поджигая ноги и вертя головой. Второй импульс разворотил Четвертому энергоранец на спине, повыше ребер радиатора. По площади прокатился гулкий хлопок, исполнителя завертело, как ба-лерину в фуэте, что-то ярко вспыхнуло; поднялось, наливаясь яризной, грибовидное полымя.

– Живьем брать стрелка! – взревел Тхакур. Исполнители бросились к синтезаторной, безостановочно паля от пу-за. Красные и зеленые лучи били вперехлест, бросая краси-вые коричневые отсветы и оставляя блестящие, будто гла-зурованные вмятины на стенах и мостовой. Красный огонь слабел. Еще один удар, еще, совсем слабый... Двое исполни-телей нырнули в синтезаторную и выволокли упирившегося нанотехника в сером комбинезоне. Был он молод – лет два-дцати, не больше. Светлокожий, светловолосый, светлогла-зый. Северная раса.

Тхакур неторопливо достал из-за плеча свой любимый ла-

зер-мегаваттник. Пленный дернулся, но исполнители держали крепко.

– Стрелять, значит, любишь... – протянул Тхакур, небрежно сбрасывая предохранитель. – Я тоже.

Двумя выстрелами он прожег светлomu локтевые суставы. Тонкий поросячий визг, переходящий в хрип, заметался по треугольной площади. Тхакур наклонил ствол и прострелил пленнику колени. Исполнители отпустили жертву. Воя, парень упал, корчась от боли и еще более рассаживая дымящиеся, развороченные суставы.

– Не стреляйте!

Здрав руки вверх, синтезаторную оставил еще один техник – на спине у него значилось «Марс». Тоже доброволец...

– Меня зовут Вожжеватов, – заторопился нанотехник, – Василий Вожжеватов! Я три года в «Лиге» и хочу к вам, в Боевую Группу!

Тхакур хмурo оглядел перебежчика. Такого он не ожидал. Трусливой пассивности большинства – безусловно. Бешеного сопротивления одиночек – само собой. Но такого... «Он не врет, – толкнулось у него в голове, – проверь». Тхакур кивнул, как будто Локи мог его видеть.

– Стрельни этого. – Тхакур Сингх качнул толстым стволом лазера, указывая на пленника, и протянул оружие Вожжеватову. – Только не в голову – в брюхо.

Вожжеватов осторожно принял мегаваттник, облизнул сухие губы, навел трясущееся дуло на лежавшего товарища.

– Пр-редатель... – прохрипел тот, повернув к Вожжеватову свое лицо, залитое слезами и потом. – С-сука...

Вася нажал на спуск – синий вертел лазерного луча про-садил лежащему живот.

– Тут еще один был, – сказал Вожжеватов, искательно за-глядывая Тхакуру в лицо, – Григорий Черняк. Он сбежал. Догнать, может?

– Стой здесь, – буркнул Тхакур, забирая обратно мегаватт-ник. Почему-то Тхакуру казалось раньше, что предатель вы-зовет в нем брезгливость. Ничего подобного. Вон заискивает как, шакал. И ведь приятно, когда тебе зад лизут... Да еще так старательно...

– Хрен вам, а не репликатор! – выкрикнул кто-то, зады-хаясь, и Тхакур вскинул лазерник.

– Это Черняк! – заоглядывался Вожжеватов. – Его голос!

– Хрен вам, а не репликатор!

В синтезаторной грохнуло, сыпануло искрами, и повалил дым. Из густых клубов иноходью выбежал серворобот с чет-веркой на спине.

– Хрен вам, а не репликатор! – выкрикнул кибер, прытко, зигзагами побежал и юркнул за толстую башенку химреак-тора.

– Тхакур, блокируй Регенерационный, – приказал Локи.

– Понял...

– Всю смену загонишь в сауну. Сейчас Гереро очередь...

Если биостанцию с ее агрокуполами и хлорелловыми плантациями можно было назвать чревом системы «Большой Сырт», то технический купол был ее сердцем, ее легкими, ее почками, печенью и так далее – отсюда в купольные города поступали кислород, вода и энергия.

Каждые пять часов в техкуполе сменялось 250 человек – кибернетистов, инженеров-контролеров, операторов. Смену из города-порта и из Соацеры подвозили электробусами, по подземным магистральным туннелям, выплавленным в базальтах на глубине двадцать метров. Электробусы шли строго по расписанию, люди выходили на остановке «Техкупол» и спешили на работу.

Тридцать лет подряд по этим человеческим приливам и отливам можно было часы сверять. Люди собирались потихоньку, холостые – в общежитиях, семейные – в отдельных модулях. Заказывали по Линии Доставки комплексные обеды, спешили на остановку, ехали минут пять от порта или минут десять от Соацеры, обмениваясь по дороге информацией или просто травя анекдоты, выходили, принимали дежурство, работали... И ничто, никакие великие потрясения и переустройства не могли нарушить этот заведенный порядок. Потому как и шохо, и хомо, и работникам, и неработающим – всем одинаково надо было дышать, пить и греться.

Директор системы Гереро первым внес сбой в этот отлаженный механизм. И началось все не в длинных блоках общежитий на Главной, и не в жилых модулях дома-города под куполом Соацеры, а в маленьких трехкомнатных коттеджах за Голубым парком, где селились ведущие специалисты системы. Ровно за час до смены закурьлыкали видеофоны у старшего планетолога и план-энергетика, у начальника ракетодрома и коменданта города-порта. Чуть ли не сотня руководящих работников Сырта, вплоть до начальника социального сектора и заведующего детской колонией, нажали клавишу приема, и вершитель третьего разряда Восемь объявил, что спецрейсом с Земли на Сырт прибыл генеральный инспектор МУКСа Халид ибн аль-Йазид и созывает производственное совещание в ЦПУ техкупола. Явка строго обязательна.

Выключая видеофоны, начальство ругалось, сердилось, недоумевало, пожимало плечами, вздыхало, кряхтело, но слезало-таки с диванов, покидало кресла перед СВ, натягивало комбинезоны и, объясняя женам или подругам, почему оно не успевает «пообедать по-человечески» (или сбежать в распределитель за хлебом, или сходить повидать любимую тещу), шло на остановку, доезжало до техкупола, поднималось по пандусу в ЦПУ...

Поднимались начальнички и знать не знали, ведать не ведали, какие впереди их ждут испытания, чья воля, чужая и недобрая, изготовилась уестествить их, подминая и под-

меня личности. Превращая людей – хороших и с порчиной, зануд и компанейских, храбрых и малодушных, умниц и недалеких, безнадежно влюбленных и счастливых в браке, мечтателей и скучных – в рабов-исполнителей, беззаветно преданных «пурпурному делу, идеалам технологической контрреволюции и лично Локи»...

Первым вызвали спецуполномоченного по проекту «Марс» Йенсена. В огромном зале ЦПУ Ларс Юльевич увидел непривычную картину – у протянувшихся вдоль стен панелей с рабочими экранами и мнемографиками сидел только один человек. Сверхчеловек. Локи – точно такой, как на стереокартинке в «Вокруг света». Страшненький гоблин.

– Я не гоблин, – взял его мысль Локи, – и не упырь. Не будьте мистиком.

– Что вы хотите? – спросил Йенсен с хрипотцой в голосе.

– Того, чего хочу я, – раздельно сказал Локи, – вам не понять.

– Это почему же? – Йенсен постарался расправить худые плечи и втянуть животик.

– Недостанет маленьких серых клеточек...

Локи смотрел на Йенсена не мигая, словно в гляделки играл. Ларс Юлиус вдруг пошатнулся, лицо его разгладилось и потеряло всякое выражение.

– Твое имя? – резко спросил Локи.

– Исполнитель восьмого разряда Один! – представился

спецуполномоченный.

– Ступай в библиотеку-лабораторию и жди там.

– Слушаюсь!

– Следующий!

Следующим оказался старший инженер регенерационного завода Масуо Симода, коротышка азиатского типа, с розовой шеей и ровным пробором на гладкой круглой голове.

– Успокойся, – сказал ему Локи, – никто не собирается тебя убивать. По плану мне требуются верные и преданные слуги, сначала высшее звено, потом все остальные – я же тоже не машина...

– Тогда лучше убейте! – воскликнул Симода. Волна холодной злости прошла по Масуо, обдала голову. – Я не хочу терять себя!

– Ах, какой надрыв! – сказал Локи без намека на улыбку. – Какие шекспировские страсти! Во-первых, никто тебя не спрашивает, что ты там хочешь. А во-вторых, никуда не денется твое драгоценное «Я», успокойся. Я только заложу в твоем мозгу новую сеть нервных связей, сформирую новую личность, сильно упрощенную копию моей собственной. А старая подчинится ей, мы ее временно вытесним. Любопытный случай полиментализма... Твое имя?

– Исполнитель восьмого разряда Два!

– Подожди в библиотеке-лаборатории... Введите следующего!

Подмена администраторов и инженеров исполнителями восьмого разряда закончилась в три. Руководители высшего и среднего звена по-прежнему сохраняли рафинированность и респект, вот только... Они словно выцвели с лица, утратив склонность к любви, склонность к труду... Хотя так тоже нельзя говорить. Их тела более не подчинялись им. Они все видели, но смотрели, поворачивая за них головы, чужие. Они все слышали, несчастные бестелесные «души», но речи были лишены – их организмами управляли новые личности, нежестко закодированные на живые мозги Валериев Константиновичей, Сергеев Ивановичей, Николаев Евгеньевичей...

...Это было ужасно. Йенсен не чувствовал себя. Совершенно. Ни ног не чуял, ни рук, ничего. Воспринимал зрительные образы, но даже моргнуть не мог. Зато видел мысли подсаженного «эго». Видел не зрением, а как-то иначе – мозгом, что ли? Мысли эти были как туманная скоропись – разноцветные слова накладывались, сливались, вились слабо светящимися строками или тонули в скачущих пятнах, заплывали неясными образами. Заметим, видеть-то он их видел, но не понимал, прочесть не мог. Припомнив свое увлечение психофизикой, Йенсен сосредоточился, пытаясь войти в психодинамический резонанс с подсаженной личностью. Способности к метапсихологическим фокусам у Ларса Юлиуса всегда были ниже среднего, но уж очень сильно возжелал он вернуть власть над «родным» организмом. Навер-

ное, поэтому у спецуполномоченного что-то и началось получаться. Он прочел мысль. Чужую. Примитивную мыслишку: «Поесть бы...» Перепутать Йенсен не мог – сам он о чем угодно думал, только не о еде. Какая еда может быть? Вкус не ощущается, аппетит отсутствует. Даже противной изжоги, и той не чувствуется.

И тут как прорвало – мыслиеобразы, нужные и ненужные сведения, в беспорядке всплывали из чужой памяти. Лежащий Жилин привстает, сжимая обеими руками парализатор. Лицо его одеревенело от напряжения. Синяя вспышка, еще одна. Летит мина-паук... Боевая Группа во всей своей красе: исполнители в черном на левом фланге, вершители в белом – на правом. Локи умноженный. Поют что-то, вдохновенно тараша глаза и растягивая рты... Перепуганные студенты, лаборанты и мэнээсы роют большую яму. Вокруг пурпуры с лучеметами... Оранжевый бульдозер-автомат, зарывающий яму с расстрелянными студентами, лаборантами и мэнээсами... Столб на солнцепеке, к нему проволокой примотан голый человек. Габбар Сингх аккуратно надрезает его кожу, любовно обмазывает медом – часом позже несчастный уже весь облеплен пчелами, осаами, мухами; мед мешается с потом и кровью... Проект «Большая Шахта»: пустынный берег, вулкан на заднем плане. Поперек пляжа – вал черной ноздреватой лавы, окунутый в море. Оттуда идет треск и пар. Инженеро-трансмантийшиков пихают в спину, понуждая перейти лаву. Маленькому, худому, с большими выпуклыми глаза-

ми на узком бледном лице перевалить на ту сторону удастся – только сапоги сгорели, а его грузный коллега проламывает тонкую корочку и погружается в красную вязкую магму по колено и выше... И это была никакая не виртуальная реальность, не спецэффекты эйдетического СВ, не фантоматика, а сугубая правда, сцены из жизни садиста-убийцы.

Заорать от страха? А где она, гортань? Как заставить вибрировать голосовые связки? Какой сигнал послать надпочечникам, чтобы те пустили в кровь адреналин и сердце заколотилось бы, как ненормальное?

«Думай, академик, думай, членкор, профессор, доктор гонорис кауза!.. Память-то тебе оставили... Думай!

Легко сказать... Если он (то есть я? Бред...) попадет под луч парализатора... сеть нейронных связей исполнителя перейдет в нуль-состояние... Должна перейти. А я – настоящий «Я», не этот подменьш, – вновь обременит смертную душу живым трупом (эпиктет наизнанку). Как просто... Где только парализатор взять и чем?»

Первый вошел в павильон подземки и вместе с товарищами по восьмому разряду спустился по эскалатору вниз, на остановку. Тут их ждал сам Локи со свитой.

– Все в курсе, что происходит? – зычно спросил он у толпы руководителей (или у отряда исполнителей?).

– Происходит захват, – скрипучим голосом ответил Седьмой, комендант города-порта, желтолицый, крючконосый, с сальными волосами.

– Правильно, молодец. Садись, «пять», – изволил пошутить Локи. – Ваша задача – собрать заложников в доме-городе, что в Соацере. Места лучше не придумать. Просто прикажете своим подчиненным собраться... ну, там «в помещении 5 по коридору 10 сектора „Восток“ на 13-м ярусе», или где еще. И проконтролируете, чтобы все явились. А потом заблокируете помещение... Все записали свои адреса?

Исполнители подняли руки. На ладони Йенсена стилем было выведено: «5-Север-3-55». Пятый ярус, сектор «Север», третий коридор, модуль 55. Модуль... Скорее уж камера.

– Все в электробус! И попробуйте только не выполнить задание...

Первый сел на пластиковое сиденье у двери, сложил руки на коленях и стал смотреть вперед. Электробус тронулся и набрал скорость. Йенсен сосредоточился. Организм вздрогнул, но не от сквозняка ли? В туннелях подземки так дует... Ларс Юлиус напрягся во второй попытке: поверни голову, чурбан, шевельни ею – влево, вправо, куда-нибудь! Без пользы делу... Хотя бы мигнуть! Веко не шевельнулось, но вот глаза неожиданно поменяли фокус – крохотные мышцы хрусталика переместили взгляд со сходящихся вдали вогнутых стен на поручень. Победа?! А ну, еще раз! Глаза послушно устремили взор в даль, в глубину полукруглого свода. Обратно на прозрачный щит обтекателя. Первый недовольно мотнул головой. Получается!

Йенсен мысленно представил себе правую руку, вспомнил все ощущения – и расслабление бицепса, и натяжение связок, даже почесывание. Потом он разогнул палец. Он! Разогнул! Палец! Если бы вчера ему рассказали, что он испытает гордость и счастье от того только, что шевельнет мизинцем... Н-да.

Нерв за нервом отвоевывал Йенсен свое тело. Брал на контроль одну мышцу за другой, расширяя сферу влияния. Шея. Руки. Ноги. Суматошно билось сердце. С перебоями, не зная, кого слушать, сокращались легкие. Личность спецполномоченного помаленьку подчиняла себе исполнителя с первым номером в восьмом разряде.

«Заметим, – думал Йенсен, с наслаждением ощущая вздрагивающие руки, – мне отдали приказ. Задание у меня такое – заблокировать наших добровольцев в Соацере. Превосходно. Они там и прописаны. Эти сойдут в порту. – Рывком повернув голову, Йенсен оглядел „руководителей-исполнителей“. Глаза разъезжались. – А мне еще минуты две ехать. Потренируемся... Только бы сердце выдержало. Надо сразу идти к ребятам и все рассказать. Нет, не поверят. Вызовут врача, и конец. Хотя – стоп! Клунина не было на совещании! Все равно... Лучше сразу связаться с Жилиным, предупредить. И Локи, и Тхакур – они все маньяки и садисты, вооружены и очень опасны! И Гереро... Решено, звоним Жилину. Попробуем, по крайней мере... Да не „попробуем“, а „попробую“, и не „позвоним“, а „позвоню“! Привыкай, Ларс

Юльевич. Выдавливай из себя исполнителя. По капле...

Дом-город в Соацере не имел собственного названия. Дом-город, и все. Его строители не доверяли куполам, боялись разгерметизации. Тут вам не Земля... Прохудись купол, лопни вдруг, и давление сравняется с марсианским – упадет в сотню раз. И тогда жители купольного города испытают на себе все прелести кессонной болезни – они будут выть и кататься по грунту от дикой боли в костях и мышцах, но недолго. Кровь вскипит и брызнет изо всех пор, кладя предел мучениям и жизни.

Поэтому все дома в городе-порте сделаны герметичными и каждый вестибюль начинается со шлюзовой камеры.

В Соацере сделали еще проще – поставили один общий дом-город, автономный жилищно-промышленный комплекс типа «Пуэбло» на 20 тысяч модулей-квартир. Дом-город по высоте делился на тринадцать ярусов и почти упирался в прозрачный колпак Соацеры. Издали он и впрямь напоминал индейское пуэбло – селение из множества глинобитных и каменных домов, слипшихся, как пельмени, в пирамидальный ком. А еще «АЖПК-П-20» представлялся перевернутой гроздью винограда...

...Йенсен уже миновал границу парковой зоны, окружающей дом-город. Подсаженная личность вела себя смиренно – спецуполномоченный двигался по указанному Локи пути. Крутые купола и цилиндрические башни с полукруглым

навершием, сферы и круглые галереи наплывали на Йенсена инопланетным замком, цитаделью негуманоидов. Впрочем, Ларса Юльевича в этот момент волновало совсем другое – выдюжит ли его сердечно-сосудистая? Машинально поглаживая грудь, спецуполномоченный прошел шлюзы сектора «Север», пересек площадь вестибюля нулевого яруса – круглую, обставленную буфетами-автоматами, кабинками видеофонов, диванчиками, и ступил на ленту эскалатора.

На движущихся ступенях он немного отдохнул – тьма поднималась к глазам, и приближалась, разгораясь, боль в груди. Успеть бы!

По коридору «3» Йенсен брел, шаря рукой по стене. Еще немного... Движущийся пол понес еле стоявшего спецуполномоченного в шаровой вестибюль номер 55. У модуля «5» Ларс Юльевич сошел и постучался. Ему открыли Рита Ивернева и Марина Корелли, о чем-то весело спорящие. Увидев бледного Йенсена с потным, искаженным болью лицом, девушки охнули и подхватили под руки сухонького академика.

– Сделайте мне ментоскопирование! – прохрипел Йенсен, еле справляясь с языком и губами. – Срочно! Самое глубокое!

Марина не спорила, только сначала выудила из шкафчика коробочку с кардиоводителем, а потом уже включила интрапсихическую аппаратуру. Замерцали дублирующие экраны, звонко защелкал ментоскоп. Рита вызвала из соседнего модуля замороженного Руслана, и тот помог ей довести Йенсена

до стендового кресла.

– А зачем это? – удивился Алишеров.

– Потом, потом...

Марина наскоро опустила на голову спецуполномоченно-му здоровую полусферу телетактора, похожую на парикмахерский автомат, и бережно, аккуратно нацепила своему пациенту на грудь черную шайбу кардиоводителя. Лицо Йенсена стало розоветь.

– Ментоскопирование! – напомнил он, осторожно вздыхая. Но нигде не кольнуло.

– А, да, да... – Марина настроила правый экран. Не понимая или не веря, склонилась к визору. – Тут двойная ментограмма, – растерянно сказала она. Ментоскоп был новый совсем, «Цереброматик-контакт», с очень приличной разрешающей способностью. Неужто испортился? – Я сейчас позову Лаврикова, – решила Марина, – он ментоскопист, пусть посмотрит, что тут сломалось, а то я еще больше испорчу!

– Не надо ни за кем ходить, – сказал спецуполномоченный окрепшим голосом, – техника исправна. Это я неисправен. Локи подсадил в меня копию личности... Да не смотрите вы так на меня, Мариночка! Я совершенно нормален! Обернитесь к экранам и убедитесь! Вон моя ментосхема, видите? Заметим, никакой дисторсии! Локи захватил Сырт!

Развить тему ему помешал шум в холле. Упала вешалка, загремел стул, и в модуль ввалился Гоша Черняк. Был он бледен, выпачкан в саже, а левое плечо у него стягивалось

стерильным эластиком – прямо поверх комбеза. Белое сочилось красным.

– Локи захватил Сырт! – крикнул он. – Все руководство в исполнителей превратил, и они теперь всех сгоняют в заложники! Репликатор я успел сжечь... – Голос его сорвался, и Гоша мучительно заперхал.

– Я тоже исполнитель, – мрачно молвил Йенсен. – Наполовину...

Тихий ангел пролетел с номером в восьмом разряде.

– Но вы же с нами вроде... – просипел Гоша сквозь перханье.

– Знали бы вы, до чего же это трудно – быть с вами! – признался Йенсен. – Кстати, Мариночка, Глеба Петровича я уже предупредил, он все уже знает...

– Ой, как хорошо! – захлопала в ладоши Марина. – Какой же вы молодец, Ларс Юльевич!

– Да ладно... – заскромничал Йенсен и посерьезнел. – Техкупол захвачен Тхакуром Сингхом, там его Боевая Группа. Фелиппе Гереро – тоже человек Локи, он командует Производственной Группой. Эти двое вместе со своим шефом – весь штаб пурпурных...

– Надо уходить, – сделал вывод Руслан.

– И куда? – хмыкнула Рита.

– К Жилину! Мастер знает, что делать! Сейчас, я ребятам звякну... – Руслан пододвинул к себе видеофон и нажал клавишу вызова. На экране высветилась надпись: «Видеосвязь

не работает по техническим причинам». – Отключили!

Гоше что-то послышалось, он подскочил к окну и выглянул.

– Эти уже здесь!

Все подбежали к круглому выпуклому блистеру. От кольцевого парка медленно брела колонна – мужчины, женщины, старые, молодые и совсем еще дети, – весь персонал порта. Исполнители в боекостюмах гнали персонал, как скот, как проданных в рабство, направляя голову колонны, поторапливая отстающих прикладами и пинками.

– Надо было мне вас сразу отсюда вытаскивать, – слабо сказал Йенсен, – а не ментограммы снимать. Да вот... побоялся, что не поверите...

– Мы вами гордимся, – сказала Рита серьезно.

– Уходим! – крикнул Гоша, подхватывая целую связку кислородных баллонов.

– Я вас выведу, – прокряхтел спецуполномоченный и упер руки в подлокотники стенового кресла, собираясь встать.

– Куда, куда? – всполошилась Марина. – Не вставайте! Вы что? Сейчас я...

Врачине активировала парочку роботов медслужбы. Шесть пар гемомеханических рук сцепились наподобие садового кресла, и Руслан с Гошей перенесли спецуполномоченного «на ручки».

– А теперь быстро к лифту! – шевельнул пальцами Ларс Юльевич, указуя верный путь. – Не в вестибюль! К грузовому

му!

Две девушки, два парня и два кибера побежали коридором в Северную башню. С нижних ярусов уже докатывался гул, рождаемый от скученной, гонимой страхом толпы. ТысячENOгий топот и торопливое шарканье, выкрики, приглушенные рыдания, хныканье и причитания. Человеческая каша. И вдруг – девичий взвизг, не издали, не снизу, а в каких-то метрах.

Роботы медслужбы по инерции вынесли Йенсена за угол, затормозили всеми лапами и отпрянули назад. Но спецуполномоченный на один миг окунулся в плотную, ядовитую атмосферу ненависти, ярости, бешенства, отчаяния и страха. За углом, неизвестно как пронумерованный, сопел исполнитель и все пытался овладеть полураздетой девушкой. Рукой в бронированной перчатке он удерживал ревуший и ойкающий «трофей», а другой снимал бронированный гюльффик. Картинка на военную тему была настолько дика и безобразна, что усваивалась отдельностями, не вмещаясь в сознание целокупно. Огромная черная перчатка, сжавшая тонкую ручку. Золотистые шары груди, прыгающие в распах комбинезона. Отложенный в сторону лучемет. Розовые соски на фоне темных ареол. Заплаканное лицо, сморщенное от боли. Только теперь Йенсен узнал Машу Лисицыну.

– Ребята, – тихо сказал он, – бейте по шлему!

Три парализующих луча ударили по головному сегменту бронескафандра, сливаясь в синем блике. Исполнитель кач-

нулся, с грохотом упал на колени и привалился к стене.

– Ай! – вскрикнула Маша, изгибаясь, чтобы не вывихнуть руку – пурпур зажал ее, как в тиски.

– Сейчас, Маша!

Гоша попробовал разжать пальцы перчатки, но те не поддавались.

– Никак не ухватиться... – пропыхтел он.

– Держи! – Руслан протянул Гоше отвертку.

Кое-как Черняк отковырнул кольчатые напалечники, и Маша освободила руку.

– Больно, – пожаловалась она.

– Потерпите, Машенька, – ласково сказал Йенсен. – Шлем при вас?

– Ага, вот он, я его уронила, когда этот... Это пурпуры напали, да?

– Да, Машенька. Быстрее, пойдете!

Маша на ходу заправила левую грудь под жесткий силикет с подкладом, затянула комбинезон и побежала со всеми. Гоша отдал ей свой парализатор, а себе на шею повесил лучемер пурпура. Что с боем взято, то свято!

Забравшись в грузовой лифт, куда свободно можно было вкатить концертный рояль, добровольцы спустились на цокольный ярус, в «подпол» дома-города. Потолки тут были низкими, и с них капало. Влажный, теплый воздух отдавал прелью. Урчал в рабочем режиме утилизатор, шуршали отходы в мусоропроводах, токала капель.

Гоша шел впереди, с лучеметом в одной руке и с фонарем «турист» в другой – голубой луч прыгал по грубым, не заделанным пластмассой стенам, по давно не метенному полу, по трубам, кабелям, волноводам, гофрированным пневмошлангам.

– А теперь куда? – спросил он, поднимая фонарь. – Тут два хода!

– Влево, Гоша. Там должен быть блок Линии Доставки. Попробуем уйти через него...

Все еще наслаждаясь своей победой над исполнителем Один, Йенсен небрежно погасил вялое сопротивление подсаженной личности и подивился себе – убежденный пацифист и непротивленец, он сейчас желал смерти Локи, Тхакуру, Гереро, всей этой пурпурной накипи социума. Надо же...

Глава 23

1

Габа сидел за столиком и нервничал. Если он и сегодня ничего Гунилле не скажет, то... Господи, ну что они копаются?! Не наедятся никак...

Столовая быстро опустела. Ушел афанде. Убежал вечноопаздывающий Лева Соловейчик, на ходу запихивающий в рот пирожок. Укатил Макс – Йенсен назначил его комендантом станции «Соам». Макс сейчас все равно в отпуске – «Бора» на ремонте. Налетала сто астроединиц «коробка», пора отражатель менять. С ней Громько. А Макс-то, а?! Взыграл и взорлил! Морда...

И тут Габа понял, что он просто трусит. Тогда он храбро прошел на камбуз и остановился. Тихо позвал:

– Гунилла...

– Что? – негромко ответила девушка. Чуют они, что ли, в чем им признаваться собираются?

– Я... – Габа мучительно одолевал страхи и несвойственное ему стеснение. – Я влюбился в тебя...

Да он ли это?! Что он бормочет, что выговаривает замертво-вым языком?! Куда делся самоуверенный тип с самой ши-

рокой улыбкой во всем космофлоте? Господи, он даже не думал о восхитительной Гуниллиной фигурке и не помышлял о том, чтобы обжечь мозолистой своей коричневой рукой белую грудь. Да ему достаточно было коснуться руки Гуниллы или волос – и блаженство переполняло его! С горкой! Габу распирало чувство, которое хотелось назвать любовью... но откуда ему знать, что это любовь? С чем это сравнить? Как люди вообще узнают, что они любят? Но подключи его к какому-нибудь «счастьемеру» – и прибор зашкалило бы...

Гунилла положила руки ему на плечи (Габа опочил, воскрес, не поверил, почил снова, ожил, поверил, вознесся в рай и дальше). Улыбнулась. В голубых глазах читался вопрос и ответ, они призывали и отвергали.

– Я тоже... – начала Гунилла, но не смогла договорить. Тонкий, как спичка, синий луч лазера пронзил ее хорошенькую головку. Мозг вскипел. Сознание распалось. Угасла душа.

Габа с первой секунды понял, что произошло, но бежал страшного знания. Это было невозможно! Весь его мир, взлелеянное в мечтаниях будущее рассыпалось в прах. Ему уже никогда не увидать Гуниллу в фате невесты, никогда не волноваться у порога родильного покоя. Никогда!

Габа обнял девушку за плечи. Подхватил падающее тело. Голова Гуниллы бессильно откинулась, сгоревшая прядка открыла маленькую черную дырочку у виска. Горе скрутило штурмана. Он бережно, встав на колени, уложил Гу-

ниллу и только потом обернулся.

У двери тамбура стоял Тхакур Сингх в тускло-сером бое-скафандре. Он покачивал тяжелым длинноствольным лазер-ником и ухмылялся.

– Я же обещал, что отомщу, – промурлыкал он с чувством глубокого удовлетворения.

Габа сжал кулаки. Такое ощущение, что кишки сmerzлись, а все мышцы скомкало от натуги. Мир для него почти пропал. Он видел только Тхакура и хотел только одного – убить этого... эту...

– С-сука!.. – сорвалось с серых губ. Габа прыгнул.

Глава БГ откинулся, выстрелил и палил до тех пор, пока не иссякла батарея. Штурман лежал на полу, скребя пальца-ми стереопластиковые плитки, и смотрел на пурпура. Если бы взгляд мог убивать...

– С-су... – выдохнул Габа. И умер.

2

Случай был интересный. Аварийный робот Фидо стал вдруг позволять себе не роботова. То уйдет со стройплощад-ки и выслеживает рыбозмею среди холмов. То копается на свалке кибертехники, выбирает для себя запчасти и прячет их в разных местах – на черный день.

– Типичная абберация, – заявил Гупта.

– Ерунду не говори! – сердито сказал Антон. – Где ты видишь абберацию?! Он ходит, как пишет! Речь нормальная... Просто он делает то, чего у него и в программе-то нет!

– Может, тогда мотиварный контур из строя вышел? – подал идею Шуйбэнь и помахал ладонью перед оптикой Фидо. Кибер внимательно посмотрел на Лю.

– Да нет, мы все главные рефлекторные цепи прозвонили...

– Это спонтанный рефлекс, – вынес вердикт Жилин. – Сам я с этим еще не встречался, знаю только по статьям в «Вестнике кибернетики». Очень похоже... – Он потер руки, шурша ладонями. – Неосознанное желание... даже, может, не желание, а «софт» хотения...

Зацвирикал радиотелефон. Жилин нетерпеливо ткнул по «пуску». Над плашкой коммуникатора зацвело прыгающее изображение – голова Йенсена. Моложавое, обычно малоподвижное лицо было покрыто потом и подергивалось, словно от могучего напряжения.

– Глеб... – еле выговорил спецуполномоченный.

– Слушаю! Что случилось, Ларс Юльевич?

– Локи захватил Сырт...

– Что?!

Но у Йенсена просто не было сил повторить.

– Дюжина ботов... – сипел он с надсадой. – Занял техкупол... Подмена личности... Всем верхам... Никому не верьте, только Клунину... Еще Ковальского не было... Да... И

мне подсадили... Борюсь... Больно очень... Тхакур Сингх здесь... Габа... гляньте там... Больно...

Изображение пропало. Глеб бросился к краулеру – Антон уже вскочил и выжимал педаль. Моторы взвыли, танкетка встала на дыбы, вращая гусеницами, и хлопнулась на песок перед главным киберинженером. Жилин запрыгнул на ходу и остался стоять, вцепившись в раму.

– Гони!

Антон понесся, не разбирая дороги. Мимо огороженной каверны, где копались роботы-диггеры, в объезд фундамента исполинского купола, под самым носом у желтого песчаного танка, вверх по склону, на пределе двигателей и нервов. У станции Антон затормозил, чуть не врезавшись в хозблок. Но было уже поздно.

Ворвавшись в столовую, Жилин наткнулся на мертвый взгляд Габы. Пахло горелым мясом. Лазерный луч исполо-совал всего штурмана «Боры», удалив жизнь.

– Гуллан-то за что? – всхлипнул Антон.²⁹

Жилин резко обернулся и едва не застонал. У киберкухни, продолжавшей жизнерадостно позванивать и шипеть, лежала Гунилла. Ее миленькое личико было обращено к окну, храня начало незавершенной улыбки. Сорвав со стены аптечку, Жилин опустился перед девушкой на колени и подключил диагност. Поздно! Поздно! Жилина обморозило жалостью. Он погладил Гуниллу по руке, провел пальцами по

²⁹ Гуллан – золотко (швед.).

волосам. Голубые Гуниллины глаза были широко распахнуты, выдавая невысказанное. Полуоткрытые губки застыли... и уже не издадут ни звука. Никогда. Что за проклятое слово...

В столовую вбежал Гирин и будто споткнулся о мертвые взгляды. Он ничего не сказал, только ссутулился – друга не стало, в душе усадка... Минуту в уши билось безмолвие.

– Глеб, – глухо заговорил Максим, – они там, у дальних постов... Пурпуры.

Жилин отвел глаза от Гуниллиного лица и посмотрел на Макса. Гирин был страшен. Не говоря ни слова, Глеб сорвался с места и, пригнувшись, нырнул в люк переходника. Антон кинулся следом.

– У них танк высшей защиты! – догнал их голос Гирина.

– Макс, проскочи по станции! – прокричал Жилин на бегу. – Всех, кого найдешь, гони к заводу! – И проговорил то ли себе, то ли Антону: – Не дай бог еще кого-нибудь ..

Жилин затормозил у двери с табличкой «Арсенал» и рывком приложил руку к детектору. Дверь мгновенно ушла в пазы. Ворвавшись в арсенал, Жилин сгреб в охапку все лучеметы, имевшиеся в наличии, – числом шесть, оглянулся, заметил Виджая, ставшего в проеме, и сунул оружие ему.

– Держи! Антон, помоги!

Жилин выволок из-под стеллажей какой-то ящик с ручками.

– Хватайся!

Антон ухватился. Ящик был тяжеленный.

– Пошли!

– А что это? Батареи?

– Термическая бомба!

Антон кивнул, будто что-то понимал. Он неуклюже бежал, перекосившись от тяжести, страшно боясь оступиться, и подгонял время. Сейчас все, что было и не было, все, что могло бы быть, но не свершилось, потеряло всякое значение. То ужасное, случившееся с Гуниллой и Габой, перевешивало.

Распахивая люки шлюза, Антон даже пожалел, что Тхакур умрет так быстро – в подорванном танке. Пусть бы покорчился! Пусть бы помучился, сволочь пурпурная, повыл бы, попучил бы черные бельма... Убить его мало.

Сгибаясь, стажер и его наставник перебежали под защиту свежего, сувоистого оползня – груды камней, скрепленных, как раствором, мерзлой глиной. Макс и Виджай (куда ж без него!) лежали у самого гребня, осторожно поднимая головы над камнем.

– Тхакур здесь, – сказал Гирин, оглянувшись, – сидится, гад. С ним трое.

– Станцию проверил? – процедил Жилин. Сузив глаза, мастер будто целился в громадный танк типа «Йотун», ворочавшийся в сотне метров от него.

– Везде пусто! Все на смене. Давай пурпуров... – Гирин

красноречиво повел лучеметом, – ...за наших?

– Мы лучше сделаем, – сказал Жилин. Антон верно понял его движение и первым ухватился за бомбу.

– Дай лучше я... – тихо попросил Гирич, и Антон уступил. Облегченно, как он понял со стыдом.

Танк высшей защиты взревел моторами, словно бесясь от ярости, и попер прямо на бункера станции. Угластая, могучая машинища не была боевой. Придуманый, чтобы забрасывать экспедиции в любые места, хоть на меркурианское Горящее Плато, где разведстанция поместилась на островке посреди расплавленного свинца и цинка, «Йотун» всегда вызывал у Антона ассоциацию со слоном или китом, в общем, с чем-то большим и добрым. Но сейчас на «Соам» перло мерзкое чудовище, злобный гигант-йотун из скандинавских саг. Разбрасывая барханы, как корабль разрезает волны, громадный танк ломился с одной целью: напасть и разрушить!

Спереди у него выдвинулось оребренное рыло аннигилятора.

– Глаза! – крикнул Жилин и заслонился рукой.

Умп-ф! – схлопнулся воздух. На секунду вспыхнул и погас прозрачный шлейф – это пучок антипротонов выжег атомы газа, – и ослепительная вспышка залила все вокруг невыносимым светом распада. В пластолитовой стене бункера, стоявшего у танка на дороге, открылась пещера, засверкала белым накалом, запузырилась, пахнула металлокерамическим паром. Остывающее облачко радиоактивного пепла

высеялось на грунт. Танк отъехал и развернулся на месте, веером раскидав грунт и подняв тучу пыли. Торжествующе завывла сирена.

– Пошли! – сказал Жилин. Подхватив бомбу, они с Гириным рванули к «Йотуну».

Антон взял из охапки лучемер, подполз к гребню и высунул шлем меж двух глыб базальта. Мастер и Гирин мчались легко, будто не чужая оттягивающая рука бомбы. Они использовали любую борозду, любой камень, любую тень, чтобы скрыть свое стремительное продвижение.

Была б там военная машина, – высказался Виджай, – они б и шагу не сделали...

– Заткнись, – коротко сформулировал Антон.

Гупта смолк и неуверенно проговорил:

– Сейчас они его...

Антон не ответил. «Йотун» врезался в коридор-переходник, разнес его и остановился. Умп-ф! Фиолетовый пламень, в мгновение ока пожравший штабной купол, высветил каждую щербинку, каждый бугорочек на камнях оползня.

Одним махом, словно и не касаясь брони танка, Жилин взобрался на горбатую крышу, вытянул наверх бомбу, потом помог залезть Максиму. Но, видимо, засевшие в танке пурпуры были слишком увлечены разрушением станции – ничего не замечая, они жали и жали на гашетку аннигилятора, все шире разливая огненное озеро Соам.

Хватаясь за антенное устройство, Глеб с Максимом при-

ладили бомбу между командирской башенкой и выступом кессона. Мастер сунул в гнездо активатор и махнул рукой Гирину – прыгай, мол. И тот махнул – давай вместе тогда. Ладно, сделал жест Жилин. Спрыгнув, они стали отходить, не больно-то и прячась.

– Да быстрее же!.. – не выдержал Виджай. – Что они там плетутся?!

И вдруг могучие турбины танка заглохли. В полной тишине и неподвижности тройной панцирь из термостойкой и радиостойкой пластмассы, прикрывающий «Йотуна», стал опадать, как плохо удавшееся тесто. Приподнятая узкая корма заслонила что-то ослепительно белое, жаркое, плавящее корпус, стекающее на экипаж, груз, механизмы и приборы. «Йотун» заревел, загрохотал, затрясся, как раненый дракон, бешено закрутилась правая гусеница – и опять тишина. Струйки дыма ударили из вытекших иллюминаторов.

– А Тхакур еще жив, сволота поганая! – мстительно сказал Виджай. – На нем же броня!

– Так ему и надо, – пробурчал Антон.

Танк высшей защиты медленно наливался малиновым свечением, оседая в плавящийся песок, исходя паром и смрадом, плющился, проваливался внутрь себя, пока не превратился в лужу жидкого металла, над которым дрожал знойный воздух.

Антон уже не прятался за оползнем. Он стоял во весь рост и смотрел, как раскаленный, зеркального блеска прудок в

стеклянных берегах подергивается серебристыми пятнами, матовеет, затягивается остуженной пленочкой и всплывающими чешуйками шлака. Перевалив оползень, молча прошагал Максим. Быстрыми шагами прошел Жилин.

– Пошли, – сказал он, – быстро. Берем самое необходимое – оружие, лекарства, кислород, воду – и уходим.

– Куда? – тут же встрял Виджай.

– Найдем куда...

Нагрузив краулер, все четверо покинули станцию и ушли под защиту колоссальных конструкций завода – словно в дремучем лесу укрылись. В недостроенной централи управления собралась вся смена. Девушки плакали, жалея Гуниллу и Габу, мужчины хмурились и деловито распределяли походные комбинезоны с мимикридом, в обиходе называемые «хамелеонками». Известие об уничтожении Тхакура все восприняли с вялой радостью – гибель товарищей слишком еще довлела над сознанием, чтобы можно было торжествовать.

Бранкевич выдал Антону безразмерную «хамелеонку», и он отправился ее примерять. Далеко он не стал уходить, зашел в раздевалку и натянул легкий, но плотный камуфляж прямо на скафандр. Попристал, побегал на месте, высоко задирая колени, понагибался, доставая носки, – комбез с мимикридом требовал индивидуальной подгонки. Прошелся взад-вперед, заглянул в душевую. Вздохнул и ладонями разгладил «хамелеонку». Серая ткань сначала надулась пузырями на коленях и локтевых сгибах, сморщилась в поя-

се, но потом стала натягиваться, «запоминать» рост и размер, подстраиваться к фигуре. Порядок. Зато в душе... Полный слом. Паршиво как... Ох как паршиво... Гуниллу жалко до невозможности! Такая милая, хорошая, красивая... была. Свыкнуться с этим... не получается! Вот же, только что, живая и веселая, утром еще просила его доесть, не оставлять еду на тарелке, болтала и мило сплетничала с девчонками... И нет ее! Невозможно... Не-воз-мож-но.

Антон уперся руками в раму иллюминатора и прижал лицо к стеклу. Пустыня... Ветер перевевает темные пеланитовые пески почти до брошенной станции. Сбоку от нее равнина дыбилась черной и блестящей мезой, разбитой на множество каньонов, больших и малых, будто неумело порезанный пирог. В сторону космодрома пустыня постепенно рыжела, пока не собиралась тускло-оранжевыми складками дюн, как плохо разглаженная плиссированная юбка...

Незаметно подошла Яэль, всхлипнула тихонько. Антон обернулся. Бедненькая... Глаза опухли, красные, и ресницы склеились...

– Собрался? – спросила девушка.

Антон кивнул. Обычной своей зажатости рядом с этой красотулей он не почувствовал. Тут такое... Не до комплексов.

– Сейчас открыла свой шкафчик... – колокольчик в голосе Яэль надтреснул, да и серебристость была с туском, – ...смотрю, Гуниллин халатик не повешен, валяется на по-

лу. Отругать надо, думаю, опять побросала все, убежала... А она... Ая...

Лицо Яэли сморщилось, она вцепилась в грязно-серую «хамелеонку» и заплакала. Заревела в голос, прижимаясь к Антону теплым, крепким бедром. Он положил руку на вздрагивающее плечо, погладил узкую спину. Не испытанная отрада холодком пробежала по телу. «Чудышко ты мое», – с каким-то непривычным ощущением подумал Антон. Впервые он почувствовал себя кем-то вроде защитника. Язык сам выговаривал неумелые, корявые слова утешения, а совесть страдала: горе в Антоне уравнивалось удовольствием нечаянной близости. Молодой, здоровый организм требовал действия, любви и не терпел поста и траура.

Яэль оторвалась от его плеча, утерла глаза ладонью.

– Пошли скорее, – пробормотала она, – а то мастер нарушает...

– Он боится воздушного налета, – объяснил Антон.

– Дожили...

– Да уж...

«Какая жизнь полосатая... – подумал Антон. – Вся. Живешь себе, живешь, скачешь по белому, и вдруг – раз! И потянулась угрюмая черная полоса...»

– Всем собраться в централи, – сказал звучатель голосом Жилина. – Иметь при себе оружие, продовольственный пакет, аптечку и аварийный баллон с кислородом. Объявляется военное положение...

Глава 24

Владек Ковальский обычно зла не помнил и отходил быстро. Навешают ему пачек, бывало, ну и что? Дело-то житейское! Проспится – и давай по-новой. Но этот Жилин его унизил. Отделал прямо у Машки на глазах... Владек потрогал смешную гульку стерилизатора на носу и тихо выругался. Ходи теперь как клоун...

Сутки, считай, просидел на защитной станции. Благо боевым системам пора было профилактику делать. Три года не подходил, а тут вдруг вспомнил. Профилактика... Кому он хоть профилактику делал – боевой станции или себе? От курва маць...

Хмуро озираясь, Владек покинул военный объект и через Голубой парк, через скверик, через служебный вход пробрался в управление. Слава те, никого... И на улице пусто. А какой сегодня день?! Да нет, среда была с утра... Сериал, что ли, какой идет? Тихо как...

Ковальский поднялся на второй этаж, где Службе Индивидуальной Безопасности выделили пару комнат, и сразу подошел к регистрирующей машине. Хмыкнул: опять... раз... два... три... четыре туриста загуляли! А, нет, вот сигнал прошел... Откуда? Из Горячего каньона. Конечное! На био-станцию небось катались, на свеженину потянуло! Тунеядцы паршивые...

Ковальский выглянул в окно. Тишина какая-то нехорошая. Неживая. Будто как в том романе, все жители исчезли и город совершенно опустел. Поколебавшись, Владек позвонил Миرونу Сартакову. На экране он с изумлением увидел человека в боекостюме.

– Мирон! Ты, что-ли?!

– Не узнал, начальник? – ухмыльнулся Мирон. – Хочешь совет? По старой дружбе? Мотай из управы, забейся в норку и притворись ма-аленькой мышкой!

Экран погас.

– Какого... – начал Ковальский заворачивать подходящее выражение, но времени закончить ему не дали. За окном заухали выстрелы из плазмоганов, посыпался универсальный строительный пластик, закричала женщина. Владек бросился к иллюминатору и увидел, как на Главную выходят двое в боевых скафандрах. Какой-то парнишка, убегая, разрядил в двойку квантовый пистолет, и двойка тут же ответила – удар из лучемета проделал в парне обугленную дыру.

А по Главной маршировало уже человек десять, парами и четверками, в бронескафандрах, с лучеметами наперевес. «К-какого...» По коридору протопали сапоги, и в рабочую комнату влетел Гоша Черняк, наноинженер из добровольцев Жилина.

– Где вы были?! – завопил он с порога. – Локи захватил Сырт!

– Локи? – спросил Ковальский. – Какой еще Локи?

– Ну, Локи! Психократ этот, главный у пурпуров!

И Гоша Черняк быстро, в двух словах, обрисовал ситуацию. Ковальский перевел взгляд на улицу, где как раз ухнул выстрел, и тупо воззрился на Черняка.

– Да, да! – раздраженно сказал Гоша. – Подсадил... эти... свои псевдоличности всему руководящему составу, а те увели людей в Соацеру – пока в заложники, а потом Локи и их в слуг превратит!

«Ах ты, начальник сраный! – подумал Ковальский. – Вторжение проспал, так тебя и перетак!»

Он резко открыл шкаф, вытащил дезинтегратор «Мьелнир», сунул в заплечный мешок четыре запасные батареи и продпакет.

– Всех? – отрывисто спросил он. – Ко всем подсадил?

– Почти! Кроме Жилина. И Клунина. Насчет биостанции не знаю... Йенсену он тоже подсадил, но Ларс Юлич справился...

– Йенсен?! С подменышем?!

В захват он поверил сразу – вон их сколько по улице шагает, фактов, и какие у них весомые аргументы! Мегаваттные! Но чтобы эта шмакодявка спецуполномоченная, этот дед-морозик задрипанный совладал с Локи...

– Да правда! – возмутился Гоша. – Я сам ментограмму видел – не прикопаешься!

– Верю, верю! – отмахнулся Ковальский, цепляя мягкий гермошлем с полки. – Где все?

– Под мостом. Мы через Линию Доставки шуранули...

– А подземка?

– Глухо! Посты везде.

Ковальский подумал и достал для Гоши лучемет своего помощника. «Пом. нач. СИБ М. Сартакова будем считать уволенным с сего дня. Дата. Подпись».

– Держи! – буркнул Владек. – Батареи в шкафу. Есть во что положить?

Гоша кивнул и осторожно, чтобы не задеть покалеченную руку, снял заплечный мешок.

– Где это тебя? – поинтересовался Ковальский.

– В техкуполе, – небрежно ответил Гоша, – штурм был...

– А-а... Много вас? – прокряхтел Ковальский, выживая аккумуляторный пояс из-под стола.

– Мало. Шестеро. И два кибера – они Йенсена тащат.

– Что с ним?

– Сердце...

С первого этажа донесся грохот пальбы, полилось расплавленное стекло, сухо звеня по пружинистому полу. Гневный выкрик оборвался гулким хлопком.

– Зачищают, гады... – сказал Гоша, сжимая кулаки.

– За мной! – прорычал Ковальский и бросился в соседнюю комнату. Отшвырнув стул, выскользнул в коридор.

Гоша поспешил за ним.

– В туалет! – бросил Ковальский и ринулся к туалетному блоку. – Запри за собой!

Гоша, действуя как автомат, запер. Сказали: «Беги!» – бежит. Сказали: «Стоять!» – стоит... В санблоке вроде никого не было. Ковальский сбил фиксатор и распахнул окно. Вдруг из кабинки выбрался толстенький здоровячок с заплывшими глазками – начальник социального сектора управления, Алексей Дмитриевич. Он поддергивал штаны и затягивал ширинку. Ковальский резко обернулся, вскидывая лучемер. У начальника сработал рефлекс – пухленькие ручки тут же вздернулись к потолку.

– Ч-что это значит? – пробулькал он.

– Твое имя? – резко спросил Гоша.

– Исполнитель восьмого разряда Девяносто восемь, – с достоинством ответил Алексей Дмитриевич.

– Держи его на мушке, Гоша, – сказал Ковальский с отворачиванием. Он отвернулся, перебросил «Мьелнир» на спину и стал привязывать веревку к трубе умывальника.

– Вас же приговорят к уничтожению! – спокойно, с оттенком удивления, сказал Алексей Дмитриевич.

– Пошел в задницу... – буркнул Ковальский, перекидывая веревку на улицу. – Спускаешься вторым, Гоша, я прикрою!

Ковальский просунулся в окно, огляделся и спустился по веревке вниз. Через пару секунд рядом с ним, дую на ладони, стоял Черняк. Начальник социального сектора равнодушно следил за ними из окна. О подоконник шваркнул шальной заряд плазмы, перебив веревку. Не теряя безучастного выражения, Алексей Дмитриевич перегнулся вниз и вторым вы-

стрелом ему разнесло голову. Тяжелым кулем шеф сектора упал на синий курчавый газон.

– Пошли, – процедил Ковальский.

Приседая за кустами марсианской колючки, они пробрались на верх длинного пологого холма. Южный Вал. По нему изгибалась узкая стекломассовая дорога, за дорогой лиловые сады и отсвечивали полупрозрачные плоские крыши коттеджей. Кусты, изгороди решетчато-литопластовые, опять заросли. Белели чистенькие стены. Цвела колючка – красное с синим. Над голубым газоном искрился влагораспылитель.

– Скорее!

Пластолитовая лестница. Ступени бьют сквозь подошвы. Скорее! Все заледенело в Ковальском. А сзади, за Валом, опять выстрелы и топот. Облава! Добирают заложников, дерьмо пурпурное... Пригибаясь, Владек проскочил Окружную, прокрался вдоль насыпи и остановился за углом производственного склада из серой пластмассы. Это длинное низкое здание соседствовало с прозрачным блоком Центральной, откуда шло распределение по Линии Доставки.

– Мы тут вышли, – сказал Гоша, кивая на блок, – и к мосту сразу...

– Бегом! – прошипел Ковальский.

Неслышно прокрались они вдоль насыпи, по глухой дорожке на дне канавы, выглядевшей мелким оврагом, среди сырых, пахнущих ржавым железом зарослей саксаула. Под ногами чавкало.

– Стоп! Присели!

По насыпи пробежали двое в тяжелой боевой броне. На крайнем, прямо посреди нагрудного сегмента, расплзлась черная выеденная клякса – след луча. Жаль, малой мощно-сти...

– Побежали!

Владек и Гоша пересекли канаву и скользнули в пласто-литовый туннель под насыпью.

«Это – Марс?! Это – База?!

Может, я по пьяни в виртуальность отправился, а обратно не вышел? Проспался и забыл, где я?»

Ковальский уже собрался было прошептать: «Компьютер, выход!» – но постеснялся Гошки. Да и какая там, к черту, ВР! Самая что ни на есть реальность, данная нам в ощущение-ниях!

– Сюда? – оглянулся Гоша, крадущийся впереди. – Мост же там!

– Врачей заберем, если они на месте... Ты ж сам сказал: Клунин – наш!

– А-а...

– Вот тебе и «а-а»...

Над склоном, над холмом – круглый купол медпавильо-на. На самом видном месте! Красный крест на белой стене – словно мишень... Последние метры одолели ползком, хоро-шо хоть «синька» не пачкает соком. Хрен она влагу отдаст...

Пропустив в дверь Гошу, Ковальский юркнул сам. На-

встречу пахнуло лекарствами, запахом стерилизации. Обдало сухим кондиционированным воздухом и озоном. У выгнутых стен были расставлены диагностеры, басисто гудел нейтринный микроскоп, лениво мигал огоньком готовности компьютер. Панель и экраны машины занимали полстены. За пультом сидела миниатюрная девушка в тугом белом комбинезончике. Ноги она поставила на дополнительные нейроблоки. Мотнув короткой косой, девушка обернулась. Была она белолица, румяна и мила.

– Гоша! – воскликнула девушка. – Что у тебя с рукой?!

Тут же из-за серебристой ширмы выплыл огромный док Клуни.

– Что... – зарокотало в нем, но Ковальский резко оборвал доктора медицины:

– Некогда, Борисыч! Базу захватили пурпуры, мы за вами!

– Но...

– Некогда, говорю, рассусоливать! Вы русский язык понимаете?! Хватайте самое нужное – и ходу! В городе облава, мы еле вырвались!

В тот же миг иллюминатор вышибло зарядом плазмы. Плавающие осколки пробарабанили по стойкам медкомбайна. Комбайн жалобно зазвенел.

– Лена! – рявкнул Клуни. – Роботоинструменты! И чемоданчик! Мы к Жилину?

– Да! – не колеблясь, сказал Ковальский. – Куда ж еще?..

– Окружают! – крикнул Гоша, глянув в окно и отпрянув.

Лазер прошил иллюминатор фиолетовой ниткой.

– Роботы есть? – крикнул Ковальский.

– Два! – Клунин растопырил два пальца, словно викторию праздновал.

– Наряжайте их в халаты! Шапочки! Одному что-нибудь спереди привяжите – для пуза!

Клунин крякнул, но промолчал. Лена, запихав в мешок пару регенерационных блоков, кинулась обряжать робота-андроида. Привязала надувные подушки, напялила халат и шапочку – вылитый Клунин! Затянула в халатик другого кибера – получилась Лена-2, но оригинал был все ж милее, все ж румяней и белее.

– Все!

– Все? Пусть через аварийный дуют в город! И пригнутся пусть!

Сам Ковальский залег за высоким комингсом и открыл огонь, один раз даже попав, но броню с такой дистанции не прожечь. Вот если бы в упор...

– Роботы пошли!

По лугу, короткими перебежками между шилистыми кустиками, мчались роботы в белых халатах. Две фигуры в боевых костюмах вскочили, побежали киберам наперерез. Третий исполнитель азартно махал им – болел, видать, за своих.

– Бежим! – скомандовал Ковальский. По очереди выпустив всех через главный вход, он молча махнул в сторону моста.

Доктор мчался болидом, встретится на пути дерево – снесет. Лена бежала, прижав локотки. Гоша все время вжимал голову в плечи.

– Скорей! Скорей!

Растопырились стальные заросли марсианского саксаула. Крутой склон с «синькой». Они скатились в канаву, со всхлипом дыша – как только не убились. Запах «синьки» был густым и горьким.

– Не отставайте!

Ковальский нырнул под арку небольшого мостика, и Лена испуганно ойкнула – у опоры, сидя на корточках, жались к стене добровольцы. Марина Корелли с двумя роботами медслужбы, бережно несущими Йенсена; Коля Дроздов, баскетбольного роста атлетический хомбре из команды СИБ; меднолицый и черноволосый Руслан Алишеров, Рита Ивернева... и Маша. Ковальский обрадовался, тут же застыдился, без перехода обозлился и угрюмо нахохлился.

Завидя шефа, Коля привстал. Шеф буркнул слово приветствия и нагнулся к маленькой дверце в стене. Он приложил ладонь к отпечатку пятерни, и дверца распахнулась – толстая, как у сейфа.

– Заходите, заходите!

Девушки юркнули, слегка пригнув головы, Руслан прогнал роботов с виновато улыбающимся Йенсеном, Дроздов и Черняк согнулись в три погибели. Ковальский влез последним. Выглянул, внимательно осмотрелся – чисто. И притя-

нул за собой дверь. Трижды щелкнул блокиратор. Под толчком подземного хода, сухого и теплого, зажглась светопанель.

– Сначала я думал через мусоропровод уйти, – заговорил Йенсен, – и в подземку. Можно было бы транспортером воспользоваться, что от «дэтушки» проложен... э-э... от ДТ-комбината. И уйти в шахты. Там армию можно спрятать, не то что нас...

Комбинезон на Йенсене был расстегнут до пояса. На бледной груди, около сердца, мигал огоньком в такт пульсу диск кардиоводителя.

– Помолчите, – строго сказала Марина. – Хотите еще один инфаркт?

– Все, Мариночка, молчу...

– Пошли, – нахмурился Ковальский, – потом будем отдыхать.

Они пошли. Панели над ними зажигались по очереди, словно передавая по эстафете до вторых дверей – тяжелого люка с винтовым запором. Ковальский открутил штурвалчик, откинул люк, и беглецы стали спускаться по узкой винтовой лестнице. Дырчатые ступени просеивали яркий свет откуда-то снизу. Обороты, обороты, обороты... Вниз, вниз, вниз...

Ковальский нечаянно поймал внимательный взгляд Маши и побурел. «Я так перед ней и не извинился...» – посетила его покаянная мысль.

– Тут запасный выход имеется, – громко сказал он, – выйдем у Блэк-Месы!

– Это подземный переход? – поинтересовалась Рита.

– Это система планетарной защиты, – усмехнулся Дроздов.

– Да ты что!

– Я и не знал, что у нас есть такое! – прогудел Клунин.

– Военная тайна...

Дальше были коридор и бункера. Шли долго, срываясь на бег. Уставали – переходили на шаг. Страх подгонял лучше всякого стимулятора.

Все технические помещения боевой станции были пусты, пыли и той не наметешь. Тускло-серый пластик стен, покрытый керамической пленкой пол. Все.

– Подождите минутку...

Ковальский разблокировал боевой пост и вошел. Перед огромным стереоэкраном тянулась наклонная дуга пульта.

– Готов к операциям, – прозвучал голос компьютера.

– Начать расконсервацию! – отдал приказ Ковальский.

– Выполняется.

На трехмерном экране появилось изображение – купол города-порта, смутно белеющие дома под прозрачным колпаком, техкупол, блестящие круги фундаментов, заставленные десантными ботами – полусферами, овалами, дисками. Ковальский насчитал девять планетолетов. Десятый как раз садился, одиннадцатый выпускал опоры в вышине, чуть вра-

щаяся на оранжевом выхлопе. Двенадцатый, в форме диско-ида, хищно кружил над купольными городами.

– Перехват!

– Связь? – уточнил комп.

– Да!

– Выполнено.

В динамиках гуднуло, и неожиданно чистый голос произнес:

– Вас вижу, Четырнадцатый. Садитесь на резервном пункте, основной – для Четвертого.

– Вот же... – сказал Клуни и смолк.

– Вас понял, – забубнил пилот, – сажусь на резервном.

– Третий!

– Третий слушает.

– Третий, отставить посадку! Приказ шефа – уничтожить станцию «Соам» (девушки вскрикнули). Об исполнении доложить.

– Вас понял.

На экране было видно, как диск описал дугу разворота и пронесся на юго-восток. Ругаясь почему зря, Ковальский закликал клавишами.

– Станцию «Соам» на экран!

Изображение мигнуло. Пески из оранжевых стали черными. Вдалеке заблестели спичечные коробки и половинки теннисных мячей, соединенные сигаретами туннелей – станция «Соам». За холмами раскинулся металлический «кон-

структор» стройки, а с северо-запада заходила в атаку «пудреница» бота.

– Нет! – вскрикнула Марина и зажала рукой рот.

Маша и Рита одинаковым жестом прикрыли щеки ладонями. Из «пудреницы» ударил оранжевый заряд плазмы. Совершенно беззвучно он пронзил главный купол, и тот разлетелся серыми скорлупками.

– Да что же они делают! – простонала Лена. Гоша тяжело сопел. Рита отвернулась от экрана, спрятала лицо на груди у Руслана и тихонько заплакала. А пудреница все кружила и кружила, прыскала и прыскала оранжевым. Спалив последний бункер, бот выжег туннели-переходники – от жара галереи раздувались, лопались и опадали. Описав вираж, будто для того, чтобы полюбоваться местом преступления, бот улетел.

– Расконсервация завершена, – доложил комп.

– Боевым системам, – глухо приказал Ковальский, – атака дискоида.

– Выполняется.

У подножия черной столовой горы выросли холмы. Расстрескивались, осыпались многими кубами грунта. Тяжелые люки отворили свой зев и выпустили жало – запорошенную песком полусферу системы лазерного огня «Искра». Она поднималась на круглой решетчатой мачте. Полушарие повернулось в сторону блестящей площадки бота, и ослепительная прямая рассекла планетолет. Аппарат лопнул, выбрасы-

вая дымные струи, развалился надвое. Еще пара импульсов добила машину. Так опытный стрелок, желая покрасоваться, разбивает подброшенную бутылку – сначала пополам, потом горлышко и доньшко.

– Там был человек, – робко заметила Лена, – пилот...

– Там был нелюдь, – тяжело сказал Ковальский и скомандовал: – Малым перехватчикам – взлет!

В двух местах со стен Блэк-Месы осыпался камень, блистнули ворота, и две стремительные машины, ведущая и ведомая, выпуская острые крылышки, ушли по дуге в небо.

– Первый, первый, – зачастило в эфире, – третий сбит! Первый?!

– Вас понял.

– Что ты понял?! Третий сбит!

– Не ори, не дома... Четырнадцатому и Шестому! У черных скал обнаружена военная станция! Подавить немедленно!

– Там же ничего не было! Я сам проверял!

– Плохо проверял, значит. Ты давай делай!

Пара дисков на экране, сверкнув вздутиями блистеров, взмыла и перекособочилась на вираже.

– Мотайте отсюда! – велел Ковальский, кладя пальцы на «пульт. – Дальше по коридору – лифт!

– А ты?! – не выдержала Маша.

– Я догоню! – сказал Ковальский, чувствуя, как по жилочкам расходится тепло, будто от хорошей порции коньяка. –

Да не копайтесь вы! – И скомандовал: – Боевым системам и перехватчикам – атака дисков!

– Выполняется...

Два раза мигнул верхний свет, два раза выстрелила лазерная пушка. С одного бота сбило обтекатель боевой установки. Змеясь бледно-синими рядами, корабль потянул обратно – летел он неровно, сваливаясь на ребро. А второй планетолет успел подставить днище. Зеркало отражателя отбило лазерный луч, а плазменная пушка расстреляла малый перехватчик. Горящие обломки продолжили полет, рассыпаясь огненным веером. Ведомый пробился. С носа перехватчика, словно выглаженная молния, сорвался заряд плазмы. Фотонный бот, заходивший на посадку, попытался уклониться и добавил тяги. Опасно раскачиваясь в прецессии, стал уходить вверх. Поздно. Плазма оттяпала планетарные с левого борта. Ложась набок, десантный бот начал падать. Аварийные двигатели не дали кораблю разбиться и посадили на грунт, но это был его последний финиш. Перехватчик развернулся, ловя следующую цель, и тут на нем скрестились лазеры уже севших ботов. Лучи располовинили МП, порезали на дольки, испарили все до последнего кусочка.

Ковальский, обливаясь потом, ударил по клавише «Огонь» и ринулся с боевого поста. Он бежал по длинному коридору и мысленно обрывал лепестки: успею – не успею – сожгут – уцелею... Сзади загрохотало, опалило жаром – трещали волосы, комбинезон жег спину. Выжав все из гудя-

щих мышц и трещавших связок, Владек влетел в открытый люк. В глазах было темно, он замечал бледные пятна лиц, искаженных криком, но ни слышать, ни говорить не мог. Навалившись на люк, он захлопнул его, чьи-то руки закрутили штурвал, а через четверть секунды в толстую дверь ударил убийственный гром.

– Лифт! – прорезался голос у Ковальского. Он задохнулся.

– Спускается! – крикнул Гоша.

Люк хлестнул теплом, крышка быстро наливалась темно-красным светом, словно дверца раскопчегаренной топки, и выдувалась пузырем, расплзлась трещинами... Открылась кабина бронированного лифта. Невыносимо долгое мгновение Ковальский ожидал звона лопнувшего люка и волны металлокерамического кипятка... Сжавшись со всеми в тесной кабине, он каждым нервом, каждой клеткой торопил задвигающиеся двери... Лифт пошел вверх.

Спотыкаясь, Ковальский вывалился из кабины и махнул рукой: идите, мол, я догоню. Он все предусмотрел и взял с собою. Все, кроме шлема. Где-то тут должен быть аварийный щит... Ковальский оторвал красную дверку и снял с крюка шлем. Нацепил. Достал кислородный баллон – одинарный, ну и хрен с ним... Привычным движением вставил баллон в захват-клапан. Башенку лифта тряхнуло. «Лопнул!» – подумал Ковальский.

– Не стойте! – крикнул он. – Бегите!

Внешний люк занесло пылью, его едва открыли. И вышли в ущелье, скорее даже в расщелину, зигзагом расколовшую мезу. Клекочущий свист зависшего бота слышался глухо, как спор у соседей через стенку – интонация понятна, а вот слов не разобрать. Клекот перебивался звенящим воем плазмы. И что там уже было жечь?

Ковальский пошел впереди и вывел маленький отряд в Прямой каньон – наезженную дорогу к станции «Соам». И куда теперь? На пепелище?

– Пойдем к стройке, – решил он, – а там видно будет...

С ним никто не спорил. Гуськом, друг за дружкой – женщины и Йенсен в середине – беглецы зашагали по пустыне. Они часто оглядывались назад, но ничего, кроме густого белого дыма за Блэк-Месой, не увидели. Еще одно дымное полотнище клонилось над станцией «Соам». Бывшей станцией...

А над всем этим – оранжево-красный купол неба, по которому с бешеной скоростью скользят пятнистые багровые тучи. Внизу было не лучше. По пустыне стремительно неслись туманные струи мельчайшей рыжей пыли, горизонт затянуло мутной красноватой дымкой. Пылевая буря.

Ковальский до того устал, что его уже ничто не пугало и ничто не трогало, даже прильнувшая на миг Маша и то, как она погладила его по рукаву. По крайней мере его простили... Это грело. А прочее... Заметят их с воздуха?.. Да, плохо им будет... Ничего, авось не заметят... Но пробивалась и

гордость. Вот они сбили? Сбили – кувыркался так, что сердце радовалось. Еще один навернулся? Навернулся. Какие ж они беженцы? Они – отряд!

До стройплощадки «отряд» еле доплелся. Ковальский никогда еще не был здесь, и лес трехсотметровых колонн, шахт вертикальных и горизонтальных, ряды и ряды стандартных атмосферогенных агрегатов произвели на него сильное впечатление. В дебрях исполинских вышек, переплетавшихся в вышине мостами, галереями, платформами, Ковальский почувствовал защищенность – хоть сверху не видно...

– О, жизнь моя... – прокряхтел Клунин, плюхаясь на приступочку рядом с необъятным подножием обзорной башни. – Иль ты приснилась мне, зараза? Что делать-то будем?

– Не знаю, – честно признался Ковальский. – А что вы у меня спрашиваете? Что я вам?.. Пойду осмотрюсь...

Он встал, отряхнулся, дожеввал брикет «пищи путешественника». Покривился – что это за путешествие с такой жратвой... Ни в голове, ни в заднице... Сощурившись, Ковальский осмотрелся. Два ряда башен-колонн уходили почти до горизонта, и каждая выше Эйфелевой. Они потрясали. Мало верилось, что это – дело рук, а не процессов какого-нибудь там горообразования.

«Какие дела ворочают! – думал Ковальский, ступая в чайную тень. – Планету благоустраивают! Мир строят! А тут эти... асссины недоделанные, аутло в пурпурных тонах... Ну что ты будешь делать! А и правда, что?..»

Он долго обходил колонну, перелез, энергично шевеля губами, решетчатую ферму и остолбенел: прямо на него шел Глеб Жилин. Целый и невредимый. А вдалеке стояли краулеры вразброс, ходили люди в походных комбинезонах... Живые!

– Привет, – сказал Жилин и протянул руку.

Глава 25

АСТЕРОИД МОАНА

«Солярису» явно повезло, подумал Эдик, глядя в западный сектор панорамного экрана. Прямо за исковерканной аварийной ракетой вставал острый скалистый пик, отливающий синим. Еще бы метр, и было б нам...

В противоположную сторону уходила каменистая равнина. Малюсенькое Солнце накладывало черные тени, отбеливало гребни кратеров, останцы и невысокий эскарп. Справа и слева тянулись серые истрескавшиеся, ошетенные края.

– Вася, – сказал Эдик с чувством, – родина тебя не забудет!

– Ага, чуть борт не пропорол, – покритиковал себя Шлиер-Довейко, но румянец удовольствия на его щеках проступил-таки.

– Пошли, – Эдик пошатнулся и ухватился за поручень, – соберем всех, подумаем, как жить дальше...

Вася серьезно кивнул. Лена вложила свою ладонь Эдику в руку, и они пошли. Было непривычно слышать цоканье магнитных подковок, но без них не ходьба вышла бы, а сплошной эквилибр. На Моане Эдик весил всего 90 граммов – как кулечек с карамельками. Неудобно, конечно, да что ж делать.

По крайней мере можно будет пить из нормальных стаканов и есть из нормальных тарелок... Хм. Было бы что есть... И что пить. И чем дышать. И около чего греться. Как бы не получилось так, что их спасение – лишь короткая отсрочка, продление мучений...

Они прошли по всем палубам, собирая уцелевших. Эдик освобождал пассажиров из амортизационных ящиков, Лена раздавала им серебристые пилюльки адаптогена и витмобилизатора, чтобы «сбить» шок, а Вася освобожденных переодевал в легкие автономкомплекты. Иногда Васе везло. В 24-й каюте пилот помогал шикарной блондинке снимать жесткое полупрозрачное платье. Иногда – не очень. В «люксе» напротив он облачал в АКЛ худосочную дамочку в возрасте.

Только через час обошли всех. Всех – это тридцать душ. Из семидесяти одной, числящихся в регистре!

...Первый день на Моане отложился в памяти Эдика несвязанными друг с другом фрагментами, вырезанными из жизни кусками. Вспоминался лишь какой-то один кадр из стереофильма «Робинзоны астероида», а что ему предшествовало, и что впоследствии затем – неясно. Стерлось.

Подходили члены экипажа и включались в работу. Эдик сперва думал созвать что-нибудь вроде общего собрания, но все получилось и так, как бы само собой. Настя, практикантка Ксения, карго-мастер Кленин, энергетик Пракеш, врач-межпланетник Трофимов, ну и Вася, конечно, незаметно выбрали Эдика капитаном. Они подходили к нему, запра-

шивали ЦУ, он говорил, что делать. Те шли и делали. Когда Эдик опомнился, было уже поздно – машина завертелась, не остановишь. Да и что скажешь? Не хочу-де брать на себя ответственность и нести ее? Это перед Настечкой-то? «Че смеяться?», как Лена говорит...

Пассажиры, кутающиеся в одеяла (экономии батареи автоном-комплектов), выходили из кают и тоже требовали фронта работ – сидеть и ждать было не вмоготу. Эдику эта «инициатива снизу» сильно подняла настроение. Его очень тревожило, как они, тридцать непохожих человек, будут ладить. На корабле, где людям помногу недель просто некуда деться друг от друга, можно запросто подхватить заразную духовную хворь – «острый экспедиционит». Даже самый покладистый озверееет, если день за днем будет нюхать грязные носки товарища. Он начнет подмечать только изъяны соседей и в упор не видеть достоинств. Атмосфера накалится, вспыхнут словесные перепалки, дело дойдет до драк... А на борту «Соляриса» есть чему возгореться. На корабле сошлись тридцать противоположностей. Белые, цветные и краснокожие, представители союзов стран и государств-аутсайдеров, землежители и космониты.

Короче говоря, горючего материала хватало, и Эдику было известно лишь одно средство тушения серьезных «психологических пожаров» – работа.

Минут за пятнадцать он трудоустроил всех желающих. Инженера-агролога отправил в оранжерею, где замерзли

культиваторы с хлореллой и батиэллай, – пусть посмотрит, можно ли что-то еще сделать? Хильдур Йенсен – так звали пожилую даму с несколькими подбородками, высокую и дородную – Иволгин дал в помощь доку Трофимову. Из десятка неработающих и студентов Эдик сколотил бригаду ремонтников, ее возглавил инженер-ассенизатор из Царицына. Полковнику космопехоты Еселеву выпала скорбная функция – требовалось захоронить погибших.

Полковнику в помощь Эдик выделил троих ребят-планетологов с Джей-станции «Каллисто-Центр». Кстати, именно Еселеву довелось первому ступить на грунт Моаны, но никаких домашних заготовок по этому поводу произнесено не было. Полковник вышел и доложил: «Стою на поверхности. Породы – углистые хондриты и силикаты. Скорость убегания – шестьдесят метров в секунду». И все. Недосуг робинзонам космоса пышные фразы разучивать и перед зеркалами репетировать. Им работать надо. И они работали. Не приседа. Шесть раз всходило и заходило Солнце, по БВ была глухая ночь, но робинзоны отгоняли усталость стимуляторами, а сонливость – таблетками спорамина. Некогда было спать! Хорошо, если военная станция на орбите Марса заметила вспышку у Цереры, а если паче чаяния и эмиссионный спектр определила... Может, и с самой Цереры что-то засекали? И сообщили в Межплатранс? В КДК, в ЦКИ, в УКБ... И все там зашевелились и кинулись их спасать... Если засекали. А если нет? А если и засекали даже и поспешили на вы-

ручку, но опоздают? Разве не может такого случиться, что за ними прилетят вечером по среднеземному, а утром энергоблок крякнет и в самых теплых каютах будет минус 180? Или передохнет вся хлорелла с батиэллой, и тогда экипаж задохнется – за полчаса до посадки десантного бота? Да мало ли, что может случиться в пространстве! Тут можно год просидеть и никого не дожидаться! Нет, надо было надеяться только на самих себя и устраиваться основательно и надолго. Робинзонить помаленьку и надеяться. Еще ж не было такого, чтобы планетолет потерпел кораблекрушение, а его экипаж остался в живых. Космос – не море. Тут корабли или летают годами без аварий, или превращаются в радиоактивную тучку. А «Солярис» выбросило на необитаемый астероид... Особенности национальной космонавтики!

Впрочем, об этом как-то не думалось, головы другим были заняты. А когда уработаешься, валишься и спишь. Час или два – насколько совести хватает. Встаешь – и по-новой. Меняешь воду в ванночках с водорослями, отжимаешь эту противную высокобелковую слизь – розовую батиэлловую или хлорелловую, зеленого цвета. Утепляешь борта. Металлизируешь пробоины и трещины, затянутые смолопластом. Делаешь из электронного дерьма – разбитого, полурасплавленного, некомплектного – конфетку в виде передатчика. И чем больше проворачиваешь дел, тем больше работы наваливается – не продохнуть. Автономный энергоблок сохранился лишь один – в медотсеке. Решили свет экономить –

перебрались в каюты на четвертом уровне и отсеклись. Четвертый – это если сверху считать, как положено, но от верха давно и пыли не осталось...

Лампы повключали через одну и вполнакала, температуру снизили до шестнадцати градусов во всех каютах, а в коридоре, кольцом охватывающем центральный ствол, – до плюс девяти. Перетасили со всех ярусов теплые вещи и продукты – запаслись на неделю, не меньше. А вот с водой была напряженка...

* * *

– Сколько здесь? – Эдик постучал костяшками пальцев по водяному баку емкостью три тонны. Таких на корабле было пять.

– Тридцать девять литров, – вздохнула Настя, – мы уже мерили. Чистая, хорошая вода, но... на тридцать человек... Даже до послезавтра не хватит.

– Ничего, – сказал Эдик жизнеутверждающе, – что-нибудь придумаем!

Он обвел глазами холодный камбуз. Здесь ничем «таким» не пахло. Киберкухня, белковый синтезатор, окна линии заказов – все растворялось в угрюмых багровых тенях, трепещущих в такт мигавшим красным лампочкам под сводчатым потолком.

– А сауна?

– Там пробоина, – вздохнула Настя. – Всю воду вынесло.

– Как назло все...

– И не говори...

– Надо будет наружу выйти, посмотреть – лед, может, где есть?

– И я!

Эдик противиться не стал – побоялся. Вернее, не захотел портить отношения – вождедение правило им даже при де-вяти тепла...

– Посмотрим, – сказал он дипломатично и покинул кухон-ный отсек.

В коридоре, громко клацая магнитными подковками, к нему подошел Вася.

– Там отказываются работать! – сообщил он. Вид Вася имел восторженный – надо полагать, отказ сопровождался рукоприкладством.

Эдик даже вздохнул с облегчением. Наблюдая, с каким подъемом, в едином порыве работают люди, как проживают они первый день на астероиде, словно большая дружная семья, Иволгин все ждал срыва, памятуя, что редкая фамилия обходится без уroda. И вот дождался. Нарыв созрел.

– Неработающие? – спросил он, отряхивая руки.

– Студенты! Заочники с Весты. С сессии они, что ли...

– А ну, пошли, – воинственно сказал Эдик. – Кленин! Пошли тоже.

«Бунтовщики» занимали четырехместную каюту за ме-

дотсеком. Дверца ее была полуоткрыта, из широкой щели редела музыка, мелькнуло чье-то бледное лицо, несколько голосов вперебой осведомились, кого там еще черт принес, но если с собой прихватил, тогда ладно...

– Заходи! – крикнул одинокий голос.

Эдик зашел и огляделся. В каюте было не продохнуть – табачный дым висел сизыми пластами, не смешиваясь. Двое с маленькими усиками горланили что-то разухабистое, а третий, остролицый и худющий, лихо опрокинув стаканчик, крикнул и, сосредоточенно сопя, полез вилкой в банку термоконсервов.

Посреди каюты стоял длинноносый человек с припухшим лицом. Он назвался Аркадием Ильичом и с ходу начал жаловаться: не жизнь у них, а черт-те что, вечно одно и то же... Опять начальство не досмотрело... не додумало... проморгало... не учло...

Эдик подошел к кристаллофону, надрывавшемуся на запахнутом баре, и вырубил звук.

– Вам что было сказано делать? – резко спросил он.

– Ак-кумуляторы собрать... – пробормотал длинноносый.

– Так чего вы ждете? – с напором продолжал Эдик.

– Эй, – прогундел один из певцов и рыгнул, – а ну, быстро включил музон!

– Заткнись, – бросил Эдик, не оборачиваясь. – Вот что, хулиганы-тунеядцы, или вы работаете, как все, или – вон скафандры и марш отсюда! Вас тут никто не держит! Наверху

целый ярус свободный – там вас никто не будет напрягать!

– Привыкли, что за них все дядя делает! – пробасил Кленин и шагнул в каюту. – А насвинячили. . .

Кленин, брезгливо морщась и бормоча что-то неласковое, отсчитал четыре автоном-комплекта и бросил на маленький столик перед полукруглой тахтой, где неуверенно покачивалась парочка певчих.

– Натё, вот! Тебя подождать? – спросил он Эдика.

– Да нет, чего тут двоим делать?

Кленин вышел и образовалось много свободного места.

– А если я не захочу «марш отсюда»? – лениво протянул остролицый, явно нарываясь. Иволгин поднял взгляд. Осмелели!

– Вытолкаю, – раздельно сказал он. – Дам пинка под чад, и люк заблокирую, чтоб не воняло.

Гопкомпания обступила Иволгина. Аркадий Ильич, издевательски улыбаясь, поднял автономкомплект, покачал в руке и небрежно бросил на загаженный пол – АКЛ опускался медленно, как под водой. Эдик спокойно, будто так и надо, поднял скафандр и небрежно бросил обратно на столик. Затем резко обернулся и уложил длинноносого ударом лянцян – костяшками пальцев в кадык. Аркадий Ильич еще падал, когда Эдик саданул локтями по ребрам парочке выпивох, и тут же врезал остролицему – банальным приемом «кулаком в морду». Положив руку на карман с кобурой, Иволгин сказал с нажимом:

– Одевайтесь! Работа не ждет.

Первым собрался длинноносый Аркадий Ильич. Боль отпустила его, он натужно сглатывал и тер слезящиеся глаза.

– Я пойду, конечно, – сипло прошептал он, – но я тебе еще это припомню!

Нахлобучив на голову шлем, Аркадий Ильич выскочил в коридор. Трое его однокурсников, злобно и растерянно поглядывая на Эдика, облачились и вышли за Аркадием Ильичом. Походка их была нетвердой.

– Все о'кей, кэп? – заглянул в каюту Кленин.

– Нормально, – молвил Эдик. – Собирайся. Пойдем лед поищем.

– О'кей...

За льдом Настя не пошла – осталась помогать Ксене ухаживать за ранеными. Да и все равно пустолазных скафандров не хватило бы. Всего их насчитывалось шесть штук. Четыре были отданы полковнику Еселеву и троим планетологам-божедомам: они рыли неглубокие могилы и вырезали лазером надгробия или грубые кресты. Оставалась пара «Вээсок» и иволгинский БК.

Третьим «на разведку» напросился Вася. Его взяли. И поручили нести алюминиевые лопаты.

Выходили через малую шлюзовую. Внешний люк открывался лишь до половины, но пролезть можно было свободно.

Поверхность Моаны ничем особенным не поражала – по-

хоже было на «родной» Фобос, только в светлых тонах. Солнце быстро всходило над близким горизонтом, тени укорачивались, уступая место неяркому сиянию. Росли световые пятна, вытягивались в полосы, смыкались в серо-жемчужное поле. Грунт под ногами напоминал глину, она серебрилась колючим пушком инея и медленно тускнела «на солнцепеке», но реденький парок зрением даже не угадывался.

– Вот, суки, – сказал Кленин со злостью, – смотри, чего понаделали!

Эдик обернулся, вознесясь на метр и медленно, как на дно, опустившись. «Солярис» стоял косо, но прочно, походя на старинную бочку из-под солярки, забытую на мерзлых камнях антарктического пляжа. Такую же битую, мятую, в рваных дырах. Нос корабля отсутствовал, напрочь отхваченный, – под звездами жалко сверкали размороженные трубы, корячился лонжерон с остатком гнутой обшивки, стыковочный узел крепко обжимал андрогинны посадочного модуля. С андрогинов свисал остаток аварийного бота – кессон, раскрившийся нелепым цветком.

Центральная часть лайнера была относительно цела, решетчатый аутригер, несущий сигару аварийного двигателя, торчал вбок, тверд и прям. Отброшенный в стороны реактивными струями песок образовал под АЯРД что-то вроде неглубокой котловины, увенчанной осыпающимися барханами.

Зато корма... В гармошку, в лепешку, всмятку. Титановая

броня вывернута, шипастыми булавами торчат ручейки застывшего металла. Керамит, и тот расплескался. Еще бы... Разрушить отражатель при включенном двигателе! Кабы не гасительная камера, весь корабль превратился бы в мгновенную вспышку.

– Кто знает, как с лазером работать? – окликнул разведчиков кто-то из похоронной команды. – Капитан!

– А какая мощность?

– Так... Один и две десятых! Добавить?

– Да нет, хватит. А рассеивание?

– Четыре!

– Поставь лучше «два»!

Край могилы озарился розовыми вспышками лазера.

– Порядок! Пошло!

Эдик самодовольно улыбнулся. Приятно, черт... И никто не вспоминает о Грише Юсупове, о Тхакуре... (Когда он с Настей лазил по гидросистеме и ступил на тонкий лед тета-тет, язык сам развязался: срамно-де, не дрался-де с пиратами... Настя удивилась: «Нет, ну ты странный! – сказала она, изящно пятаясь на четвереньках вдоль потерны с коммуникациями. – А что ты мог сделать против целой эскадры? Что, как те польские гусары, лупить сабелькой по „рейнметаллам“?»))

– Где этот лед искать... – донеслось ворчание Кленина, – черт его знает...

– Может, в трещинах? – предположил Вася. – Мы когда

практику на Меркурии проходили, на дне разломов воду всегда искали – ну, там, где вечная тень. Вода, правда, как на Луне – с аммиаком пополам, с метаном... Замучишься потом сапоги чистить. Зайдешь в бункер – а во-они...

– Попробовать можно... Ладно, ищем трещину!

Поисковики отошли от корабля километра на четыре, и Эдик с опаской поглядывал на отвесные черно-рыжие откосы, запоминая форму вершин – не заплутать бы... Впрочем, кислорода хватит на то, чтобы обойти астероид вокруг – Моана в поперечнике едва дотягивала до сотни километров. Идешь, будто кто тебя на помочах ведет. Шаг сделаешь – и минуты три летишь, пока не коснешься грунта. Прыг-скок, и полкилометра одолели.

За кряжем поисковики увидели пильчатый вал кратера. На западе вал исчезал за горизонтом, а на востоке под его обрывами громоздились черные непроницаемые тени. С ними смыкалась широкая черная расселина.

– Давайте я слазаю! – вызвался Вася.

– Давай, – согласился Эдик.

– Держи, – Кленин протянул Васе тросик, – карабин зацепи только.

– Да здесь нестрашно...

– Все равно зацепи...

Эдик с Клениным держали тонкий трос, а Вася спустился на самое дно, узкое, ямистое, запорошенное пылью.

– Пусто! – зачем-то крикнул он, облазив трещину. – Ка-

мень, пыль, щебенка!

– Держись!

Вытащили пилота играючи, Эдик мог бы и сам это сделать одной рукой – местная гравитация позволяла.

– Ищем дальше? – спросил он, сматывая трос.

– А давайте обойдем кратер, посмотрим, что там, с той стороны?

– Пошли!

Эдик повесил на плечо почти невесомый моток и почувствовал вдруг колебание почвы. Или это ножные усиления БК дернулись? Да нет... Опять этот... вздрог.

– Вы ничего не чувствуете? – Он оглянулся и увидел медленно оседающий пылевой столб. Эдик открыл рот, но сказать ничего не успел – в пяти шагах от него ударил вверх фонтан пыли и камешков. Между Васей и Клениным жажнул еще один, повыше. Теперь почва вздрагивала чаще – будто по огромному барабану били и били колотушками, учащая нервный ритм.

– Метеоритный дождь! – заорал Вася и кинулся бежать. Подпрыгнул на высоту третьего этажа и плавно вплыл в мутное облако пыли.

– Стой! – крикнул Кленин. – Куда тебя понесло?!

Невдалеке словно хороший фугас подорвали – пыль, камни и комки реголита поднялись в черное небо серо-бурой тучей, всклубившейся строго вверх. Острые обломки зацокали по броне частой очередью. Тряхнуло так, что Эдик не удержался.

жался и шлепнулся на вытянутые руки – плавно шлепнулся, с оттягом. Бежать?! Куда? А может, как раз надо стоять, чтоб не попало?! Побежишь, тут тебя и пришьет...

– Метеоритная атака! – пробилось в наушниках. Это с корабля. Надо же... Метеоритный локатор проснулся... Раньше не мог...

Эдик стоял, оплывая ужасом и смертным томлением, и гадал – попадет не попадет? Небольшая равнина вся украсилась сеявшимися пышными султанами. Крупный метеорит угодил в вал кратера и проломил его, взметывая кувыркающиеся глыбы, выбрасывая самосвалы мелкой, словно просеянной пыли. Грунт пучило и дырявило, нестройный дробный гул доходил до ушей через ноги. Метрах в пятнадцати грохнулся небесный камень солидных размеров, и взвившийся фонтан пересыпался колючим блеском, замерцал десятками бледных радуг – лед!

Метеоритная атака выдыхалась. Взрывы и взрывчики вспухали все реже, то далеко, то близко – не угадаешь. «Только бы не попало! – молился Эдик. – Только бы мимо!»

Сверкнул последний космический булыжник, слабо ударило по пяткам, но Эдик долго не мог стронуться с места.

– Это был не наш расстрел, ребята, – глухо молвил Кленин и грязно выругался.

– Я уж думал – все, – дрожащим голосом признался Вася, – еще бы и мне полковник яму рыл...

Он громко икнул в эфире.

Солнце закатилось. Наступила двухчасовая моанская ночь.

– Ты лед видел? – спросил Кленин, уходя от страшного.

– Видел, – сказал Эдик. Он прислушался к себе, к своему голосу – испугался он? Сильно? Или не очень?

Медленно, сторожко сошлись трое разведчиков у неглубокого, парящего кратера. Под тонким слоем реголита пряталась линза чистого водяного льда. В свете нашлемных фонарей лед переливался голубым и белым, искрился и взблескивал, как битый хрусталь.

– Во! – поразился Кленин. – Я ж тут проходил! Вон и следы мои! Считай, по льдине гулял, изыскатель хренов!

– Вася! – позвал Эдик и прыгнул – замедленно слетел – в яму. Его ноги ушли в колотый лед. – Сбегай на корабль, сообрази что-нибудь вроде волокуши! А мы пока камни уберем...

– Ладно!

– И лазер прихвати заодно! Он там, в гасительной!

– Понял!

Серебристая фигурка пилота взмыла в черное небо. Болтая ногами, Вася плавно перелетал метров триста, касался поверхности и вновь воспарял. С разбегу перескочив останец, скрылся из глаз.

Кленин, похохатывая, погрузил руки по локоть в ледышки и подбросил их, рассыпая блестками.

– Живем, едрить твою! – закричал он на всю Моану. –

Живем!

Глава 26

ЕВРОПА, ДЖЕЙ-СТАНЦИЯ «МИНОС»

Из космоса Европа глядится шаром ровного розового цвета с бурыми пятнышками, исчерченным узором трещин. Ожидаешь увидеть это же вблизи, с поверхности, а там картинка совсем иная. На все четыре стороны стелется загоризонтный пазл из гигантских ледяных плит. По льдинам зигзагами проходят разломы, тянутся песчаные гребни и голубые впадины; сверкают невысокие холмы, намороженные выбросами конвективных потоков, блестят выемки и откосы, мутнеют пятна коричневого и серого льда, ноздреватые от сублимации.

А в черном небе сияет бурый Юпитер, размытый, огромный – наверное, раз в тридцать больше, чем Луна с Земли. «Джуп» опоясывают желтые и белые взлохмаченные полосы бурь, пересекают наискось черные и зеленые пояса аммиачных облаков. Под желтым светом ломаются на неровном льду густые серые тени. Над горизонтом поднимается красноватый диск Ио, повыше висит пятнистый серп Ганимеда. Красиво.

Флагман Славин, затянутый в черный комбез с серебряными нашивками, стоял у огромного круглого окна на верх-

нем ярусом базы «Минос», дожидаясь, когда ему принесут скафандр, и любовался пейзажами. Он любил четвертый спутник Юпитера Не за виды, а за стабильность и самодостаточность. Европа была единственной планетой в системе, которая не поддавалась искусству изобилия. Европейцы вежливо, но решительно отвергли репликаторы, обесмысливавшие труд простых работяг, – и сохранили целостность своего мирка. Здесь по-прежнему жили, и работали, и учились, и строили около четырехсот человек. И никто тут не маялся дурью от безделья, не делил людей на ваших и наших. И правильно. Пусть на Земле и посмеиваются над «преодоливателями искусственных трудностей», зато тут не плачут!

Флагман давно уже решил поселиться здесь, когда его выгонят из командующих Первой космической эскадрой. В том, что его попрут, Славин не сомневался ни капельки – он уже всем надоел своей солдатской прямоотой. Ну, какому сановному дураку понравятся имена прилагательные типа «безмозглый» или «тупой» перед фамилией? Пока флагмана еще придерживают, но случится когда-нибудь осечка, и вылетит он из обоймы «высокопоставленных». Со свистом.

– Ваш багажный контейнер, – подрулил сзади серворобот – плоская платформочка с блестящим ящиком наверху. – Здесь скафандр с водометом, ампуломет, по три обоймы разрывных игл и бронебойных стрелок...

– Где остальные? – перебил его Славин.

– На нижнем уровне. Ждут вас.

– Все, едем.

Флагман пропустил робота в кабину лифта, вошел сам и нажал сенсор «Ц» – цокольный ярус. Поохотиться на коверного ската – самую крупную тварь, обитающую в европейском океане, – он мечтал уже давно. Его домашний музей украшали челюсть белой акулы, убитой им у Большого Барьерного рифа, и клюв гигантского кальмара, добытого к югу от Бонин. А вот спираложала, как у коверного ската, – увы. Он уже и место для него присмотрел – посреди стены, раскрутив в три оборота...

Лифт открылся на нижнем служебном уровне, и Славин вышел. Робот просеменил следом. Неистребимый запашок тухлых яиц отмечал коридоры и отсеки цоколя – вонял подледный океан. Местные, впрочем, не морщились, привыкли.

Охотники ждали флагмана у кессона – всегда очень спокойный Кузьмичев (он работал подводным монтажником и хорошо знал океан), дьявольски энергичный Олег Смирнов с рудничного комплекса (местные «шахтеры» не добывали руду, они отсасывали воду из гидротермальных источников, богатую минералами), по-крестьянски простодушный Женя Семенов, рабочий с коллективной водорослевой фермы.

– Здравия желаю, господин командующий! – рявкнул Олег.

– Вольно, – заулыбался Славин. – Здоров, мужики!

– Здрав будь, воевода! Привет! Здорово!

Пожав всем руки, Славин облачился в скафандр. В океане

Европы свободный кислород отсутствовал, и земные аква-статы для него не годились. Приходилось «набивать» о-два в обычный сдвоенный баллон.

– Далеко поплывем? – поинтересовался флагман.

– Да нет, не очень, – заговорил Кузьмичев, – мимо пятой фермы, строго на север, не доплавая до станции «Рада-мант», – там у него логово... Давление все проверили? Оружие? Пошли!

По длинному наклонному коридору охотники дотопали до шлюза. Там уже надели ласты и пустили воду. Вода была очень холодная, минус три, и «заправленная» шугой. Славин погрузился с головой и выплыл в океан.

– Нашлемные включить, водометы – малый ход!

Они шли в глубину, огибая ребристые радиаторы на нижних границах базы. В этих местах многокилометровая ледяная оболочка была раковистой, расстрескавшейся, покрытой сульфидной коркой. Вода вокруг черна была и прозрачна. Кузьмичев вел их прямо под ледяным сводом. Под лучом нашлемного фонаря волнистый лед отсвечивал голубым и зеленым. Далеко впереди мерцали огни фермы – два рядка мутных светлячков.

– Водометы – самый полный!

Из сопел на спине забили тугие струи, низкий стон турбинки стал выше. Огонечки впереди струнулись и стали приближаться. Вода была очень чистой, иногда только в ней пробуккивали пузыри метана. Левее в свете фонаря всплывал

бахромчатый бактериальный мат, оторвавшийся от донной колонии, вокруг него висела дымка молекулярной серы.

– Тут глубоко? – спросил Славин.

– Мелко, – послышался голос Кузьмичева, – с километр будет.

– Тут брекчия, – добавил Смирнов, – вся станция в ней, родимой.

– А дальше будут все пятьдесят, – сказал Семенов, – под фермой. Там такие здоровые гидротермы...

– Спускались?

– Да нет... На чем? Автобатискаф посылали...

Ледяной свод наверху плавно всхолмился, опускаясь гладкой перевернутой горкой. За откосом, скребясь о покров, плавал ледяной лом – скопище крупных голубых глыб и мелких обломков. Льдины были гладкие, обсосанные, как леденцы, – теплое течение постаралось.

Показалась ферма – многие десятки решетчатых блоков, покачивавшихся на анкерах-подвесках, вмороженных в лед. С них свисали гигантские светло-серые плети водорослей-хемолитотрофики, до которых восходящие токи доносили сульфиды и аммоний. Меж стометровыми стволами вились сегментные рыбы, а перпендикулярно этим вредителям сельского хозяйства вверх и вниз по ажурным каркасам сновали рабочие-водолазы в ярких оранжевых гидрокостюмах. При свете мощных ламп, пошевеливая лапами, они подрезали зрелые листья, рассаживали крупные белые споры, об-

дирали со стволов морские репы или чинили сборки – бордовые сварочные огни подсвечивали красным прозрачные бесцветные растения. Из-за крайней секции вынырнул скутер, влекущий целую копну спелых водорослей. Рабочий на скутере поднял руку, приветствуя охотников.

– А где, ты говорил, логово у ската? – спросил Смирнов.

– А там расселина такая, – принялся объяснять Кузьмичев, – типа ледяного грота или такой подводной камеры. Снизу подходит теплое вертикальное течение – апвеллинг сильный! Скот там ночевки устраивает – свернется, как свиток, и дрыхнет...

– Флагман Славин! – раздался резкий незнакомый голос. – Вызываем флагмана Славина!

– Флагман слушает, – отозвался командующий и тихонько вздохнул – понял, что охота отменяется. Не судьба...

– Сверхсрочный вызов с базы!

– Понял. Сейчас я поднимусь на ферму. Кузьмичев!

– Проводить?

– Если не трудно.

– Ну, ты что...

Всей компанией они поднялись к отверстию широкого колодца во льду, с рифлеными стенами и цепочками ламп, и всплыли под обширный купол кессона. Было довольно тепло, во всяком случае, вода не замерзала. Прыгая на одной ноге, Славин скинул ласты. Оставил на полу баллоны. Шлем снимать не стал.

– Как-нибудь в следующий раз, – неуклюже утешил его Семенов.

– Устроим сафари! – загорелся Кузьмичев. – Настоящее!

– Говорят, под Щитом Ариадны крупные экземпляры водятся, не то что этот!

– Мелочевка, смотреть не на что!

– Коврик для прихожей!

Отсмеявшись и попрощавшись со всеми, командующий эскадрой шагнул в лифт. Со скафандра капало. Славин нажал сенсор «В» и включил обдув. До верхнего яруса он доехал уже сухим. Но не успокоенным. Что-то же случилось в космосе, что-то явно нехорошее... На выходе его встречал верный Петренко, старший офицер-канонир крейсера «Хазри».

– Господин командующий... – начал он.

– Отставить! Что случилось, Костя?

– Пурпурные в пиратство ударились, – негромко сказал Петренко. – Ни более ни менее. Боевая Группа атаковала лайнер «Солярис» и скрылась.

– Локи?

– Он самый.

– Вот, зараза...

Флагман отошел к окну. Взошло Солнце и залило светом ледяную равнину. Базы отсюда не увидеть, но джей-станция «Радамант» лежала как макет – скопление брусочков-балков на сваях, насосная выщечка с красным маячком, мато-

во-ртутные, словно елочные шары, резервуарчики-хранилища. Песчаный реголит весь был изъезжен колесами и истоптан рубчатыми башмаками, ледяное поле космодрома истыкано черными кавернами от выхлопов. Вдалеке блестела зеркальная сфера «Хазри», присевшая на десяток толстых косях колонн с кольцами усиленных опор. Планетарный крейсер, способный вскипятить средних размеров море, выглядел несерьезно – как заблудившийся газгольдер...

– «Солярис» лежал в дрейфе и пропал, – докладывал Петренко. – Связи нет, но и новой вспышки не зарегистрировано. Он или на Церере, или на Моане. Мы к ним ближе всего. Фобос, правда, еще ближе, но там только импульсные, им полмесяца добираться, а на единственном фотоннике меняют отражатель... Как назло, прямо...

– Понятно, – сурово сказал Славин. – Информацию проверили?

– Да, по всем каналам.

Флагман вынул коммуникатор и нажал клавишу вызова. Секундная пауза, и в воздухе сгустилась голограмма старшего пилота Царева – могучая шея, увенчанная головой, заросшей густыми волосами. Носатая веснушчатая физиономия источала полную боевую готовность.

– Всем на борт! – отдал приказ флагман. – Активировать двигательные системы!

– Есть, господин командующий!

– Офицеру-навигатору рассчитать прямую траекторию

«Европа – Церера»!

– Есть!

– Запустить предстартовые программы!

– Есть!

Поохотился, подумал флагман. А, ладно... Спасем «Соларис» – буде найдется, кого спасать, – узнают на Земле, даром или не даром жует свой хлеб космопехота!

Глава 27

МАРС, БОЛЬШОЙ СЫРТ

Гигантские, в десять обхватов, вышки атмосферного завода окружали маленькую квадратную «полянку». Множество мостиков и решетчатых конструкций перекрывало квадрат сверху, рассеивая свет, как в дремучем лесу. Сюда и привел Глеб Жилин всю смену – 16 человек и 208 киберов. А потом на них вышел Ковальский. Сколько было крику, визгу, сколько слез выплакано! Марина как вцепилась в Глеба, так больше и не отпускала – хоть за руку держит, но чтобы рядом был.

Оба отряда перемешались и разбрелись, но далеко не отходили. У колонны шестого дингера устроили Йенсена. Спецуполномоченный что-то интересное рассказывал Леве Соловейчику, Шуйбэню... и кто-то там еще стоял, коренастенький. Намгъял, кажется. С другой стороны громадного кругляка шептались Виджай и Ленусик. Маша Лисицына что-то строго выговаривала понурому Ковальскому – начальник СИБ только вздыхал, длинно и тоскливо. Антон прогуливался под ручку с Яэль, степенно беседея с Гошей, баюкавшим локоть в малом регенерационном блоке. Клунин, всплескивая руками, изрыгал последние известия Максусу и Бранкевичу. Руслан с Ритой по-семейному уединились – сидели ря-

дышком на пустом пластмассовом ящике и молчали, держась за руки. Совместный выезд на природу...

Но умиротворение не мазало душу елеем. Погано было на ней. Паршиво. И обвисал боковой карман под тяжестью урны из платины – в ней смешали пепел Гуниллы и Габы. Невеликий вес, а как пригибает... Забыть не дает.

К Глебу подошел Ковальский и неуверенно остановился.

– Прогадал я Базу, – сказал он.

– Перестань, – проговорил Жилин, следя через просвет в конструкциях за сторожем-разведчиком, присосавшимся к макушке дингера. Снизу робот походил на копеечку. – Все равно уже ничего б ты не успел.

– Ладно, – махнул рукой Ковальский, – что сейчас об этом говорить... Надумал, что делать?

Глеб уловил подтекст: «Ты начальник, я – дурак...»

– А что тут думать? – Глеб пожал плечами. – Уйдем в шахты и выроем себе убежище – надежный тыл прежде всего... А потом уже начнем войну. По своим правилам.

– По каким своим? – полюбопытничал пан Ковальский.

– По другим, – усмехнулся Глеб. – Силы шибко уж асимметричные! Считать умеешь, надеюсь? У них тридцать или сорок бронескафандров, а у нас – ни одного! Шесть лучеметов на всех! Вот и думай... Мы как кучка крестьян с дреколем против тяжелой рыцарской конницы!

– Ну, уж ты скажешь! – Начальнику СИБ не понравилось сравнение. – Видел я их броню – на всех «аргироспиды»,

они устарели давно, их списывать пора!..

– Нам от этого не легче, старые они или новые! На каждом БК – по два наручных фузионника, и любой из них с двадцати пяти метров проделает в тебе такую дыру... Рука пролезет! Плюс лазер в сорок пять мегаватт, он легко пробьет стальную плиту в несколько пальцев толщиной...

– Не пугай, – буркнул Ковальский. – А что за другие правила?

– А вот! – Жилин обвел рукой исполинскую колоннаду вокруг.

– Что – вот? – Ковальский не понимал и начинал сердиться.

– Оружие победы, – усмехнулся Жилин. – Здесь вот, потом на климатической станции, на обеих СВЧ-антеннах. У проекта «Марс» колоссальные мощности!

Подошедший Гирин пробасил:

– Если их боты попадут под излучение А-1 или А-2, то им капец придет. Антенны им всю электронику кончат. В момент!

– Ладно! – согласился Ковальский. – Ну а при чем тут завод? Марс хоть и периферийная планета, но читывали мы проект ваш, читывали! Запусти ты хоть все эти ваши АГК – что это даст? Вверх поперет горячий кислород, вся эта промплощадка станет зоной низкого давления. И образуется циклон. И что? Ну, ветер поднимется – да пусть хоть ураган! Вот ты подумаешь!

– А что ты еще можешь предложить? – спокойно спросил Жилин.

Ковальский промолчал, грызя кожицу на губе.

– У нас просто ничего нет больше, – по-прежнему спокойно сказал Жилин, – только то, что в проекте, – киберы, климатизаторы...

– Я никогда не поверю, – проговорил Гирин, криво усмехаясь, – что капитан Жилин не додумался, как из проекта «Марс» сделать операцию...

– Операцию «Еры»! – хихикнул Ковальский.

– Почему «Еры»? – удивился Гирин, не знакомый со старыми комедиями.

– А чтоб никто не догадался! – ухмыльнулся Владек.

– Договорись у меня... – По губам Жилина пробежала едва заметная улыбка.

Из-за башни, спотыкаясь, выбрался Пимс. Он очень торопился.

– Ну что? – спросил его Жилин.

– Запустили! – энергично сказал Пер сын Олафа сына Бьерна из Гетеборга. – Четвертый базовый пока не трогали, работают три блока!

– Достаточно, – кивнул Глеб.

Ковальский озадаченно вращал головой – то на «викинга» глянет, то на руководителя-исполнителя операции «Еры» глаза переведет.

– Запустили? – повторил он, хмурясь. – Что запустили?

– Завод, – коротко сказал Жилин.

– Пан Ковальский! – разглядел слона Пелле. – Годафтон!

Вы тоже с нами?

– А с кем мне еще быть? – пробурчал Владек и хмыкнул, оборачиваясь к Глебу. – Другие правила?

Жилин кивнул.

– А вы что, – сощурился он, – никого разве не видели, пока сюда шли?

– Да нет вроде...

– Повезло вам, значит. Вокруг завода бот барражирует и палит по любой тени. Думаете, чего мы тут битый час торчим? О! – Глеб поднял палец. – Чуете? Заработало!

Грозный гул, непередаваемо низкий и мощный, накатиł отовсюду. Словно со всех сторон света одновременно заходили на посадку могучие авиалайнеры, стремясь к той точке, где ты, маленький и слабый, стоишь и ждешь чудовищного крушения. Крупная дрожь сотрясла фунт, засвистел ветер, стал надуваться спецкостюм – давление, и без того ничтожное, упало еще ниже.

– По машинам!

Все пришло в движение. Люди забегали, разбираясь, кто на чем едет, но наконец расселись по транспортным средствам.

Четырьмя песчаными танками «Тестудо» рулили девушки – кибероборудование погрузили в кузова (со скоростью белок по стволам башен спустились сторожа-разведчики). А

мужчины «оседлали» краулеры – легкие «пинто», полугусеничный «дзо» и три «аппалузы»-двухместки. Низко и глухо урча, краулеры окружили широкие квадратные танки.

– Марш!

Клокоча моторами, «Тестудо» начали разворачиваться в колонну, догоняя жилинский краулер. Вообще-то Глебу, как капитану каравана, полагалось ехать в кабине танка, но он сел на «аппалузу». Хорошая машинка. Может развернуться на пятачке и дать три копейки сдачи. Капитану, едущему впереди всего каравана, первому достанется попадать в засады и валиться в каверны, прокладывая дорогу среди зыбучих песков... Зато и нет никого перед ним, чтобы пыль поднимать.

Справа и слева, покачиваясь и кренясь, быстро проползали исполинские колонны, дважды краулер нырял в прохладную тень площадок из листового металлопласта, объезжая толстые, похожие на корневища, фидеры, «прораставшие» сквозь круглые отверстия наверху. Потом ровный серый пол кончился, краулер качнуло и стало трясти на камнях и на изъезженных барханах. А огромные колонны, сплетая над головой решетчатые горизонты, по-прежнему тянулись к облакам, споря высотой с телевышками прошлого. Жилин оглянулся – в непроглядной пыли показывались то рама краулера, то прыгающий передок танка, то крепко запудренные шлемы. «И что толку маскироваться? – подумал Жилин недовольно. – Все равно пыль выдаст...»

Он резко взял влево, и краулер, перебегая по синусоиде, понесся узкой просекой в металлокерамическом лесу, меж арок и ферм, под мостиками, многоэтажными сквозными платформами и ярусами.

– Внимание! – сказал Жилин. – Выезжаем! Всем следить за небом!

Караван вынесло на серый солончак. Здесь мел сильный ветер, мел порывами, катая клубы пыли. Такое бывает и на земле, где-нибудь в пустыне, если задувает хамсин, он же самум, – весь мир тогда окунается в изжелта-серую пелену измельченного песка. «Глаз бури», – подумал Жилин. Потому что дальше, за солончаками, вставала исполинская непроглядная туча пыли густого красновато-оранжевого цвета, ревущая, и воющая, и визжащая, и грохочущая.

– Воздух! – стегнул по ушам чей-то голос. – Слева!

Жилин резко повернул голову. Над тучей мотался десантный бот типа «суперкоптер», похожий на электроутюг, только тупоносый и без ручки. Тормозные люверсы «суперкоптера» были открыты, но бледным газовым струям не хватало мочи уравновесить искусственный циклон. Бот перевернуло и бросило на заводские корпуса. Пилоту удалось выровнять машину у самых башен. Аппарат, расплываясь в пыльном облаке тенью причудливых очертаний, взмыл вверх, над заводом, и... угодил в зону турбулентности. Кто-то в наушниках ахнул.

Нечеловеческая сила подхватила семидесятитонную

двухэтажную машину, бешено закрутила ее, как монетку, поставленную на ребро и пущенную юлой, завертела в штопоре. По мудреной загогулине машина спикировала в тучу и лопнула – ослепительное лиловое пламя выбросилось из пыльной мятели.

– Готов! – рявкнул Ковальский. – Смотри-ка ты! Сработал твой завод!

– Жми давай, – проворчал Жилин. – Через десять минут он встанет колом.

Оставив заводские корпуса в стороне, караван закружил между громадными стратифицированными холмами, поразительно напоминающими Большой Каньон в Колорадо, только безводный. Холмы состояли из множества пластов, каждый толщиной в десяток метров, и бросали тень на полосатые осадочные отложения у подножий. Вид этих отложений вызывал в уме аналогию с отошедшим морем или высохшим озером – так равнобежно, словно изобаты на карте глубин, осели слои. Черный песок, лежащий опостен с оранжевым, не только оттенял сумежность пород, но и добавлял свое звено в цепочку ассоциаций – древний берег вился георгиевской лентой, цветов «дыма и пламени»...

Пейзажами Жилин любовался краем глаза, удерживая легкий краулер. Буря надрывала перепонки, ветер не дул – сдувал. Даже тяжелые танки вздрагивали от ударов газа, а краулеры разворачивало и трепало, вздергивая то корму, то перед. На голом камне «аппалузу» сносило, как буер по льду.

Моторы выли на пределе, гусеницы драли скальный грунт, продвигая краулер рывками, каким-то пьяным зигзагом.

– Фиг нас разглядишь, да? – высказался кто-то бодрым баском.

– Просто у них системы старые, – всезнающе объяснил Виджай Гупта, – на последних моделях «сухих» ставят хомодетекторы – черта с два мы бы от них делись...

– Помолчи, а?! – взмолились в эфире. – И без тебя тошно!

Вход в шахту «Алатырь», ближайшую к заводу, нашли со второго раза. Завод остановился, циклон стихал, но глобальная пылевая буря мела и выла по-старому. Попав в красно-рыжее шуршащее облако, выметенное горно-долинным ветром из Раздвоенного каньона, караван сначала проскочил шахту. Потом добровольцы вернулись по своим следам и отыскивали вход. «Алатырь» не забуривали глубоко в недра, и башня лифта над ней не стояла. К пластам дейтериевого льда уводил полукруглый туннель между двумя гнутыми открылками, полированными ветром и пылью.

Песчаные танки пришлось оставить в огромной шлюзовой камере. Дальше поехали на краулерах. Девушки пересели на свободные места, медлительные роботы-матки и маленькие машины-анализаторы забрались на багажники, а прочий кибернародец догонял краулеры кто на двух, кто на шести ногах, кто на гусеничном ходу.

Узкий каменный коридор, освещенный лампами под зарешеченными колпаками, круто уходил вглубь. Краулеры мча-

лись сквозь лабиринт петляющих коридоров. Налево, направо, налево. Поворот. Длинный узкий коридор, лучи фар и на- шлемных фонарей выхватывают изрытые стены, остатки раз- вороченных приборов, оборванные провода, металлическую лестницу. Опять налево, опять направо, на развилке прямо. Еще один поворот. Впереди ярко высветились решетчатые столбы подпорок, и краулеры выехали на берег подземного озера.

– Глеб! Давай здесь остановимся! – заныл в наушниках Маринин голосок. – Тут так красиво!

– На пять минуточек! – поддержала ее Рита.

– Ладно...

– Ура-а...

Озеро сильно парило – как теплый бассейн зимой. Циркуляционная система шахты стояла уже третий или четвер- тый год, и давление воздуха сильно понизилось. На стенах и потолке пещеры росли сталагмиты и сталактиты. В све- те фар они сверкали матовыми сосульками, отливая молоч- но-белым, зелено-голубым, розовым.

Жилин обошел «набережную». Под каблуками хрустел отколотый металлопласт. У решетчатых опор стояли три разборных бункера, в энергопристройке нашлась почти пол- ная цистерна с жидким кислородом, на которой белым по синему было выведено «Кисл.»

– Макс, расставь посты! – приказал Жилин. – Переночуем здесь.

Толпа шумно дала «добро». Люди действительно устали. Отработав смену, они сидели в центральном управлении, дожидаясь автобуса-транспортера, но так и не дождалось. Поднятые по аварийному сигналу, бросились бегом одеваться, негодую на «эти бесконечные учебные тревоги». Негодование у смены прошло во время воздушного налета. Дежурные потрясенно наблюдали, как вспыхивают и разлетаются купола; как, с громом распадаясь на части, взрываются балки-параллелепипеды, как рассыпаются груды раскаленных обломков и медленно остывают багровые пятна на металлопластовых основаниях, круглые и продолговатые...

Глеб подошел к Ковальскому, сидевшему на подножке краулера, и развернул карту-схему. Сотни километров штреков, штолен, квершлагов тянулись под системой «Большой Сырт», пересекались и расслаивались на горизонты, уходили глубокими шахтами и раскрывались разрезами.

– Мы где здесь?

Ковальский поднял забрало шлема, поскреб щетину и ткнул пальцем в кругляшок на карте.

– Вот, В-7. Шахта «Алатырь».

– Ага... А где нам лучше всего вырыть нору?

– Нору?!

– Ну, убежище, базу...

– А-а... – Ковальский поводит пальцем между шахтой «Кевир» и «Запретной». – Где-нибудь здесь. У Коцита-четвертого. Или Пятого. Хоть напиток можно будет...

– Угу... А отсюда до биостанции... вот по этой... вот так и... сюда? Д-2. Это что за шахта?

– «Дейтериевая». Старая шахта, но хорошая.

– Понятненько... Хочу всех собрать в одном месте, – объяснил Жилин, – и наших, и ваших, и этих, с биостанции, и туристов. Кого успею... Лю!

Шуйбэнь, о чем-то споривший с Быстровым, подошел к мастеру.

– Да, шифу?

– Лю, возьмишь с собой Малышева, Моргана и Шимшони – она сильно просилась... Вот здесь, около Соацеры... да что у них номера одни!

– Это шахта «Ледяная», – сказал Ковальский.

– Ясно. Соберете там всех роботов-диггеров, какие найдутся. Хотя бы двадцать, пусть даже пятнадцать. А я на биостанцию пока съезжу...

– Понял, – кивнул Лю. – Тимка! Позови Яэль!

– Щас!

Жилин встряхнул карту и сложил ее вдвое. Подошла Марина. Она ничего не сказала, просто прижалась к Глебу и положила голову ему на плечо. Глухо стукнулись шлемы. Жилин молча обнял девушку. Что говорить?.. В памяти мелькнула зеленая Янева, скверик, степенно удаляющийся абориген... Это все было, было еще в том месяце, а кажется, что прошла куча времени. Опять все вернулось. Опять он командир, руководитель-исполнитель операции. «Еры»... Де-

белая «и»...

Рядом на гусеницу сел Антон – звякнули сочленения.

– А можно мне с вами? – робко попросил он. – На био-станцию?

Жилин подумал:

– Можно.

Антон расцвел, а Марина обрадованно кивнула:

– Вот и хорошо! И мне спокойнее!

– Ложись-ка ты спать, – улыбнулся Жилин. – Нет, давай-ка я сам тебя уложу...

Он отвел Марину в бункер к девушкам, отрегулировал кислородный регенератор, поставил обогреватель на плюс двадцать и громко сказал:

– Всем спать!

Сонный Маринин голос проговорил:

– А мы уже шпим...

Глава 28

– А мы правильно едем? – спросил Антон с беспокойством. – А то долго что-то...

– Правильно, – успокоил его Глеб, – подъезжаем уже...

Они ехали по бесконечному сводчатому коридору. Направо, налево, налево, направо... Проплавливали коридор для киберов – ни отопления в нем не было, ни воздуха, ни даже света.

Но вот туннель пошел вверх, затем свернул, и краулер погасил фары. Сбоку Жилин увидел голубоватый свет, падающий из огромного квадратного люка. Это был шлюз.

– Оставим машину здесь, – сказал Глеб. Он взглянул на Антона – вид у того был бледный. Стажер молча кивнул.

Посреди шлюза была брошена батарея нейтронных аккумуляторов, а у стены, как доспехи инопланетного рыцаря, стоял кибер, разобранный на запчасти – один корпус от него остался, из трепаной, мятой кремний-органики.

– Кислород проверил?

Антон кивнул.

– Включи обогреватель, передавали минус пятьдесят...

С гулом и скрежетом отошла дверь шлюза, заскрипела присохшая герметическая перепонка. Жилин расстегнул кобуру и вышел наружу.

Взошел Фобос, он то выглядывал, то прятался за тучи. За

грядой скал, в темном небе, проявился очерк крутых, туманящихся скобок – словно лунные радуги в линию. Это опалесцировали агрокупола. Их было семь, стандартных прозрачных сводов над плантациями – полукилометровыми кругами «окультуренных» песков. По эту сторону от плантаций собрались в кучку здания биостанции – четыре белых параллелепипеда справа, шесть белых куполов слева. И квадратная наблюдательная башня посередине.

Жилин отсчитал три купола. Вон тот, четвертый от края, – колмановский. Стоит на крутом скате, внизу – каменные холмы с останцами скал на макушках.

– Вроде все тихо... – прошептал Антон. Его рука нервно поглаживала рукоятку парализатора. Жилин промолчал. Сейчас руководитель-исполнитель словно вернулся в прошлое, ко временам войн и «вооруженных конфликтов».

В окнах колмановского купола не было видно света – спектролитовые иллюминаторы блестели выпуклыми серебряными щитами. Жилин решительно постучался в аварийный люк и отступил в угол между стеной и тамбуром. Показал Антону жестом спецназовца в засаде: «Отойди за тамбур и стой тихо». Стажер понял. В наушниках ничегошеньки не было слышно. Жилин вытянул руку и стукнул пару раз по гладкому спектролиту.

– Кто там? – спросил глухой настороженный голос.

– Колманов?

– Ну?

– Это Жилин. Помните меня?

– Ну.

– Лапти гну! Я не исполнитель номер такой-то, я свой!

– Свои дома сидят...

– Давай открывай!

Слуховое устройство донесло неясный шум – наверное, хозяин выглядывал в иллюминатор. По пчелиному загудел «старорежимный» компрессор, звякнула, открываясь, дверь воздушной камеры. Жилин проверил, легко ли вынимается ПП, и отшлюзовался с Антоном на пару.

Колманов ждал их. Руки его оттягивал лучемер – толстый оребренный ствол шипел хладоагентом. Нолан снял шлем и сунул его под руку. Под левую. Антон поспешно стащил свой.

– Спаслись, значит? – вяло сказал Колманов. Фармбой отключил оружие и уткнул в зажимы на стене. – Видел я, как эти станцию жгли. Раскатали вчистую...

– Все спаслись. Вся смена.

– Ну?! – повеселел Колманов. – За это надо выпить!

– Потом, – суховато сказал Жилин. – У вас тут тихо?

Постыдная неуверенность раздражала Жилина. Добрался Локи до Колманова или нет? Подсадил ему исполнителя или фармбой – наш человек? Можно ли ему доверять? Ох уж эти червячки сомнения!

– Да как тихо... – Колманов неопределенно пожал плечами. – Сказали, что не тронут, если обеспечим «всеобщую

лояльность». Капустку-то все любят... Слушай, – взмолился он, – ты точно не исполнитель?

– Точно, – улыбнулся Жилин. – Я не поддаюсь биокодированию.

– Мастера и на совещании том не было, – добавил Антон, – а Йенсен был, ему подсадили, но он свою посадку сам починил! Инфаркт, правда, заработал...

– Вот бляди... – горестно сказал Колманов и трубно выморкался в огромный платок. – А наш старший биолог ходит под девяносто вторым номером. А что делать? Зубов вон, дорожник наш, науськал на пурпуров геологического робота, тот им краулер почикал. Ну и что? Прилетел «суперкоптер» и всю станцию – в пыль...

Колманов подавленно замолчал. Жилин решил встряхнуть старого фармбоя.

– Отлетался «коптер», – сказал он, – мы его свалили.

– А от Тхакура даже вони не осталось! – подхватил Антон. – Мы его термической бомбой угостили. Кремнезем кипел!

Колманов довольно крякнул и хлопнул себя по коленям. Чмокнула, открываясь, дверь, и в отсек, собирая у ворота ночнушку, поправляя густые каштановые волосы, заглянула девушка. Возраст двадцать плюс. Переступила комингс босыми ногами и улыбнулась гостям.

– Как тут холодно! – Девушка стянула к горлышку тонкую ткань, стыдливо пряча вырез.

– А ну, – сурово сказал Колманов и грозно нахмурил брови, – марш в постель!

Девушка переступила ногами, нимало не беспокоясь. Оглядев стажера, она захлопала ресницами на главного киберинженера.

– Вы Жилин, да? – спросила полуночница, высматривая в Глебе некое сходство с образом положительного героя и находя его.

– Он самый, – поклонился Жилин. – А вы – Наташа?

Наташа Колманова присела в книксене, оттягивая ночнушку за складку.

– Антон, – поклонился стажер, густо краснея.

Девушка улыбалась, а Глеба в этот момент пробрало тоскливое воспоминание – о Гунилле. Промелькнувшей тени Наташа не заметила.

– Наташка, – просяще сказал Колманов, – ну пол же холодный!

Барышня вздохнула, состроив гримаску великомученицы, и взялась за ручку двери.

– Спокойной ночи, – сказала девушка, удовлетворясь произведенным эффектом, и перешагнула через комингс. Полупрозрачный стереосинтетик плотно обтянул подвижные ягодцы, мелькнула розовая пятка, и дверь закрылась, гася промельк девичьей улыбки.

– Я ее и шлепнуть боюсь, – признался, смущаясь, Колманов. – Мучение мое...

Жилин кивнул с полным пониманием.

– Пошли на кухню, – пригласил хозяин, – а то так и будут ходить...

Кухонный отсек занимал дольку круглого купола – две стенки смыкались под прямым углом, а третья, вогнутая, замыкала скосок. Колманов выглянул в маленький иллюминатор и задернул зачем-то занавеску.

– И много у вас народу? – спросил он без околичностей. – Садитесь, что стоять...

– Мало, – с той же прямоотой ответил Жилин и осторожно присел на табурет из тонких блестящих трубок. Антон прислонился к стене.

– А оружие имеется? – спросил Колманов.

– Откуда?

Фармбой закричал.

– Черт, что ж делать... – Он потер щеку. – Так бы я тебе хоть сотню ребят привел, а без оружия... М-да...

– Бойцы – ладно, – сказал Жилин, – мне сейчас нужны метеотехники, инженеры-аэрологи и терраформисты. Срочно.

Фармбой оживился.

– О, так я и сам могу метеотехником! – сказал он. – По образованию я оператор систем внутреннего транспорта, но климатизатор соберу и разберу с закрытыми глазами. Я ж из мерзлотников, в Заполярье работал на макропогодниках.

– А климатическую станцию, ту, что на мальпаисе, – сможете запустить?

– Какие проблемы! – фыркнул Колманов. – В два счета!

– Ну, вообще хорошо! – сказал Жилин обрадованно. – А вы, случайно, не знаете... тут где-то туристы бродят, целая группа. Не подскажите, где их надо искать?

– Туристы? – переспросил Колманов. – А они-то тебе за чем?

– Да я всех хочу собрать, кого найду. А у этих тут сафари, устроили большую охоту на рыбозмей...

– А, ну тогда конечно, – Колманов изобразил понимание, – изыдем оружие для шохо...

– И вы туда же, – вздохнул Жилин. – Замучили уже...

– А... чего? – не понял Колманов.

– Того! – резко сказал Жилин. – Какие, на фиг, шохо?! Какие хомо?! Что за привычка делить? Мы – люди! Все, без исключения! И те, что на Марсе, и землежители! И «арбайтеры», и неработающие! Все!

– Ага, – криво усмехнулся Колманов, – человек человеку друг, товарищ и брат. Тунеядец мне брат?! – завелся он. – Или туристы твои? Болтаются, как говно в ополонке! На хрен мне нужны такие друзья-товарищи!

– Тогда извини, – по-прежнему резко сказал Жилин, – не по адресу пришел! Я хочу собрать ополчение, и мне насрать, кто за мной пойдет – шохо или хомо, работник или неработающий!

Колманов вскочил, опрокидывая табурет. Сгреб пальцы в кулаки. Антон испуганно взглянул на Жилина – мастер был

невозмутим, как будто его это и не касалось.

– А мне не насрать! – прошипел фармбой. – Ладно, там шохо – хомо! Если землежитель нормальный, он тут быстро «омарсианится»! Но «жруны»... Куда их, на хрен, в ополчение?! Да им бы только пожрать побольше да поспать подольше! Бойцы, блин!

– Не могут – научим, – спокойно сказал Жилин, – не хотят – заставим. Неработающих, кстати, больше, чем прочих. Тебе понравится, что они всем скопом запишутся в «Пурпурную гвардию»? Или ты предпочитаешь, чтобы Локи из них исполнителей понаделал?

Колманов засопел. Молча достал из холодильника пол-литра, плеснул по сто граммов в три «груши».

– Попробуйте не выпейте только... – проворчал он и поставил на стол миску с вареной «фиолеткой».

Жилин поднял «грушу» и вопросительно глянул на Колманова.

– Ну, за победу! – буркнул фармбой и чокнулся с Глебом и Антоном.

Жилин выдохнул и сделал два глотка. Горло обожгло душистым и горячим, прокатилось по пищеводу, пробрало, растеклось, согрело... Во рту было терпко. Запахло мандариновыми корками. Глеб посмотрел на Антона – того аж передернуло.

– Капустовка, на оболочках спор настаивали... – просипел Колманов скороговоркой и запихал в рот кусок ложномья. –

Закусывай, закусывай...

Жилин зажевал хороший шматик.

– Туристов твоих, – неторопливо сказал Колманов, – я бы поискал за Кордильерами, по разломам. Хафмун-Вэлли, Фоссил-Крик, Ребристая гора, Органная скала – где-то там они все. Ну, давай еще по одной...

– Не, хватит. Пойдем мы.

Колманов будто и не слышал – долил себе, Жилину и Антону.

– Сейчас вместе пойдем, – сказал он с будничной ноткой в голосе, – соберем всех да и двинем... Ну, поехали!

Фармбой лихо опорожнил пластиковую «грушу». Жилин отхлебнул для приличия и отставил. Антон к своей не приронулся.

– Наташка! – Колманов решительным шагом направился к овальной двери в спальный отсек, просунул в нее и командовал: – Поднимайся давай! Переезжаем!

– К Жилину? – сонно пробормотал Наташин голос.

– Да, да!

– Чичас я...

Колманов сделал знак Жилину – подожди, мол, – и вышел в коридор. Через приоткрытую дверь донесся осторожный стук, затем приглушенный голос:

– Я это... Ничего не случилось. Пока. Собирайся, Оскар. Уходим в подполье, хе-хе... Рома спит? Буди его. Только тихо, у нашего исполнителя сон чуткий... Давай.

Звякнула еще одна дверь, но слов было не разобрать.

– Побудь здесь, – сказал Жилин и выскользнул в коридор.

Из спального отсека вышла Наташа, умытая и волосы уложены. Подмигнула Антону.

– Можно? – громко прошептали из коридора.

– Просим, просим, – пропела Наташа, впуская двух парней в серых комбинезонах с наклеенными латками на локтях и коленях, и вышла. Парни напомнили Антону деревенских парубков на светском рауте, больших, неуклюжих, не шибко сведущих в этикетах и табльдотах.

– Оскар, – первым протянул руку туповатый с виду, добродушный увалень. Ладонь у него, однако, была – сплошная мозоль.

– Антон.

– Р-роман, – завел знакомство горбоносый, очень смуглый малый. Он слегка картавил и оттого, наверное, пережимал с согласными.

– Антон.

Оскар заоглядывался, шумно ворочаясь негабаритным организмом, подхватил контейнер с надписью «Для образцов» и спросил с натугой:

– Куда нести?

– В гараж, – показал рукой Рома.

По коридору, ступая на цыпочках, прошла высокая блондинка в ярко-оранжевом спецкостюме и девушка лет пятнадцати – хрупкая шатеночка в новеньком блестящем комбе-

зе. Блондинка звала ее Ингой. Вместе они тащили длинный пластмассовый ящик.

Стажеру было очень стыдно, но биология перевешивала в нем социологию. Стажера неудержимо клонило в сон. Тепло и тишина, мягкое кресло и порция «капустовки» – все сложилось. Упали веки, и Антон – брык! – вошел в фазу быстрого сна. Ему снились какие-то гигантские роботы, с энергобашню величиной. Они изображали из себя перерабатывающие комбинаты и одновременно гнались за поездом. Антон ехал в самом хвосте состава, в последнем вагоне. Вышел зачем-то на заднюю площадку, протянул руки, ухватился за проплывавший светофор... Его плавно снесло с поезда, покрутило вокруг столба... Поезд уходил, заворачивая за холм, а роботы все ближе и ближе... Гремят, стучат, качаются... Один синий, другой еще какой-то...

– Руки на затылок! – проревел синий колосс. – Лицом к стене!

Стажера медленно выносило из сна. Наплывали стены отсека, неясные формы очерчивались узнаваемым инвентарем гермокупола. Антон вскочил, шатаясь со сна и понимая, что происходит несчастье. Неловкими руками напялив шлем, он нашарил на поясе пистолет-парализатор. Красно-лиловая вспышка осветила коридор, пронзительное шипение ударило по нервам, как резкий ночной звонок, неожиданный и пугающий.

– Стоять!

– Беги, Инга, беги!

– Буду стрелять!

– Сволочь!

Вой плазмы, грохот падения, крик боли и страха. На пороге гермокупола выросла громадная фигура, закованная в тяжелую броню. Пурпур-исполнитель (а кто бы еще это мог быть?) сильно пригнулся, переступая комингс, и Антон, не думая, руководствуясь неким древним рефлексом, дважды выстрелил по черному лоснящемуся шлему БК. Пурпур как стоял, так и упал, звонко стукнувшись о пол головным сегментом. Постоял в исходном положении перед кувырком и завалился набок.

– Отходим! – послышался в наушниках голос Жилина. – Георгий, к агрокуполу! Наташа, Инга, Зина! Быстро, быстро! Антон!

– Я! – крикнул стажер.

В коридоре скрестились голубые лучи ПП, зеленые и красные – дезинтеграторов. Горячие выхлопы парализаторов глушились раскатистым воем лучеметов.

Антон вырвал из рук иммобилизованного пурпура плазменный излучатель «Мьелнир», поставил на боевой взвод... и тут его словно окунули в черную замерзающую воду. Отрезало все звуки, тело сковало, будто льдом. Закольцованная, кружилась последняя мысль: «Аварийный люк... в спину стрельнули... аварийный люк... в спину... аварийный...» Крутнулась думка краешком гаснущего сознания и смерз-

лась.

Первое, что почувствовал Антон, очнувшись, была тряска. Потом лопатки его ощутили нечто большое, мягкое и выпуклое. Фиолетовая капуста. Глаза устремились вверх, к багровым тучам, несущимся в высоте наискосок. Стажер судорожно вдавил ладони в дрожащий склон – ему показалось, что он скатывается с горы. Но пальцы ощупывали упругий рубчатый пол. То плавно, то резко качались высокие борта. Он сидел в песчаном танке. Полкузова было загружено фиолеткой, а чтобы кочаны не катались «тудым-сюдым», под них подбили колодки. У борта, уныло качая шлемом, сидел Оскар. Его пыльный сапог почти касался черного бронескафандра, согнутого буквой «Г». Исполнитель вытянул ноги в толстенной, четко сегментированной броне, а спиной прижался к кабине. Он не шевелился. Лучемет, лежавший у него на коленях, был наставлен на Оскара. Спросить, не спросить? А, хуже не будет!

– Оскар! – тихо позвал Антон. Фигура в спецкостюме вздрогнула, повернулся пыльный шлем.

– Где все?

– Ушли! Успели...

– Не разговаривать! – залязгал исполнитель. Дуло лучемета дернулось, поглядело на Антона, на Оскара и со стуком вернулось на место. А стажер повеселел. В теле жила слабость и дрожь после стан-излучения, но дух окреп. «Наши

ушли!»

Танк покатился с горы, глухой шум песка, бьющего в днище, сменился тарабаниющим градом камешков. За гермокабиной поднялись прыгающие агрокупола, окрашенные расцветом во все оттенки красного. Ломаная линия Изиды четко делила небо и грунт, и лишь в одном месте скалы светились размытой алой полоской – вставало Солнце. Почему-то здесь, на Марсе, язык не поворачивался назвать светило с маленькой буквы. Звезда все-таки...

Высокие борта то загораживали вид, то открывали его. Пологие песчаные холмы, неотличимые от них внешние скалы кратеров... Сажные глыбы, густо усеявшие неяркий оранжевый песок... Удивительно даже – из космоса краски такие насыщенные, а на поверхности все размывается...

Буря усиливалась. Плотные волны газа, шебурша пылью, ощутимо дули в борт. По пустыне мело, безугомонный ветер гнал туманные полосы, закручивал вихорьки, порой весь Марс терялся в пыльном шатании.

Антон стал готовить себя к подвигу. Жаждал вкусить героических будней. В воображении даже мелькнула картинка, исполненная строгого достоинства и скорби: «Награждается посмертно...» Фу-ты, чепуха какая! Он представил себя крадущимся вдоль коридоров Соацеры... Метко отстреливающимся от вражьих сил... А потом он подходит к Яэль – она стоит у окна, вот так, к нему спиной, – он обнимает ее... Антон вздохнул. Вечно у него одно на уме... Так, правильно,

если они ходят, крутят... То Яэль, то Наташа, то эта... Инга. Вот и идет на ум...

Малая сила тяжести делала сносным сидение на твердом, и Антон задремал. Ему что-то даже приснилось. Танк трянуло, и он открыл глаза. Посмотрел на клевавшего носом соседа – марсианская заря расцветила Оскаров шлем в малиновые тона – и словно очнулся. Бежать надо, бежать! Надо. Но не сейчас. Слабость такая... Антон попробовал сжать пальцы в кулак, и у него ничего не получилось. Станнер совершенно лишил его сил. Что-то пихнуло его под правую руку. Антон посмотрел вбок, не поворачивая шлем. Это кочан фиолетки болтался – подпорку растрясло. Антон медленно подтянул под себя ногу и уперся подошвой в колодку.

«Подъезжаем». Над кабиной поднимался огромный прозрачный купол города-порта. Над головой проплыла воротная рама шлюза. Танк вкатился в грузовой тамбур.

– Пропустить! – скрипнуло в наушниках.

Антон сжал кулак, стал напрягать мышцы – возвращается сила... Теперь, если выпрыгнуть, не свалишься кулем. Проходило действие парализующего луча, и чувства тоже словно бы размораживались, оттаивали – и саднили душу. Страхом, отчаянием, безысходностью. Он безоружен, а вокруг пурпур. Враги. И Локи волен сделать с ним что угодно – превратить в исполнителя или, того хуже, сделать своим агентом и вернуть к добровольцам. Чтобы предавать ребят, Жилина, всех подряд. Подрывать ополчение изнутри. Вот где страх!

Пронзительно шипя, раздвинулись ворота шлюза. Песчаный танк заворчал двигателем, лязгнул и выкатился на Главную улицу. Борта мешали, открывая жилые блоки лишь со вторых этажей, но кое-что было видно – полосы копоти на стенах и звездообразные черные сквозины прямых попаданий, занавеска, свисающая из распахнутого иллюминатора... Мертвый город.

Танк свернул на Окружную, влез на Южный Вал, и Антон решил: «Пора!» Пяткой отодвинув колодку, он подтянул ногу. Транспортёр одолел перекресток и стал спускаться. Тяжелый кочан, продавливаясь, как спущенный мяч, бесшумно покатился и подмял под себя пурпура-исполнителя, придавив тому ноги. Пурпур дернулся, и массивная Капустина затрепыхалась, но дожидаться, когда заработает система мышечных усилений БК, Антон не стал. Ощущая разбитость в теле и онемение, стажер ухватился за борт и перебросил себя в синие кусты. Будто на вилы. Тут же, как огромное мягкое ядро, прошелестел кочан и грохнулся в заросли, лопаясь и хрустя сочной мякотью. Разъяренный исполнитель выпрыгнул из кузова, поджимая ноги и стреляя по кустам. Он взлетел выше кабины, но соскочил по ту сторону танка и с треском заворчался в синей поросли. Видимо, Оскар тоже чесанул. «Удачи», – подумал Антон и понесся, пригибаясь и петляя меж бугристых стержней марсианского саксаула, выдирая ноги из проволочных клубков синей травы. Лязг и взрывание танка стихло, треск кустов и хлопки выстрелов за

дорогой отдалились настолько, что казались уже неопасными. Антон вздохнул. Он остался совсем один.

Глава 29

Антон осторожно выглянул из кустов. Дальше была утоптанная тропинка, посыпанная крупным песком. Стажер вышел, постоянно оглядываясь, прислушался и поспешил обратно в заросли – приближалась тележка грузового кибера. Она вывернула из переулка и медленно проехала мимо. Тележка везла трупы. Мужчины, один – почти мальчик, две или три женщины были уложены аккуратным штабелем. Три пары многосуставчатых манипуляторов цепко придерживали страшный груз.

Антон стоял на карачках, прячась среди синих колючих стволов, и смотрел. Мертвые тела не пугали – они отталкивали. Смерть всегда безобразна и отвратительна, ее не должно быть вообще! Вот эта молодая женщина, положенная сверху, уже никогда не изменит удивленного выражения на лице, никогда уже не засмеется, не скажет «люблю», не прошепчет «да...», не войдет, уставшая после смены, в свой жилой модуль и не усядется на диванчик – развеяться перед СВ или поболтать по видео с подругой – на месте ее левой груди зияет обугленная дыра десятисантиметрового диаметра. А мужчину, уложенного рядом, с давно не стриженной головой, безжизненно болтающейся на вытянутой шее, уже ни разу в жизни не посетят эротические фантазии о девушке, снимающей школьную форму, ему не играть свадьбу и не

отделять яркой биопластмассой стены детской – его жизнь кончилась. Этот мир ему не дали досмотреть даже до середины и поставили жирную точку в нетолстой книге бытия. Вот он, этот знак препинания – черная, запекшаяся язвина между глаз, проделанная лазером...

Антон коротко вздохнул. Одно хорошо – в нем умерли сомнения. И вызрела некая дрожащая освобожденность от табу. Ну как можно применять правила совести и понятия научной морали к пурпурам? Они же не люди! Нелюди. Вряд ли он сумеет убить пурпурного недочеловека, но если это все же случится, ему не долго придется мучиться и переживать – на месте заповеди «Не проливай крови пурпуров» чернеет обугленная дыра...

Маленькая круглая голова грузового кибера безостановочно вертелась, высматривая мертвяков. На повороте тележка, как порядочная, помигала оранжевым сигналом и скрылась за углом изгороди, сложенной из кусков туфа. Антон даже позавидовал машине – никаких тебе проблем! Знай, колеси, выполняй программу да подзаряжайся изредка. А тут...

Надо бы созвониться с «нашими», но каким образом? На экранчике радиофона весь день одно и то же: «Профилактические работы... профилактические работы...» Стажер задумался. Что-то там Йенсен говорил про транспортер до «дэтушки»... Он-де с шахтами связан. Попробовать до него добраться? Опасно... Подземка вся блокирована. А что то-

гда делать? Может, Оскара поискать? Вдвоем проще. Только где его сейчас найдешь... Н-да.

Ближайший вход в подземку был в зоне коттеджей, за Южным Валом. Поднимаясь по ступенькам, Антон порадовался за строителей города-порта, не разравнявших этот кратерный вал, близ которого стояла старая станция «Большой Сырт», а сохранивших рельеф, окультурил его и приспособив для нужд Базы. А то раскатают все под ноль, и никакой разности... Ловко человек устроен, подумал Антон. Не заикливается на негативе. Не волнуют уже его умертвия, ландшафтный дизайн его волнует. Ну и ладно. Что ж ему теперь, с утра до вечера Вальхаллу вспоминать?..

За Валом, утопая в пышных кустах колючки, стояли одноэтажные литопластовые домики с круглыми окнами и полупрозрачными крышами. На Планете такие крыши прилаживали как посадочные площадки, а на Марсе, надо полагать, просто вторили привычным очертаниям. Райское местечко.

Пригибаясь и оглядываясь, стараясь ступать без шума, Антон двинулся по утоптанной тропинке, огибающей неподвижную, словно сваренную из металлопроката поросль саксаула. Кустарник до половины скрывал большие, темные окна одноэтажного домика. Антон пригнулся еще ниже, став в позу гориллы. Тропинка вывела его на довольно широкую песчаную дорожку. Вправо и влево уходили чистые кремневые стены домов. Антон присел у решетчатого заборчика и

обшарил глазами всю улочку. Калитки пораспахнуты, одна вовсе сломана, на одном суставе висит, рядом коляска детская валяется, на одеяльце – громадного размера след бронесапога. Бумаги какие-то разбросаны, растрепанная книга, махровый халат, вывернутый наизнанку... Нет, люди так не уходят. Так их уводят.

Послышались гулкие шаги. Над живой изгородью показался великан в боевом скафандре, черном как антрацит, за ним еще один.

– Стой! – заревел механический голос. – Стрелять буду!

В этот момент Антон не думал. Вообще. Гонимый инстинктом он перепорхнул через забор и помчался не разбирая дороги. Со спины ударил тонкий фиолетовый луч, пережигая синие ветки. Топота Антон не слышал – гул крови глушил звуки. На губах чувствовался металлический привкус опасности Антон с разбегу перемахнул низенькую изгородь. Шарахнулся от черной фигуры в кустах – это была статуя – и понесся мимо беседки, мимо глухой стены дома, заскакал по клумбам. Сдвоенный баллон бил по копчику, откинутый шлем колотил по баллону. Вз-зт! – ширкнул лиловый луч, напоролся на угол стены и устроил дождик из слезок расплавленного литопласта. Антон пал на карачки и шмыгнул в будку для киберсадовника. Вз-зт! Вз-зт! Линии тончайшего чудовищного огня вспороли энергопристройку – яркая, точно магниевая вспышка высветила весь крошечный садик. Оба боевика, отталкиваясь и подлетая метра на три-четыре,

пронеслись гигантскими скачками.

Антон сидел в будке, боясь дышать. Его пошатывало от толчков вспугнутого сердца, в крови кипел адреналин. Потом пульс пришел в норму и прокрался стыд. Так позорно драпать... А что было делать? Сдаваться?

Антон долго сидел в будке, прислушиваясь к возвращенной тишине, пока наконец не решился вылезти. По-индейски, на пальцах рук и ног, он прополз к передней прозрачной стене дома. Зеркальная, как спектролит, она была раздвинута на полметра. Рядом, отражаясь в стене, валялся изумрудно-зеленый киберсадовник, продырявленный лучом лазера. Антон осторожно приблизил ладонь, потрогал оплавленную кромку, Холодная. Значит, с утра еще лежит.

В комнате за стеной Антон поднялся с пола и отряхнул руки. Было жарко, даже спина вспотела. Он пощупал терморегулятор. Вот же дурак! Так и не выключил!

Шепотом ругаясь, Антон снял баллон, расстегнул аккумуляторный пояс. Медленно положил все на пол. Было удивительно чувствовать себя единственным жителем на всей улице. Антон осмотрелся. Интересно, кто тут жил? Кресло-качалка с пледом, стопа печатных книг, компьютер «Росинтель» – левый из экранов разбит. Рисунки карандашом – вид с Арсии, рядом что-то «под Шишкина» – озеро, камыши сосны... Тихий коттенжик был стандартным, на три комнаты. Угол ванной занимал керамический куб и во много раз сложенные эффекторы – все, что осталось от механозародыша,

развившегося в этот дом. На самом длинном эффекторе сохло полотенце.

Крадучись, Антон прошел в столовую. Увидев окно Лии Доставки, он понял, что хочет есть. Зверски. Сглотнув, Антон набрал шифр на клавишной панели и стал ждать. Ничего. Заказ не исполнялся. Сильно разочарованный стажер порывлся в письменном столе хозяина дома (или хозяйки), заглянул в стенной шкаф, но нигде не нашел ни шоколадки, ни сухарика. Внезапно над окном доставки вспыхнул зеленый сигнал. Не веря своему счастью, Антон отодвинул крышку и взял поднос с тарелками. Пельмени! С юшкой! Горячие! Картофель пайль с бефстроганов – ну, это он уже из жадности... Пирог с маком – толстым слоем мака! – и крепкий чай. Что еще нужно для полного счастья?! Раздавить пурпурную гадину... Ничего, даванем еще.

Подкрепившись, Антон сходил в туалет и решил переодеться – для конспирации. Было бы только во что... В шкафу рядом с ванной нашелся комбинезон подходящего размера, еще ни разу не надеванный. Антон разделся и влез в мягкий распах комбеза, затянул шов. Большеват... Зато не жмет. Нацепив баллон и оставив шлем болтаться на патрубке, Антон на носочках вышел во двор... К нему шагнули два гиганта в бронескафандрах. «Ой, дурак... – подумал Антон, оплывая страхом. – Зачем же я заказ делал...»

Не говоря ни слова, один из боевиков вскинул ручной лазер и ударил Антона прикладом в лицо. Мир вспыхнул и по-

тух.

...Первое, что Антон ощутил, придя в сознание, была тряска. Тряска и рывки. Опять как тогда на танке. Сколько можно?.. Тело качалось и подпрыгивало, и всякий раз больно перетягивало полный живот. Антон открыл глаза и увидел несущийся на него песок дорожки. Он падает! Антон вытянул руки, пальцы загребли песок, и его вздернуло – пояс обручем врезался в живот. Падение! Рядом с головой, задев ухо, промахнула черная суставчатая колонна. Рывок! О господи, его несут, как кошелку, схватив за пояс! Пурпур тащит, в бронескафандре, это его нога промахивает... Антон затрепыхался, и боевик сделал остановку.

– Я... – прохрипел Антон. – Сам...

Пурпур разжал руку, и стажер упал лицом в песок. Толчком разошлась боль из опухшей щеки. Антон подобрал ноги и поднялся. Окружающее поплыло, но он устоял.

– Вперед, – включилась внешняя акустика бронескафандра. – Шаг в сторону – отрежу ноги.

Пурпур не угрожал, он просто сообщал. И Антон верил: как исполнитель сказал, так он и сделает. Шатаясь, стажер пошел, куда было сказано. Сбоку появился второй пурпур, тоже в БК, на шлеме у него было написано «Блайн».

– Проверь крыши, – приказал первый, тащивший Антона, с надписью «Бехоев» над смотровой щелью.

Блайн взял короткий разбег и запрыгнул на крышу коттеджа, отделанного натурированной органикой «под сруб».

Пурпур прошелся по крыше, оглядел соседние и прыгнул вниз. Его бронированные ноги-тумбы ушли в мягкий газон выше щиколотки. Антон загляделся, и от тычка в спину закинулась голова. Спотыкаясь, он побрел дальше. Ему было так паршиво, что грубость не всколыхнула ни злости, ни возмущения, ни даже страха. Говорят, когда лев нападает на человека, тот не чувствует боли, настолько цепенеет от шока. Лев волокет тебя за ногу, а ты даже не сопротивляешься... Так и он. Агент 007... Живи и дай умереть. Смотреть тошно...

Впереди улочку перегородил краулер. Блайн ухватился за круговой бампер и сволок машину с дороги. Затрещали кусты, танкетка перевернулась вверх гусеницами и закачалась на упругих стволиках колючки.

Они вышли на маленькую площадь. Полукругом ее обступали коттеджи, а с другой стороны просвечивал павильон подземки. Рядышком, присев на ограду из бэушных пластиковых труб, сидел пурпур в боекостюме, с лучеметом на коленях, и благодумствовал.

– Вниз, – скомандовал Бехоев.

Как прикажете... Антон зашагал вниз по остановленному эскалатору. По мере спуска цилиндрический туннель постепенно расширялся, переходя в обширный зал с параболическими сводами. Пурпуры топали сзади и переговаривались вслух:

– Ты эту их «капустовку» пробовал? Нормально хоть?

– На джин чем-то похоже. Или на коньяк. Греет. И запах уматный.

– Надо будет попробовать... Как думаешь, к обеду сгуртуем?

– Да должны... Тыщ девять уже есть, хватит. Буду я бегать за каждым...

Антон вывели на остановку и придержали. В обе стороны уходил магистральный туннель. Он кольцом соединял «Большой Сырт», «Соацеру» и техкупол. До «Теплого Сырта» и «Азоры» тянули радиальную линию, а конвейер, проложенный к ДТ-комбинату, стоял законсервированным.

Антон уже пришел в себя (голова болела, но терпеть можно) и прикидывал свои шансы. Шансы были незавидны. Живой – и на том спасибо. Могли бы на месте в расход пустишь...

Подошла самоходная платформа, грязноватая, с прозрачными обтекателями и жесткими сиденьями в пять рядов. На них вповалку лежали и сидели нахохлившиеся первопоселенцы, сутулые, жалкие, озябшие на сквозняке, некрасивые, неловкие, угловатые, засунувшие руки глубоко в карманы мятых серых комбинезонов, избитые и молчаливые. Гурт. На передке платформы, привалясь к блоку силового контроля под чехлом и свесив ноги на бампер, сидел пурпур в легком боекостюме.

– Еще один? – крикнул он.

– На тебе, до кучи, – сказал Блайн и дал Антону слабого

пинка. Антон ударился коленями о подножку и упал в проход. Подобрал ноги, нащупал сиденье и уселся. На «ногоприкладство» он не обиделся – кто он такой, чтобы обижаться?..

«И это – Марс?! – думал он, поводя глазами по спинкам сидений. – Первопоселенцы! Красивый город-колония! Чужесветный плацдарм!» К горлу подкатило тяжкое раздражение. Как бараны... Их в загон – они идут. Их гуртуют – они терпят. А бить не будут, еще и спасибо скажут! А сам-то? Да и чего он, собственно, хотел? Это ему в детстве мечталось – продвинуть трансмантыйную инженерию, построить с помощью «монтажных вулканов» громадный остров и заселить его исключительно хорошими людьми. Смелыми, гордыми, веселыми, знающими, умелыми, честными. А где их взять, хороших? И что это вообще такое – хороший человек? Талантливый администратор или прекрасный производственник – хорошие? На работе – вполне. А если администратор после работы напивается и бьет свою жену? А производственник – великий охотник до маленьких девочек? Как их тогда назвать? На что глаза закрыть – на «отдельные недостатки» или на успехи и достижения? Учителя хороши? Так это смотря кто... И как разобрать, что важнее для преподавателя – проверять тест-программы или расписываться за аванс и получку? Нет, прав был тот мудрец из Азии – «мы все обычные люди», не обязательно хорошие и не обязательно плохие, а так, серединка на половинку...

Платформа с воем разогналась и понеслась. Даже теперь,

с кровоподтеком на пол-лица, Антон не растерял обычного любопытства. Глазел. Туннель закруглялся подковой, уводил цепочку светилен вверху за поворот. Ближняя однообразно белая стена была кое-где расписана в манере соцреализма: могучие космонавты и колонисты с несуразно маленькими, словно засушенными головами на монументальных шеях ширили размах, вносили вклад и звали к свершениям. А между талантливо изображенной Аэлитой и серой раскорякой «Хиуса» грубо врывалась реальность: на двери с табличкой «Противометеоритное убежище» были намалеваны пурпурный серп и молот. Антон отвернулся.

По противоположной стене тянулись коммуникации – пучки волноводов и кабелей, разноцветные трубы, коробчатая потерна Линии Доставки. Потом взгляд зацепил страшную картинку. Иллюстрацию на тему дня – на чистой стене красным по белому было выведено неровными буквами: «Пурпуры – казлы». Автор фосфоресцирующего граффити ответил за «казлов» – он лежал на узком тротуаре, под своим творением, в луже крови. Это был прыщавый подросток в голубеньком комбинезончике. Над ним стоял пурпур в броне и давал прикурить соратнику в «аргироаспиде». Лицевые щитки у обоих были откинuty – сытые, довольные рожи... За три дня не обгадишь, как Гирин однажды выразился. По тротуару пронеслись белые роботы медслужбы и один оранжевый киберстроитель – затирать нелояльщину.

– Сиди! – прошипели за спиной.

Антон оглянулся. Шипел маленький, сухонький мужичок.

– Куда ты пойдешь?! – шептал он с надрывом. Громадный парень с копной спутанных черных волос, с заросшим кудлатой бородой лицом и кустистыми бровями, злобно ответил, что знает куда и сам найдет туда дорогу.

– Сиди и не рыпайся! – увещевал мужичок. – Герой выискался!

– Р-разговорчики! – рывкнули спереди. И стало тихо. Платформа сбавила ход и подкатила к остановке. На щите, висящем у выхода в город, значилось: «Соацера. Зеленый сектор. Переход к Старой башне». Двое пурпуров окружили платформу.

– Слазь!

Заложников построили и повели. Сначала по эскалатору, потом по длинному, узкому переходу, выложенному зеленой плиткой. Это был один из коридоров, деливших на секторы здание подземного дисковидного склада. Четверка пурпуров быстро рассортировала «гурт», разбила, как длинную молекулу на нуклеотиды, и развела по разным отсекам. В том, куда попал Антон, было пусто, если не считать за обстановку двух пурпуров, одного в черном, другого в белом, исполнителя и вершителя. Вершитель, тощий, длинный и нескладный, сидел на корточках у стены и курил, воняя синтетическим табаком, а исполнитель, полный, с пышными черными усами и очень короткой шеей, занимался учетом или, если продолжать тему скотоводства, ставил клейма.

– Фамилия? – спрашивал он скучным голосом.

Первый в очереди, коренастый, краснолицый первопоселенец, процедил:

– Рожков Виктор Афанасьевич.

Пурпур в белом, сидевший у стены, ранее безучастно глядевший на экран компьютера, лениво проговорил, растягивая слова:

– Еще раз вякнешь сквозь зубы – выбью.

И затянулся трещащей сигареткой.

– Адрес? – по-прежнему скучно спросил полный.

– «Большой Сырт», – пробормотал колонист, – улица Высокая, блок два, модуль двадцать пять...

Полный покопался в столе, достал паспорт-браслет и протянул Рожкову.

– Тут излучатель индекса, – пояснил он. – Носить не снимая, под страхом уничтожения. Адрес временного размещения – на браслете. Модуль не покидать, с соседями не общаться. Снабжение по классу Д8. За хорошую работу и примерное поведение класс повышается на разряд, за услуги Лиге – на десять разрядов, то есть на класс. Следующий...

Когда очередь дошла до Антона, в дверь ввалился пурпур в белой легкой броне, но без шлема. Лицо его показалось Антону знакомым – бледное, остроносое, глазки белесые... Вожжеватов! Ах ты, душепродавец! Колонка пятая!

У бледнолицего вершителя тоже мелькнуло узнавание.

– Антон! – воскликнул он. – А я смотрю – то ли ты, то

ли не ты!

Васька Вожжеватов... Он летел с ними на «Боре», в девятой каюте. Вместе с Гошей Черняком илевой Соловейчиком. Ну вот как это, а?! Гоша и Лева оба в ополчении, а Вася... Продался, гад! Ведь не исполнителем же заделался, в вершители выбился! Значит, никто ему ничего не подсаживал, он сам, по своей воле предал своих! И Толика застрелил... Ну и кто он после этого?!

Антон изобразил радость и протянул руку. Вася с размаху впечатал в нее свою пятерню.

– Фамилия твоя как? – оторвался от терминала полный исполнитель.

– Этого я на время забираю, – заявил Вожжеватов, хлопая Антона по плечу.

– Да хоть насовсем, – равнодушно сказал полный. – Следующий!

Вожжеватов вывел Антона в коридор.

– А ты как в БГ попал? – спросил стажер. – Я думал, они только неработающих к себе берут...

Вожжеватов усмехнулся.

– Я уже третий год в Лиге. Видишь? – Он шелкнул по нарисованным на спецкостюме нашивкам. – Седьмой разряд! И я в нем Двадцать первый! И не в БГ, а в ПГ я.

– ПГ?

– Производственная Группа! Слушай, давай тоже к нам?! Все не одному!

Антон обрадовался и перепугался одновременно: неужели удастся внедриться?! И будет он в тылу врага... Боец невидимого фронта.

– А возьмут? – спросил он с сомнением. Сердце колотилось, и что-то внутри сжималось от страха.

– Возьмут! – с жаром уверил его Ваня. – Я тебя по благу устрою!

– Классно! – нашел Антон подходящее выражение. – Тут все такие крутые!

Из отсека напротив вывалился как раз такой – зашкал крутизны – огромный, краснощекий, белозубый. Он волочил за ноги длинноволосого первопоселенца с серьгой в ухе. На поселенце не было живого места, а слипшийся «хвост», как кистью, мазал пол красным.

– Да не туда! – выглянул из дверей Мирон Сартаков. – В утилизатор!

– Сейчас я... – пропыхтел краснощекий, переваливая тело в лоток камеры отходов. – Свинья! Измазал только всего...

Утилизатор сыто заурчал, хищно подмигивая красным глазком. «Крутые... – вспомнил Антон. – Вас бы самих так! Всмятку!»

– У Мирона лапа железная, – по-своему понял Вожжеватов гримасу на лице Антона. – Даже нашего вершителя школит!

– Какого вашего?

– Господина Гереро, – уточнил Вася и похвалился: – Я с ним «вась-вась»! Пошли, он как раз сейчас обедает! Он, когда выпьет, добрый становится!

Вместе они поднялись наверх и вышли в Верхнем парке Соацеры. Парк был разбит на юру, и росли в нем удивительные деревья – одни стволы, без ветвей, без сучьев, то прямые, как столбы, то дугой до грунта загнутые. И густо-густо опушенные лазоревыми нитями листьев. «На ветру, – подумал Антон, – эти „волосы“ будут шелестеть тихонько-тихонько, как сотня распускаемых кос...»

С вершины холма открывался вид на Соацеру, очерченную по кругу прозрачным куполом. Местность была и осталась холмоватой, увалистой, но не такой засеянной и застроенной, как в «Большом Сырте». Вся северная часть купольного города представляла собой гряду рыжих дюн, проутюженных поперек узкой дорогой к единственному строению на этой пустынной окраине – белым яйчатым куполам и кубам завода стройматериалов. От самого парка вилась дорога на плоское поднятие, где стоял дом-город на двадцать тысяч жителей – ярусы белых куполов, крутых или пологих, башен с круглым верхом и галерей-переходов между ними. Все это выглядело огромным, объемистым, даже коридоры-переходники были широкими, как улицы, только затянутыми в трубы.

– А кто из них главнее? – решил спросить Антон. – Мирон или Гереро?

Вожжеватов оглянулся и сказал, понизив голос:

– Локи! Он самый главный. Как бы тебе объяснить... Ну, шеф как бы хозяин, а они как бы его слуги. Его даже Тхакур боялся!

– Ничего себе...

– Да, братан, такой он. Шеф... как это Гереро говорил... психократ. Во!

– Ух ты... – неуверенно сказал Антон. – То есть он нами управлять может?

– Аж шум будет стоять! – подхватил Вася. Он оглянулся, но редкая колонна заложников, подгоняемая боевиками, брела вдалеке, направляясь к главному входу, а за редкими синими кустиками, высаженными вдоль дорожки, не спрячешься. Да если бы даже и было кому подслушивать, Вожжеватов все равно выложил бы переполнявшие его совсекретные сведения. Что ему за интерес и какое удовольствие знать и не похвалиться, не предстать человеком, облеченным доверием вышестоящих?! Болтун – находка для шпиона...

– Локи вообще новый вид, – спешил поделиться Вася. – Хомо супер! Прикинь? Никто толком не знает, как и что, но родился Локи в секретном институте, где-то в Ютландии, а когда вырос, взял и ушел оттуда! Заставил всех этих мэнэ-эсов служить себе! Прикинь? Росту он маленького...

– Как Гитлер, – ляпнул Антон.

– Точно, – хихикнул Вася и строго сказал: – Ты базар-то фильтруй!

Антон дурашливо откозырял, и Вожжеватов заулыбался с прежним энтузиазмом.

– Да все великие габаритами не блещут, – продолжал он болтать, – что Гитлер, что Сталин, что Мбуви, что этот... как его... ну, торт еще такой есть...

– Наполеон, – подсказал Антон.

– Во-во! Зато голова у Локи... Большая, лысая вся, и глаза... ужас, что за глаза! И еще он импотент. Ну, вообще никакого там секса с либидо! Прикинь? Мы-то только и думаем об этом, а у шефа – как отрезано! Это ж какие мечты у такого – без пола, без похоти! Вот чего он хочет? Нам этого не понять!

– А ты сам-то его видел?

– Да мы его каждый день видим! По СВ. А вчера вообще! Захожу в штаб, слышу – Локи приказ отдает по видеофону. Голос у него такой, на женский похож, только холодный, ледяной просто – меня аж в дрожь бросило! Что интересно, экран выключенный был, не видно шефа, а Мирон навтыжку стоял! Прикинь?!

По лестнице они поднялись к большим воротам дома-города и прошли в коридор Гагарина. Такое ощущение, подумал Антон, что идем внутри фюзеляжа огромного самолета. Круглые иллюминаторы в стенах лишь усиливали это впечатление.

Стажер прислушался к себе. Интересно... Страх покинуло его, организм словно устал бояться. Не отпускало какое-то

нервическое напряжение, но в том неопределенность вино-
вата – что ему светит, он даже не догадывался. Побудешь тут
спокойным...

Коридор Гагарина выводил в вестибюль Циолковского –
своеобразную городскую площадь, занявшую весь низ Се-
верной башни. К высокому потолку были подвешены решет-
чатые щиты стереосинерамного демонстратора, и представ-
лялось, что крыши и вовсе нет – над головой проносились
багровые облака, сталкиваясь с тяжелыми, свинцового цвета
тучами, и сбивались в бурую мешанину. По периферии за-
ла, между входами на эскалаторы и шахтами лифтов, тесни-
лись «объекты соцкультбыта» – пункты связи, парикмахер-
ские-автоматы, туалеты-автоматы, буфеты-автоматы...

У открытой веранды кафе Вася с Антоном остановились.
Половина столиков была занята исполнителями и вершите-
лями. Лучеметы небрежно висели на спинках стульев, позы
небрежны – оккупанты в захваченном «нас. пункте». Пур-
пуры пили, ели, гоготали, «базарили», ругались и даже пе-
ли. «Вив ла мор, вив ла гер! Вив ле сакре мерсенер!» – го-
лосили в углу веранды, стуча кружками в такт. «Die Fahne
hoch, die Reihen fest geschlossen, – ревели их соседи, – S.A.
marschiert mit ruhig festem Schritt!» Ну, правильно... Что же
им еще петь?

– Ага! – сказал Вася довольно. – Он здесь! Пошли!

Они пошли. Кафе в рекордные сроки заплывывалось, за-
шаркивалось, забрасывалось окурками, оборачиваясь тавер-

ной с Тортуги или салуном в Абилине образца 1867 года, паршивой забегаловкой, куда благовоспитанным девицам вход заказан, а мужчины должны хорошо подумать, прежде чем посетить подобное заведение.

Вася Вожжеватов провел Антона к столику, за которым сидел Фелиппе Гереро. Белый комбинезон экс-директору шел и сидел хорошо. Мягкий обтягивающий воротничок скрывал цыплячью шею, а острые черты сухого лица приобрели даже некую породистость.

Вожжеватов щелкнул каблуками и обратился по-уставному:

– Вершитель третьего разряда Восемь! Разрешите представить Антона... м-м... (Антон хотел уже подсказать, но Василий и сам справился) Родина! Образования не имеет, постоянной работы – тоже! Но в киберах разбирается. Предан пурпурной идее! – отчеканил Вожжеватов (Гереро поморщился), – и желает послужить нашему делу!

Гереро перевел взгляд на Родина. Антон изучал лицо вершителя 3-8, или как его там... Слезящиеся старческие глаза с красными прожилками, набухшие вены на лбу, несбритая седая щетинка на щеке... Дед как дед. Не слишком старый – бывший директор моложе Йенсена лет на пятьдесят, но тот прыгает козлом, а этот выглядит старпером. Вахтером на пенсии, потерявшим в этой жизни и прихваченным маразмом. Внукам его можно только посочувствовать. Хотя вряд ли они у него имеются, внуки...

– Ручаешься, Двадцать первый? – спросил Гереро, жуя окурок.

– Корефан мой! – Вася хлопнул Антона по плечу, и тот аж присел. Пластиковая броня только так называется – легкая. По-настоящему в ней пуд весу да еще мускульные усиления.

– С какими киберами вы имели дело, юноша? – Гереро говорил, глядя в стол, казенным голосом клерка из отдела кадров.

– Работал с СКС, – сказал Антон, – с домашними, с грузовыми...

– Эксплуатация?

– И ремонт. Профилактику делал, диагностику, настройку...

Гереро остановил его движением руки и крикнул в сторону:

– Тринадцатый!

Подлетел усатенький адъютантик в черном и блестящем, вытянулся во фрунт.

– Сбегай принеси пульт.

Тринадцатый сбегал и принес переносной пульт для связи с информаторием. Гереро вытащил квадратную карточку и сунул ее в прорезь, послал запрос. Вася весело подмигнул Антону. Тот с трудом улыбнулся. Он и до этого шел по лезвию бритвы, а сейчас закачался в неустойчивом равновесии...

– Антон Малкович... – прочел Гереро. – Код... Номер...

Вершитель равнодушно, не отрываясь от экрана, вынес решение:

– Вы зачислены в Производственную Группу. Пока – вершителем девятого разряда. Номер в разряде – Сто двадцать шесть. Служить будете под моим руководством... Вы можете идти, Двадцать первый.

Вася еще раз щелкнул каблуками, подмигнул Антону и ушел. Гереро помолчал, словно собираясь с силами, и выговорил:

– В техкуполе нам нужны проверенные люди. Поработаете в киберцентре... Послужите нашему делу, – усмехнулся он. – Жить будете там же, в казарме. Оформитесь на месте, сектор «В». Казарма в секторе «Г» – там вам покажут... Ступайте.

Антон неумело щелкнул каблуками.

Новенький спецкостюм из белого силикета с девятью тонкими нашивками на плече разил мышами. Антон убеждал себя, что никаких мышей, крыс и прочих грызунов на Марсе нет и быть не может, что карантинная служба умерщвляет все земное, от букашек-таракашек, жучков-паучков до последнего занюханного вируса. Не помогало. Впрочем, это ерунда. Сильнее физических были страдания моральные. Ох, как это тяжело, оказывается, вести бой на невидимом фронте! А вдруг кто увидит?! Что они подумают о нем? Ладно бы исполнителем стал! В конце концов, не у всех та-

кая сильная и тренированная воля, как у Жилина. Не все так хорошо знают психофизиологию и психофизику, как Йенсен. Но он-то вершителем заделался, а им лишь по своей воле стать можно! Какой вывод сделают люди? Продался, скажут, стажер. Зад пурпурам лижет, ренегат, чтоб не обижали сильно... Ладно, хватит нудить. Как ни крути, как ни верти, но он – разведчик. Наблюдатель, как в одноименном сериале...

Антон нервно ходил взад-вперед по мастерской в кибер-центре, занятом Производственной Группой. Мастерская была завалена выжившей кибертехникой. Отдельно лежали корпуса – из кремнийорганических пластиков, самые старые – из металлопласта, а два даже из квазиорганики. Словно мячи в спортзале, были собраны головы – круглые, приплюснутые, полусферические, многогранные. В одном углу – ноги, в другом – руки, на стеллажах – запчасти. Ширкнула дверь. Меланхолично прошлепал и бухнул в кресло Гереро. Он был пьян.

– Э-э-э... – затянул вершитель третьего разряда Восемь. – Ик! М-м-да...

Гереро утер потное лицо ладонью. Пальцы его мелко дрожали. Антону почему-то стало его жалко. Он понимал, что это враг, что это он, а не кто-нибудь сдал психократу все руководство Сырта, и все равно... не подходил Гереро образ врага. Запуганный, замороженный, запутавшийся старикан.

– Разберись с этим хламом, – выдал задание Восьмой, вы-

лушил на ладонь таблетку каспарамида и взял ее губами. – С шести до двенадцати можешь быть свободен...

– Так точно! – сказал Антон в спину уходящему начальнику. Или командиру? Да какой из него командир...

Антон брезгливо порылся в киберутиле, перебрал головы, раскидал корпуса и неожиданно наткнулся на раритет – сплюснутое туловище инициаторного разведчика типа «арктан» из экспериментальной серии урмов, универсальных рабочих машин. Ими увлекались в 60-е. Головы у «арктана» не было сроду – просто полукруглое навершие и четыре пары глаз. Значит, тулово в сборе... И тут до Антона дошло, что он гладит шершавый матовый корпус связника!

Что может быть важнее для разведчика, чем надежная связь? Какой прок от скопированных документов с высшим грифом секретности, если их нельзя передать своим? Антон ничего пока не копировал, но столько всего понаслушался, пока оформлялся в штабе, потом в секторе «Г»... И куда это все девать теперь? Да и вообще, надо же дать о себе знать – мастер, наверное, во всем себя винит. Зачем, кается, я его с собой брал?! Н-да. А «арктан» подходит как нельзя лучше. Урмы были надежные машинки!

– Вершитель девятого разряда Сто двадцать шесть! – раздалось от дверей. У вершителя Сто двадцать шестого сердце заколотилось, как ненормальное, в голове запрыгали панические мысли: «Провал! Все! В утилизатор!» – Ваш рацион на обед, – скучно сказал распределитель питания, смешной

дядька, прозванный Цыпленком из-за желтого цвета волос, суетливый и невредный. Он замешкался в дверях, отталкивая ногой бестолкового серворобота, лезущего в двери поперед хозяина. Антон, кляня себя за испуг, принял продовольственный пакет, и распределитель вывел кибера обратно в коридор. Стажер взвесил в руках сверток с рационом и футляр с тестером и со вздохом отложил обед. Сначала – связь.

Четыре изогнутые, расходящиеся в стороны ноги нашлись быстро. У них были смешные расплющенные ступни – «арктанов» готовили к снегам Ганимеда. Шести манипуляторов нужного типа не нашлось, хватит и двух. Пока шла подзарядка, Антон настроил «арктана» и проверил рефлексы. Вспомнился Фидо. Так он и не узнал, что такое спонтанный рефлекс... Вспомнилось лицо Гуниллы, бесконечно милое и доверчивое, хорошенькое даже после смерти. Ну как, как можно было ее убить?! И он еще пожалел этого престарелого гада? Слабости, страхи отошли. Он мечтал побыть «двойным нулем»? Суперагентом с лицензией на убийство? Его мечта сбылась! Антон запер дверь, присел перед «арктаном» на корточки и стал кодировать свое первое донесение:

«СТАЖЕР – МАСТЕРУ. У меня все в порядке. В. Вожжеватов, В-7-21, рекомендовал меня Гереро, возглавляющему Производственную Группу Лиги. Утвержден вершителем за сто двадцать шестым номером в девятом разряде. Намерен наблюдать и передавать всю полученную информацию. Готов выполнить любое задание, а пока сообщаю: Локи на-

мерен через декаду превратить в исполнителей первую тысячу заложников. Пурпурами расстреляно 52 человека (проскрипционные списки прилагаю в разделе „Справка“). С базы пурпуров на астероиде Вотан доставлено 4 биотерминатора – биологическое макрооружие класса „Протоплазма“. Привет всем. Стажер».

Отправив «арктана» на шахты к ополченцам, Антон отдышался и прилепился к окну.

Смеркалось. Хребет Изида почти слился с опустившейся темнотой ночи. Равнодушно светил огонечками завод в песках, а дальше, за холмами, за ободом купола, вспыхивали красные и зеленые искры, шевелились тени, сметывали теменцу косые стежки лазеров. Где-то на шахтах шел бой.

Глава 30

«БОЛЬШОЙ СЫРТ», ШАХТА «ЛЕДЯНАЯ»

1

Красная спица луча вынеслась из пустыни, ударила в стену над головой Шуйбэня, и полуотвердевшие капли расплава градинками зацокали по шлему. Вот ведь вляпались!.. Лю вздернул тяжелый фузионник, и луч красивого зеленого цвета сорвал верхушку бархана, из-за которого только что выглядывал пурпур. Мимо!.. Да и попади он в цель, все равно это ничего не даст. С одного импульса тяжелую броню не вскрыешь, самое большее, повредишь бопы – биооптические преобразователи в шлеме... Скрестишь танк с гигантопитеком – и получишь бронескафандр!

Сами виноваты. Шифу просил пригнать десятка два роботов-диггеров, чтобы было чем «Нору» рыть, а они перестарались, нахапали систему целиком – сорок проходчиков и робота-матку в придачу! «Али-Бабу и сорок разбойников». Царя Никиту и сорок его дочерей. Мы... они... При чем тут «они»? Он один во всем виноват. Таким вот дураком родил-

ся – питает несчастное пристрастие к кибермеханизмам. Он к ним относится как к живым. Любит их, жалеет, расстраивается, когда роботов ломают. Дойдет до того, что он женится на роботессе и будет нянчить маленьких роботят! Нет, а что ему было делать?! Собрать полсистемы и увести? А двадцать диггеров куда? Бросить?! Они ж испортятся! Угу... А пока он тут заботливую мамочку изображал, группу заметили с воздуха, и пытаются теперь испортить ее! По темноте уже прилетел штурмовик, но обстреливать не стал, прошел на бредущем и сбросил десантный модуль...

Борясь с волнением, Шуйбэнь неумело переключил лучевик на непрерывный режим. Было страшно стрелять по людям, но потерпеть поражение было еще страшней,

– Тима! – позвал он, не отрывая взгляда от песчаного бархана за вывалом каменных глыб. – Долго еще?

– Половину спустили только! – ответил Морган. По голосу чувствовалось – Тимка запыхался. – Больше десятка в кабину не влезает!

– Грузи остальных, а Яэли скажешь, чтоб сюда ползла – здесь не так опасно!

– Щас я ей скажу!

Тускло блестя, нестройной цепью из пустыни высыпали пурпуры в броне. Перемахивая барханы, они скрывались из глаз и возникали снова совсем в другом месте. Они выпрыгивали, поджимая ноги и паля перед собой не целясь. Вытягивали свои нижние конечности, словно шасси выпускали, и

приземлялись – уже шагов на десять ближе. Было не смешно. Было страшно. Огромные, двух с половиной метровые скафандры с пурпурной начинкой взмывали из-за гребня с тихим гулом. В ярком свете прожекторов с лифтовой башни резко выделялись щели между сегментами, округло белели «мячи» налокотников и наколенников, «эполеты» наплечников. Красные и зеленые лучи били вперехлест, оставляя блестящие, словно эмалью облитые вмятины на камнях и броне.

– Лю! – прокричала слева Яэль. – Я на месте!

– Не высовывайся!

– Что я, дура, что ли?! Давай командуй!

– А чего тут...

Из-за недалекого бархана выскочил пурпур. Лю плавно, не дыша нажал гашетку. Огненная нить пиролуча пересеклась с бопом. Боевик, временно ослепнув, не заметил камня под ногами и покатился кувырком. Яэль обернулась и показала Лю большой палец. А Шуйбэнь будто раздвоился: Лю-1 стрелял в пурпуров, целясь в ноги, и думал только о прицеле с хомодетектором, а Лю-2 смотрел на театр военных действий, как из партера, томился и потел от страха. Он перевел взгляд на холмик слева. Там стоял пурпур и целился.

– Залп! – завопил Лю.

Провыли красные ослепительные струи. Пурпуру не повезло – лучевой дуплет угодил туда, где сходились два грудных и один брюшной сегмент, образуя трехлучевую звезду. Пурпур задержался. Рухнул на бок, и следующим импульсом

ему разворотило энерготоранец на спине, что повыше ребер радиатора. Докатился гулкой хлопок. Развороченный ранец ярко вспыхнул, заливая бархан лиловыми огнями.

Оттикало пять минут. Линии красного и зеленого огня резали синие сумерки на куски. Кто-то, кажется, Яэль, зашвырнул далеко за камни стан-бомбочку. Бомбочка завизжала в оглушающем режиме, вспыхнула клубом веселого василькового цвета. На его фоне раскорячились черные роботоподобные силуэты, рикошетом накатили слабость и тошнота. Подполз Морган, дернул за рукав.

– Все! – крикнул он. – Пора! Щас кабина подыметесь! Идите, я вас прикрою!

– Я те прикрою... – пробурчал Лю и гаркнул: – Всем отходить!

Еще одному боевику пробило ранец – разряд ушел в песок, а бронескафандр застыл на одной ноге, словно под заклятием, и рухнул на камни. Два красных луча достали прожектора на башне лифта и погасили свет.

– Лю! Отползай! Все тут!

Шуйбэнь задом сместился за кучу щебня и пополз-покатился к дверце лифта. Чьи-то руки подхватили его и втащили в кабину. Лифт заскользил вниз.

Запоздалый зеленый луч раскроил черноту надвое, но поражать было уже некого – поле боя опустело.

Изида, синоптическая база-лаборатория

Изида – это плоскогорье к северо-востоку от «Большого Сырта», гигантская вмятина, оставленная астероидом, падшим в начале времен, а если смотреть с орбиты, то виден колоссальных размеров кратер, вроде Океана Бурь на Луне, и тоже окруженный кольцевыми горами-кордильерами. Планетологи такое образование зовут депрессией. Карта этой депрессии походит на схему московского метро, самого старого в Евразии и самого разветвленного. И здесь, и там от центра расходятся радиальные линии, пересекая кольцевые. Только на Изиде это не монорельсы, а каньоны и разломы. В такой-то разлом – широкое ущелье с отвесными стенами стометровой высоты – и въехали Жилин с Колмановым. Каждый правил своим краулером.

Глеб ехал и улыбался, вспоминая вчерашний «кигол».

Когда его, прилегшего соснуть после смены, разбудил робот-краб, почти новый «арктан» с весточкой от Антона, душа сыграла гамму чувств. И облегчение было, и радость, и злость, и возмущение. Пригасло ощущение вины, и зашевелилась, зацарапалась сметка: ага, пошли разведданные!

Киберсвязник всех перебудил— ночевали ополченцы в свежеразплавленном туннеле, постелив одеяла на теплый пол. До Коцита-4 оставались считанные метры. Яэль стала реветь, девчонки принялись ее утешать, Виджай взялся рассуждать о модельном психологическом кондиционировании и рекондиционировании, а Гошка обозвал его чучелом, явно завидуя Антону с оперативным псевдонимом Стажер... Конечно, в любой день знак удачи мог измениться с плюса на минус. Ну, так... ни природа, ни демиурги страховок не выдают. Глеб призывал себя опроститься и утешаться хотя бы тем, что стажер жив-здоров. И вообще, мелкие неприятности – это не крупные, а крупные – не смерть...

Ущелье то расширялось в долину, то стискивало стены, в одном месте утесы опадали широким разливом щебенки, в другом вырастали метров до трехсот. У их подножия лежали скальные блоки, отломленные у верха обрыва, иной раз такие громадные, что на них спокойно можно было бы разместить дачный поселок. Фиолетовые и синие мхи, довольствуясь инеем и туманами, облюбовали середину каньона, где дольше пригревало солнце. Сейчас, правда, его за тучами не видно было, а без светила холодает сразу и заметно.

Жилин старался объезжать зернистый мох (право, можно подумать, что склон синей икрой намазан!), хотя что моховицам гусеницы? Марс – биологически пассивная планета, хорошо если здесь наберется десятка два выживших видов. Но уж те, что дожили до эпохи глобальной климатизации, –

самые стойкие. Эти не пропадут...

– Поворачиваем, – сказал Колманов, – и вверх.

Жилин послал свой краулер по пыльному следу колмановского и осторожно вырулил на узковатый карниз, волнообразно поднимавшийся к тонкослойчатому, сильно выветренному уступу. За ним вставал еще один, и еще... Перевалив последний, Жилин оказался на плоскогорье. В километре к востоку серел купол синоптической базы-лаборатории, похожий на опрокинутый казан.

– Не видать их что-то... – проговорил Колманов, правя на купол. – Если нет, подождем – мимо не проедут, больше тут переночевать негде... Эти-то, которые... ты говоришь, сафари устроили – не экстремалы какие, в тентах ночевать не будут. На фиг надо, скажут...

Оставив краулеры под навесом из панелей солнечных батарей, истертых ветром до подложки, Жилин с «проводником» вошли в купол. База была недавно расконсервирована – воздух нагрелся до плюс двадцати, в библиотеке-лаборатории грудой лежали надувные матрасы и небрежно скатанные одеяла; старая кухонная машина была заляпана сбежавшим кофе. Крошки на полу, окурочок в углу, сипящий унитаз-автомат за открытой дверцей туалетного блока – все выдавало гостей не очень-то культурных и далеко не чистюль.

– Чтоб я еще раз вас сюда пустил... – бурчал Колманов, ожесточенно оттирая панели УКМ. – Привыкли, что за ними киберы ходят... А у самих что, руки отвалятся? Будешь чай?

– Буду, – кивнул Жилин, выглядывая в окно.

– Что-то мне тут Наташка насовала... – Колманов развернул пакет и заглянул в него. – Печенье!

– Пойдет...

Странно, но тишина вокруг, закипающая вода, Колманов, выкладывающий съестное, – все это шумство и беззвучие, сродственные пикнику или выезду на дачу, не расслабляли Глеба. Настороженность не уходила – уши вычленяли новые звуки, глаза нет-нет да и поглядывали на окна, а правая рука всегда оставалась свободной... Впрочем, он не очень-то и страдал от постоянной alertности. Всегда быть на взводе – это нормально, такая привычка досталась ему от предков, а те унаследовали ее от своего тотемного животного. Да не особо-то теперь и понежишься, даже если и захочешь. Антон в тылу врага. Ковальский на задании. Бранкевич с Шуйбэнем роют «Нору». Да и сам-то ты весь на виду – вот как заметят с воздуха, куды бечь?

– Пурпуры... – произнес как бы про себя Колманов. – Вот тебе и пурпуры... Ты извини, что я тогда на тебя взъерепенился...

– Да ладно... – свеликодушничал Жилин.

– Муторно на душе... По идее не мы, а Совбез должен «Еры» заниматься...

– Нет, они что-то такое готовили, – вступился Жилин за бывших коллег. – Я так, краем уха слышал... Там что-то было про блокаду, про усыпляющие бомбы...

– Они-то готовили, – проворчал фармбой, – а им не дали! Вызвали на ковер, настучали кулаками, обрызгали слюной... Догадываешься почему?

– Голоса, – коротко сказал Жилин.

– Точно! Пурпурные – кто? Пурпурные суть «вооруженный отряд партии», боевой авангард неработающего класса, а не работает подавляющее большинство активного населения! Вот и финтят политики. И эс-бэ велят прогибаться. А то как же! Прижмут эсбэшники хвост уроду этому, Локи, а вдруг электорат обидится? Возьмет да и прокатит на выборах!

– Они когда-нибудь доиграются, – сказал Жилин, выглядывая в окно. – Дождутся, что банды пурпуров вырастут в армии! И придется вести уже настоящую войну! Как тогда, с Халифатом. Да и с Гитлером то же самое...

– Ну, так... – усмехнулся Колманов. – Дороги-то мы, слава богу, построили. Еще б вторую российскую проблему решить... А это болячка застарелая... Все эти пурпуры, они что – сами по себе завелись? Сами же их расплодили! Кто этих дурачков просил труд отменять? Вы бы сначала замену ему нашли, правильно? А потом бы уже и сокращали этих... рабочих и крестьян. Постепенно! Сначала бы с производства, потом со сферы обслуживания. А то устроили дурдом какой-то!

– Да уж... – усмехнулся Жилин. – Что дурдом, то дурдом... Все как с ума тогда посходили. С утра до вечера – де-

монстрации, манифестации, пикеты, митинги... «Да здравствует коммунизм!», «Изобилие – массам!», «Благополучие – для каждого, стабильность – для всех!» Сплошь и рядом – лозунги, призывы...

Если честно, Жилин не любил разговоров «про политику», тем более о «Второй перестройке», но Колманов был в авторитете у фармбоев и туристов. Не стоило обижать мужика.

– А газеты? – бурчал фармбой. – Главное, везде одно и то же, но зато – вот такенными буквами! «Северо-Кавказский округ рапортует: освобождено от работы с сохранением среднего заработка столько-то миллионов человек...» «В Сырдарьинском окружном Фонде изобилия прошли регистрацию столько-то миллионов неработающих...» И хоть бы один вопросительный знак где-нибудь, между строк, затесался! Нет – сплошные восклицательные! Господи, в какие я только кабинеты тогда не стучался – аж до Президиума дошел. Просил все, доказывал, теребил, уговаривал – ну, нельзя вот так вот, сразу: «Нате, люди, пользуйтесь!» Рано, рано! Зачем было устраивать этот полуккоммунизм? И знаете, что мне отвечали в тех кабинетах?

– «Народ нас не поймет!» – отчеканил Жилин.

– Во! – изумился Колманов. – Слово в слово! Я плюнул и перестал бегать. Что мне, думаю, больше всех надо? Старичок какой-то, помню, пал на коленки и крестится, крестится... «Дожил! – блеет. – Господи, дожил!» – Фармбой звер-

ски выпятил челюсть. – И вот постоянно у нас так! Постоянно! То Петр на дыбки поднимет, то Ленин-Сталин полстраны во гроб кладут, лишь бы править полцарством в остатке... Семьдесят лет прошло с «Красного Октября» – опять все рушить кинулись! Ну что ты скажешь! Расхищали собственность уже не ящичками-мешочками – заводы тырили, целые отрасли стяжали! «Наша цель – чисто конкретный капитализм!» И сколько там после приватизации долбаной календариков разменено? Хм... Семьдесят, однако... Цикл такой, что ли? И опять то же самое! Опять старый мир – до основанья! Рынку хана пришла, бизнесу – кранты, фирмы и монополии «крякнули»... А богатеньким это надо – быть всем и стать никем? А мафиям всяким? А чиновникам, только и знающим, что взятки с низов брать да трансферты у верхов кланчить? И полыхнула Вторая Гражданская...

Жилин хотел заметить, что причины Второй Гражданской не столь очевидны и просты, но промолчал. Иначе на повестку дня встанет еще и национальный вопрос, а это тема благодатная...

– Застал ее?.. – Пальцы Колманова затарабанили в ритме марша.

– Застал... – кивнул Глеб. – Записался в Патруль прямо со второго курса – и в самую кашу... Послали сначала в рейд по северному Транссибу, потом прорывались на Верхнеудинск, а под конец, когда полегче стало, изолировали зоны военных действий – на Урале, потом в Северном округе...

– Не в Архангельске?

– В Усть-Сысольске.

– А-а... А я в Архангельске воевал... До блокады еще не дошло, так только, блокпосты стояли. Это было что-то ужасное... «Золотые» взорвали криогенератор прямо в центре Холмогор – я был на «вертушке» тогда, патрулировал Двину. И все видел. Над городом вспухло такое... облако, какое-то маслянисто-жирное, белое-белое... Река в том месте замерзла на счет «четыре», сосны лопались, их корежило и щепило, а люди... Господи! Вдруг ни с того ни с сего – и минус сто пятьдесят! Потом все туманом заволокло, пошел дождь со снегом... Как они еще до аннигиляторов не добрались, не понимаю, сволота поганая...

Колманов горестно пожевал губами. Глеб молчал. Он вспоминал себя, тогдашнего, вольноопределяющегося Жилина, в новеньком пятнистом спецкостюме, с проверченной дыркой для первого «Георгия», как он стоял на броне квадратного патрульного танка, держась за пятиметровый решетчатый конус с биопарализатором наверху. Стоял, сгибая колени в такт приседаниям машины, и смотрел, как над омским Подземным Узлом вьется турболет «золотых» – блинчатый «гранд» – и жжет ПУ в упор. Он весь был забит машинами, этот узел. Восемь автострад пересекались здесь, сплетаясь бантиками развязок; колонны серебристо-обтекаемых электробусов, гигантских автокаров и крошечных каплевидных легковушек еле тащились, бампер к бамперу. И все это

вспыхивало с разных концов, загоралось желтым светом; весело пылал кустарник на разделительных полосах, полыхнули елки за обочиной... А турболет медленно кружил, его подбрасывало на черных тяжелых клубках, прорезанных фонтанами искр, но пилот все палил и палил из спаренного лучемета, выцеливая, где толпа погуще. Гремели разряды, пылали, взрываясь, автоплатформы, ползали по черной земле живые жаркие факелы... Ни до, ни после не испытывал Жилин более тяжелой ненависти. И более жестокой радости, когда шар направленного психоизлучателя у него над головой зашипел и столб голубого света тюкнул по блистеру вражеской машины. Турболет завихлял, налетел сослепу на опору Западных Ворот, закувыркался, распадаясь на части, и даже аварийная спасательная капсула летуна не выручила – угодила в самый жар, в пылающую гору...

– М-да... Вот такие пирожки с котятами... – мрачно выразился Колманов. – А пурпурные – это, батенька, такая зараза... похуже и красных, и золотых! Новая классовая борьба, Петрович, во как! И ведь никто даже понятия не имеет, чего нам ждать от этой многомиллионной толпы тунеядцев, бездеятельной, инертной... скучающей. Не могущей и не желающей думать хорошо. К чему нам быть готовыми? К сытым бунтам? К мировой революции?! К чему-то вроде религиозных войн?!

Жилин беспокожно моргнул. Он стал лучше понимать этого умного и хорошо образованного человека, любящего

прикинуться «деревней».

– Ты меня поразил, – признался Глеб. – Я даже не думал об этом... вот так.

– А как еще? – сухо вато сказал Колманов, словно стыдясь своих эмоций. – Тут думай не думай...

– Да это понятно... Я вот сейчас вспомнил... С полгода назад, перед боевым вылетом... – Жилин запнулся, – ... последним моим... я был в Офицерском собрании. Так зашел, посидеть. И услышал один спор. Спецназовцы обмысливали чьи-то звездочки и громко выясняли, что им делать с неработающими. Седой полковник орал, что не желает подчиняться администрации, которую выбирает большинством голосов «это быдло». Ему бурно подпевал пьяненький ротмистр, требуя для «без-здельников пор-ражения в пр-равах и тотального обнуления индексов социальной значимости». И знаешь, на чем они сошлись? Что надо ввести «военно-административную диктатуру работяг»! И их поддержали с соседних столиков! Морпехи, летуны, флотские – все были «за»!

– Вот так! – многозначительно сказал Колманов.

Внешняя акустика донесла хоровой вой десятка краулеров.

– Пожаловали, орелики... – пробурчал Колманов.

Глеб выглянул в иллюминатор. К базе подкатывали новенькие, пылью покрытые танкетки, все – модели «Ящерица», раскрашенные в скифском зверином стиле. Но водите-

ли с пассажирами выглядели еще живописнее – у одних были шлемы из спектролита, снаружи непрозрачные, с нарисованными харями а-ля Хэллоуин или на манер колядочных личин; на прозрачные шлемы присобачивали большие розовые уши или мягкие рога. Иные носили черные спецкостюмы сплошь в «блестяшках» клапанов, застежек, клепок, шевронов, позумента. Кое-кто щеголял в меховых дохах с обрванными рукавами – прямо поверх серебристых пилотских комбинезонов. У половины сих верных последователей старинных байкеров и новомодных роддеров на груди красовалось по нескольку значков Фонда избытка – с витым рогом Амальтеи.

– Вот же любят выдрываться... – бурчал Колманов, садясь на стол и кладя на колени лучевик. В тамбуре гулко затопали, и в отсек, шумно споря и ругаясь, ввалилась первая партия отшлюзовавшихся. Впереди выступала угрюмая личность, косая сажень в плечах. Завидев чужаков, личность остановилась и вознесла руку с пластетом пива. Спор оборвался, ругань и хохот смолкли. «Авторитет», – усмехнулся Жилин.

– Че надо? – не отягощая себя хорошими манерами, осведомился «авторитет».

– Во-первых, здравствуйте, – хладнокровно сказал Жилин.

– Привет. А во-вторых?

– Вам хоть известно, что на Сырте деецца, или провести

вам политинформацию?

– Мы в курсах, – высказался «авторитет».

– Тогда какого хрена вы здесь околачиваетесь?! – сменил тон Жилин. – Там убивают, а вы все никак не наиграетесь?!

В ком-то из толпы его слова вызвали нужную реакцию, но в одном-двух, не более. Их смущение терялось в наглости и глумливых усмешках массовки.

– Ты кто такой в натуре? – подступила угрюмая личность, косая сажень в плечах.

– Я – Жилин, главный киберинженер и командир ополчения. А ты кто?

– «Кто в теремочке живет? – заблеяли из толпы. – Кто-кто в невысоком живет?»

Еще дважды звякнула дверь шлюза, и в отсек наместились чертова дюжина здоровенных лбов. Те, кто пришел позже, теребили занявших места в партере. «Авторитет» утишил «ореликов».

– Я – Жестянщик, – сказал он внушительно.

– А имя у тебя есть, Жестянщик? – усмехнулся Жилин.

Вожак нахмурился. Он чувствовал опасность, исходящую от этого человека с георгиевским крестиком на комбезе, и немного нервничал.

– Ну, Ричард, – проворчал он.

– Так вот, Ричард, по закону о ЧП я имею право мобилизовать комбатантов от двадцати одного до шестидесяти. Но хочу, чтобы вы сами вошли в ополчение – добровольно. По

зову сердца и все такое.

В толпе зашумели.

– А если сами не войдем, – сказал Ричард с бодрым пониманием, – ты нас силой принудишь?

– Придется, – улыбнулся Жилин. Колманов азартно задыгался.

Грохнул смех.

– А давай так, – оскалился Ричард, – ты и я, один на один, помесим друг друга! Твоя возьмет – мы вливаемся, моя... – Он развел здоровенными ручищами. В толпе прошло оживление.

– Давай, – легко согласился Жилин и расстегнул сапоги.

– Босиком, что ли? – Ричард недоверчиво нахмурился.

– Согласись, – сказал Жилин, скидывая спецобувь, – неприятно чувствовать на губах вкус грязной подметки...

Он снял оба пояса, аккумуляторный и оружейный, протянул их Колманову и сделал пружинящий шаг.

– Я готов.

Сопя, Ричард стащил свои башмаки и, не разгибаясь, как был, ринулся на Жилина. Но командира ополчения там уже не было. Жестянщик вытаращил глаза и заозирался.

– Я здесь, – напомнил о себе Глеб.

Ричард развернулся, как танк, и сделал неожиданно быстрый для своей комплекции выпад. Жилин снова ушел «в Зазеркалье», а когда появился в поле зрения взбешенного вожака, уколол его пальцем в солнечное сплетение, «пробив»

мощную плиту мышц, и тут же нанес удар пяткой ладони в подбородок. Ричарда отнесло в толпу, как шар в кегельбане. Он расшвырял товарищей и вцепился в переборку. Двойной пластик загудел на ноте «до».

Ричард, однако, не разозлился и уж тем более не забоялся. Поражение его только раззадорило. Он встал, утер рот и, присев, двинулся по кругу. Пушечный удар правой ногой не достиг цели – Жилин отбил его, повредив Ричарду колено. Охнув, детина отступил. Тогда напал Жилин. Никто толком ничего не понял. Просто что-то замелькало – то ли руки, то ли ноги, – слышались звонкие и тупые шлепки. А когда Жилин отшагнул, избитое тело Жестянщика упало на пол. Словно уронили размороженную мясную тушу.

Толпа молчала. Колманов гордо улыбался.

– Не обижайся, – сказал Глеб Ричарду, трепыхавшемуся на полу. – Драться ты мастер, но для меня этого мало.

– Жилин, – объяснил Колманов снисходительно, – чемпион региона по субаксу.

По толпе пронесся одобрительный гул. Повозив мордой по полу, Ричард попытался привстать, но тело его не слушалось, удалось только сесть, да и то со второй попытки.

– Ну, ты меня сделал, – прогудел он, озабоченно щупая живот. – А только за каким хером мы пойдем в это ваше ополчение?

– Дело именно в том, – холодно сказал Жилин, обуваясь, – что оно не мое и не чье-то, а наше. Общее.

– А меня мама не пустит! – выкрикнул знаток русских народных.

– Как звать твою маму? – неожиданно спросил Жилин и достал из-за отворота планшетку компьютера.

– Алла Наумовна... – растерялся знаток. – Шарафутдинова.

Жилин вывел на экран черный список, переданный Стажером.

– Алла Шарафутдинова, – прочел он, – инженер-контролер... – Глеб выдержал паузу. – Оказала сопротивление двойке Боевой Группы. Расстреляна на месте.

Тихий ангел пролетел с лучеметом под крылом.

– С такими вещами не шутят... – отдельно сказал Ричард.

– А мне не до шуток, – холодно промолвил Жилин. – Расстреляно пятьдесят человек. И мужчин, и женщин. Есть и дети – тут у меня целый список.

– Господи, господи... – шептал знаток, кривя лицо.

– А ну, – с оттенком боязни попросил Ричард. – Поищи мою фамилию!

– Какую?

– Э-э... Берестов!

Жилин навел справку.

– Берестов Михаил Альбертович, – вычитал он, – неработающий. Расстрелян. Родич?

– Брат... – Ричард сжал огромные кулаки. – Младший...

– А мою поищи! – закричали в толпе. – Панайотов! И мою!

Вишневские мы!

Жилин нашел еще одного в скорбном перечне – Бузова Виктора, инженера-ассенизатора, отца молодого балбеса Шурика. Колманов уже не улыбался. Хмурый и злой, он глядел в окно. Губы его передергивались.

«Чертова дюжина» молчала, постигая масштабы и смысл происходящего. И без того угрюмый, Ричард сделался еще мрачнее. Он тяжело поднялся с пола, отломил от своего шлема дурацкие рога и пробасил:

– Выходи строиться... ополченцы.

3

«Большой Сырт», Нора

Шахта была неширокая, она уходила вверх и вниз, как колодец, сложенный из литопластовых колец, и постепенно тонула впотьмах, кое-где перебиваемых жидким светом фонарей. Со второго горизонта доносились гулы и шкрябанье землеройных киберсистем, по серым стенам шарахались тени и сполохи, шумел поток нагнетаемого воздуха, приносящий запахи озона и разогретой пластмассы.

Жилин стоял на круговой площадке (дырчатый пол, хлипкие на вид ограждения, огни кольцом) и глядел под ноги. Горизонтом ниже светилась еще одна площадка, а дальше уже ничего не было видно – только вода шумела, словно невыключенный душ, и плюхались в нее куски камня. А может, всплывало что-то живое...

– Где Жилин? – басом заорали из штольни.

– Он где-то тут должен быть, – ответил чей-то голос.

– Здесь я! – крикнул Глеб.

На площадку, отряхивая пережженный грунт, выбрался Шуйбэнь.

– Еще одиннадцать штук! – возбужденно тараторил Лю. – И матка! Чуть из-за нее в облаву не попали! Пока эту дуру спустили, пока лифт поднимался – думал, до нас очередь так и не дойдет!

– Да бросили б вы ее к черту! – недовольно сказал Жилин.

– Нуда! Еще чего...

На площадку, шаркая резиновыми протекторами, выбежали роботы-строители, разбрелись, бестолково тычась в перила, в ноги, мигая бортовыми огнями, жужжа и стрекоча. Из маленького туннельчика выбрался Морган и стал собирать «отару».

– В лифт их! – крикнул Жилин. – Открывай дверки, а я загоню! А ну!

Топоча по кольцевой площадке, киберстроители бросились к подъемнику. Одному места не хватило. Жилин с Ти-

мом сграбастали брыкавшегося робота и закинули его на спины влезших.

– Закрывай!

Тима навалился на дверцу. Фиксатор щелкнул, и подъемник тронулся, гудя и перестукивая.

– Глянь-ка, – Шуйбэнь подошел с планшеткой компьютера, – я тут планчик набросал...

Жилин всмотрелся.

– Это «Нора»?

– Скорее норка... Вот тут – шлюз, с этого конца – выход к Коциту-4. Там как раз ледяной грот, можно будет черпать прямо из озера – чистая талая вода. Слева по коридору... С краев – энергоблок и арсенал, посередке два жилых бункера. Справа, если от шлюза смотреть, медблок, хозблок и три бункера под жилье. Не хватит места – можно будет потом расширить жилплощадь...

В туннеле замигали фонари, и оттуда донесся марш добровольцев:

– ...Цум-бай-квеле, тольминдадо, цум-бай-квеле, цум-бай-ква!..

Из туннельчика вышла шумная ватага во главе с Берестовым. Одеты все были во что попало – от спецкостюмов для горных работ до пилотских комбезов. Шлемов тоже была целая коллекция – и круглых, и цилиндрических, и мягких «безразмерных» с твердым прозрачным забралом. Рога посшиблены, перепончатые уши оторваны, лишь кружки

присохшего пластика еще оставались на гермошлемах. Навстречу Жилину шла какая-никакая, а бригада.

– Здоров, командир! – взревел Ричард. – Мы с тобой сегодня еще не виделись!

– Здоров, здоров... Вы как раз вовремя.

Наверху полыхнуло розовым. Скрежет и визг закружились по трубе шахты, посыпался мелкий горячий пепел.

– Слушай, Рич, – сказал Жилин, вглядываясь в тени на верхнем горизонте, шатающиеся во вспыхивающем розовым облаке дыма. – Объясни мне, почему ты в неработающих? Только без обид! Руки у тебя откуда надо растут, и с техникой ты дружишь...

Стоявший рядом Шарафутдинов осторожно хмыкнул. Ричард молчал. Дрожащее розовое зарево отражалось на его огромном шлеме.

– Кто бы мне это самому объяснил... – пробурчал он. – Думаешь, приятно в клиентах Фонда числиться? Все время будто подачку выпрашиваешь. А к работникам пристать... Помнишь, Рома, как мы по Москве шлялись, работу искали?

– О-о!.. – Рома помнил.

– И как? – поинтересовался Жилин. – Нашли что-нибудь?

– Экологи нас взяли – на лето. Лес сажали. С киберами больше мороки бы было, чем с нами. А мы что? Лопаты в руки, и давай... Только разве это работа? А учиться я два раза пытался – в ХАДИ поступал, потом в МАДИ... Но туда неработающих не берут. Даже если экзамены на десятки

сдашь – конкурс ни за что не пройдешь! Ректоры для своих местечки придерживают, для детей работников...

– Не буду с тобой спорить, – проговорил Жилин, – но ректоры бывают разные...

– Так, правильно! – подхватил Ричард. – И я не спую! Вон Вадик – помнишь Вадика? – обернулся он к Роману. Тот кивнул. – Поступил в Одесский универ с первого разу! Хотя там же, в Одессе, к Фонду прикреплен. Неработающий со стажем, так сказать. Сунул ректору какую-то бронзулетку эпохи скифов, фамильную реликвию – и поступил! Сейчас на четвертом курсе уже, наверное...

Жилин промолчал. Ситуация с неработающими приобрела новый цвет, неприятный и тошнотворный, гадостный. Слухи о продажности деканов и кадровиков ходили давно, но его этот рэкет пока что не касался никаким боком. Может, везло на хороших людей? Марина, правда, рассказывала, как один препод обещал ей поставить зачет через постель. Ну, Жилин показывал Марику пару приемчиков... Помогло.

– Да фиг бы с ним, с образованием, – проговорил Ричард. – Ведь не то обидно, что в вузы трудно попасть, а то, что все уверены, будто нам легко живется, раз все имеем даром! А что мы имеем? Бесплатное жилье? Да. Стандартные жилые модули в сотовых многоэтажках – их еще «ульями» зовут. Коттеджи строятся не для нас! Бесплатное питание? Да, хоть обкушайся! Стандартными блюдами по Линии Доставки. А на дверях ресторанов таблички висят – «У нас

платят!»! И так чего ни коснись – все у тебя, неработающего, по третьему разряду и второго сорта...

Жилин хмуро задумался.

Работники – неработающие, трудники – журуны... Не все так просто. Люди надвое не делятся. Наверное, кому-то выгодно так вот их divide, чтобы потом empire в полное свое удовольствие...

– Глеб Петрович, – проскрипело в наушниках. – Десять метров прошли уже. Трэба пепел убрать, киберы буксуют!

– Лева, ты?

– Я! Что, есть там рабсила?

– Есть... – прокряхтел Ричард, вставая. – Пошли поможем!

Ватага поднялась, отряхивая серебристые и черные силиконовые зады, и потопала гуськом за бригадиром.

– Пепел гребите прямо в ствол! – крикнул Глеб. – Ричард!

– Я понял! А лопаты... А, вижу!..

Ширкающие звуки, скрежет и затрудненное дыхание заняли прямой эфир. Непроницаемо-серые клубы пепла повалили из штольни, словно густой дым, только не вверх, а вниз, просыпаясь спекшимися комочками пережженного грунта. Все перемешались – покрытые одинаковым слоем пепла, шохо и хома, журуны и арбайтеры, туристы и добровольцы, первопоселенцы и землежители вместе одолевали осадочные и метаморфические породы. Вместе справлялись сами с собой, бессознательно стирая различия, размывая стены непо-

нимания и лжи. Трудные метры уравнивали. Идеально круглый туннель, выплавленный в горной толще, забитый клубящейся пылью, сотрясаемый воем и визгом плазменных резачков, был один на всех.

Часам к пяти вышли к Коциту-4. Шуйбэнь не ошибся в расчетах – пол туннеля оказался выше уровня воды почти на полметра. Озеро открывалось, заключенное в стенах грота, маленького, как зал ожидания на провинциальном вокзале, а сверху нависал неровный ледяной свод, увешанный сосульками. Между черной водой и стеклисто-молочным льдом висел холодный туман, было слышно, как падают капли. Сквозняк из туннеля скручивал сырую дымку, но не растаскивал вовсе. Неподвижная студеная вода покрывалась сеточкой ряби.

Жилин пробился сквозь вихри пепла, за коими тлели струи плазмы, и крикнул Соловейчику:

– Лева, убери мощность!

– Что?!

– Мощность сбрось!

– А, ага!

Грохот поутих. Лишь один кибер так увлекся проходкой, что не сбавлял визга, врубаясь эффекторами со всей дури.

– Лева! Успокой того диггера!

Робот получил пинка и запросил дальнейших указаний.

– Продолжай выполнять программу, дубина, но интенсивность сбрось на полста процентов!

– Приказ понял...

Из облака пыли вынырнул Ричард Берестов и оглядел берег Коцита-4, освещенный лучами прожекторов.

– Ух ты! – восхитился он и моментом перешел к делу: – Глеб, там этих... киберстроителей подвезли. Куда их?

– Пусть пока с тобой побудут. Скажешь им, чтобы пепел повыгребли!

– Ага! Ты думаешь, я в этом петрю?

– Там у них щиток на спине – откидываешь его, и рычажок перебрасываешь с «автомата» на «ручное». Увидишь там! И команду!

– Ладно, попробую...

Жилин прошелся по бережку – узенькому галечному пляжику – и огляделся. И тут скала, и там скала.

– Лева, какая порода?

– Андезит!

– Ясно дело... Как расширишь туннель, переводи своих на перпендикуляры. Начнем «Нору» рыть...

– Стандарт 56 и 63-с?

– Ну да, не до изысков...

Начались работы по разворачиванию лагеря. Работали в темноте, подсвечивая нашлемными фонарями, или просили киберов осветить фарами. Разносили спальные мешки и скудную мебель по жилым бункерам, расставляли и раскладывали на горячем, не остывшем еще полу; ставили кондиционеры, озонаторы, ионизаторы, климатизаторы, реге-

нераторы... Провели свет под потолком, обклеили гладкие оплавленные стены сетками термоэлементов. Работа кипела – вспыхивали огни сварки, тонко зудели ультразвуковые насадки, размягчавшие камень.

Девчонки подметали средний коридор, мыли каменный пол и грозно покрикивали, чтоб «не разносили грязь». Жилин устало потянулся и промолвил:

– Ну, ладно... Сейчас девушки отправляются баиньки...

Наушники донесли взрыв негодования.

– Тихо, тихо! – утишил Глеб возмущенных красавиц. – Что вы так разнервничались? Сначала вы идите ложитесь, а мы пока тут займемся СЖО и прочим. Потом мы будем отсыпаться, а вы наведете в бункерах порядок, все разложите по своим местам... Вопросы есть? Вопросов нет.

Красавицы неохотно послушались. Обиженно ворча, они разобрали спальники и исчезли в темноте бункера. «Спокойной ночи!» – послышался в наушниках чей-то голосок, исполненный яду, и одеяло криво завесило «геникей».

Тут же зазвякала дверь шлюза.

– Вы нас не ждали, – донесся до Жилина чей-то знакомый баритон, – а мы приперлись! Здорово, Макс! Привет, Гоха!

– Привет, Георгий! Пополнение ведешь, Георгий?

– Ну! Где Жилин?

Глеб увидел шагнувших от тамбура Колмановых. За ними, прижимая пожитки, толпились смущенные биологи, агротехники и операторы ферм – Ван Фынчен, Ахмет Барат-

беков, Ларни Кеттунен, Флоранс Барон – народ верный, терпеливый и упорный. Работяги.

– Где это вы были так долго? – пошел Жилин навстречу.

– А мы заблудились! – жизнерадостно воскликнула Наташа. – Не в тот туннель заехали!

– Мы тут с приданым, – захмыкал Фынчен, – а то, думаем, явимся на все готовенькое... Куда класть?

– А сюда пока, к стенке! Ну! Белковый синтезатор! Вещь!

– А то! – гордо подбоченился Колманов. – Мы и капустки привезли. Пять кочанов – еле доперли! Ларни, выгружай!

– Ну, спасибо! – сказал Жилин. – А я уж и не знал, чем людей кормить! Одна вода!

– Пей вода, ешь вода... – запел Колманов.

– Папа! – предостерегающе-укоризненно сказала Наташа.

За одеялом в «девичьей» громко хихикнули.

– С-с... совершать естественные отправления, – нашелся Колманов, – не будешь никогда! Всю ритмику мне изнахратила...

Жилин почувствовал позыв к одиночеству и убрел обратно на берег озера. Вода Коцита-4 отражала ледяной свод, как недвижимое черное зеркало. Хрустя галькой, Глеб прогулялся по плоскому каменному уступу, буквально заваленному озерными грибами. Круглые гляцевитые шляпки размерами с апельсин, иногда с арбузик, были крепкие и скользкие на ощупь. Жилин присел у самой воды. Ничто – ни ветер, ни течение – не рябило ее, не нагоняло волну. Лучи прожекто-

ров сзади высекали радуги в изломах ледяного свода, разжигали холодный голубой огонь в массивных сосульках, похожих на русские витые колонны, и гасли в смолянистом разливе Коцита.

Жилин сполоснул руки и омыл лицо. Сон не шел. Нетерпение томило руководителя-исполнителя операции «Еры».

– Глеб Петрович!

Жилин мысленно застонал и повернулся. Ну, конечно! Сорокин! Подкрался...

– Алексей, – страдальческим голосом сказал Жилин. – Ты от меня когда-нибудь отстанешь?

– Когда-нибудь!

Робот-оператор просеменил по берегу, выбирая ракурс.

– Ты уже спрашивал меня вчера! – попытался Жилин уклониться.

– Так то вчера! А сегодня я к вам даже и не подходил. И вообще, довлеет дневи злоба его!

– Аминь, – кротко сказал Жилин.

– Скажите, Глеб Петрович, какая акция задумана на завтра?

– Военная тайна! – отомстил Жилин.

– Ага... Но это как-то связано с метеотехникой, с климатической станцией?..

– Ноу комментс.

– Хм. А вот скажите... Можете вы объяснить популярно... современную военную доктрину?

– А современную научную парадигму заодно не надо тебе?

– Не-а!

Жилин вздохнул.

– В прошлом году на Курилах, – начал он, – ставили опыты по замирению вулкана. Чтобы жить где-нибудь в Петропавловске или в Приэльбрусье и не бояться извержений, землетрясений и палящих туч. А война – это тоже катаклизм, только социальный. И нынешние вояки учатся именно замирать человеческие массы. Не уничтожать живую силу противника, а принуждать к миру. Не стрелять, бомбить и резать лазером, а усыплять – есть такие усыпляющие бомбы... Обездвиживать с помощью биопарализаторов – на Западе их называют станнерами... В общем понятно, да?

– Понятно, – бодро сказал Сорокин. – Короче говоря, мораль и этика поднялись на много пунктов вверх...

– А при чем здесь мораль? – усмехнулся Жилин. – Это военная техника прогрессировала, а не нравы. Весь фокус в том, Алексей, что «бескровное воздействие» гораздо эффективнее любого поражения, тем более массового. Вот и все! Врага дешевле иммобилизовать, усыпить, загипнотизировать, чем убить. Вдобавок все матценности сохраняются!

– Понятненько... – протянул Сорокин. – А вот...

Жилин глянул на часы.

– Все, аллигатор клавиатуры, ваше время истекло.

– Еще один ма-аленький вопросик!

– Все.

Когда в голосе Жилина начинал позванивать металл, с ним было лучше не спорить. И спецкор не рискнул настаивать.

– Алексей, – сказал Жилин Сорокину вдогон. – Скажешь там Гирину, чтоб сюда шел.

– Скажу! А для...

– Алексей...

– До свидания, Глеб Петрович! Я пошел!

Жилин проводил глазами тощего спецкора и покачал головой. Совинформбюро... А ничего норка получилась, подумал он. С озера база ополченцев выглядела как уютная пещера. Оттуда безостановочно несся шум – смех, споры, звяканье, шарканье, стук... Голубоватые отсветы перебивались тенями, смутный галдеж прорывался яркими репликами: «Маша, а добавочки?» – «Куда с такими ногами?!» – «Виджай, помолчи хоть пять минут!»

Голоса гасли, гуляя среди сосульчатых колоннад. Неожиданно с Коцита докатился всплеск. Круги мелких волн лизнули камень.

– Рыбозмея балует, – сказал за спиной грустный голос.

Жилин обернулся. Позади стояла Яэль. Она печально глядела на озеро и продолжала:

– Максим их втихушку прикармливает – хочет меню разнообразить...

– Ты чего не спишь? – ласково спросил Жилин.

– Я фармбоев встречала, забыл? Глеб...

– Я знаю, о чем ты хочешь спросить... – тихо сказал Жилин.

Яэль захлопала намокшими ресницами.

– И что ты ответишь? – еще тише спросила она.

Жилин вздохнул.

– Я поняла... – всхлипнула Яэль.

– Бедненькая ты моя... – Жилин нежно приобнял девушку за плечи. Яэль будто только и ждала этого – прижалась и разревелась. Жилин гладил девушку по плечу, стараясь не вкладывать в это занятие излишнего чувства.

– Зарекалась же, никогда чтоб не плакать из-за мужчин, – говорила Яэль, хлюпая носом. – И вот на тебе, опять реву... Идиотки кусок...

Жилин вздохнул.

– Я не приказывал Антону внедряться... – Поняв, что оправдывается, он смолк. Стало еще паршивей – будто загодя вину спихиваешь. Вину командира, пославшего солдата на верную гибель.

– Я знаю... – тоненько сказала Яэль. – Он сам...

– Обещаю, – твердо сказал Жилин. – Послезавтра я его верну.

– Правда?..

– Самая что ни на есть. Сегодня... ну, никак! И завтра...

А послезавтра – обязательно.

В синем круге туннеля появился Гирин. Завидев сцену

оказания первой психологической помощи, он задержался у сосуллек. Жилин подозвал его жестом – подходи, мол, даже женские слезы высыхают. Гирин подошел, потоптался у воды. Яэль оторвала от жилинского комбеза заплаканное лицо, улыбнулась вымученно, растерла ладонью слезы.

– Пойду я, – сказала она, шмыгнув носом, – а то еще Маринка увидит... в озере утопит...

– Мы тебя спасем! – горячо пообещал Гирин.

Яэль постаралась улыбнуться и пошла к туннелю, рефлексивно поправляя волосы.

– Ну вот, – сказал Максим, глядя ей вслед. – Пока я бегал, всех девок разобрали...

– А Наташа? – напомнил Жилин. – Колманова?

– Да-а... – довольно пробасил Максим. – Та еще штучка! Только она на одного тебя смотрит.

– А ты впереди встань, – посоветовал Жилин, – за тобой даже я спрячусь!

– Хм... М-да. Слушай, ты мне подал хорошую идею! – Но тут же губы Гирина смяли добродушную улыбку. – Кхм... Зачем звал?

– Надо посоветоваться...

Хрустя галькой, подошли Ковальский, Колманов, Йенсен – весь «актив» ополчения собрался на берегу Коцита-4.

– В принципе, – затянул Жилин, – я с утра вас собрать хотел. А то поздно уже...

– Пустяки, – пробурчал Колманов, устраиваясь на круг-

лом камне, – дело житейское... Успеем еще отоспаться!

– Ну, ладно... – Жилин присел на корточки. – Я тут думал, как нам пурпуров прижать...

– ...по другим правилам, – понятиливо кивнул Ковальский.

– Точно. Не буду же я слать наших мальчиков и девочек на штурм техкупола! И выходит так, что единственное средство борьбы с паразитами – это климатическая станция. Если мы ее дооборудуем и запустим на полную, над «Большим Сыртом» можно будет поднять бурю, вызвать торнадо класса Эф-Шесть, и они буквально высосут пурпуров из техкупола – пурпурные же там окопались все! А их десантные боты вихри раскурочат и зафутболят в пустыню!

Колманов цикнул зубом и сказал:

– Это все прекрасно, но... – Он покачал головой. – Давление очень уж низкое. С таким давлением я тебе Эф-Один заделаю, может, да и то не уверен, что получится...

– Заметим, – вступил Йенсен, – атмосферный завод может поднять давление до шестисот миллибар в радиусе ста километров. Этого хватит?

– Да только так! – обрадовался Колманов и тут же выругался: – Ульмотронов же нет! Нам, чтобы хоть как-то запустить климатизаторы, надо штук двадцать ульмотронов, а на станции их всего два или три, я смотрел!

– Вот гадство... – прогудел Гирин.

– Стоп! – поднял руку Ковальский. – Ульмотроны, ульмотроны... Это такие круглые, на бочки похожие?

– Да, да!

– Да их штук сто лежит на ДТ-комбинате! Только не наверху, где завод-автомат, а внизу, в выработках. Там технологический модуль есть, вот там.

– Едрить твою семь-восемь! – с чувством выразился Колманов. – Да там же пурпуров полно теперь! Производственная Группа налаживает выпуск термоядерного горючего! Ну, вчера еще Антон докладывал – и транспортер они там отлаживают, и всю технологическую схему!

– Я помню, – сказал Жилин. – Так... Готовьтесь тогда. Надо будет наведаться на ДТ и ульмотроны... того... изъять.

– Правильно! – пробасил Гири́н. – Наотступались уже! Пора и по тылам пошурудить!

– Пойдут Гоша, Лева, я, – перечислял Жилин, – ты, Макс...

– ...и я! – донесся от входа голос Яэль.

– Не женское это дело... – загудел Гири́н.

Яэль яростно зыркнула на него.

– Между прочим, – сказала она, – я не только Иерусалимский универ заканчивала, а еще и в Патруле Израиля целый год служила! И с лычками сержанта демобилизовалась!

– ...И Яэль, – спокойно договорил Жилин. – Отбой!

Глава 31

«БОЛЬШОЙ СЫРТ», ДТ-КОМБИНАТ

– Выдвигаемся через пятнадцать минут, – сказал Жилин. – Время пошло.

Ковальский покивал согласно и увел Черняка за собой – готовить краулеры.

– А я?! – вскочил Гупта.

– А ты сиди и помалкивай! – грозно пискнула Ленусик. Она положила Виджаю на плечи свои тонкие ручки, и тот покорно сел.

– Тебе надо готовиться, – очень серьезно сказал Жилин. – Тебе и Моргану. Не диверсанты выиграют эту войну, а вы – метеотехники.

– По другим правилам... – уныло, но с пробившейся гордостью проговорил Гупта и ладонью подтер нос.

– Где твой платочек?! – гневно осведомилась Лена, и Виджай вобрал голову в плечи, жмурясь и «прижимая уши», как нашкодивший кот.

Марина подошла к Жилину и прижалась.

– Ты уверен, что делаешь все как надо? – тихо спросила она и принялась разглаживать комбинезон на широкой груди Глеба. Жилин улыбнулся и обнял ее.

– Уверен.

– Там ведь и убить могут... – насупилась Марина.

– Это вряд ли, – коротко сказал Жилин.

– Я смотрю, тебя это будто и не волнует...

– Конечно. У меня же есть своя пушка.

Марина положила голову ему на грудь и вздохнула.

– Маришечка, – сказал Глеб, – не бойся. Я не один, и ребята со мной. И киберов целый взвод... Надо же когда-нибудь и сдачи дать этим... пронумерованным. Я ничего такого не хочу, только чтобы База снова стала нормальным научным городком, чтобы можно было ездить туда в гости и ничего не бояться. Разве плохо? Марик?

– Хорошо, наверное...

Марик уткнулась в грудь Жилину и крепко прижалась. Марику было страшно...

Если бы кто-нибудь спросил Яэль, зачем она так рвалась в рейд, сержант Шимшони вряд ли бы ответила. Просто возникло в ней мучительное желание что-то сделать, сотворить, одержать хоть маленькую победу над пурпурной нежитью. Можете называть это блажью...

Яэль ехала третьей после Соловейчика и Жилина. За нею поспешали Гоша Черняк и Бранкевич, а Гириин замыкал кавалькаду. Впереди, метрах в пятидесяти, маячили серебристые фигурки киберразведчиков, похожих на пауков, только симпатичных, шестилапых и четырехглазых. На их спи-

нах были выведены цифры – от единицы до шестерки. Пауки шли зигзагами, временами останавливаясь и активно шевеля манипуляторами.

Жилин потихонечку, чтобы зря не поднимать пыль, повел отряд в объезд дыбящейся мезы – на восток, к ДТ-комбинату. Левее, за мальпаисом, громоздились циклопические постройки климатической станции – главного «орудия возмездия». Но там еще ничего не было готово. Скорее бы... Нетерпение порой достигало уровня болезненного, лишая сна и отдыха. И еще роились в голове опасения – вдруг догадаются пурпуры и захватят климатизаторы?! И что тогда делать?..

Яэль чуть свернула, чтобы выехать из облака пыли. Краулер ей достался новенький, переливающийся яркой пластмассой, блестящий хрусталиками прожекторов... Вернее, это он раньше, еще в шлюзах шахты, блестел и переливался. Теперь же и низкие борта, и сиденья, и багажник обтягивала «хамелеонка», уже порядком запылившаяся.

Яэль слышала только свое дыхание и скрипучий шорох походного комбинезона. Потом она припомнила, что нужно было еще сделать. И скомандовала микрокомпьютеру, запрятанному где-то в тяжелом шлеме:

– Звук.

По ушам ударили скрип, дребезг, вой моторов.

– Тише!

– Тише, тише, тише... – звук начал таять.

– Достаточно.

Острое чувство опасности и незащищенности попритухло, Яэль успокоилась и вернулась мыслями к главному предмету своих волнений. К мужчине, заставлявшему ее плакать.

Антон ей сразу понравился, еще тогда, на планетолете, хоть и был слишком робок и неуверен. И он в нее влюбился. А она влюбилась в Жилина, такого сильного, такого надежного... И без ответа. Каменная стена... Пострадала она, пострадала и заметила вдруг, что баланс-то меняется. Антон все мужал, уверенней становился, процентный состав мужественности все рос в нем да рос. И однажды она сама сказала, что «горячее сердце обязательно зажжет другое». Где только она такое вычитала...

Яэль включила автоводитель и потащила из «седельной» кобуры увесистый дезинтегратор «перун», подхватила сей агрегат под рубчатое цевье, дважды проверила – не сброшен ли предохранитель. «Перун» – старье, тяжелый он и неудобный, но надежный. Будет стрелять, пока не расплавится.

– Режим нацеливания? – вкрадчиво спросил комп.

– Давай!

Лицевая пластина шлема мигнула и словно раздвинулась. Тонкие линии прицела хищно ловили в перекрестье то краулер, то скачущего «паука». Яэль навела лучемет на столбчатый камень и мягко включила оружие.

– Цель поражена непрерывным разрядом, – прокомментировал компьютер. – Резерв – 2,5 секунды. Рекомендую перевести регулятор на импульсный режим.

Вот балда! Сержант, называется... Яэль нашарила на лучемете ползунок регулятора и сдвинула его на «имп.» Так ведь и батарею посадить можно, стрелок...

– А ты и вправду знаешь, с какой стороны дуло у деза, – послышался ехидный голос Гирина.

– А то! – буркнула Яэль. – Не абы как...

По наметам слежавшегося черного песка отряд выбрался на бугристое лавовое поле – мальпаис. Гиблое место. Черная, словно обугленная, масса искореженных скал горбилась, задиралась высокой слоистой кручей. Громадные растрескавшиеся и пузырчатые глыбы выпирали из серых наплывов лавы, раздвигая их толстые, грубые складки, открывая потаенные ходы с неровными, волнистыми стенами. С трудом верилось, что по ним когда-то текла раскаленная магма... Теперь же из вечной тени самородных туннелей тянуло холодом.

Прошло минут двадцать. «Пауки» то сходились, то расходились. Пронумерованные «единицей» и «двойкой» на ходу вытягивали из-под панциря свои механические лапы; «тройка» и «четверка» перебежали, мигом вскарабкались на скальные обломки, спрыгивали и мчались дальше; «пятерка» и «шестерка» держались около робота-матки, словно телохранители.

Сразу за нагромождением белых глыб пемзы открылась безбрежная каменная россыпь, словно разросшийся сад камней, истыканный скалами. К Кордильерам Изиды каменная пустынь задиралась и шла мелкими, крутыми уступами,

напоминая ступени эскалатора, перетекающие из ровности пола на подъем. Сразу за заводом-автоматом матово поблескивал огромный купол входного кессона ДТ-комбината. Вокруг и около расхаживали два многоруких урма.

– Определение цели, – зачистил компьютер. – Противник идентифицирован как боевой кибер модели «Голем», тип УРМ, количество – две единицы...

– Точно киберы? – вырвалось у Яэли.

Комп будто поперхнулся:

– Степень идентификации – сто процентов.

– Режим нацеливания!

Строй краулеров раскололся. «Пауки» вытянулись в цепочку и вдруг разбежались в разные стороны. Робот-матка, плоская машина на мягких гусеницах, похожая на киберпастуха, юркнул за кучу песка и притворился камнем.

– Всем включить маскировку! – скомандовал Жилин. – Андрей, Максим – заходите слева! Остальные направо!

– Есть!

Яэль спрыгнула с краулера и, пригибаясь, отбежала под покрытие базальтовой глыбы. Взяла в руки «перун», откинула опорную пластину на коротком прикладе и прижала ее к плечу. Положила палец на вогнутую кнопку.

– Огонь!

Заряд плазмы ввинтился в «голема», выбросив метелочки искр. Машину развернуло, и удар гириного лучевика снес приплюснутую десятиглазую башку. Шестирукое туло-

во закурилось на месте, паля в надир и увязая в размякшем грунте. Его накрыло сразу двумя лучами справа.

– Готов! – оповестил всех Гирич.

Вдруг чудовищный лиловый блеск раскрыл глыбу, за которой пряталась Яэль, и покрыл камень стеклянными пузырями. Яэль бросилась на колени. Окарачь обежала валун и взяла на мушку второго робота, бешено перебирающего толстыми ножищами. Плавно нажала на кнопку. И именно тогда, когда робот резко затормозил и присел! Луч прошел выше и угодил в темную расселину, осветив на миг снежно-белые треугольники осыпей.

Справа и слева от сержанта Шимшони ударила еще пара лучеметов, высекая искристые радианты о потрескавшиеся базальтовые плиты вдали. Робот метнулся в сторону, вспарывая пемзу лазерным лучом, но допрыгался и от залпа плазменников развалился надвое, вспыхнув красно-лиловым перистым огнем.

– Второй! – заголосил Черняк. – Ага!

– Отключить оружие! – отрывисто приказал Жилин. – Всем заменить батареи!

«Пауки» снова собрались вместе и выстроились перед куполом в ряд. Яэль оглянулась. Краулеры растворились среди скал, как на загадочной картинке, где в переплетении пятен и линий нужно отыскать нарисованный предмет, а глазу не за что уцепиться. Люди были смутно видны – как тени, как переливы и отсветы. Человек замирал – и таял. Стоило ему

двинуться, и бархан позади него или источенный камень шел ритмичными волнами, начинал сечься маховыми промелями – это ступали ноги или руки качались при ходьбе.

– Первыми пойдут «однойка» и «четверка», – скомандовал Жилин, – за ними я и Макс. Потом остальные. «Двойка» и «тройка» идут замыкающими. «Пятерка» и «шестерка» остаются наверху и блокируют вход. Вперед...

Световая автоматика в кессоне не работала, пришлось включать биооптические преобразователи. На пыльном полу кессона валялись разбитые приборы, обрывки проводов, в одном месте намерзла мутная лужа. Кончиком языка Яэль перевела зрительный преобразователь в режим двойного усиления – картинка стала немного расплываться, зато проступила ярче. Впереди, закручиваясь вниз, обозначилась винтовой пандус. Поверхность его была удобная, рубчатая. Пандус выводил в наклонный туннель. Там, где туннель скрывался за поворотом, горела «вечная» лампа. Подозрительных теней она не давала, но все же киберразведчик, пронумерованный «единицей», опасливо выглянул за угол и послал сигнал по системе – чисто.

Поворот. Еще один туннель, круглый и широкий, как в метро, облицованный гладким металлопластом. У стены с надписью «Ремзона» были кое-как поставлены самоходные платформы, когда-то перевозившие бруски дейтериевого льда. Крайняя из платформ была завалена тяжелой тарой. За грязными окнами бывшей столовой были в беспоряд-

ке навалены столы и стулья, уцелевшая лампа накладывала мутный блик на перевернутую киберкухню. Два забытых робота застыли манекенами.

Яэль приоткрыла забрало и тут же его захлопнула. Дышать в туннеле было можно... но не хотелось. Тянуло сыростью, как из погреба, на облицовке стен нацвела... паутина не паутина, грибок не грибок... Мох, что ли? Дышит, шевелится... Большие пятна полупрозрачной вонючей плесени покрывали трубы гидросистемы, протянутые вдоль стен туннеля. В спертom воздухе не выветривались тошнотворные, удручающие запахи. Пахло как в модулях беженцев – сырыми, перепревшими пеленками, помоями, мочой, подгоревшей кашей, сбжавшим молоком, прокисшей капустой... Так и ждешь, когда до тебя донесутся звуки ленивой перебранки и нервного звона кастрюль.

– Может, на платформе доедем? – предложил Гириh.

– Рискнем, – согласился Жилин, – а то нам еще идти и идти... И где их искать – неизвестно.

Жилин выбрал платформу поновее, сел на край, свесив ноги, и похлопал по настилу:

– Рассаживайтесь.

Максим уселся впереди, протянул руку за спину и вжал кнопку на пульте.

– Запрос? – прошипело из звучателя.

– Ручное управление, – буркнул Гириh.

– Выполнено.

Платформа дернулась и потихоньку покати́лась, подпрыгивая на «хвостах» разделанных кабелей, аккуратно объезжая какие-то ящики, плохо смотанные рулоны облицовки. Свет был неярок, панели на потолке горели через одну, а то и реже, и бойцы полностью утратили видимость. Яэли казалось, что она одна едет на платформе. По сырому подземелью, сырому и мрачному...

Скибры впереди замерли у поперечного коридора, ощупали толстые прутья, грубо и часто приваренные, зарешетившие проход, и попрыгали дальше. Сколько Яэль ни вглядывалась во тьму за решеткой, так ничего и не увидела. Мокро, темно и холодно. И слизь какая-то на стенах блестит, желтая и неприятная. Из кучи киснувшего тряпья выглядывают круглые фосфоресцирующие шляпки озерных грибов, тугих и крупных – побольше волейбольного мяча. Пахло от них сырой картошкой.

– Кое-какие туннели аж до Коцита доходят, – негромко заговорил Бранкевич, видимо, не выдержав «псевдоодиночества». – И чего в них только нет! Шахтеры понарасказали... Про ползунов, про прыгунов, про жгучую антенницу... Эту я и сам видел. В шахте, возле обсерватории. – Бранкевич, вероятно, махнул рукой, определяя запад – по воздуху прошло марево. – Я иду, а она из норы щупальце тянет... Ох, я и орал! И что ей так в наших шахтах нравится?

– А чего удивляться? – хмыкнул Черняк с другого борта. – И мокро, и тепло...

– Ничего себе – тепло! Плюс тринадцать!

– Ну, все равно, не минус же... Вон! Вон у стены!

Яэль поджала ноги, ухватилась за поручень и вытаращилась на колючее растение, разворачивающее к платформе длинные щупы.

– Антенница!

– Не вздумайте пальнуть! – предостерег бойцов Жилин.

– Шо ж я, дурак? – фыркнул Соловейчик.

– А кто? – не смогла не съехидничать Яэль.

Бранкевич пнул антенницу ногой – проплыл «образ» стеклянного сапога. Щупы мгновенно убрались. Растение, отсвечивая темно-красным, стало запихивать себя обратно в щель.

– Наверху они вялые, – рассказывал Бранкевич оживленно, – в песок закапываются, хрен найдешь. А тут – вода, хоть залейся...

– Разрезвились, – проворчал Жилин, ставя лучевик на предохранитель. – Какая здесь глубина?

Гири́н посмотрел себе под локоть, на перевернутую приборную доску.

– Сто пятьдесят.

– Может, мы не тут ищем?

– Да тут они где-то... Стоп!

Платформа дернулась и остановилась.

– Слышите? – Гири́н замер в неудобной позе, подняв руку.

Яэль затаила дыхание и вслушалась – слабеньким эхом до-

катился не звук даже – звучок. Ритмичное звяканье. Гулкий стук мерными очередями. Металлический стрекот.

– Вообще-то, – сказал Бранкевич, – там модуль и должен быть. Техно.

– Техно, говоришь? – Жилин спрыгнул с платформы и полувидным жестом позвал за собой: – Пошли. Платформа пусть здесь останется.

Дальше туннель ветвился – от главного ствола отходили еще два таких же. «Направо пойдешь, – вспомнилось Яэли, – коня потеряешь...» Шестиногие роботы побежали по среднему туннелю. Но скоро прискакали обратно. Нырнули в левый и тоже вернулись. Оба прохода оказались завалены породой – глыбами пемзы, спрессованным пеплом, обломками пенотитановых бандажей. Было ясно, что без подрывников здесь не обошлось. Отряд свернул вправо. В туннеле было заметно суше и теплее. Свету тоже прибавилось, Обомшелые стены углубились, расширяя площадь для огромных – метров десять в обхвате – гофрированных труб, выходявших из пола и наподобие толстых колонн упиравшихся в потолок. На одних была выведена большая латинская «D», на других – жирная «T». А впереди, за парой громадных ворот, раздвинутых почти до самых пазов, шумел и сиял огнями технологический модуль. Огромный кубический зал, куда спокойно могла вестись пятиэтажка, был залит ярким голубоватым светом и переполнен движением и блеском. Шаровые манипуляторы перекладывали какие-то каркасы; киберы с

завораживающей монотонностью повторяли несложные операции, что-то с чем-то соединяя, налепляя на остовы органическую обшивку, заталкивая на место разные блоки – работал У-конвейер. Зигзагом, окольцованный магнитной подвеской, перетекал сверкающий ручей металла, разбиваясь в селекторе на струйки – словно ртутное дерево прорастало сквозь путаницу конструкций. Лязг, погромыхивание, стрекот, шелканье, высокие свисты и низкие гулы метались среди решетчатых ферм и цельных столбов, рикошетом отражаясь от гладких серых стен, мячиками прыгая по зачехленным энергогенераторам. Над полукруглыми воротами было выведено огромными светящимися буквами: «Производственная Группа», а ниже коряво добавлено: «Посторонним вход воспрещен! Стреляем без предупреждения!»

– Едрить твою налево! – раздался в наушниках голос Гирина. – Обнаглели уже до крайней степени!

– Вон они! Вон! – шепотом завопила Яэль, указывая на штабель ящиков, из которых торчали ульмотроны – толстые гладкие цилиндры в полтора метра длиной.

– Быстро грузим! – распорядился Жилин и подхватил упаковку с ульмотроном.

Яэль кинулась тоже, примериваясь к ящику, но Гирин отстранил ее без особых церемоний.

– Как-нибудь без вас! – шаркнул он сапогом огромного размера.

– Макс! – вознегодовала Яэль.

– Яэль! – прикрикнул Жилин. – В нем почти центнер весу!

Следи лучше за коридором!

– Есть... – вздохнула Яэль, переживая свою слабосильность.

Все мужчины в группе были огромны и крепки, они подхватывали тяжелые ящики, волокли их к платформе и бегом возвращались обратно. Пять ульмотронов. Десять. Пятнадцать. В наушниках у Яэль хрипло дышали, хекали с надугой, отдувались.

Издали донесся тихий гул – словно ядро катили по железу, и Яэль вскочила.

– Пурпуры! – крикнула она. – Глеб!

– Слышу! Макс! Гоша! Вы таскаете ульмотроны, мы вас прикрываем!

Под потолком загуляло эхо, и в круглой решетчатой сборке замелькала транспортная капсула. Она затормозила у вертикальной шахты и скользнула вниз. Мутно-прозрачная капсула вмещала четверых пурпуров в белой броне вершителей. Жилин быстро скомандовал:

– По соленоидам – огонь!

Прогремели удары из лучеметов. Баранки катушек разваливались, сыпя градом крупных синих искр, или сползали чулком по изломившейся шахте. Стена за ней покрылась пузрыями. Фигуры в капсуле задергались, и тут шахта просыпалась на пол грудой раскаленных профилей. Капсула резко просела, скрежетнула и рухнула. Она раскололась, как

банка с четырьмя консервированными патиссонами – распалась надвое, натрое, осыпалась блестками дробленого стекла. Пурпуров раскидало. Одного привалило упавшей штангой лифта, другой уже разгибался, вставая, но дезинтегратор он выронил, и Жилин одним импульсом поразил оружие. Лучемет расплескало лужицей вокруг керамического ствола – словно в жару обрости эскимо на палочке. Пурпур бросился было бежать, но «пауки», воинственно наскакивая, брызнули в него синими лучиками парализаторов. У человека в броне заплелись ноги, он ляпнулся на пол.

Но вот вторая двойка пурпуров быстро скумекала, что к чему. Залегла за изрезанными конструкциями шахты и открыла огонь «по всем азимутам» – двойка не различала нападавших, а переключить бопы на инфракрасный было недосуг. Или невдомек.

Плазменные заряды язвили стены, выплескивая пласто-лит, перебили магнитную ловушку, и жидкий металл хлынул на пол зеркальной струей. Плитки пола затрещали, лопаясь и заворачивая края.

– Яэль! – крикнул Жилин. – Прикрой меня!

Яэль открыла огонь, стреляя быстро, не целясь, в экономичном режиме. Колеблющиеся оранжевые струи прожигали титановые листы, жаля глаза слепящими вспышками, вязли в булькающей керамике, проливали стеклянный дождь, выли или гулко ухали, смотря какой длительности был импульс.

Жилин зашел пурпурам в тыл и двумя выстрелами подрезал решетчатый мостик, висевший метрах в пяти-шести над полом. Мостик обвалился, перекособочась, и придавил обоих пурпуров. Бандитам достаточно было встать на четвереньки, чтобы сбросить гудящий пролет, но на это движение ушло целых две секунды. Жилину их хватило. Длинным импульсом он намертво сплавил ножные сегменты обоих БК. Металлокерамика размягчилась от жара, вершители задержались, но Глеб хладнокровно прижал бронированные сапоги своим башмаком, чтобы шов не разошелся. В вязкой броне остался четкий след.

Подбежал Бранкевич, махнул в сторону туннеля и показал на пальцах «10» – идут, мол, десять боевичков, и с дурными намерениями. Жилин кивнул и спросил по внутренке:

– Макс, все взяли?

– Двадцать два! – выдохнул Гирин.

– Все, отходим!

– Атака базы! – завыло под потолком. – Проникновение через блок «А»!

– Включить маскировку! – быстро сказал Жилин и вскочил. – Яэль, за мной!

– Есть!

Когда Соловейчик с Гириным задвигали тяжелые створки ворот, Яэль успела заметить в сужающейся щели большеголовые фигуры в боевых скафандрах. Максим наскоро за-

блокировал внутренние ворота и кинулся к внешним. Лева с Гошей уже дергали створку, но только втроем с Гириным удалось ее закатить.

– Тяжелая, ч-черт... – сказал Макс, отпыхиваясь. – Лева, бросай!

Соловейчик кивнул шлемом и трусцой побежал к повороту. Секундная пауза – и за воротами захлопали плазменные разрывы. Квадратные окошки вверху вскипали и сеялись шариками расплава.

– Яэль, бегом! – крикнул Жилин. Двигаясь спиной вперед, он вскинул трофейный лазерник. Короткий взмах – и фиолетовый луч прожег в трубе «D» неровный круг. Гнутый лист дымящейся пластмассы упал, и в отверстие полез кусковой лед.

– Что ты стоишь?! – прокричал Глеб Яэли. – Бегом, я сказал!

Куски льда прорвало – поток тяжелой воды пополам с шугой ударился о пол, захлестал, давясь льдинками и прочищая дыру, закрутился мутными водоворотами, заревел, опорожня целый сборник.

По колено в грязной пенистой жиже, Глеб с Яэлью добрались до брошенной платформы. Макс плюхнулся на пузо перед пультом и ударил ладонью по грибку пусковой кнопки. Платформа взяла с места, напоминая самоходный плот. Сзади заухали плазменные разряды, один хлопнул по осветительной панели на потолке и погасил ее.

– Ложись!

Яэль вжалась в пол вибрирующего кузова и скосила глаза. Из-за поворота, по пояс в воде, вышли трое в бронескафандрах. Слабеющий заряд провыл по-над платформой, и Яэль стукнулась шлемом о настил.

– Макс! – позвал Жилин.

– Ась?

– Доедем до паркинга – ушлим те платформы обратно! Включим на разгон! А то пока разгрузим... Остановить не остановим, но задержим.

– В принципе да!

– Яэль! Займешься этим, а мы будем таскать!

– Есть!

У входа в туннель платформа остановилась, и мужское большинство ухватилось за драгоценные ульмотроны. А Яэль кинулась к самоходной технике – включать и направлять. Платформы из тех, что на ходу, устремлялись в перспективу. Первая, вторая, третья... Они гулко завывали, железно погромыхая на разбитых плитках пола, как на рельсах. В раздирающем вое первая платформа с шумом вломилась в тяжелую воду. Вторая с отвратительным скрежетом залезла на нее, третья врезалась во вторую – дыбом встал исковерканный настил, – и пошло-поехало... Рев встречного воздуха в обтекателях, грохот, визг рвущегося металлопласта...

– Классно! – оценил Черняк, отпыхиваясь. – А давайте

своды обрушим?!

– Не здесь. – Жилин подхватил последний ульмотрон и сказал сдавленным голосом: – Наверх, быстро! Скибрам – прикрывать!

«Пауки», подпрыгивая, будто от нетерпения, подождали, пока их хозяева скроются на серпантине пандуса, и кинулись следом – по-рачьи, не спуская восьми глаз с туннеля.

– Эй, кто свободен! Подрежьте нижний пандус! У верха, у верха! Да!

Торопясь, Яэль прошла лучом по металлическому полу, оставляя выплавленные вороночки и прожигая дырки. Фух! – вздохнул плазменный излучатель Бранкевича, и пандус, с визгом раздирая облицовку, грохнулся о пол. Через полминуты на него тяжело спланировал второй.

– Экономьте заряд!

Третий пандус упал ребром, отслоив титановое покрытие. Чиркая по стене, титан высекал синие искры. Четвертый ухнул вниз и переломился пополам.

– Хватит! Ходу! Маскировку не отключать!

«Однойка» с «двойкой» остались дежурить в верхнем коридоре, «тройка» и «четверка» приняли пост в кессоне. А «пятерке» и «шестерке» досталось внешнее наблюдение.

Ополченцы повскакивали на краулеры, и гусеницы завертелись с сумасшедшей скоростью. Поднимая тучу пыли, Жилин повел отряд к ближайшей шахте. Яэль ехала рядом с ним и угрюмо думала о том, что на Сырте пахнет войной. А за-

пах у нее мерзейший... Мертвечиной несет от войны. Кровью, гарью и потом. Лекарствами, гноем, хлорелловой похлебкой... А чем пахнут слезы по убитым? Страх умирания? Усталость после третьей смены подряд? Боль от пыток?

Господи, как хорошо было! Работаешь, строишь, «организуешь эксплуатацию кибертехники по утвержденным нормативам» – и радуешься! И Антон с тобой, и друзья, и разговоры по вечерам... «Ладно, – подумала Яэль, – вы заказали музыку, поглядим теперь, как запляшете!»

Глава 32

ПОЯС АСТЕРОИДОВ, МОАНА

Эдик спал без одеяла – в каюте было тепло. А сбоку его грела Настя, голенькая и гладенькая. Удоволенная. Иногда ее тихое, ровное дыхание сбивалось от незримого усилия – снилось что-то... А от него сон бежал. Эдик счастливо вздохнул, припоминая первые, вздрагивающие касания девичьих ладоней. В обоих любовниках было так мало веса, что Настя легко поднимала Эдика и крутила им, как хотела...

Настя повернулась и задышала, то опалая его шею выдохом, то холодя на вдохе. Эдик снова вздохнул, опасливо и замедленно – пусть Настечка поспит...

Вчера был банный день, каждому нагрели по ведру воды. Это был праздник. Может показаться странным – ну что такое девять или десять литров горячей воды? А вы помойтесь неделю из стакана с тепленькой аш-два-о, узнаете...

Что сегодня нужно сделать? Закончить с башенкой пеленгатора. Ну, это Виталя и сам сможет. Там осталось – всего ничего... Почему-то стало падать давление воздуха – видать, где-то утечка. Ну, это мы поручим Ваське – он по СЖО спец... Секции с хлореллой – вот чем надо заняться. Что-то там не наладится никак. Может, водорослям холодно? Скорее голодно... Лед тут как на Луне: вода плюс аммиак плюс

углекислый газ плюс метан. А фосфор где брать? Надо подумать... «В общем-то, – пришла неожиданная мысль, – это даже хорошо. Не ломаешь голову, чем занять людей, чтобы не перессорились от скуки, чтобы остались людьми. Они и так заняты делом – все, с утра до вечера, и, кажется, zelo этим довольны, даже неработающие...»

Настя зашевелилась, открыла глаза, улыбнулась. И снова смежила веки.

– Привет, – пробормотала она сонно.

– Привет...

Девушка потянулась, прижимаясь к Иволгину, и вытеснила из его сознания и Моану, и Землю, и галактику Млечный Путь...

Утром по БВ Эдик поднялся приятно утомленным. Всю бы жизнь такую усталъ... Настя ускакала к подружкам. А он побрился (отточенным ножом – полковник научил. Противолосяная паста кончилась еще позавчера) и занял очередь в столовую. Перед Эдиком стоял Костя Ружский, костлявый студент-физик.

– Кто крайний?

Подошел Пракеш, энергетик и межпространственник-аматер, встал за Эдиком и завел с Ружским высоконаучную дискуссию на тему многомерности миров. Эдик понимал с пятого на десятое.

– Если рассматривать явление класса «канал» с точки зре-

ния теории взаимопроникающих пространств, – у Ружского в голосе появились нотки азартного лектора, – то оно должно сопровождаться локальным возмущением совмещенных полей, однако даже фактор типа «волна» не фиксировался!

– Должно, – соглашался Пракеш и тут же оспаривал аргумент оппонента: – А если там действовал не принцип линейного вектора?! А резонанс явления типа «прокол» в пространстве «бета»?

Ружский не успел достойно разгромить язвительного дилетанта – подошла его очередь. И Ксения Селиверстова выдала физику его завтрак – судок с супом хлорелловым, картонную тарелочку с котлетой квазибиологической и «грушу» с витаминизированной водой «четырёхмиллиардолетней выдержки», Ксения поставила такой же набор перед Эдиком и, выглядывая из раздаточного окна, спросила:

– Может, чего-то не хватает?

– Десерта, – ухмыльнулся Эдик и забрал свой завтрак. Вот, подумал он, тоже тема для размышлений – Ксения. Эта сексуальная студенточка училась в Лунном универе на сервис-инженера, а на лайнере проходила практику. Главное, она была настоящей красавицей – красивее его Настечки, – но влекло его не к Ксении. Настечка... Надо быть очень сильным и очень уверенным в себе человеком, чтобы Селиверстову называть Ксенечкой. И вообще – быть с ней. Говорят, Ксения целый год танцевала в балете «Лидо» или в «Крейзи хорз». Охотно верится – Ксения из тех супердив,

коих видишь на обложках модных журналов. Так что же, он жалеет? Хм. Сложность... Если честно, если душу наизнанку, то Ксения вызывает у него желание. А что тут такого? Надо быть бесполом, как Локи, чтобы не хотеть ее... Но если он женится, то на Настечке. Согласна ли она? Ну, об этом надо спросить саму Настечку... Спросить? Эдик вздохнул. Он не понимал, почему Настечка с ним. Версию о ее влюбленности он гнал от себя, не верил, что такой девушке, как Анастасия, может понравиться простой инспектор СОП – принцессы идут замуж за пастухов только в сказках, наяву же они составляют пары с их высочествами... Но вообще-то кто их знает, этих принцесс?..

Поев, он собрался поискать Настю, но Кленин окликнул его из кессона:

- А ты чего не собираешься?
- Куда? – удивился Эдик.
- Здравсте! Сегодня наша очередь!
- А-а... Я и забыл!

Это все Настя виновата, улыбнулся Эдик. Заморочила голову... Вчера Васька лед таскал с Сароняном и этим... сайгонцем. А после них они должны идти – с Клеиным и Моховым. Профессор Мохов, с волосами, как из олова, уже в вакуум-скафандре, помахал капитану силикетовой перчаткой.

– Я шас!

Эдик быстро упаковался в свой боевой скафандр – привычный, «растоптанный», как старые шлепанцы. Настя вы-

глянула из Ксенькиной каюты и помахала ему. Эдик изобразил что-то вроде воздушного поцелуя.

Профессор и карго уже ждали его в кессоне. Эдик задвинул за собой внутренний люк – замигала красная лампочка. – Покрепче прихлопни! – посоветовал Кленин.

Эдик приоткрыл и с силой закатил крышку люка. Чмокнула блокировка, и лампочка погасла. Кленин откатил внешний. Пыльцой замерцали на свету кристаллики смерзшегося воздуха, и Солнце резко очертило тени на борту. Близился моанский полдень.

Эдик подхватил ручной лазер и вышел первым. Кленин с профессором поволокли сани из титанового листа.

Тропу уже порядком натоптали. Видно было, как дорожка – серая на черном – заворачивала за кратер, утыканная, как трасса слалома, тонкими вешками. На куполовидной горке Свартбаккен (как ее окрестила Хильдур Йенсен) трое в скафандрах поклонялись башенке пеленгатора. «Черную горку» признали самой удобной возвышенностью в Плоской долине (Васино авторство). Передатчик так и не собрали – не из чего было. По-всякому мудрили, но разобрать гель-кристаллический проц или нейтринный чипсет на запчасти – это примерно то же самое, что побрить тупым кухонным ножом реснички на инфузории-туфельке... Ну, хоть пеленгатор будет.

– А ты фидер подключил, балда? – слышалось в наушниках.

– Сам балда... А это что, по-твоему?! Мой... этот самый?

– А похож! Такой же серебристый, кольчатый...

– Допросишься... Ты тесты прогнал?!

Водовозы ушли в тень кратера, и голоса затихли.

– Слышь, кэп, – негромко позвал Кленин.

– М-м?

– А мы вообще сколько сможем продержаться?

Эдик помолчал.

– Теоретически... – затянул он. – Пока не иссякнет ресурс реактора. А...

– Это сколько? – перебил Кленин. – Ну, примерно?

– Полгода, – ответил за Эдика Мохов, – плюс-минус месяц.

– Да, – сказал Эдик, – а практически...

– Можешь не продолжать.

Они вышли к «прииску». Лед был только сверху, мутный и пузырячатый, ниже шел слежавшийся снег, похожий на кометный – такой же грязный и вонючий (если, не дай бог, внесешь на корабль). Кленин и Мохов взяли лопаты и перебросали реголит с пласта, очистив квадрат со стороны в четыре шага. Эдик, медленно водя лазером, подрезал блок снизу, потом прошелся сверху, подколот края. Кленин вставил лопату в щель, нажал и отвалил от пласта добрый кубометр монолитного снега. Свет искрился на глыбе, как будто она была из мрамора. Профессор уложил толстый брус на сани.

Солнце проходило зенит и высвечивало все складки на

Красном кряже. Эдик зажмурился от солнечного блеска, и БК заботливо включил фильтр.

– Подмогни! – прокряхтел Кленин, шатаая огромную глыбу льда. Веса в ней было – чуть, но масса развивала ту же инерцию, что и на Земле или Марсе.

– Щас, щас... – заторопился Эдик. – Подрежу...

– Как п-приваренная!

– Лопату сломаешь!

– Да сейчас... Пошла! Хватай снизу!

– Щас, перехвачусь...

– Ровнее ставь... Во!

Еще час работы – и на санях вырос целый штабель ледяных брусьев.

– Хватит, – решил Эдик, – а то не утащим.

Повесив лазер на спину, он впрягся, подождал «пристяжных», и под натужное кленинское «Вот мчится тройка удалая...» волокуша стронулась с места.

У пеленгатора на Свартбаккен уже никого не было видно, а на верху башенки разгорался и затухал гранатовый маячок. «Пошел пеленг!»

Тщательно сметя снег с ребристых подошв, Кленин откинул заслонку рядом с люком и «позвонил».

– Все спокойней будет, – сказал он, кивая шлемом на пеленгатор. – Не с Марса, так с Цереры-Главной... прилетят. Сигнал слабый, конечно...

– Но лучше, чем вообще ничего! – заступился профессор.

– Нуда... Да что они там, заснули, что ли?! – Кленин стал давить кнопку, ожидая, когда дрогнет борт и люк откроется, выпуская клуб ледяных кристалликов, но так и не дождался. Эдик ощутил подступающий страх.

– Тут что-то не то... – озабоченно произнес Мохов. – А ну, давай через грузовой!

Они сдвинули широкую пластметалловую штору, покрывающую люк третьей грузовой камеры, и вошли.

– Тут где-то аварийный вход должен быть... – сказал профессор, заглядывая меж пустых стеллажей. – Идите сюда!

Эдик одним прыжком оказался в закутке за разобранными сектейнерами. Мохов возился около маленького круглого люка.

– А ну-ка, вы попробуйте. Наверное, прикипел в вакууме...

Эдик взялся за штурвальчик и напряг мышцы. Кажется, пошло... Пошло! Раскрутив штурвал, он открыл залипшую дверцу и протиснулся в крошечный кессон. А уж как они умудрились залезть туда втроем – история умалчивает.

Страшась встречи с бедой, но и торопя события, Эдик открыл внутренний люк и пропихнулся в коридор. Это должно было быть коридором. Стояла полутьма, слабые пятна света пробивались сквозь колеблемую завесу, черной тучей заволокшую и пол, и потолок, и стены. Походя на дым, она не была дымом – уж слишком плотными, ощутимо весомыми казались завихрения тучи. Она шевелилась как жи-

вая, перетекала снизу вверх и сверху вниз косматыми роями, по ним сновали синие иголки разрядов, словно пытаюсь сшить разрывы. Туча вспухала и опадала, бугрилась и дырявилась, открывая засиженные стены. И все это в полной тишине, будто за толстым стеклом.

– Межзвездный планктон... – бормотал Мохов. – Вакуумные организмы... Да они же сожрали весь воздух!

Профессор ринулся к ближайшей каюте, затарабанил по двери – ответный стук отдался в ладонь. Мохов даже придержал створку, испугавшись, что ее откроют.

– Живые! – облегченно сказал он.

Кленин с чувством выматерился.

– Это небелковая жизнь, – говорил профессор, проталкиваясь сквозь живую тучу. – Мы исследовали скопления спор возле колец Сатурна... Их туда солнечным ветром относит...

– Короче, Склифософский, – оборвал его Кленин, – скажи лучше, чем эту дрянь вывести?

– Водой! – с готовностью ответил Мохов. – Вода для этих неорганических существ – чистый яд.

– На камбуз! – скомандовал Эдик.

От кастрюль и ковшиков отказались сразу – в безвоздушье вода моментально выкипит и толку не будет. Кардинальных решений, то есть быстрых и эффективных, было два – парогенератор и опрыскиватели, которыми пользовались в оранжерее. Эдик порадовался, что не оставил их, а прита-

щил в обитаемые отсеки, памятуя, что в хозяйстве все пригодится. Пригодилось!

Мохова оставили на камбузе мастерить электрокотел, а капитан с карго-мастером вооружились оранжерейными влагораспылителями и двинулись в бой. Закачав из крана «холодный кипяток», они опробовали свое оружие. Водяная пыль разила межзвездный планктон наповал, прорежая его и сея тончайшую коричневую пыль. Туча заволновалась, закружилась черной метелью, то сбиваясь в кучные скопления, то просыпаясь сажей.

Эдик с Клепиным прошли пол-отсека, заправились водой и снова окунулись в угольную муть.

– А ну-ка, мне дайте!

Мохов, держа в руках парящий агрегат, помесь пылесоса с чаеваркой, открыл вентиль. Тугой белый пар забил, перемешиваясь с черными клубами, в бурый туман. Посыпалась коричневая пыль, слипаясь в комки и тут же сублимируясь. Сапоги скользили по бурой парящей жижице.

Минул еще час, прежде чем «биозачистка» перешла во влажную уборку. Эдик, Мохов и Клепин, все еще в скафандрах, соскребали коричневую грязь. Подтирали влажной, стремительно сохнувшей тряпкой, сносилидохлый вакуумпланктон в герметичный контейнер для образцов, обильно потели, сильно пыхтели, крепко ругались. И непрерывно тревожились – все ли укрылись в каютах? Хватило ли кислорода в аварийных комплектах? Неизвестность мучила. Эди-

ку хотелось постучать в Ксенину каюту, но как убедиться, что тебе ответила именно Настя?

Полуживые от усталости «водовозы» разогнулись у кессона. Коридорный отсек сиял.

– Откры... вайте... воздух... – сказал Мохов, отпыхиваясь. – А я... пока... вынесу это...

Эдик помог ему занести нетяжелый, но громоздкий контейнер с «этим» в кессон, закрыл за профессором дверь и поскакал за Клениным. Карго-мастер уже запустил циркуляционную систему – на ситечках климатизаторов затрепетали наклеенные полоски пленки. Эдик подключил оба регенератора и открыл подачу кислорода. Давление стало подниматься – ноль и один, ноль и две, ноль и три... С ума сойти, до чего же медленно! С превеликим трудом стреножив свое нетерпение, Эдик подошел к дверям каюты, где жили Ксения и его Настя. Ноль и шесть, ноль и семь... Он раскрыл бронекостюм и выбрался из него. Потному телу стало зябко. Ноль и восемь, ноль и девять... Можно. Перестав дышать, Эдик постучал.

– Настя! – Голос его сорвался. – Ты здесь?! Ксень, Настя у тебя?!

Двери зашипели, уравнивая давление, и разъехались. Через комингс перепрыгнула Настя. Она редела, срывая с себя мягкую кислородную маску. Эдик схватил девушку и крепко обнял, отрывая от пола. Настя поджала ноги. Она всхлипывала, судорожно вздыхала и терлась носом о его плечо с

погоном инспектора СОП.

Какая эта жизнь странная, думал Эдик. Две недели назад он даже не подозревал о существовании Анастасии Селезневой, сервис-инженерини с БОП. А теперь она ему стала родной... И это ощущение сильнее всякого биологического родства, прочнее его, ибо происходит от любви, а не силою невольного сожития.

Щелкали фиксаторы дверей. Голос к голосу прибавлял нервической радости и шуму, который есть выражение жизни.

– Ленка, выходи! Все кончилось!

– Слава богу! Я так боялась!

– Мари! Мари!

– Капитан! Что бы мы без вас делали! Ума не приложу!

– Мари... Мари...

– Какой-то кошмар, честное слово!

– Жизнь дается дважды, это точно!

– Трижды, Вальтер, трижды!

– Мари, я уже бояться начал...

Запел сигнал.

– Я открою! – заспешил Кленин.

Эдик кивнул и поцеловал пушистые Настины волосы. Они пахли по-детски, мылом «Земляничным»... Внезапно шум стих. Эдик обернулся. В дверях стоял рослый, сухощавый человек с твердостью в лице и резко-синими глазами. Из-под шейного выреза скафандра проглядывала черная фор-

ма евразийского космофлота, с серебром на погонах, нашивках и магнитных застёжках. Из-за плеча офицера КФ светился Мохов. Кленин почему-то стоял навытяжку, по стойке «смирно».

– За нами... – выдохнул Мохов, набрал воздуха и договорил: – Прилетели!

– Флагман Славин, – представился офицер в черном. – Честь имею.

С праздника Эдику удалось сбежать. Конечно же, сначала он станцевал с Настей и не смог отказать Ксении, а уж потом, когда проводил обеих девушек и посадил на борт продовольственного танкера, присланного с Цереры-Главной, улизнул. Было много слез, и поцелуев, и клятв, и просьб... Трудно ему пришлось. Настя не хотела улетать без него, а он не мог улететь, потому что... Потому что это будет выглядеть дезертирством. Он решил выжить? Было такое. И он выжил. Пришла пора готовить абордажные крючья, точить палаши и разжигать фитили... Робинзонада кончилась, начиналась война. Пусть только она будет недолгой... А флагман дает «добро».

Утомившись от шума и гама, Эдик со Славиным удалились в каюту. Флагман смаковал желтое европейское из НЗ, а Эдик, перепивший с непривычки, глядел на обзорный экран. Всю неделю он не включал визор, не хотел, чтобы нагоняла тоску Плоская долина, а теперь вот включил. Доли-

на более не угнетала пустотой и безжизненной неизменно-
стью. Загораживая Внешний кратер, растопыривал кольцо
опор бот с Цереры. По его блестящему трапу медленно восхо-
дили круизники «Соляриса» – пятнадцать человек, по коли-
честву мест. Остальные справляли праздник за переборкой.
Переборка гудела.

И танкер, и кратер отражались в огромном полирован-
ном шаре «Хазри». Космический крейсер замыкал юрова-
тую Плоскую долину, лишая ее пустырности.

– В космосе я чувствую себя как мой древний предок на
море, – шевельнулся маленький жесткий рот Славина. – Ему,
чтобы добраться из Константинополя в Новгород, требова-
лись недели и недели пути. С тех пор Земля будто сдулась.
Как воздушный шарик после праздников. Так теперь косми-
ческий рейс длится неделями... Сидишь в каюте и терпишь,
терпишь эту чертову необъятность. Летим поза... нет, два
дня назад, а с Фобоса передают, что Локи захватил Сырт.
Через шесть часов – я уже спать лег – доходит приказ из Сов-
беза: «Вам поручается...» Короче, заложников освободить,
террористов изловить, изолировать и ждать дальнейших ука-
заний. «Есть», – передаю и переворачиваюсь на другой бок.
Нам еще лететь и лететь... А вчера скачали пакет новостей
с Марса– ого! Какой-то собкор ВВ шпарит «клером» – на
«Большом Сырте» собрано ополчение, командир – Жилин.
Всего их там сорок человек, а уже успели три бота пурпуров
сбить, а паскудного Тхакура твоего спалили вместе с танком

высшей защиты!

– М-молодцы! – сказал Эдик с воодушевлением, ударился с размаху локтем и сморщился от боли в «электрической» косточке.

– Это точно... Сейчас дождемся только автозаправщика и сразу стартуем. Пойдем на тройном ускорении...

– Надо весь флот вызывать! – развоевался Эдик. – И прямой наводкой!

Славин покачал головой.

– Какой флот? – спросил он. – У меня под командованием вот этот крейсер и еще два эсминца. И все! И это на всю Систему! Вон у Евроамерики пара крейсеров – «Терра» и «Гея» плюс суперкрейсер класса «Джон Браун». И у Австралазии два крейсера – «Янцзы» и «Эдокко». Одни мы как бедные родственники! И это после «Востока», после «Ареса» и «Хиуса»! Дурость какая-то – выьемся в лидеры и ждем чего-то, отстаем и опять вдогонку бросаемся...

Чувствовалось, что эта тема для Славина была весьма болезненной.

– Подождите, подождите... – растерялся Эдик. – Это что же получается – в космосе, что ли, мы самые слабые?

– Что ли, – кивнул флагман. – А вы думаете, почему на меня опять «бочку покатали»? Именно поэтому – что не хочу «космической Бизерты»! Хожу, хожу, убеждаю, убеждаю! Нельзя так относиться! Флот – единственная защита не то что Евразии – Земли! Планеты! А они мне хором: «Да здрав-

ствует мир во всем мире!»

– Политики... – вздохнул Эдик. – Теперь они заткнутся еще лет на десять. Космические пираты – это вам не что-нибудь...

Флагман фыркнул.

– Скажут, что мы все сами же и организовали. Вот увидите! – Славин поднялся и посмотрел на часы. – Ладно... Пойдемте сменим вахтенных – пусть тоже потанцуют, а то скоро все девушки разлетятся! Заодно познакомитесь с экипажем. Я вас поселю в третьем жилом отсеке, там есть лишняя койка...

Глава 33

«БОЛЬШОЙ СЫРТ», ТЕХКУПОЛ

Тяжелые, гулкие шаги в жилом коридоре. Они топчут приятное сновидение.

– Группа, подъем!

Антон сел и чуть не треснул головой о низкий закругленный потолок. «Бора»?! «Соам»?..

– Вставай, Антон, – слышится бодрый, хрипловатый голос Васи Вожжеватова, и Стажер держит удар. Он в техкуполе, в секторе «Г». В казарме.

Возвращаются вчерашний страх, вчерашняя тоска и наваливаются, гнут, давят... Хочется сбежать и спрятаться. А нельзя!

Антон сползает с верхней полки, нащупывая босой ногой подножку, едва не срывается и ступает на холодный пол. Какой неуют... Подушка притягивает с силой восьми "g".

Вася, встрепанный, с красной полоской на щеке, уже почти одет. Из пластмассового шкафчика он достает сапоги и, побряхтывая, обувается.

– Давай шевелись, – пыхтит Вожжеватов, – скоро контакт!

Задвинув койку, Вася расстегивает ширинку и семенит в закуток санблока. Быт определяет бытие... Потянувшись как следует, поприседав, Антон очухался и убрал в стену спаль-

ное место.

Казарма когда-то служила общежитием для строителей города-порта и представляла собой жилой блок с широким коридором и двумя вереницами модулей. На тонкую перегородку Вася повесил «живые» постеры. Один плакат, до этого пустой и темный, осветился, и в него вошла юная девушка в бикини. Расстегнула лифчик, уронила его, приподняла ладонями груди, начала было снимать трусики, но вдруг замерла, ушла из окна и вернулась к началу цикла.

Коридор наполнился звуками – шарканьем, кашлем, стуком задвигаемых кроватей, гоготом. Тянуло запахом сигарет и нестираных носков. Из санблока донеслось хриплое урчание разрегулированного унитаза-автомата.

– С отливом! – поприветствовал Васю агент Родин.

– Не копайся, – строго, командирским тоном сказал Вася и застегнул ширинку.

Антон кинулся к своему шкафчику, мигом натянул комбез, обулся, умылся, воспользовавшись выдвижным умывальником, и причесался перед зеркалом. Зеркало кое-где отлипло от стенки, вздулось пузырями, как обои на брошенной даче, но заспанную физиономию отражало один к одному.

– Я готов! – доложил Антон.

– Пошли! Не закрывай, а то уборщику не забраться...

Вожжеватов повел Антона на таинственный «контакт».

– Ты смотри, – поучал он «салагу», – поосторожнее с на-

шими. Толкнут – надо дать сдачи. А то и опомниться не успеешь, как тебя отовсюду повыталкивают! Короче, как себя поставишь, так и жить будешь.

В коридоре их догнал распределитель питания. За ним ехал транспортный кибер с тележкой, груженной пищевыми рационами.

– Вожжеватов Василий, Родин Антон, – сонливо сказал Цыпленок. Сунул каждому по пакету на завтрак и погнал робота дальше – тот тормозил и упирался.

– Мы, конечно, не БГ, – говорил Вожжеватов, – но что бы они без нас делали! Я не спорю, на абордаж или там в десант, идут они. А кто готовит им боты? Мы, Производственная Группа! Кто программирует киберов? Опять мы! Кто следит за броней? А кто же еще, кроме нас? Пришли, – утишил он голос. – Я к своим, а ты здесь будь.

Антон осмотрелся. Вася привел его в бывший лабораторный блок – круглый и довольно просторный. Нейтринный микроскоп был сдвинут к вогнутой стене и накрыт чехлом. А вот все остальное – столики, пара громоздких хемостазеров, экспресс-лаборатории, камеры биофак-импульсов – лежало сваленное в кучу.

Пурпуры из ПГ, в одинаковых белых комбинезонах вершителей, толпились перед большим экраном. Антон расковырял свой рацион, достал пластет с колой и приложился к соску.

– Эй ты! – послышался глумливый голос, и Антона до-

вольно неучтиво ткнули в спину. – К тебе обращаются!

Антон обернулся. На него уставился Зигги Римайер, вершитель седьмого разряда. Сравнив свои кулаки с кулаками Зигфрида, Антон горько пожалел, что не занимался субаксом. Но сдачу отсчитать все равно придется...

Антон не стал посылать Римайера ни по одному из известных ему адресов, а отделался нейтральным «Отстань!».

– Да ты знаешь, кто я?! – набычился Зигги.

Изо всех сил заботясь о том, чтобы внутренняя трясца не была замечена снаружи, Антон выпалил присказку Тагвелла Гейтсби:

– Ты не самая большая лягушка в этом болоте!

В толпе хихикнули. Злобно заворчав, Римайер потянулся за квантовым пистолетом.

– Не советую, – предупредил Антон подрагивающим голосом и переложил пластет с колой в левую руку. – Я успею и выпить, и прострелить тебе оба уха, пока ты будешь ковыряться в кобуре.

Злость поднималась в стажере, и он радовался ей. Когда злишься – страх пропадает. Проверено.

Дружок Римайера, с приплюснутым носом, стриженный «под горшок», сказал густым баском:

– Тормози базар, стрелок. Я сам видел, как Зигги разрядил плазмоган по столбу за одну сек!

– Да что ты говоришь?! – комически изумился Антон. – А тот столб стрелял в ответ?

В толпе засмеялись.

– Тихо! – рявкнул вершитель пятого разряда Семь и торжественно включил визор.

Антон оторопел. С экрана на него глядело страшненькое, землистое лицо Локи. Щели зрачков у отвратительного уродца слегка подрагивали, мимики – ноль.

– «Из всех решений выбирай самое доброе», – раздался голос. – Так учат те, кто считает нас с вами злыми и нехорошими. А вы не верьте. «Пурпуры аморальны», – твердят они, потому как мы творим насилие, а насилие есть зло... А кто, собственно, сказал, что добро всегда нравственно? «Добро – это добро, а зло – это зло»? Но так не бывает... Это имена действий, и нету блага, отдельного от зла, – они не разделимы... И не слушайте тех, кто жметя в сумрак великих теней! Если вас ударили по левой щеке – воздайте поднявшему руку! Избежите его до полусмерти! Или убейте на месте. Подставлять щеку – означает не противиться злу, что вдвойне аморально, ибо тождественно равно соучастию в злом деянии...

Антон заслушался. И видел краем глаза застывшие лица пурпуров. Даже Зигги перестал сопеть и шмыгать носом. А голос звучал и звучал, мороком стелясь, заплетая паутиной рассудок. Звучал высоко, холодно. Хотя фонодемонстратор был выключен, да и губы у Локи не двигались. Ни разу не дрогнули даже. Ну и пусть... Антону было хорошо. Так, как бывает после долгого пути через пургу, когда вваливаешься,

еле живой, в теплое и тихое жилище, где горит огонь в очаге, и томится горячий ужин, и ждет интересная книга перед сном, и мягкая постель, и все выходные впереди. . .

– Добро – не пассивная данность, – вещал Локи, – а сила действия. Актив. Пассивна Норма, и она есть идеал. Это тот уровень, на который поднялась цивилизация. Что люди считают идеалом? Работу, друзей и любовь. Хлеб и безопасность. Все это мы имели. Нас лишили работы – и мы потеряли товарищей. Праздность обесмыслила семью, и мы потеряли любовь. Человечество раскололось надвое, и о какой безопасности речь? Все, что нам дано, – это дармовой хлеб от Фонда изобилия. . . Это упадок. Это Зло, явленное в занижении Нормы. . . Добро есть противодействие Злу, оно – великая сила гомеостазиса, оберегающая Норму. Мы – носители этой силы, ибо в хотениях наших – вернуться к нормальной жизни!

Голос звучал прямо в голове. Даже не звучал, а как бы возникал из ниоткуда – высокомерный, снисходительно-пренебрежительный, позволяющий внимать. Голос унижал, голос уценивал, голос умалял. Антон понял это, когда поймал себя на том, что испытывает мерзопакостную рабскую благодарность к Локи. К вождю! К хозяину! Не только не гонящему от себя своих слуг, а, наоборот, проводящему их серые и скудные умишки по своему Дворцу Мысли и Духа. Антон возмутился. Чудовищным усилием души он потащил себя из того теплое и приятного, что наколдывал голос. Изнемо-

гая, Антон снимал с себя заклятия и чары. Он стал задавать вопросы, выражать сомнения, спорить с речениями Локи. И победил. Еще по пояс в вонючей болотной жиже, он уже чувствовал под ногами твердое, надежное дно.

– Одна из самых старых и населенных лунных баз, – продолжал проповедь хомо супер, – евразийская «Луна-Главная», делится на сектора. В Зеленем секторе – теплицы и оранжереи, в Голубом – гидросистема, а Пурпурный сектор – производственный. Там из реголита добывали гелий-3, выплавляли титан и алюминий, расщепляли ископаемый лед на углекислоту, аммиак, метан и воду. А воду – на кислород и водород... Теперь Пурпурный сектор закрыт. И именно этот цвет, цвет труда, я выбрал для нашей Лиги, для нашей Гвардии, для нашего дела...

«Вранье! – ожесточенно твердил Антон. – Ничего он не закрыт! Его даже расширили и достроили! Что он все врет?!»

Но пурпуры слушали Локи с упоением, вбирали в себя андроидную полуправду, как первую и последнюю истину, как святониспосланную благодать... Теперь Антон совсем иначе смотрел на пурпурных. Ненавидеть их – позориться только. К кому тут питать ненависть? К исполнителям-биороботам, которым подсадили размноженную «Ка» этого гоблина? Или к вершителям, у коих гоблин аккуратно вымарывает собственные «Я», а те только побряхтывают? Или его опять заносит на поворотах понятий?

Антон с запозданием порадовался, что видел Локи на экране, а не вживую. У этого чуда-юда такое мощное психодинамическое поле, что даже за километр подействовало. Чуть самого не оболванили... А если б глаза в глаза? Вот где страх... И почему он все так витиевато излагал, а по селектору из штаба – убого, на манер Зигги? Или суперу все равно, или он вообще по-нашему не чувствует, просто имитирует эмоции. В обед все по-свойски излагает, еще и хамоватости в голос подпустит, словечек разных, а перед завтраком умничать начинает, увлекается старинным слогом, переходит на доверительный тон... «Мы утратили любовь...» Господи, кто бы говорил!

Контакт окончился, и все задвигались, задышали, заговорили – с отсутствующим выражением, с глуповатыми улыбками, растерянно хмыкая и хмурясь. Вышли из лабораторного блока, миновали атриум и свернули в столовую. Похоже на специзолятор – гладкие серые стены, гладкий серый пол. Длинные пластиковые столы, длинные пластиковые скамьи.

Думая о своем, Антон присел с краю – спиной к стене – и одноразовым ножом вскрыл рацион. Армейский стандарт. Котлетки планктоновые, желе витаминизированное из глубоководных водорослей и сырники из китового молока. Недурственно, весьма недурственно... Любой «гурме» выставит за такой завтрак «десятку». Ну, девятку с плюсом.

Напротив Антона уселся Зигги и прохрипел:
– На хера?!

Антон дико разозлился. Будет тут всякий... холоп выступать еще! Но сдержался. Торопливо всосал последний кубик желе и потянулся за термосудком с парой сырников. Судок прихлопнула здоровенная волосатая пятерня с вытатуированным серпом и молотом.

– На хера?!

Антон схватил пластмассовый нож и всадил его в татуировку, да с такой силой, что одноразовое лезвие пригвоздило ладонь Зигги к столу.

Уши просверлило поросячьим визгом. Римайер, брызжа слюной, слезами и кровью, кривясь от боли, перекосясь весь и верещал на одной ноте.

Антон тоже колотило, но злоба все еще булькала в нем неизлившейся лавой и поддерживала градус решимости.

– Еще раз полезешь, – сказал он отчетливо, – убью.

Как по волшебству, явились роботы медслужбы и увели стонущего Зигги.

Боясь мести дружков Римайера, Антон заозирался, но, видать, мушкетерский девиз у вершителей был не в чести – «однополчане» Зигги пересмеивались, подмигивали стажеру. Нашлись и такие, кто даже внимания не обратил. Пришпилили знакомца? Ну и ладно, не бабочка, жить будет...

«А наши бы вступились...» – подумал Антон и остро, всей центральной нервной, ощутил одиночество свое и «оторванность от коллектива». Это и сравнить-то не с чем. Только разведчик поймет разведчика. Когда тебе даже укрыться

негде, ты весь на виду, а вокруг враги. И ты затыркиваешься в свое тело, как в скафандр, прячешься в него и смотришь, анализируешь, делаешь выводы. И притворяешься пурпуреньким...

– Всем построиться! Смир-р-на!

Седьмой оглядел строй, похлопывая по ноге планшетом компьютера, как стеклом.

– Тэк-с... Долгов, Шеянов, Игнатов, Курода!

Названные вышли из строя.

– Западная башня Соацеры, ярусы восемь и семь. Будете спецов местных конвоировать на работу и с работы. И чтоб никаких там... – закончил он с грозной неопределенностью.

– Будет исполнено...

– Цимссен, Состенес, Костенко, Рябкин, Макеев! Идете в наряд на Регенерационный. Следить, чтоб спецы не покидали рабочих мест и не базарили. Я понятно излагаю?

– Понятно... Идем, вашбродь.

– Р-разговорчики! Тэк-с... Жаровский, Рикошетников, Капур! Займетесь профилактикой заправщиков.

– Будет исполнено! В лучшем виде! Так мы пошли?

– Топайте, топайте... Кукушкин, Вальдес, Рингголд! На ремонт анализаторов... Родин, Брокмен, Пятаков, Бхавани Сингх! Шагом марш в скафандровую! На вашей совести – наладка, контроль настройки и подзарядка. Свободны!

С Антоном вышли трое заспанных пурпуров. Все трое были небриты и явно забыли дорогу в баню. Эйбел Брокмен

человек был худощавый, интересный, с холодным и жестоким лицом. У Олега Пятакова, усатенького, светловолосого и ушастого, был шрам на щеке и не хватало мизинца на руке. Саяджи Бхавани Сингх, с желтым лицом и бесцветными глазами, носил квантовый разрядник не в кобуре, как все, а за поясом. На рукоятке пистолета насчитывалось девять зарубок, и Антон испытывал нездоровое любопытство – исподтишка он оглядывал этого убийцу, словно высматривая отличия от «нормальных» людей.

– Башка трещит, – пожаловался Пятаков, – и во рту будто кошки насрали...

– Надо меньше пить, – сделал Бхавани верный вывод.

– Какой ты умный! – сказал Пятаков с кислотой в голосе и обернулся к Антону. – Саяджи у нас – махараджа!

– Не махараджа, – покривился Бхавани Сингх, – а тринадцатый низам!

– Ну, нехай себе низам... Низам-верхам...

Антон вздохнул. Разведка больше не казалась ему занятием, достойным завистливого почтения. Полуобнаженные красотки, роскошные отели, перестрелки, погони – все это есть, наверное, только в виртуальных сериалах вроде «Операции „Вирус“» или «Наблюдателя». А в жизни – одна грязь, грязь и страх, страх и отчаяние. Второй день держится ощущение, что он бредет под холодным дождем, в потемках, кутаясь в промокший плащ, идет, тупо уставясь перед собой, и терпит, терпит, терпит...

Приучаешься никогда не засыпать крепко, как бы ты ни устал. Приучаешься искать тени там, где их не должно быть, ожидать неожиданное. Приучаешься двадцать четыре часа в сутки оставаться настороже и смотреть в три глаза...

У дверей в комнату для хранения бронескафандров дорогу им заступил охранный робот – здоровый, шестирукий «голем».

– Вход разрешен только для членов ПГ! – всполошился кибер. – Скажите пароль!

Мутные бельма оптических рецепторов, окольцовывавшие переднюю черепную коробку «голема», стеклянно взблескивали. Угрожающе посверкивали шипастые нашлепки станнеров. Робот чуть склонился, разводя две пары рук – донесся едва слышный шелест псевдомышц.

– Экстрим! – произнес Эйбел, и робот неохотно открыл дверь.

Скафандровая была длинной и узкой комнатой, похожей на конюшню, только вместо денников стояли боксы, занятые боекостюмами.

– Иди сюда, – позвал Антона Эйбел. – Смотри...

Брокмен зашел скафандру «за спину», вытянул руку, пошарил у БК между плечами.

– Тут рычаг немедленного отпирания, – объяснил Эйбел. Что-то щелкнуло, зашипело, и скафандр раскрылся, как футляр для человека. Так в красивую коробочку пакуют духи – упаковка велика, а сам флакончик с парфюмом – малю-

сенький, зажатый между двумя углублениями, повторяющими его форму.

– Скаф! – рявкнул Эйбел. – Статус!

– Не занят, – ответил скафандр. – Кислород – норма. Энергозапас в пределах нормы, все системы функционируют нормально.

Включился монитор БК, по цепочке зажглись индикаторы: «Энергия – 0,7», «Вооружение – 0,5», «Умножение силы», «Медблок», «Пищевблок», «Видео»...

Скромная пластинка в самом низу сообщала: «Евразия, Северо-Уральский регион, г. Ижевск, система предприятий ПО „Звезда“. Скафандр боевой автономный с активным камуфляжем „Аргироаспид-А2-С“.

– И что с ним делать? – оглянулся Антон.

– Да ничего не делай! – посоветовал Эйбел. – Че там проверять? Это Седьмой нам все работу ищет... Тебя как звать, солобон?

– Антон.

– Рифмуется! – высказался Пятаков.

– Ты нам, Антон, лучше бы пол-литра поставил... – намекнул Бхавани Сингх.

– Или два! – оживился Эйбел. – Прописаться же надо!

– А где...

– Мы тебе сейчас все покажем и обскажем!

Трое пурпуров, сносящих муки абстинентного синдрома, услужливо и суетливо показали и обсказали, куда Антону ид-

ти, к кому обратиться и как незаметно пронести «Медицинский стопроцентный очищенный...»

«Терпи, агент, – подумал Антон, – резидентом будешь...»

– Только побыстреей давай! – нетерпеливо подогнал его Эйбел.

– Я туда и обратно! – заверил его Антон.

Он прошел через служебный тамбур и попал в узкую щель между зданием киберцентра и корпусом Регенерационного завода. Было сумрачно, и сама по себе развивалась клаустрофобия, но в КЦ многое делалось «через шелку» – проносились спиртное и курево с марихуаной, проводились девицы без комплексов. Этим же путем сбегали в самоволку.

Щель выходила в «Колонный зал» – широкий коридор с низким потолком и строем труб, в коих постоянно гудело и булькало.

Антон терзали страхи. Всю душу уже повымотали. Большие ужасы и мелкие боязни. Вдруг увидит его кто-нибудь из добровольцев – тот же Сугорин, – что он подумает? А Зигги? Он же не успокоится, пока не учинит смертоубийства. А если в самом ополчении заведется предатель? И донесет Локи? И то полумертвое, что останется от Антона Родина, окровавленное и многожды переломанное, спустят в утилизатор? Но хуже всего, если он встретит Локи... Этот страх был самым основательным, неотступным. Локи вычислит Стажера вмиг. Пошарит в черепашке – и готово! И превратит в своего раба-исполнителя...

И самое поганое, что терпишь все это, терпишь, а толку никакого. Ну, внедрил, ну, передал пару донесений и что? Стоило из-за этого столько потеть?..

Антон обошел толстую башню регенератора, глухо гудящую и остро пахнущую озоном, и оказался на треугольной площадке, зажатой серыми пластолизовыми стенами и обсаженной хилыми синими прутиками саксаула. Сквозь мощное чужьяканье и шипение завода пробились звуки человеческой речи:

– Двигай давай! Быстрее!

Антон юркнул за толстую, с желтыми потеками, трубу и прижался к ее теплomu и вибрирующему боку. На мощный треугольник вышло человек десять в серых робах с номерами. За ними, как боевые треножки марсиан, возвышались два конвоира в тяжелой броне.

– Ты можешь быстрее?!

Людей гнали на работу. Антон дождался, пока гиганты в броне скроются в проходе, и перебежал площадь. Поднялся по металлопластовому трапу, перешел по гудящему мостику, свернул в пыльную галерею, резонирующую в такт шагам. И выбрался к дверям ремонтной мастерской.

Из дверей несло уныло-залихватское:

– Бывали дни веселые – неделями не пил...

Антон стукнул и вошел. Прямо на полу, прислонившись спиной к фармасинтезатору, сидел румяный пурпур. Пухленькой рукой он сжимал захватанный стакан с прозрачной

жидкостью.

– Заходи, – сказал пурпур, отчетливо выговаривая буквы.

Антон зашел и молча протянул румяному пожелтевшую от времени нэцкэ – выточенную из слоновой кости фигурку божка, лет пятьсот назад болтавшуюся на перевязи самурайского меча. С эпохи Мэйдзи фигурка кочевала из рук в руки, из одной коллекции в другую, побывала и у парижского антиквара, и у русского фабриканта, и у оберштурмбанфюрера СС... Пока не попала на Марс, где ее и похитил Эйбел.

– Какая прелесть! – пропел румяный, зажав нэцкэ двумя толстенькими пальцами и вертя ее перед заплывшими глазами. – Два литра. Идет?

– Три, – настоял Антон.

– Три?.. Хрен с тобой – три!

Румяный сноровисто поднялся и запустил синтезатор. Вряд ли этот агрегат синтезировал какое-либо иное лекарство, кроме этилового спирта. Нацедив в круглую флягу чистейший це-два-аш-пять-о-аш, румяный ловко спрятал ее в пустой емкости из-под нейтронного аккумулятора.

– Увидишь кого, – наставлял Антона румяный, – пыхти от натуги!

Стажер подхватил цилиндрическую емкость и молча направился к выходу.

– Неси, если найдешь чего! Я все беру!

«Еще бы ты не взял, – подумал Антон. – Жучара... Это ж сколько он уже сгреб под седалище! Те стяжают, а этот в

сундучок кладет... Куркуль!»

А ведь все пурпурные – мещане, понял Антон. И фашисты были мещанами, и исламисты, и гангстеры – все они мещане. Воинствующие мещане. «...С людьми бороться нельзя», – вспомнил он и решил: «С этими – можно!»

В галерее его нашел «арктан» и радостно забежал кругом, как соскучившийся щенок. Антон внимательно огляделся и вывел сообщение на маленький монитор.

«Мастер – Стажеру.

Завтра, но не позднее часу дня покинешь техкупол. Это приказ. Постарайся уйти в броне и увести с собой еще хотя бы пару БК. Используй команды «лидинг», «импринтинг» и «эскорт». Мы тебя встретим в переходе, в ПУ (вход рядом с изображением Аэлиты). Это последнее задание, но если возникнет угроза провала, уходи немедленно!

Мастер».

Глава 34

«БОЛЬШОЙ СЫРТ», КЛИМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

1

Рита Ивернева испытывала лишь одно ощущение – тяжелой усталости, и одно-единственное желание – поскорее лечь и заснуть. Вечером еще хотелось поесть, но бессонная ночь притупила голод.

Вторые сутки подряд Рита не вылезала из машинного зала Климатической станции. Налаживала, настраивала, ревизию делала и профилактику. И вот уже завиднелся конец ее трудам, но тут Жилин подвез ульмотроны... Рита не застонала, не возмутилась – сил не было совершенно, – кивнула только и принялась за наладку двух схем на ульмотронах.

А глаза будто сами стягивались, пытаясь закрыться, да еще этот режим светомаскировки – нельзя было зажигать лампы, чтобы пурпуры не заметили, и по всему залу мелькали лучики фонариков и носились шепоты. Они словно убаюкивали, Рите чудился то шелест листьев, то журчанье талой воды... Мучение сплошное! Одно укрепляло Риту – Жилин

да и Колманов с Максом не спали уже трое суток, и ничего, держатся... Легок на помине, подошел Жилин.

– Рита, – сказал он глухо, – иди поспи хоть часок...

– Глеб Петрович! – заныла Рита. – Молчите лучше! Ну что вы меня жалеете? Вот возьму и лягу! А кто за меня работу сделает? Не надо меня жалеть, не такой уж это и подвиг – не спать!

Жилин не обиделся, кивнул только.

– Скоро уже, – вздохнул он, – к обеду запустим...

Рита мысленно застонала – еще пять часов!

– До обеда еще дожить нужно, – вздохнула она. – Помогите мне ульмотрон задвинуть...

Жилин молча затолкал ульмотрон в гнездо. Прибор тоненько запищал, а за его зеркальным окошком разгорелось фиолетовое пламя. И тут же под потолком затлело аварийное освещение, бросая алые отблески на полуразобранную аппаратуру, протягивая багровые тени. Рита увидела человек десять, копавшихся, как и она, в киберстационарах и автоматах климатизатора. Ковавших победу...

2

Жилин аж извертелся весь, опасаясь, что пурпуры опередят его, займут Климатическую станцию и помешают успеху операции «Еры». Но нет, Локи и его команда не обращали внимания на недостроенные сооружения, загромоздившие

дальний край лавового поля. И зря.

Без перерывов и перекуров, держась на сухпайках и таблетках спорами на, метеотехники достраивали станцию, готовили климатизаторы к решающей битве. С нижних горизонтов доносилось тяжкое гудение мезонного реактора, гоняемого на холостых режимах, глухо свистели погодные модуляторы. Призывалась в ополчение атмосфера, мобилизовалась стихия... Жилин нервно потер ладони, словно копируя Йенсена, и обругал себя за «псих». Спокойствие, только спокойствие, как говаривал Карлсон, который живет на крыше... Да какое тут, к черту, спокойствие может быть! Если акция сорвется, «Еры» можно переименовывать в «Хер»!

Главный киберинженер, он же командир ополчения, он же руководитель-исполнитель операции, поднялся на самый верх девяностометровой наблюдательной башни, где был устроен центральный пост управления. За рядами пультов сидели напряженные и непривычно сосредоточенные добровольцы-метеотехники, обмениваясь быстрыми, четкими фразами:

– Адвекция увеличивается... Половина тяги по вектору.

– Давление шестьдесят миллибар! Семьдесят миллибар!

В центре – двадцать пять!

– Пошел циклогенез! Адиабатическое охлаждение – норма!

Жилин подошел к прозрачному колпаку, прикрывавшему ЦПУ, и посмотрел на мутный горизонт, где взблескивали ку-

пола «Большого Сырта». Набрязкие багровые тучи проседали над городом-портом и вступали в кружение, но заметить, как вокруг атмосферного завода сгущаются газовые макро-массы, как растёт давление над долинами и каньонами, кратерами и пустынями, было нельзя. Пока лишь большой контрольный экран отражал грузное вращение атмосферы против часовой стрелки – было видно, как тёплый фронт вытягивается в длинный язык и вклинивается в холодную область.

Глеб чувствовал себя полководцем, следящим с холма за ходом сражения, только не армии вел он в бой, а ветра. Ветра поднимали бурю над Сыртом. С просторов Япигии, Аэрии, Изиды стягивались сюда газовые течения, выжимали ничтожную влагу, складывались и множились, возводили давление в степень. Противник Жилина ещё не углядел сгустившихся газовых масс, этой легкой дымки незримого гнета, выраженной в миллиметрах ртутного столба. Враг не чувствовал опасности от флюктуации давления над Сыртом, не замечал в реденькой атмосфере Марса последнего довода королей. Другие правила...

– Давление в центре сорок миллибар, в циклозоне – триста семьдесят пять миллибар! Фронт слабо возмущен...

– Увеличивается градиент давления. Формируется высотный центр, высота – пять с половиной километра.

– Ветер усиливается. Конвекция ниже нормы!

– Повышаю. Георгий Иваныч, поддайте энергии!

– Сейчас, сейчас! Третий и четвертый реакторы!

– Третий слушает!

– Здесь четвертый.

– Увеличить приток энергии в теплый сектор!

– Выходим на полную! Включаем пятый и шестой резервы!

Пол под ногами Жилина задрожал – это просыпались резервные мезонные реакторы. Шкалы на верхних пультах налились малиновым свечением, замелькали численные выражения мощностей.

– Термическая конвекция растет! Турбулентность ниже нормы!

– Циклон углубляется. Уровень конденсации – ниже нормы... да сойдет!

Метеотехники насылали бурю. Жилин прошелся вокруг ЦПУ, почти касаясь плечом панорамного окна. Климатическая станция внизу была не достроена и казалась полуразрушенной – выпирали титановые ребра, остатками чешуи блестели листы пластмассовой оболочки. Схожие с пирамидальными часовенками на Братском кладбище Севастополя, горбились погодные модуляторы Решетчатые параболоиды синоптических конденсаторов были развернуты на «Большой Сырт», все пять, и от них шел низкий, густой звон, словно пульсирующий набат царь-колоколов.

Жилин обошел шкаф распределителя и увидел Риту Иверневу. Девушка спала, свернувшись на круглом матраси-

ке, ничего не слыша и не чувствуя. Умаялась.

Жилин оглядел ЦПУ и перевел глаза на Сырт за прозрачным колпаком.

Небесный ход почти не менялся – все также летели облака, красные пыльные, серые снежные. Все также мел песок по мальпаису и крутились «пыльные дьяволы». Глупая природа не понимала, что ей полагалось утихнуть перед грозой. Нет, не глупая, просто малопомнящая – за десятки миллионов лет великой суши немудрено и забыть, что такое гроза...

Жилин отвернулся от окна и поглядел на пульта. За главным сидел Колманов. За рабочими стояли, сидели, подпрыгивали помощники – уж где-где, а на Центральном посту предгрозовое напряжение ощущалось всей кожей, всем екающим нутром. Глеб сместил взгляд. На экране теплый и холодный фронты наложились один на другой.

– Прошло окклюдирование, – отрывисто доложил Тимка Морган.

– Фронт окклюзии сформирован, – прозвенела Флоранс Барон, имевшая одни «десятки» и «девятки» за лабораторные работы по теоретической синоптике.

– Циклоническая циркуляция – норма! Инверсия погашена!

– Давление – четыреста! В центре – тридцать! Падает! Двадцать девять уже!

– Ребята и девчата! – воззвал Колманов. – Смотрите в оба и не мигайте! Следите, чтоб энергия распределялась по фрон-

тальному разделу, чтоб точно по линии шквалов! Держите конвекцию!

– Держим, держим!

– А мы ее и не отпускали... Георгий Иваныч! Пошла стадия кумулюс!

– Ага, вижу;

Жилин приставил к глазам стереотелескоп. Над куполами Сырта вставали плотные, вытянутые по вертикали облака. Конвективные течения поднимали газы, те охлаждались, и реденькие облачка густели и росли, теряя прозрачность. Пробившееся Солнце осветило куполообразные вершины кумулюсов – белые по контрасту с плоскими темными основаниями, процарапанные полосами падения. Кристаллы льда в полосах таяли, проливаясь дождем, и тут же испарялись, не достигая грунта.

Блестящие купола «Большого Сырта» угрюмели, попадая в тень. Чудилось, они прогибались под массой грозовых облаков. А под самими черными тучами, на перекрестке ветров – техкупол. Вся вражья сила – там, личный состав и флотилия. Смести их одним ударом – и можно разливать шампанское по случаю окончания операции «Еры»...

– Нагретые газы поднимаются выше уровня конденсации!

– Сходящие ветровые потоки усиливаются!

– Георгий Иваныч! Георгий Иваныч!

– Что, Тим?

– Стадия кумулониimbus!

– Вижу, вижу... Всем внимание! Приготовиться! Пошла зрелая стадия!

Набат конденсаторов не остывал, башня дрожала мелкой дрожью, атмосфера туманилась в линеечку, словно потоки туманного стекла неслись к Сырту, где распухали торовидные кумулониimbusы, кучево-дождевые облака. Темно-фиолетовые, почти черные, они медленно бурлили, ворочаясь жерновами над огромными колониальными колпаками и кругами фундаментов для новых куполов, где взброс стояли и мокли десантные боты пурпуров. Вершины тучевых гор растекались, из «подбрюшья» били молнии и сеялся то ли снег, то ли град. Ветер неистовствовал.

Экран, висевший над пультом, показывал вид со спутника «Марс-27». Кучево-дождевые облака над городом-портом собрались в группу-кластер размером до сотни километров. Группа была похожа на приземлившуюся «летающую тарелку». Такую форму ей придавала овальная шапка перистых облаков, прикрывавшая сверху основную облачную массу. С поверхности эта шапка казалась исполинской наковальней с туманными краями.

– Внимание! Полная тяга по вектору! Полная тяга!

На пультах тревожно загорелись огоньки в ряд, и почти сразу с пугающим звоном вспыхнул транспарант «Торнадо».

Жилин облизнул пересохшие губы и вперился в окуляры стереотелескопа. Вот оно! Из провисшего основания сиене-черной тучи с высоты километра опустился гигантский

темный хобот. Он косо вытянулся к поверхности, а навстречу ему приподнялся каскад – воронка из пыли. В эту чашу хобот окунул свой конец. Потом еще один смерч затанцевал рядом с первым. И еще. Три мощнейших торнадо, плотных, дымно-размытых, достигая сотен метров в поперечниках, закружили вокруг техкупола.

– Влагонасыщение – по максимуму!

– Барометрическое давление во внутренней полости... десять! Восемь! Шесть миллибар!

– Интенсивность торнадо – эф-пять по шкале Фуджита – Персона!

Один из торнадо, похожий на раскрученную вязанку хвороста, набрел на десантный бот. Овальная планетола опрокинулась, пополз по площадке, столкнулся с дискоидом. Смерч покатила бот, закружил, как юлу, и легко взял вес в триста тонн. Боты засасывало – крутятся по спирали и переворачиваясь, они подлетали на десяток метров, разбивались, лопались от перепада давления, бомбами рвались на мелкие кусочки. Воронки торнадо... Громадные и тяжелые от льда и пыли, чрезвычайно плотные, несущиеся со скоростью поезда... Только подземный бункер мог бы держать их удары и боковое давление.

– Скорость вращения воронки – тысяча километров в час!

– Индексы торнадо – эф-пять, эф-шесть и эф-шесть!

– Ширина траекторий – тысяча, тысяча двести, тысяча пятьсот метров!

В туче блеснула вспышка. Видимо, столкнулись две машины. Посыпались осколки, их тут же закружило по круглой площадке и снова подняло вверх. Один из торнадо, вращаясь со скоростью семьсот километров в час, обошел, вихляя, купол Соацеры и втянулся обратно в тучу. Кувыркаясь, сыпались с неба двигательные установки, одна из них рухнула в брошенный разрез, взамен медленно всплыла землеройная машина. Половинка бота, почти на звуковой скорости, врезалась в склон Блек-мезы – скалы оконтурились бледным пламенем. В одну бедственную минуту пурпуры потеряли весь свой флот.

– Интенсивность всей серии торнадо – эф-шесть!

– Выше, Георгий Иванович!

– Выше еще не придумано!

– Скорость вращения воронки – тысяча триста двадцать километров в час! Пошел свержзвук!

– Ширина траектории – более трех кмэ!

Творящееся на горизонте уже не походило на ненастье – там, в ревущей полутьме, исполняли фуэте три стоглавых Тифона-беспредельщика. Грунт и туча будто смешались в медленном, нескончаемом взрыве. Кирпично-красное сияние воронок прибавляли зеленоватого блеска вращающимся бледно-голубым полосам и огневым шарам. Плащевые молнии изогнутыми светящимися листьями окружали группу смерчей, и вся их гладкая, резко очерченная поверхность вспыхивала странным желтовато-белым сиянием.

Первым не выдержал фундамент недостроенного купола – край его вздыбился и раскололся, запрыгав ломтями многотонного коржа. Прозрачный техкупол мотало, продавливало и пучило, как мыльный пузырь. Он мутнел в местах напряжений, расчерчиваясь белесыми дугами, сходящимися у макушки полюса. Внезапно сбоку у него разрослось беловатое пятно, вздулась, словно отпочковываясь, играющая разводами полусфера и лопнула, разворачиваясь рваными лоскутьями. Разгерметизированный купол продержался недолго. Он опал, дрябло свешиваясь, надулся опять, медленно заполоскал, как парус-спинакер в шторм. У Жилина мурашки прошли по коже. Он смотрел не отрываясь, как чудовищные вихри срывают тройной техкупол, выворачивая кольцевой фундамент, как поднимают в воздух семисотметровый прозрачный колпак и швыряют на Центральную метеобашню. Башня устояла. Купол облепил ее, хлопая колоссальным флагом. А крайний торнадо напал на то, что скрывалось под техкуполом. Смерч с корнем выворачивал решетчатые мачты, скручивал их винтом, ломал на части и разбрасывал. Залпами выстреливали иллюминаторы. Крыши, стены, перекрытия, мебель, киберы, песчаные танки – все поднималось вверх и кружилось, как листья в октябрьскую непогоду.

– Все, Георгий! – крикнул Жилин. – Гаси серию! Концерт окончен!

Он успокаивал себя тем, что Соацеру торнадо не затронул, а если бы и с нее сорвало купол, то ведь все жители запер-

ты в модулях дома-города. А уж его-то смерчам не выкорчевать, даже с индексом эф-семь... А Стажер должен был покинуть техкупол еще до обеда. Вот именно, что должен был. Черт, если бы вся эта молодежь была послушна, скольких бы неприятностей можно было избежать! Так нет же...

– Чисто Сталинград! – довольно хмыкнул Колманов, опуская стереотелескоп, и скомандовал: – Тяга по вектору – ноль! Реакторы – стоп!

Замельтешила свежая индикация на пультах, по-новому забормотали компьютеры:

– Конвекция – ноль целых, три десятых!

– Восходящие потоки затухают!

– Ветровые потоки... так... все, расходящиеся потоки!

– Циклон заполнен!

Тучи на горизонте начали таять. Быстро их не выключишь, пока разойдутся, пройдет время – уж слишком велика энергия. Но гроза кончилась, хоть и не выпало ни капли настоящего дождя.

– Собираемся и уходим! – скомандовал Жилин, перехватывая инициативу. – Все выключили?

Хор метеотехников нестройно, но бодро загудел в ответ. Жилин позволил себе расслабиться.

– Благодарю за службу, – улыбнулся он.

– Служим Отечеству! – ответил хор.

Глава 35

СИСТЕМА «БОЛЬШОЙ СЫРТ», ТЕХКУПОЛ

– Ха-азбула-ат у-да-ло-ой... бедна са-акля тво-я-а-а!

Солировал Пятаков. Эйбел подтягивал, Саяджи лишь мычал в такт.

Дослушав, как богатый джигит предполагает распорядиться золотой казной, Антон пошарил между «лопатонок» бронескафандра, нащупал в тайном углублении рычаг немедленного отпирания и раскрыл «аргироаспид». Запустил тестирование. Перевел броню из режима консервации в режим импринтинга. Активировал систему умножения силы. Проверил настройку. Переключил питание на автономку – с зарядного устройства на энергоранец – и захлопнул боекостюм. Какой это по счету? Тринадцатый? Нет... Ну-ка... Раз, два, три... Потом, потом! Не отвлекаться!

Немедленное отпирание. Запуск тестирования. Перевод в режим импринтинга. Контроль настройки. Переключение на автономку. Следующий. Отпирание. Запуск. Перевод. Контроль. Переключение. Следующий! Двадцатый. Двадцать пятый. Тридцатый... И все это время тоскливое замирание, как во сне, когда падаешь...

– Вершитель девятого разряда Сто двадцать шесть!

Сто двадцать шестому в девятом разряде чуть дурно не стало. Но потом сработала память, и он узнал скучный голос Цыпленка.

– Ваш рацион на обед, – сказал распределитель питания, роясь в продовольственном ящике. Транспортный кибер тыкался Цыпленку под руку, мешая исполнять обязанности.

– Спасибо, – сказал Антон на выдохе и принял увесистый сверток. Распределитель не ответил. Он открыл двери в подсобку, где трое не в лад уговаривали Хазбулата отдать жену, и пропустил своего робота.

– Брокмен Эйбел, – забубнил Цыпленок, – Пятаков Олег, Бхавани Сингх Саяджи!

– Эт-та мы! – промычал Эйбел.

– Ваши рационы на обед.

– Ат-тличный закусон!

– Зах-ходи, М-михайлов! Выпьешь?

– Ат-тличный спирт!

– Я не пью. И вам не советую.

– В смысле?!

– Нарвешься на Локи – узнаешь.

– Ч-ш-ш-ш-ш! Вер-рна! Щаз-з допьем – и все! И ни капли!

Эйбел смолк, и стало слышно, как Михайлов втолковывает вполголоса кому-то, вероятно, Пятакову:

– ...пить меньше надо!

Антон еле дождался, пока распределитель питания убе-

рется и закрывает дверь за своим кибером. Вперед... Отпирание. Запуск. Перевод. Контроль. Переключение. Тридцать один, тридцать два, тридцать три... Еще семь штук, и все! Тридцать четыре, тридцать пять, тридцать шесть...

– Стоять, шпиен! – грянул резкий голос. Антона как пяточком ошпарили. Он замер. Неужто все?!

Из-за стеллажей, заставленных пластмассовыми ящиками, вышел Вася Вожжеватов – руки трясутся, в руках луче-мет, и тоже трясется, мокрые губы прыгают, глаза во всю радужку.

– Совсем обезмозглел! – поставил диагноз Антон, унимая собственную дрожь.

– Ничего подобного! – нервно хихикнул Вася и зашептал: – Я видел, как твой кибер в шахты бегал! Не, не, я тебя не выдам, ты не думай! Все будет хоккеем – базара нет! Я к вашим хочу, понял? Пока не поздно! А ты из ополчения, ты с ними вась-вась, за меня шепнешь кому надо... Ну, вляпался я в это дерьмо пурпурное, ну, дурак был! Так я же чист! На мне крови нет, понял?!

– А Толик? – не выдержал Антон.

– А что Толик? – зашептал Вася. – Заставили меня, понял?! И он уже мертвый был, когда я в него... А че мне делать было?! Рядом с Толяном лечь?! А ты скажешь по-корейски, да? Сюда крейсер идет, прикинь?! Эти ж высадутся... космопехи, они ж меня сразу в расход! Мы же аутло – все! А я живым хочу быть! Скажешь?.. – Лицо Васиного вдруг

исказилось, глаза стали как у «бешеного таракана». – Или щас к Локи сведу! Он тебя к дюзе привяжет – и малой тягой, малой тягой!..

Антон молча шагнул к Васе, сжимая кулаки.

– Стоять! – взревел Вожжеватов.

Антон тут же остановился.

– Как скажешь, Вась, – искательно улыбнулся стажер. – Я все сделаю – в лучшем виде. Я... – Пистолет-парализатор в его руке изрыгнул два горячих выхлопа: ах-х! Ах-х!

Голубые лучики ударили Вожжеватова в живот и в грудь. Он упал на колени, все еще не веря в то, что произошло. Он ведь держал Антона под прицелом – и даже не заметил, как тот выхватил ПП. Вожжеватов никогда не думал, что человек может обладать такой скоростью. А может, Антон – пришелец из космоса?.. Неразрешенный этот вопрос так и застыл в остекленевших глазах Васи Вожжеватова, когда он упал лицом в пружинящий пол.

Сороковой скафандр Антон занял лично, не поленился и трубки запихать куда положено и запустил режим лидинга. Бронескафандры выстроились и потопали, равняясь на ведущего – Антона. БК шли почти вплотную, будто сегменты огромной сколопендры, в ногу, и в родинской манере. Даже когда стажер запнулся, пустые бронескафандры тридцать девять раз спотыкались на ровном месте. Только бы выбраться... Антон глянул на часы в углу монитора. Гадство! На два-

дцать минут уже опаздывает! Но в режиме лидинга бегать не рекомендуется. Черт, надо было «эскорт» вводить... Антон согнулся, проходя в шлюз тревожного рукава, и сзади заклацали сегменты, прошла волна наклонов, словно в отражении меж двух зеркал.

Где-то за многими переборками взвыла сирена, низкий хриплый голос заревел:

– Опасность! Дэйнджер! Вэйсянь!

Антон даже дышать перестал. Нет... нет. Выходы не заблокированы. Значит, это не тревога... Скоро, скоро уже. Никогда в жизни он так не торопил событие, одно-единственное. Уход. Отступление. Побег. Добраться б только до своих! Надежных, добрых, верных, веселых, дружных, ненападающих... Скорее бы!

Антон откатил крышку аварийного люка и обомлел. В прогале между сервис-центром и Регенерационным заводом открывался вид на Сырт. Вид был пугающ – над куполами сгустилась тьма, бурлили, выворачиваясь, иссиня-черные тучи, частые молнии накалывали грунт. Ветер был такой мощный, что техкупол сотрясался, глухо пришепывая всеми тремя слоями. Никакая пыльная буря не способна была так поколебать этот огромный прозрачный колпак. Вывод какой? А вывод такой, что это Жилин воюет! По другим правилам. И правильно делает...

Антон шумно выдохнул и повел скафандры «щелью». Задел трубу локтем – дз-зынь! И пошел звон за спиной – каж-

дый блядский скафандр спешил приложиться к этой блядской трубе!

Выйдя на знакомую треугольную площадь, Антон остановился. Вспомнил о смене, которую пурпуры пригнали на работу. Если сорвет купол, им туговато придется... Конечно, Регенерационный завод в гермозоне, но мало ли что может случиться... Антон решительно повернул к заводу.

И хорошо еще, думал он, что заложников держат в доме-городе – там автономный энергоблок и своя СЖО. Разрушится техкупол – хоть люди не пострадают. А эти – пусть...

Антон шагал высоким продольным коридором между двумя рядами толстых колонн и зеркально-блестящих кубов, под решетчатыми фермами, мимо преобразователей и кислородных фильтров, мимо постов бессменных роботов-ремонтников и вошел в огромный зал. Антон увидел протянувшиеся вдоль стен панели с рабочими экранами и кучей индикации. Семь человек сидели перед панелями. Все они были в серых спецкостюмах с номерами. Посредине зала стояли отдельный пульт и несколько кресел. В одном из них развалился пурпур в легкой броне.

Антон прошел к пультам.. Пурпур нерешительно привстал, завидя чуть ли не всю БГ зараз. Антон даже стрелять не стал. Молча взял пурпура, стараясь не зашибить ненароком, засунул под пульт и придавил креслом. Пурпур от страха обезмолвел.

– Сиди там, – посоветовал Антон, – и не рыпайся.

Он оглянулся на людей в сером и с радостью узнал в одном из них Никольского.

– Серега! – заорал он и поднял лицевой сегмент. – Это я, Антон!

– Антон? – растерялся Никольский, оглядывая могучих гигантов, выстроившихся в затылок стажеру.

– Да не обращай внимания! – весело крикнул Антон. – Это пустая броня! Я уйду к нашим – с трофеями! Занимай любой – и пошли! И вы тоже! Что здесь делать?

Сергей неуверенно встал, а Антон, ликуя и немного красуясь, открывал нараспашку тяжелую броню.

– Заходи!

Дежурные, еще не веря, подходили, приглядывались, мялись, несмело улыбались, быстро взглядывали на Антона и поспешно отводили глаза – пурпурные у многих отшибли понятие о чести и достоинстве. Зажатые, подозрительные, недоверчивые люди просто боялись. Кто – обмана, кто – наказания. В ком-то поселился «страх вообще» – как бы чего не вышло...

– Ну и чего вы ждете?! Я к вам не в гости пришел! Жилин там такую бурю организовал – купол полощет! Уходить надо!

Сергей Никольский первым залез в скафандр.

– А как его?..

– Просунь руки в рукава и сожми в кулак!

Скафандр Никольского закрылся.

– Мониторы видишь?

– Только вокруг темно...

– Подбородком нажми клавишу, красную! Нажал?

– Ага!

– Скажи: «Боевой режим»!

– Боевой режим!

Никольский в броне неуклюже обошел пульт с похныкивающим пурпуром, пошевелил руками, согнул их в локтях, присел пару раз. Хотел крутануться на пятке и чуть не рухнул. Видя такое дело, коллеги Никольского скопом бросились к свободным БК.

– Сергей! – спросил Антон по внутренней связи. – А Ира где?

– Дома осталась, – мрачно сказал Никольский, – наверное...

– Идем! – решил Антон. – Всем включить дополнительный режим! Скажите: «Лидинг»!

– «Лидинг»! – сказали дежурные вразнобой.

Стуча и грюкая, БК перестроились – теперь за восемью «полными» скафандрами впритык топали по две пары пустых. Антон вел отряд и улыбался – страхи сгинули, он возвращался домой. К своим. Со своими.

А буря наседала. За куполом – сплошная муть и бурление. Черным-черно. Облачная мельница отражалась в куполах, как в кривых зеркалах. Ветер уже не выл, не ревел даже – он грохотал, сотрясая техкупол. Тот приседал, его плющило и вдавливало, шатало и трясло. С зудящим визгом по

прозрачному колпаку поползла мутная белесая полоса, потом еще одна и еще. Линии максимальных напряжений сошлись на макушке купола.

– Смотрите! – крикнул чей-то голос.

Густо-лиловая туча просела, подалась к поверхности крутящейся воронкой, и вот грозный ветроворот загулял вокруг техкупола, вбирая в себя пиратскую эскадру. Боты елозили по площадке, валились, переворачивались, а потом их затягивало, как искры в печную трубу. Тяга была отличная.

– Торнадо! Бежим!

– Куда бежать-то?!

– Ух, щас будет!

– За мной!

Антон широко зашагал к павильону подземки.

– Нас ждут в переходе! – крикнул он.

– Пурпуры! Вон, глянь!

Из тревожного рукава выскочили несколько исполнителей с лучеметами наперевес. Увидели марширующих в БК и залегли.

– Ну и хрен с ними! – бодро заключил Никольский.

– Ты туда посмотри!

Антон завертел головой. Из грузового тамбура вывернула самоходка-самоделка с лазерной пушкой. Оператор прятался в коробчатой кабинке, неровно заделанной серым абляционным материалом. Ребристый ствол задрался и выстрелил. Ослепительный луч перебил решетчатую мачту осветителя,

вырос оранжевый куст окалины и рассыпался кучей рубиновых окурков. Мачта грохнулась, пробив пластиковую стену какого-то бокса.

– Ложись! – крикнул Антон. Он с отчаянием подумал, что до своих он так и не доберется – ни сегодня, ни завтра, никогда. Ствол опускался... И тут не выдержал купол. Отвратительный скрежет переборол даже грохот ветра. Громадный волдырь выдулся на прозрачном колпаке, помутнел и лопнул. Мгновенная разгерметизация походила на взрыв. С оглушающим громом заполоскал прорванный свод. Пушку опрокинуло, залегшие пурпуры отползли в рукав. Пыль, мусор, вырванные с корненожками «синие насаждения» подняло, завертело и вынесло в брешь. Ветер терзал купол с яростью, как злая собака башмак, – гнулись мачты, листы пластметалловой кровли срывало легко, словно присохшие горчичники.

– К подземке! – проорал Антон, как только до него дошло, что лазерный огонь никто по ним открывать не собирается. Шатаясь под ветром в тяжелом – шестьдесят кэгэ! – бронескафандре, Антон ринулся к павильону подземки. Он уже видел его, круглый стеклянный цилиндр, приземистый, с тремя прозрачными тамбурами, когда покрытие под ногами сотряслось, словно в эпицентре подземного толчка. Антон охнул и присел, судорожно ища равновесия. Перед его глазами поднялся, изламываясь, горизонт. В следующую секунду Антон понял, что этот оком – край сорванного купо-

ла.

- Купол вырвало!
- Ты думаешь, я не вижу?
- Сносит, черт...
- Держись за меня!

Словно опрокинутый стакан подняли над муравьями. Купол-полусферу гнуло и ломало, скручивало, тащило и выворачивало, пока не накинуло на Центральную метеобашню, как трусы на просушку. Над Регенерационным заводом пронесло обломки десантного бота. Вот дюза, на вид величиной с ведро, выросла в размерах до стоведерной бочки, ударились диффузорами о металлопласт в каких-то метрах от стажера и покатились, подпрыгивая, прочь.

- Торнадо! – заорал Никольский. – Антон! Слышишь?!
- Слышу! Хватайтесь за что-нибудь, не то унесет к чертовой матери!
- Only shit!

Люди вцепились в дюжую ферму, вырвавшуюся с нижних горизонтов. Пустая броня скопировала их движения. Руками и ногами облепив штангу фермы, Антон с ужасом следил за приближавшейся завертью. С чем ее сравнить? Торнадо уподоблялись змеям, танцующим на хвосте, баобабу, вращающемуся, как пропеллер... Вяло, вяло! Все меркло, никакие эпитеты не подходили этому чудовищу, сотворенному метеотехниками-ополченцами.

На Антона надвигалась колоссальная гора, дымная и ство-

ловатая, километровой высоты и с километр в объёме, она струилась и клубилась по спирали. Обломки подхваченных ботов, песчаных танков, тяжелых роботов-заправщиков закручивались вокруг гороподобного смерча по серпантину и казались мелкими желтыми листочками, подхваченными ветром с аллеи парка. Тому, что на глазах Антона пожирало техкупол, не было даже названия. Какая там буря?! Какая туча? Клубилась Туча, прямая родственница первозданного Хаоса. Кончик света...

Под пятой торнадо вспухали постройки, их разрывало и засасывало в грохочущую утробу вихря. Вскрылась тяжелая крыша бывшего общежития, превращенного в казарму, гулкой очередью повывлетали иллюминаторы, просыпались вверх беленькие и черненькие человечки, исполнители и вершители, и сгнули, как дохлые мухи, втянутые пылесосом кибер-уборщика.

Антон тоже ощутил неодолимую тягу, влекущую его в хоровод вихря, и вцепился в штангу, как в родную. Потрескивали сочленения сегментов, звенели внатяжку усилители-актюаторы. Индикатор системы умножения силы показал максимум. Сгустилась тьма, Антона замутило от мельтешащих полос, ушам было больно от рева и воя. Ноги его сорвало и закинуло кверху. Удерживаясь одними руками, уже не помня себя, Антон закричал:

– Мама!

Его чуть отпустило. Вокруг просветлело. Антон поднял

взгляд и застонал – над ним была внутренняя полость торнадо, пустая сердцевина вихря. Жидкий свет лился сверху, как в исполинскую рыбозмею, как в башню без крыши – кривящуюся, изгибающуюся, сложенную из вращения, воздуха, пыли, снега и лома. В полости дрожал непрерывный блеск молний, зигзагами перескакивающих с одной стены на другую, и вились туманные хлопьевидные образования. Антона опять затошнило, и он закрыл глаза. Все мысли повыбила буря, все страхи и томления. Антон как бы перестал быть – на время. Просто дрожащий комочек живой материи в скорлупке цеплялся за металлический прутик, не желая попасть в убийственное коловращение.

Неожиданно хватка торнадо ослабла, и Антон повис, словно на турнике. Если бы не усилители, он бы сорвался и упал мешком. Вихрь будто поглотил все его хилые силенки, подпитался ими. Вывернув голову, Антон осмотрелся – торнадо слабел, да и ветер стихал. Шквалы все еще швырялись песком, поблескивали зарницы, но прежняя грозная мощь ненастья убывала.

– Наверное, конденсаторы выключили, – слышался чей-то голос. Голос ощутимо подрагивал и позванивал.

– Пошли скорее!

– Под шумок!

– Пошли, пошли! Миха, ты здесь?

– Кажется, здесь... Чуть не описался!

– Ходу, ходу!

- Да чего ты боишься? Все пурпуры в осадок выпали!
- Все ли?
- А кто не ляпнулся, того декомпрессия доконает!
- Все равно, давайте по-быстрому!

Антон пропустил всех в шлюз подземки (от павильона не осталось даже каркаса) и осмотрелся напоследок. Да, погуляла непогодка... Только Регенерационный, похожий на старинный элеватор, и серый куб энергостанции возвышались среди песчаных холмов. Все остальное – здания, мачты, само основание купола – все было перемешано с песком или разбросано в радиусе сотни километров. Даже подземные бункера разворотило и высосало, как устриц.

Шквалы стихли, ветер задул постоянный и спокойный – уже не к атмосферному заводу, а от него. Закрученная пружина бури разворачивалась обратно, стихая и гася свою энергию.

- Антон! Че ты там копаешься?
- Иду, иду!

Антон осторожно спустился по засыпанному песком эскалатору и прошел воздушный шлюз.

- Все здесь? Серега, будь другом, сделай переключку!
- Щас! Гаекванда!
- Здесь!
- Кольцов!
- Тут я...
- Щукин!

– Я!

– О'Риардон!

– Тучочки.

– Жеже! Как тебя... Виньяль!

– Ісі.

– Андреев!

– Я!

У лопнувшей стены Антон увидел Вожжеватова. Мертвого, полузасыпанного песком. Его лицо, забрызганное кровью и покрытое багровыми корочками пыли, было искажено болью. Так и не проснулся, понял Антон, брезгливо разглядывая труп, и не «выпал в осадок». Это декомпрессия так постаралась... Мучил других? Вот и сам помучился.

– Все здесь, Антон!

– Ага, – вздрогнул стажер, – я слышал. А у меня пять штук брони унесло. Черт... зря старался только!

– Ничего не зря! – энергично воспротивился Никольский. – Веди!

Антон зашагал по пустынному и темному туннелю – горели только красные панельки у потолка. Глухое грюканье бронесапог пускало веерное эхо, и создавалось впечатление беспорядочного топота, глухого наката, сквозь который пробивались неожиданно четкие звуки шаркнувшего протектора или клацанья пластин.

А потом свет нагрудных фар бронескафандров отразила гибкая Аэлита. Дошли! Антон схватился за штурвальчик на

двери противометеоритного убежища с намалеванным серпом и молотом и раскрутил его. Дверь распахнулась легко, как калитка в палисаднике (мелькнуло видение – берег Южного Буга, парк, усадьба деда, пластмассовые каюки у дощатого причала...). Лучи фар скакнули и осветили бликующие круглые шлемы ополченцев. Напряженные лица – такие знакомые, почти родные! Свои! Жилин, Гирич, Бранкевич, Черняк, Соловейчик. Даже Ковальскому Антон был рад безумно, даже зануде Виджаю. Напряжение на лицах мутировало в радость узнавания, твердые рты размягчились улыбками.

На Антона так сильно повлияло драгоценное чувство товарищества, что даже глаза защипало. Он торопливо поднял забрало, по-прежнему боясь пролития слезной жидкости, отцепил перчатку и протянул руку. Жилин крепко пожал ее и хлопнул по здоровенному налокотнику БК.

– Ну вот, все в сборе! – улыбнулся мастер. – Колманов, Ковальский, разбирайте броню и дуйте в Соацеру! А мы пока техкуполом займемся.

Добровольцы загалдели, окружили Антона, толкаясь и шупая настоящий бронескафандр. А потом подбежала Яэль. Сняла шлем, привстала на цыпочки. Антон наклонился и долго целовал мокрое лицо девушки – подбородок, губы, нос, щеку, – чувствовал соль, но улыбался.

– Ты уже все? – спросила Яэль, задирая голову.

– Все! – выдохнул Антон.

– Насовсем?

Антон не ответил. Он очень осторожно приобнял девушку мощными лапами, боясь задействовать мышечные усилители, легонько прижал к ребристому корпусу БК. Яэль счастливо вздохнула.

– Тихо! – вдруг гаркнул Черняк. И все услышали прерывчатый звон радиофона. – Сверхсрочный вызов!

Гоша мигом достал коммуникатор, и над серым, замусоренным полом убежища повисла голова Йенсена. Спецуполномоченный сиял.

– Добрый день! – затараторил он. – Здравствуйте! Жилин здесь? Глеб Петрович, «Хазри» выходит на финиш!

Глава 36

Небо озарилось дрожащей фиолетовой вспышкой. Протянулись, удлиняясь и трепеща, четкие тени. В пустыне высветился каждый камушек, будто второе солнце взошло.

Эдик Иволгин в непривычном ему БК «гридень» отступил в тень десантного бота.

– Люблю смотреть на финиш! – сказал за спиной Петренко, «адъютант его превосходительства» флагмана Славина. – Аж мурашки по коже!

– Да уж!.. – хмыкнул Эдик понимающе.

Зарево над Сыртом становилось все ярче и ярче. С трудом верилось, что этот поток бледно-лилового пламени истекает из малюсенького темного пятнышка в вышине. Слабый зудящий вой окатил город-порт, и фиолетовый огонь сделался ослепительным и ударил в рыжий песок. Он смел его, словно веником, обмахнул трещиноватое лавовое поле. Спекалась пыль, оплавлялся базальт, кольцевыми волнами растекались курящиеся барханы.

Окруженный лиловым сиянием, в зудении и вое, «Хазри» завис, чуть вращаясь на мерцающем столбе плазмы. Затем медленно, будто потягиваясь, растопырил стойки усиленных упоров и опустился. Мягко дрогнул стекленеющий грунт, вытье оборвалось. Сразу стало как будто темнее.

Над косой тумбой реакторного кольца выдвинулись шар-

нирные звенья аппарели. По ней ровно, как на параде, съехали два передвижных психоизлучателя, разворачиваясь «вилкой». Из корпуса «Хазри», выдвинулась и опустилась на бархан ферма подъемника, проламывая корку спека. Посыпались серебристые и черные букашки киберразведчиков, пущенных в рейд, – скибры выстроились в цепь и пошли описывать циркуляцию, по спирали обегая громаду крейсера.

– Петренко! – прошел вызов.

– Петренко на связи! – зазвучал в эфире бодрый баритон.

– Блокада установлена, – доложил неизвестный чин, – зона техкупола накрыта депрессионным излучением.

– А нижние горизонты?

– Пустили киберов с парализаторами.

– Принято...

– Скибры засекли пурпуров в секторе восемь! – подключился еще один голос, грубоватый басок.

– Вас понял, – проскрипело с ЦПУ. – Звену Лаврикова даю старт!

– Да они уже готовы!

– Не понял! Докладывайте четче! Кто готов?

– Пурпуры! Они без скафандров – декомпрессия!

– Вот теперь понял...

– Лавр! Над сектором – энергобашня! Смотри не сбей!

– Типун тебе на язык!

– К фильтрации готовы? – вмешался скрипучий голос флагмана.

– Так точно! – отрапортовал Петренко. – Фильтропункт развернут, ментоскопы монтируются. Под изолятор думаю занять дисковидный подземный склад – это то, что надо. Радиальные коридоры простреливаются из центра, секторальные камеры-хранилища блокируются только снаружи.

– Подходяще, – одобрил флагман. – И вот что, Петренко. Организуйте походный госпиталь и столовую. Надо тщательно отфильтровать всех.

– И персонал?

– Я же говорю – всех! Кроме ополчения. Да, вызовите мне их командира.

– Жилин на связи, господин флагман, – прозвучал спокойный голос.

– Здравия желаю, господин капитан. Что это за туча стояла над Сыртом?

Жилин объяснил.

– Н-да... – только и вымолвил Славин. – А я смотрю – ничего понять не могу! Где купол? Где боты? А они уже всех пурпуров зачистили!

– Этого дерьма на всех хватит...

– Тогда командуйте, капитан, – решительно сказал Славин. – Вы – руководитель-исполнитель, вам и колоду тасовать.

– У вас много людей? – спросил Жилин.

– Тысяча с хвостиком.

– Отлично. Мы пока освободим заложников, а вы проче-

шите все горизонты под техкуполом! Локи где-то там. Только никаких предупредительных – уничтожить на месте! Действуйте, флагман.

– Слушаюсь, капитан!

Два истребителя-перехватчика пробили серо-буро-малиновые тучи и стали падать дождинками. Вышли как на посадочную глиссаду, пронеслись стремительными тенями и разлетелись по обе стороны от квадратной энергобашни, окатив техкупол синью из расчехленных биопарализаторов.

На Эдика словно ветром подуло. И лицо, и руки, задеваемые тангенциальным излучением, задубели, как от крепкого мороза, потеряли всякую чувствительность – щиплешь, а не больно.

– Вперед!

Эдик пристроился за ротмистром Гавриловым и побежал. Усилители он не включал – пудовая легкая броня плюс все, на нее понавешенное, вычиталось слабой гравитацией и не казалось грузом.

Через главный вход прорываться не стали – обошли двухэтажный параллелепипед Киберцентра, прокрались под выпуклыми блистерами диспетчерской и выбрались к грузовому тамбуру. Ротмистр показал на пальцах: трое на ту сторону, трое остаются. Эдик остался. Цепляясь шлемом за стенку, он задрал голову – над ним вздымала запыленные грани энергобашня, крашенная в крупную полосу – синюю и

белую Иволгин ждал сигнала к атаке, готовился к штурму, тискающая лучемер и облизывая сохнувшие губы, но пробиваться Гаврилов послал пару скибров. Похожие на кузнечиков роботы вмиг перекрасились по варианту «Инсула» и скользнули в тамбур, под рухнувшие ворота, занесенные сюда давешним вихрем. Пшикнули компенсаторы, звякнула дверь шлюза, и в наушниках зазвучал бесстрастный голос кибера:

– Докладывает «Второй». Шлюз проверен. Коридор чист. Держим оборону.

– Пошли, – обронил Гаврилов. Шлюзовую камеру прошли в два приема – сначала ротмистр с Эдиком, за ними «двойка» Зайченко.

Выйдя в коридор, Эдик понял, что у киберов свое понятие о чистоте. Длинный отсек с рядом дверей по одну сторону и вереницей круглых окон по другую был пуст. Но не чист. Пол усеивали обломки приборов, осколки посуды, обрывки пластпапира. В неприятно-багровых лужицах варенья мокли, розовея, журналы «Нива» за позапрошлый год. Половина дверей из очень прочного волокнистого силиколла была или расколота сверху донизу, или исписана заборными откровениями и пиктограммами на тему отношений полов. А что творилось в каютах...

Эдик приподнял шлем и тут же опустил. От разбитой, закопченной экспресс-лаборатории несло мочой. Прямо на стол-пульт, сметая рабочие экраны, кто-то обильно испражнился. И повсюду серпасто-молоткастые загогулины. Ору-

дия труда изображались аккуратно и как попало, малым форматом или на всю стену. Выжигались из лучемета, чертились сажей и даже намазывались калом – пальцем по переборке. Да запусти на Базу стаю павианов – так нагадить они бы не смогли...

– Прочесать блок! – приказал Гаврилов. – Зайченко, проверишь левый переходник.

– Есть! – ответил Зайченко и поманил напарника.

Ротмистр заскользил по коридору, как быстрая и неслышная тень. Эдик перся следом, топоча за весь десант. «Чертовы ниндзя, – думал он с досадой, – идут как пишут!»

Десантники сошлись в общем модуле. Потный и злой, Эдик вошел в круглое, светлое помещение и обомлел. На полу валялись пятеро усыпленных пурпуров. Глаза их были раскрыты, изо ртов тянулась слюна, подмоченные комбинезоны источали зловоние. А у стены стоял Локи. Маленькое тельце с огромной головой – все, как на фотке «Их разыскивает СОП». На хомо супера даже стационарный биопарализатор не подействовал. Локи тянул вверх длиннопалые ручки, выпрастывая их из рукавчиков подросткового скафандра. Нестандартный шлем и перчатки аккуратно лежали на откидном столике. Пурпур № 1 был спокоен. Зеленые глаза его сузились в щелки, а на уродливом лице читалось выражение добродушной покорности.

– Сдаюсь, – сказал Локи высоким голосом и поднял хилые ручки еще выше. – Желаю предстать перед Чрезвычай-

ным трибуналом и понести наказание за все мои злодеяния. – Он подумал и добавил: – По всей строгости закона.

Локи натянул шлем, перчатки и завел руки за спину.

– Ведите!

– Юрковский, – приказал Гаврилов, – пойдешь впереди.

Заяц и ты, Бородин, держитесь по бокам. Мы с Эдиком замыкаем. Вперед!

Эдик шел, тупо уставясь в тощую спину Локи. Скользил взглядом по громадной черепушке под бликующим шлемом и мучительно вспоминал. Что-то мешало ему, сидела в памяти какая-то заноза и свербила, свербила... Был же приказ! Их еще на «Хазри» активировали, понацепляли на голову присосок от нейтринного генератора и... что? Повышали сопротивляемость гипнозу. Не то, не то... Был приказ – Локи в плен не брать! Даже не пытаться, сразу стрелять на поражение. Почему же они не стреляли? Как мог их ротмистр, старый служака, нарушить приказание флагамена?

– А ты молодец, – прозвучал голос. Он донесся не из наушников – звуки рождались прямо в голове у Эдика – плотные, гладкие звуки, увесистые. – Одно удовольствие подавлять твою волю. У тебя, Эдуард Иволгин, очень жесткий психодинамический резонанс. Ты из тех, кого нельзя подчинить. Жилин – тот тоже из таковых. Я его как-то встречал. В Африке было дело. Совсем рядом стоял и не поддался. Думал, миной его шваркнет – ан нет, живучий оказался!

Эдик заплакал. Насланная Локи депрессия залила его из-

вилины черной липкой смолой. Было горько и безысходно. Все тщетно – жизнь, смерть. Любовь... Какая там еще любовь?.. Его девушка... Полноте, какая девушка? Все тлен и окаянная пустота. Пустотный сюр. Вальс в пустоте... Со стулом.

– Нет, какое тугое психодинамическое поле! – восхищался Локи. – Будь у космопехов такое хоть частично, я б сразу выдохся! Ты, случайно, не скрытый ридер? Нет? Хорошая ридер-потенция! А то давишь всякую размазню – аж противно! Думаешь еще напрячься, а они уже готовы, глаза лупят от усердия!

Шестерка Гаврилова довела Локи до вездехода, и вялый Зайченко занял место водителя. Остальные построились и взяли «на караул», демонстрируя отличную выучку.

– Куда вас? – спросил Зайченко, кладя руки на пульт.

– В порт, шеф! – хихикнул Локи.

Всю дорогу до космодрома в пассажирском отделении песчаного танка стояла тишина. Лица космопехов совершенно обессмыслились. Люди ехали, покачиваясь, смотрели прямо перед собой и ничего не видели. За выпуклым спектролитовым колпаком проплывали скалы и кратеры, цилиндрические башни лифтов над шахтами и куполки станций. Проплыл центральный лагерь и фильтропункт, развернутый космопехами. Туда свозили пурпуров и держали в одних комбезах – и захочешь, не удерешь. Вон у стены лагеря лежали рядком боевики-исполнители, которых выбросило на-

ружу смерчем. Моментальная декомпрессия. Кровь вскипела. Так вам, сволочам, и надо... Вдруг все эти мысли как обрезало – в мозг Эдика опять долили вязкой смолы.

– Чуть не отпустил тебя! – хмыкнул Локи. Хмыканье почему-то отдавалось Эдику в левую руку – кожа между большим и указательным пальцами зудела в такт интонации. За колпаком показался силуэт продовольственного танкера. Вездеход лихо подъехал к самому трапу, и Гаврилов предупредительно открыл дверь в кессон.

– Провожать не надо, – по-барски сказал Локи и вышел, даже не пригибая голову. – Очнетесь через... э-э... через пять минут после старта.

Локи не спеша прошел к блестящему трапу, небрежным жестом велел команде танкера удалиться и поднялся на борт.

Эдик глубоко вздохнул. Медленно растворялась смола, мысли разлипались, живее сновали по извилинам. Мозг Иволгина, перенесший психоатаку, оживал, но телом владел плохо. Не моргая, Эдик глядел за прозрачный колпак. Трап на танкере поднялся, кругом высокого купола с раскрытыми шторами грузового отсека загорелись зеленые огни. Переход из стационарного состояния шел на скорую руку. «У меня от силы пять минут...» – подумал Эдик, соскальзывая с сиденья и кулем валясь на пол. На четвереньках миновав кессон, он сполз на грунт и, напрягая мышцы в дрожащих конечностях, потащился к танкеру. «Если не успею – сгорю...» – протянулась мыслишка. Эдик добрался до суставчатой опо-

ры, поднялся на ноги, хватаясь за шарнир, и стал проталкивать себя в камеру, куда убиралось шасси. Руки дрожали от напряжения, когда Эдик принялся разбирать перегородку к рабочей мышце, выпускавшей и втягивавшей опору. Если он не успеет – опора встанет на место. И его раздавит, как орех пассатижами...

Борт вздрогнул, затрясся, и ужасающий грохот покрыл все слова и мысли. Четыре оранжевых выхлопа враслопырку ударили в спекшийся песок, жар и пыль толкнулись в камеру. Ну же, ну! Пол под ногами трясся и шатался, Эдик спиной почувствовал, как шевельнулась опора. О боже... И тут же перегородка ушла в пустоту. Эдик проворно, как мышь в норку, шмыгнул в щель между бортом и напрягшейся псевдомышцей. Опора встала на место, крышка закрылась, сделалось совсем темно, но чуток потише. Эдик отдышался и включил нагрудную фару. Свет заметался по пластику переборки. «Где-то тут должен быть узел сопряжения... Пора вспомнить, чему тебя учили на штурманском факультете, Эдуард Иволгин. Вот он, узелочек...» Эдик стянул с рук перчатки и сунул пальцы в мешанину псевдонервов. Все зеленатые, где же белесый? Этот? Нет, нет... Вот он, родимый. Аккуратно вытянув скользкое волоконец из квазибиомассы, Эдик пересадил ее левее и подтянул питательную нить. Сработало. Переборка разошлась у борта, открывая путь в грузовой отсек. Отсек был совершенно пуст, а по рубчатому полу перекатывался забытый киберуборщик, суетливо цепляв-

шийся то за переборку, то за стойки стеллажей. Идти было очень тяжело, и не только из-за бешеной тряски. Гадская перегрузка давила так, что болело в пояснице. Повисая на стеллажах, Эдик доплелся до люка и выбрался в вакуум-отсек. Можно было, конечно, и подождать, пока корабль закончит разгон и станет полегче. Хм. В том-то и дело, что полегче! Обоим – и ему, и Локи полегче... Гоблину-засранцу... Нет, надо сейчас, пока в глазах темно. Эдик, хрипло дыша, привалился к блоку киберпилота. Только дипломированный штурман имеет право на вскрытие этой машинки. Эдик положил руку на опознаватель, информаторий подтвердил наличие диплома ВШК, и створки открылись. Действуй, штурман! Мучительно долго шло перепрограммирование. Еще больше времени ушло на то, чтобы уговорить бортовой компьютер быть пайнкой и позволить запаролить команды. Корабль успел выйти на орбиту. Перегрузка уменьшилась, но не пропала – танкер уходил от Марса с ускорением.

– Ничего... – прохрипел Эдик, – ничего... я тебе устрою ускорение...

Закрыв сборку, Эдик поплелся в вакуум-отсек. На его счастье, комплект скафандров был полон. Скваммер стоял на своем месте – огромный яйцевидный корпус, две ноги-тумбы и четыре толстые руки. Скваммер был незаменим для монтажных работ в открытом космосе, для сборки Спу и прочего космического хозяйства вроде ангаров. А если бы потребовалось починять танкер в рейсе, в отрыве от баз и

ремонтных станций, то без скваммера просто не обойтись. Впрочем, это Эдика как раз и не интересовало. Главное, что у скваммера имелись собственные двигатели и мощная СЖО.

– Это главное, – кряхтел Эдик, снимая броню. – Главное, понятно?.. Самое что ни на есть...

Он отворил дверцу в корме скваммера и залез внутрь. Протестировал системы, активировал и зашагал к выходному люку, чувствуя себя как лягушка в футбольном мяче. Разучился ты, братец, скваммеры водить... Когда же он в последний раз залезал «в утробу»? На практике, на третьем курсе. Да какая разница, господи, куда залезал, когда залезал...

Внешний люк отошел в сторону, Эдик дождался, пока двигатели смолкнут, и шагнул в пустоту. Страхочный фал он не привязывал, поскольку обратно на борт не стремился. Внизу прокатывался огромный шар Марса – шли над долиной Маринер. Видно было плохо, все застилала муть, а над Олимпом висела ячеистая облачность.

Отдалившись на безопасное расстояние, Эдик вызвал танкер. На маленьком экранчике монитора возникла зеленая морда Локи.

– Здорово, гоблин! – сказал Эдик. – Как твоя хреновая жизнь? Что, драпаешь, зайчик-побегайчик?

Локи бешено взглянул на него и продолжил ожесточенно жать на клавиши.

– Да не старайся ты так, – усмехнулся Эдик. – Все равно не поможет. Я перепрограммировал киберпилота, он больше не принимает сигналов из рубки. Теперь он даже меня не слушается...

– Ты!.. – Локи задохнулся.

– Я, – скромно сказал Эдик.

– Что тебе надо? – проскрипел Локи. Глаза его то сжимались в щелки, то расходились в круглые копейки.

– Мне? – развлекался Эдик. – Как тебе сказать... Много чего. Хотел вот тебя приклепнуть, да не вышло. Вот решил еще разок сдать карты и сыграть по новой. А теперь слушай меня внимательно. Я переименовал этот танкер в «Алькатрас». Догадываешься? Сейчас поймешь... Очень скоро двигатели сработают и придадут тебе ускорение. Разгонят танкер до двухсот семидесяти трех километров в секунду и выключатся. И полетишь ты, друг сердечный, прямо к Альфа Кассиопеи. Дошло? Ты приговорен, чучело. Привыкай к боту, осваивайся – это твоя персональная тюрьма! А когда сохнешь, бот станет твоей погребальной ракетой. Каждую секунду ты будешь удаляться от людей на двести семьдесят три километра. Два раза в день белковый синтезатор будет выдавать тебе порцию концентрата – противного, безвкусного, но зато питательного и пол-литра дистиллированной воды – рецикл, конечно, но ничего, пить можно. В шесть утра по бортовому времени комп тебя разбудит, а в одиннадцать сыграет отбой. И это все, что тебе светит в жизни – концен-

трат и сон. И масса свободного времени.

– Нет! – выкрикнул Локи. Он сжался в командирском кресле и зыркал оттуда, как из паучьей норки, еще не веря в случившееся, но ужас понемногу овладевал психократом, пробирал могильным холодом безысходности.

– Да! – отрезал Эдик. – Посмотри на меня, – медленно проговорил он, – внимательно! Я – последний из людей, кого ты видишь в своей жизни. Недели через две твой бот пролетит в зоне станции «Эклиптика-1», потом, возможно, тебя разглядят в телескоп со спутника «Комета-17» – это в Облаке Оорта... Именем человечества – ты уж прости за такой пафос! – я приговариваю тебя к пожизненному заключению. Пока!

– Верни бот! – завизжал Локи, брызгая слюной. Лицо его сморщилось, костенела в гримасе ненависти. – Верни сейчас же!

Эдик покачал головой.

– Нетушки, – наслаждался он. – Лети – такая тебе мера наказания.

– Верни-и-и!

Эдик щелкнул выключателем, прервав нечеловеческий вопль хомо супера. Лишить Локи свободы – это полнаказания. А вот лишить его новой информации... Это для психократа будет сущим адом. Вот и пусть покорчится...

Иволгин сориентировал скваммер и включил движки на разгон. Впереди ярко отсвечивала точка «Беллоны». На

экране заднего обзора Эдик уловил выхлоп – бледный, рассеянный конус горячего водорода. Продовольственный танкер «Алькатрас» отправился в свой вечный полет.

Глава 37

СИСТЕМА «БОЛЬШОЙ СЫРТ», СОАЦЕРА

1

От комендатуры одна вывеска осталась, Оскар снял ее и спрятал – будет экспонат для музея. В комендатуре было пусто и тихо. Никто не орал по секторам подземного склада, не «гуртовал» заложников, не допрашивал уличенных в нелояльности. Сквозняк гулял по радиальным коридорам, шелестя гербовыми бумажками с серпом и молотом, вея жеваными шторками, качая бело-зелеными листьями чахлой дифинбахии в вазоне-ящике, полном окурков.

Ополченцы – все в угнанных Антоном БК – рассыпались и прочесали сектора от нижнего горизонта до верхнего, но нашли только голодного чумазого кота. С хриплым мявом кот бросился к людям, те ему выделили по кубику витаминизированного желе, и животное ошалело от привалившего счастья.

– Выдвигаемся на дом-город, – скомандовал Жилин. – Поведет первая группа. Вторая и третья держатся позади нее на

дистанции десять метров. Вторая – слева, третья – справа. Вперед.

Под куполом Соацеры сгустилась тишина – со стороны Завода стройматериалов не доносилось обычного шипения. Не было слышно детских считалок и визга с синих полей у дома-города – качели и горки пустовали, никто не прогуливался с коляской, роботы-няни торчали столбиками, будто суслики у норок.

Молчание казалось зловещим, а угрюмые башни отливали красным на закатном солнышке и кутались в траурные тени.

– Никольский, – спросил Жилин, – вы все здесь из одной башни?

– Да, у нас в Северной модули, вон в той, что слева.

– Аварийный вход имеется?

– Имеется, имеется! – заторопился кто-то из группы Никольского.

– Показывай. Начнем с Северной.

Группа Никольского во главе с командиром горячо одобрила решение Жилина.

Ополченцы обошли высокий купол, выпирающий, как бастион, перебежали голубую поляну, прячась в мертвой зоне под туннелем-переходником, и уперлись в тамбур аварийного шлюза. По одному, сгибаясь в три погибели в БК, все проследовали в коридор Гагарина и выбрались к вестибюлю Циолковского – ни там, ни здесь никого и ничего. Тишина стояла мертвая и будила нехорошие предчувствия.

– Группа Колманова, – негромко сказал Жилин, – разблокирует модули отсюда и до Западной башни. Группа Ковальского займется Южной и Восточной. Группа Никольского пойдет со мной – поднимемся на верхние ярусы. Никого не выпускать, пока не пройдут фильтрацию!

Ополченцы разошлись. Жилин, Антон, Никольский и иже с ним втиснулись в четыре пассажирских и в оба грузовых лифта, поднялись до последнего, тринадцатого, яруса и прошлись по всем коридорам. Пусто.

– Куда все пурпуры делись? – удивился Антон.

– Знаешь, что бывает с тараканами на кухне, когда свет включишь? – ухмыльнулся Гирич. – Вот тут то же самое! По щелям разбежались, чмошники...

– Выпускаем людей, – распорядился Жилин, – и сходим на двенадцатый.

Никольский с Сугориным пробежались по коридору, отпирая двери жилых модулей.

– Выходите! Это ополчение!

Затишье неверия длилось недолго и сменилось нарастающими визгами и воплями, причитаниями и славословиями. Жилин поспешил увести ополченцев ярусом ниже. Та же история – ни одного пурпура нигде, бледные лица освобожденных заложников, и катится, катится вал радостного шума. Победа!

Когда Жилин спустился в вестибюль Циолковского, там было полно народу. Толпа взорвалась криками, завидев

освободителей, но тут Колманов в бронескафандре, уже без головного сегмента, поднял руку, требуя тишины.

– Разрешите, – начал он, перекрывая остаточный шум, – разрешите общее собрание жителей планеты Марс считать открытым!

Толпа взорвалась аплодисментами и стихла, лишь отдельными хлопками нарушая бесшумие.

– На повестке дня один вопрос – избрание нового директора системы «Большой Сырт»! Гереро паскудой оказался и сбежал, ну а нам надо заполнить свободную вакансию. Есть и кандидатура подходящая! Я предлагаю избрать на пост директора системы Жилина Глеба Петровича! Кто «за», прошу поднять руки!

Толпа людей взревела и общим движением вскинула тысячи рук.

– Единогласно!

Колманов протолкался к Жилину и потряс ему руку в броне.

– Поздравляю! – осклабился Колманов.

– Я тебе это еще припомню! – пообещал Жилин, улыбаясь.

– Слово предоставляется директору системы Жилину!

Глеб поднялся на приступочек, оглядел множество лиц и начал речь:

– Спасибо, конечно, за оказанное доверие, но учтите – я за всех отдуваться не намерен! Работать будут все! Со мною

здесь, – Глеб обвел рукой товарищей в бронескафандрах, – и работники, и неработающие, и шохо, и хомо. Мы вместе одолели Локи и теперь сообща займемся делом, будем строить всем миром и восстанавливать порушенное! Бывали всякие социальные хвори – и «коричневая чума», и «красная зараза». Наше общество подхватило «пурпурную проказу», и мы никогда от нее не излечимся, если будем делить людей и вычитать неработающих! Пора складывать и умножать усилия!

«Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию».

– Мастер! – донесся вопль Виджая. – Где мастер?!

Гупта протолкался в вестибюль и торжественно возвестил:

– Хана Локи! Эдик Иволгин отправил его на боте к Альфа Кассиопеи!

И начал в свойственной ему манере излагать подробности, щедро пересыпая комментариями, делясь своими догадками, строя гипотезы и набрасывая перспективы. Жилин слушал Гупту и рассеянно улыбался. Операция «Еры» закончилась.

2

– Говорит и показывает «Большой Сырт»! С вами специальный корреспондент «Всеобщего Вещания» Алексей Со-

рокин. На прошлой декаде Глеб Петрович Жилин был избран новым директором системы. Из своего плотного графика директор выкроил буквально две минуты для интервью. Глеб Петрович, вы как будто и не рады своей новой должности?

– Не рад. Грузят на того, кто везет, верно? Сейчас вот приведу все в норму и вернусь в проект.

– И многое ли уже приведено?

– А вы в окно гляньте – видно с любого места. Регенерационный работает, энергостанция выдает три четверти мощности, а больше нам и не надо пока. Репликатор, правда, разрушен... Ну, на этот счет я не особо расстраиваюсь. Перебьемся. Завод стройматериалов запущен, снова открылись ремонтные мастерские, биостанция в срок поставляет хлорелловый концентрат и фиолетовую капусту... Воду пока возим на танках, но водопровод уже протянут, осталось наладить купольные гидросистемы. Думаю, на выходные будем уже с горячей водой.

– А скажите...

– Все, спецкор, ваше время истекло.

– Жаль! Надеюсь...

– До свидания.

– Я... До свидания, Глеб Петрович!

– Продолжаем выпуск. Подходит к концу фильтрация персонала баз и станций системы «Большой Сырт». Тщатель-

но отсортировано более восьми тысяч человек. Специалисты с «Хазри» выявили 359 скрытых и явных исполнителей и вершителей. Все они были изолированы и подвергнуты принудительному глубокому ментоскопированию. По сообщению начальника СИБ Ковальского, к решетчатой трансформации индивида по классу «А», то есть с полным разрушением сознания или, как говорят психоинженеры – с ментальной деструкцией, приговорены одиннадцать человек. Одно из преступников – бывшего директора системы Гереро – пока не нашли. Объявлен глобальный поиск...

Глава 38

Жилин тряся на своем краулере по изрытому дну каньона и довольно улыбался. Мрачные утесы, черные и отвесные, сжимали небо в узкий зигзаг, было темновато и холодно, но эти мелочи не портили Глебу настроения. Пока у него все получается...

– Глеб, ты скоро? – свистяще сказал включенный радио-фон.

– Подъезжаю, – ответил Жилин.

– А Антон с тобой?

– Нет... А зачем он тебе?

– Это не мне, – засмеялся Колманов, – это Наташке с Ингой!

– Алле, Глеб? – зазвучал гиринский бас. – Девчонки всех кавалеров к себе заманивают! На чай!

– Ну, самого большого они уже сцапали!

Донесся глухой, но залиvistый смех.

– Антон с ребятами на крейсере, тренируется! Звякни инструктору Кленину!

– Понял!

– Георгий еще там?

– Ага! Щас я ему передам!

– Что, Глеб? – спросил Колманов.

– Георгий, я, наверное, вместе со всеми подъеду, часика

через два. Мне сейчас к климатической надо, посмотрю, что там с энергоотводом, потом еще на завод заскочу и сразу к вам! Лады?

– А куда ж деваться, господин директор? Рази ж мы без понятия?

– Хватит селом прикидываться!

Радиофон хохотнул и смолк. Краулер заворчал прерывисто, подминая круглые камни – древние вулканические бомбы, и выбрался по оползнию на лавовое поле. Отсюда открывалась панорама мальпаиса: шероховатая, иззубренная, растрескавшаяся равнина с дырками каменных колодцев. Краулер медленно двинулся прочь от края, осторожно проезжая по острым обломкам камней.

Это случилось на спуске с базальтового холмика. Прошипел луч лазера, и капот краулера снесло, распыркало по лаве. Жилин, не думая, выпрыгнул из машины, группируясь на лету. Это спасло ему жизнь – второй импульс угодил не в голову, а прожег левый бок. Глеб упал на колени и перекатился. Силикет громко скрипел, проезжая по обсидиану.

– Вставай, поднимайся, рабочий народ! – фальшиво пропел чей-то голос. Злобное торжество звучало в нем и истерический надрыв.

Жилин медленно поднял голову. Фелиппе Гереро стоял, широко расставив ноги. Новенький желтый комбинезон туго обтягивал его костлявые плечи и свободно свисал спереди на впалой груди и плоском животе. Опущенной правой ру-

кой Гереро поигрывал увесистым мегаджоульным лазерником. Боевой «голем» прикрывал его сзади, уставив на Жилина встроенный лучемет. Еще два робота вышли из-за черной базальтовой глыбы и заняли классическую стойку ганфайтеров, поставив ноги пошире, разведя манипуляторы в стороны и опустив рогатые головы.

– Совсем узнавать не хочет! – ухмыльнулся Гереро. – Да, мастер, как ни крути, как ни верти, а мы все-таки встретились!

Жилин с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как вместе с кровью уходят и силы.

– Это ты искал меня, – сказал он, зажимая рану ладонью. – Я-то терпеть не могу скунсов...

– Не смей называть меня скунсом! – взбеленился Гереро. Глеб в упор смотрел на него.

– А я как раз и назвал, – сказал он с ледяным наслаждением. – По-моему, ты воняешь, как скунс, и, по-моему, ты прыгал всякий раз, когда велел Локи.

– Ах ты... – Гереро слегка присел, согнув колени.

Жилин бросился влево и выхватил парализатор. Гереро дурак, если надеется на «големов» – киберы не станут стрелять в евразийского офицера. Их визиры давно уж заметили «Геоorgia» на комбезе, кибермозги провернули мультивариативный анализ и заблокировали оружие. Кто бы еще заблокировал Гереро...

Жилин отполз в сторону и хотел выглянуть из-за кам-

ня, когда луч ударил в скалу, осыпав его трещащей окалинной, Глеб замер, раздумывая, что предпринять. Ощупав нагрудный карман, он вытащил из него пластмассовые крошки – падение для радиофона было неудачным... И двигатель краулера похож на бублик – тоже с дыркой... Вот же... Филькин лазер пробивает насквозь с тысячи восьмисот метров, жилинский ПП иммобилизует в радиусе метров двадцати от силы. Две большие разницы... Но это еще не весь расклад.

Жилин сдвинул ползунок регулятора мощности и муфту фокусировки до конца. ПП сумрачно глянул рубиновым глазком. Смертельный уровень... Ну и фиг с ним. Так... Гереро наверняка ожидает выстрела справа или слева от того места, куда попал лазерный луч. Но он не ожидает ответа с того самого места. Жилин рискнул выглянуть и увидел Гереро. Тот крался метрах в пяти-шести, не далее. Но рука с ПП еще до конца не поднялась, когда Фелиппе спустил курок лазера.словно раскаленный гвоздь вбили Жилину выше локтя. Попал! Ах ты, гад такой! Глеб покачнулся и выстрелил. Мимо! Еще бы, рука еле двигается и трясется, как с большого бодуна... Пригибаясь, Жилин побежал по неровной иззубренной лаве к скальному откосу высотой метров десять.

Здесь лава встретила какое-то препятствие и перевалила через него, оставив гладкую отвесную поверхность, загоразживавшую путь к отступлению. Проклятие! Пробежав полпути, Жилин почувствовал, что один его шаг отозвался

глухим гулом, однако следующий вывел на твердую поверхность.

Откуда-то сверкнула красно-лиловая вспышка, и луч резанул по голени. Нога подкосилась, и Глеб упал. Лево́й рукой, задыхаясь и хрипя, он достал карман-аптечку, высыпал на камень все содержимое, нашел заживляющий тампопластырь и залепил пузырящиеся кровью дыры.

Его скрывал от Гереро небольшой кратерный вал. Справа высилась скала и зиял колодец. Края его отвесно уходили вниз метров на двадцать, а дно было усыпано острыми осколками лавы, тонкими, как бумага, которые когда-то, давным-давно, прикрывали колодец каменным пузырем.

– Куда, куда вы удалились?.. – пропел Гереро.

Жилин пополз направо. Тут стена круто поворачивала, образуя впадину. Ни уступчика, ни укрытия... Стоп! Есть трещина! Трещинка в стене, она уходила вертикально вверх, начинаясь узкой щелью на высоте его роста, и расширялась кверху до метра. Но если Гереро подойдет, когда он будет изображать скалолаза... А что делать? Если дается шанс, его надо использовать.

Где-то позади шаркнула по камню подошва. Жилин подпрыгнул и вбил в щель крепко сжатый левый кулак. Затем подтянулся, уцепился за край пальцами правой руки, разжал кулак и постепенно, сантиметр за сантиметром, пополз вверх. Извернулся и просунул в щель здоровую ногу, подтянулся, ухватился левой рукой за край.

Он слышал стук осыпающихся камней внизу и приближающиеся шаги. Быстрее, быстрее! Кровь уходит, и силы, и время! Жилин рванулся вверх, перебросил через край ногу и заполз на плоскую вершину утеса. Он мельком увидел внизу «голема», перекатился, и тут же прошипел лазер. Луч расшиб камень в том месте, где только что был он. Его провели. Это кибера шаги он слышал, когда взбирался на скалу, а не Гереро!

Жилин, тяжело дыша, поднялся на одно колено. Затем он увидел сапоги Гереро. Руку в желтом, поднимавшую лазер. Злую усмешку, дергающую губы. Кружочек дула, крохотную норку Смерти.

Жилин подтянулся на одной руке, помогая ногой, и с громадным облегчением оперся спиной о скалу. Как это бывает? Вспышка, боль, и все. Хотя нет, лазерный луч ему не увидеть – уж больно тот скор... В последнем усилии Жилин напряг толчковую ногу... и увидел тонкий зеленый луч. Он прошил грудь Гереро и погас. Потом только микрофоны донесли шипение выстрела.

Гереро застыл, приподнявшись на носки, потом завалился набок. Тонкая корочка лавы под ним проломилась, и экс-директор с визгом полетел в колодец.

Жилин медленно, борясь с болью, повернулся. На него смотрели крохотные, тусклые глазки Сегундо, опускавшего левый манипулятор со встроенным лазером. Глебу перехватило дыхание. Каждый вдох отдавался болью. Жилин мед-

ленно поднялся, покачнулся и пошел, шатаясь, подволакивая ногу, к роботу. Но так и не дошел.

* * *

...Первое, что увидел Глеб, очнувшись, это белые стены реанимокамеры. Слабость тормозила мысли и ощущения, но он таки смог изломить губы в улыбке, разглядев зарезанную Марину. Запахнутый халатик девушка удерживала на груди руками, слезинкой дрожала мольба, и вдруг глаза просияли сумасшедшей радостью.

– Живой! – простонала девушка и стала гладить грудь Жилина, шурша ладонями по тампопластырю. Глеб грелся рядом с этим теплым, родным, мягким, гладким, шелковистым, и чувствовал, что ледяные глаза влажнеют. – Живой, живой... – бормотала Марина. По мокрому лицу ее текли слезы, а она улыбалась, снова и снова прижимаясь к любимому, целуя его колючие щеки, его сильную шею, дотрагиваясь губами до глаз.

– Привет... – прошептал Глеб. – Я вернулся...

Пушистые волосы Марины приятно скользнули по его коже, облепленной датчиками. Девушка прижалась к Глебу, потом поцеловала – от нее пахло ромашками и снегом. Она была мягкая-мягкая, ласковая-ласковая, и Глеб теперь ничего не видел, кроме ее заплаканного прекрасного лица.

– Мой котик... – прошептала Марина. – Мой зайчик...

Моя рыбка золотая...